В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 3 (31)

Саранск
2014

Учредители:

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Основан в 2006 году

Главный редактор
В. А. Юрчёнков — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь
О. В. Зарубина

Редколлегия:

Андреев В. В. — доктор исторических наук, профессор; *Бахлов И. В.* — доктор политических наук, профессор; *Бикейкин Е. Н.* — кандидат философских наук, доцент; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Зубов И. В.* — кандидат философских наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Келина А. Н.* — кандидат филологических наук, доцент; *Кильдюшкина И. Г.* — кандидат исторических наук, доцент; *Ломшин В. А.* — кандидат исторических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Тихонова А. Ю.* — доктор культурологии, доцент; *Чернов А. В.* — кандидат филологических наук, доцент; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Адрес редакции:
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304,
e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Гришаков В. В., Давыдов С. Д.
Древнейшее погребение мордовской литейщицы III в. н. э.
Усть-Узинского 2 могильника в Верхнем Посурье 7
Седышев О. В.
Общие тенденции развития предметов снаряжения верхового коня
в Среднем Поволжье во второй половине VII — X вв.
(На примере материалов из мордовских могильников) 13
Сафронов П. И., Ставицкий В. В.
Курганы № 2 — 3 Армиевского курганно-грунтового могильника
(По материалам раскопок М. Р. Полесских в 1969 г.) 23
Щербаков А. С.
Русско-мордовское взаимодействие в Башкортостане и динамика
этнической идентичности 32
Овчинников В. Д.
Адмирал Ф. Ф. Ушаков в отечественной военно-исторической литературе:
историографический обзор 39
Гусева Т. М., Балясников А. С.
Социальный состав и деятельность органов городского общественного
управления уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX в. 52
Юрчёнков В. А.
Аграрная политика сталинизма в региональной историографии: опыт Мордовии 57
Учватов П. С.
Рассмотрение жалоб и обращений в Совете народных комиссаров
МАССР в 1938 — 1941 гг. 71
Дмитриев А. Е.
Деятельность Деткомиссии в Чувашии (1923 — 1927 гг.) 77
Корякова И. К.
Профсоюзы США: позиция по вопросу о государственном регулировании
трудовых отношений (1947 — 1948 гг.) 83

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Осипов В. И.
Бюджетирование операционной деятельности промышленного предприятия
в управленческом учете 93
Гудов А. М.
Финансовое обеспечение инвестиций в региональной экономике 101
Саков И. А.
Инновационная активность предприятий Республики Мордовия 106
Кочетова Ю. М.
Влияние реструктуризации и реорганизации на развитие
электротехнических предприятий Республики Мордовия 115
Королева Е. В.
Роль сети центров поддержки технологий и инноваций в повышении
изобретательской активности хозяйствующих субъектов регионов России 128

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кристалинский Л. Б.
Исторические уроки реализации интересов государственной безопасности России: силовое принуждение в полиэтничном пограничном пространстве 139
Шапошников Е. Л., Мытарев М. В.
Современные механизмы антикоррупционной государственной политики 151

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Поляков О. Е., Игонов Э. И., Стеняева Т. И.
Стилистика как особая научная дисциплина 157
Кулакова Н. А., Поляков О. Е.
Семантика глагола движения *якамс* «ходить» в мокшанском и эрзянском языках 161
Цыплякова О. Ю.
Сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия в эрзянском языке 167
Балашова Е. С.
Роль референции с точки зрения функционирования прагматического признака англоязычного текста 171

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Рябов Н. В.
Этнические традиции как феномен культуры финно-угорского мира 175
Камалова Э. Ф.
Музыкально-стилевые особенности формульных напевов закамских кряшен: к проблеме вариантообразования 180
Баршова О. А.
Учительские библиотеки как форма повышения образовательного уровня учительских кадров мордовского края в начале XX в. 191
Куршева Г. А., Минеева И. Н.
Наука как фактор социокультурного развития Мордовии в 1991 — 2010 гг. 196
Ерофеев Б. Н.
Формирование и деятельность творческих союзов композиторов и исполнителей Чувашии в 1990 — 2000-е гг. 210
Минасян А. А.
Армянская диаспора в России: некоторые механизмы передачи традиционных культурных ценностей 217
Сахроков В. А.
Межкультурный и межконфессиональный диалог для устойчивого развития цивилизации 224
Азизбекова Н. С.
Гендерные девиации потенциальной аудитории СМИ в условиях современной интеграции 233
Игумен Спиридон (Баландин)
Масонское влияние на русский символизм: к вопросу об истоках творчества В. И. Иванова 239

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 245

СОКРАЩЕНИЯ 251

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Grishakov V. V., Davydov S. D.
Ancient Burial of a Mordovian Foundry Woman of the III Century AD of the 2 Ust-Uzinsky Burial Ground in the Upper Sura River Region 7
Sedyshev O. V.
General Trends in the Development of Items of a Saddle Horse Harness in the Middle Volga Region in the Second Half of the VII — the X Centuries (Based on materials from Mordovian burial grounds) 13
Safronov P. I., Stavitskiy V. V.
Burial Mounds no. 2 — 3 of the Armievsky Barrow Burial Ground (Based on materials of excavations by M. R. Polesskikh in 1969) 23
Shcherbakov A. S.
Russian-Mordovian Interaction in Bashkortostan and Dynamics of Ethnic Identity 32
Ovchinnikov V. D.
Admiral F. F. Ushakov in the National Military-Historical Literature: a Historiographical Overview 39
Guseva T. M., Balyasnikov A. S.
Social Composition and Activity of Bodies of Municipal Public Administration of District Towns of the Middle Volga Region in the Second Half of the XIX Century 52
Yurchenkov V. A.
Finno-Ugric Peoples of Russia and K. D. Kavelin's Historical Conception 57
Uchvatov P. S.
Consideration of Complaints and Appeals in the Council of People's Commissars of the MASSR in 1938 — 1941 71
Dmitriev A. E.
The Work of the Children Commission in Chuvashia (1923 — 1927) 77
Koryakova I. K.
The Unions of the USA: Position on State Regulation of Labour Relations (1947 — 1948) 83

ECONOMIC SCIENCES

Osipov V. I.
Budgeting of Operating Activities of an Industrial Enterprise in Management Accounting 93
Gudov A. M.
Financial Support of Investments in the Regional Economy 101
Cakov I. A.
Innovation Activity of Enterprises of the Republic of Mordovia 106
Kochetova Yu. M.
Effect of Restructuring and Reorganization on the Development of Electrotechnical Enterprises of the Republic of Mordovia 115
Koroleva E. V.
The Role of the Network of Centers for Technology and Innovation Support to Enhance Inventive Activity of Business Entities in Russian Regions 128

POLITICAL SCIENCES

Kristalinskiy L. B.
Historical Lessons of Realization of National Security Interests of Russia: coercion in the Polyethnic Borderline Space 139
Shaposhnikov E. L., Mytarev M. V.
Modern Mechanisms of Anti-Corruption State Policy 151

PHILOLOGICAL SCIENCES

Polyakov O. E., Igonov E. I., Stenyaeva T. I.
Stylistics as a Special Academic Discipline 157
Kulakova N. A., Polyakov O. E.
The Semantics of the Verb of Motion *Yakams* "to Go" in the Moksha and Erzya Languages 161
Tsyplyakova O. Yu.
Complex Sentences with Subordinate Clauses of Manner in the Erzya Language 167
Balashova E. S.
The Role of Reference in Terms of Functioning of a Pragmatic Feature of English Texts 171

CULTURAL STUDIES

Ryabov N. V.
Ethnic Traditions as a Phenomenon of Culture of the Finno-Ugric World 175
Kamalova E. F.
Musical and Stylistic Peculiarities of Formula Songs of the Transkama Kryashens: the Problem of Variant-Building 180
Barshova O. A.
Teachers Libraries as a Form of Improvement of Teaching Staff Educational Level in the Mordovian Land in the Early XX Century 191
Kursheva G. A., Mineeva I. N.
Science as a Factor of Social and Cultural Development of Mordovia in 1991 — 2010 196
Erofeev B. N.
Formation and Activities of the Creative Unions of Composers and Performers of Chuvashia in 1990s — 2000s. 210
Minasyan A. A.
Armenian Diaspora in Russia: Some Mechanisms of Sharing Traditional Cultural Values 217
Sakhrokov V. A.
Intercultural and Interreligious Dialogue for Sustainable Development of Civilization 224
Azizbekova N. S.
Gender Deviations of the Media Potential Audience under Conditions of the Present-Day Integration 233
Hegumen Spiridon (Balandin)
Masonic Impact on Russian Symbolism: the Problem of Sources of V. I. Ivanov's Work 239

INFORMATION ABOUT AUTHORS 248

ABBREVIATIONS 251

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.2:718:726.8(470.314/.317)

В. В. Гришаков, С. Д. Давыдов
V. V. Grishakov, S. D. Davydov

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ МОРДОВСКОЙ ЛИТЕЙЩИЦЫ III в. н. э. УСТЬ-УЗИНСКОГО 2 МОГИЛЬНИКА В ВЕРХНЕМ ПОСУРЬЕ*

ANCIENT BURIAL OF A MORDOVIAN FOUNDRY WOMAN OF THE III CENTURY AD OF THE 2 UST-UZINSKY BURIAL GROUND IN THE UPPER SURA RIVER REGION

Ключевые слова: древнемордовская культура, ювелирное искусство, женщины-литейщицы, погребальный обряд, погребальный инвентарь, хронология.

В статье на основе анализа погребения литейщицы III в. н. э. Усть-Узинского древнемордовского могильника показано, что генезис ювелирного искусства средневековой мордвы связан с феноменом погребений женщин с литейными принадлежностями. Подробная идентификация этого захоронения выявила связь погребенной женщины с семьей ювелира, который работал на население, проживавшее в районе течения р. Суры. Останки костяка и расположение инвентаря в погребальном комплексе подтверждают предположение исследователей о существовании в мордовском обществе девочек-литейщиц, осваивавших под руководством опытных мастеров секреты плавки металла.

Key words: Old-Mordovian culture, goldwork, foundry women, funeral rite, funeral implements, chronology.

Based on the analysis of a foundry woman burial of the III century AD in the Ust-Uzinsky ancient Mordovian burial ground it is shown in the article that the genesis of goldwork of the medieval Mordvins is associated with the phenomenon of burials of women with casting facilities. Detailed identification of this burial revealed connection of the buried woman and the family of a jeweler, who worked for the population, lived in the region of the Sura. The remains of the skeleton and location of implements in the burial complex confirm the supposition of researchers that the Mordvins society had foundry girls, who mastered the secrets of casting under the supervision of experienced craftsmen.

История ювелирного искусства средневековой мордвы связана с феноменом погребения женщин с литейными принадлежностями (льячками и литейными формами). На это обстоятельство как на социальное явление VIII — X вв. в генезисе

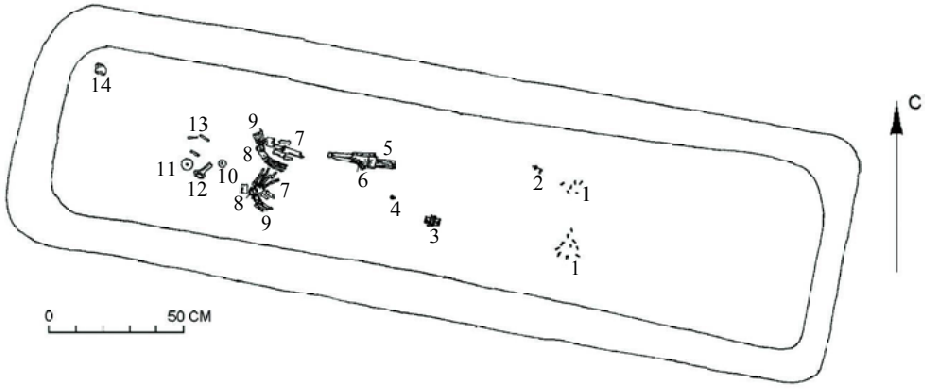
* Статья подготовлена в рамках проекта «Педагогические кадры для инновационной России» Программы стратегического развития МордГПИ на 2012 — 2016 гг. (госзадание № 2 от 16. 03. 2013 г.).

© Гришаков В. В., Давыдов С. Д., 2014

литейного производства у поволжских финнов еще в 40-х гг. XX в. обратил внимание академик Б. А. Рыбаков при анализе ремесла Древней Руси[1]. Действительно, находки глиняных (реже — каменных) формочек для отливки оловянного бисера или мелких украшений, а также льячек неоднократно фиксировались в муромских[2], мерянских[3] и марийских[4] древностях. На участие в производстве ювелирных украшений мордовских женщин указывает и И. М. Петербургский[5].

Обстоятельный анализ этого явления был произведен Л. А. Голубевой, которая опубликовала цикл статей по этому вопросу[6]. Она пришла к выводу, что наиболее частые находки литейных принадлежностей в погребениях IX — первой половины XI в. указывают на X в. как вершину в развитии женского ремесленного литья у поволжских финно-угров[7]. В своем своде автор указала на наиболее раннюю находку литейной формовки из белого известняка, обнаруженную в погребении 56 Армиевского могильника в Верхнем Посурье[8], которое сейчас можно датировать V в. н. э.

Раскопки древнемордовского Усть-Узинского 2 могильника III — начала V в., произведенные в 2001 — 2011 гг. Мордовским государственным педагогическим институтом[9], позволяют существенно скорректировать время привлечения женщин к литейному производству. Так, погребение 53, исследованное в 2007 г., по нашему мнению, содержит артефакты, свидетельствующие о семейном положении женщины, сопричастной к ювелирному делу. На плане погребение 53 имеет подпрямоугольную форму с закругленными углами (рис. 1). Яма вытянута по линии ВЮВ — ЗСЗ (99 — 279°). Ее длина в верхней части составляет 309 см, ширина в средней части — 93 см. Стенки ямы наклонные, на уровне дна могилы ее размеры уменьшаются соответственно до 285 см в длину и 61 см в ширину. Дно ровное с отметками до 36 см от уровня материка. Засыпка — темно-серый гумусированный суглинок с включениями материковой крошки и угольков, которые более интенсивно встречались ближе к дну погребения.

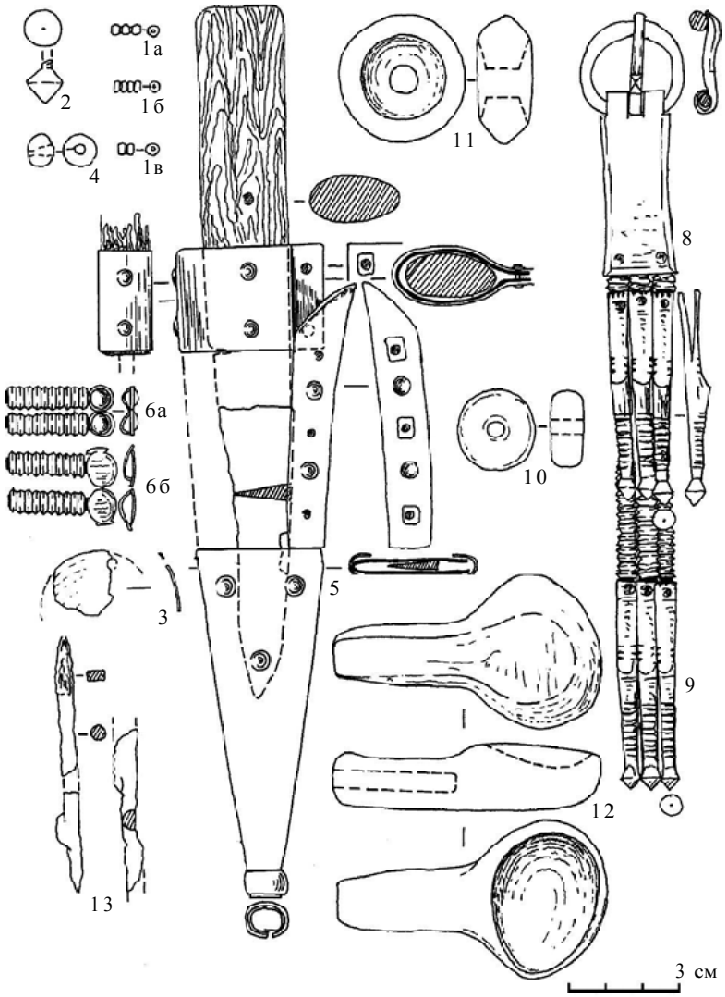


1 — золоченый стеклянный бисер; 2 — бронзовая височная привеска; 3 — нарукавная повязка; 4 — краснопастовая бусина; 5 — железный нож с бронзовым наконечником; 6 — элементы крепления ножен; 7 — кости ног; 8 — бронзовые пряжки; 9 — бронзовые наконечники ремней; 10, 11 — глиняные пряслица; 12 — глиняная льячка; 13 — фрагменты железного стержня; 14 — фрагмент керамики

Рис. 1. Усть-Узинский 2 могильник. План погребения 53

Захоронение женское, совершено по обряду трупоположения. От костяка сохранились отдельные фрагменты локтевой и лучевой костей левой руки, правого бедра, фаланги пальцев левой и правой ног. Судя по расположению костей и предметов погребального инвентаря, умершая была положена головой на ВЮВ (99°). В целом размеры конструкции погребального сооружения не отличались от других одновременных женских погребений на могильнике.

В ВЮВ части могилы, предположительно в области головы погребенной, в засыпке могилы на глубине 12 см от уровня дна погребения была обнаружена бронзовая височная подвески с биконическим грузиком (см. рис. 1, *2*; 2, *2*), которая появилась здесь, видимо, в результате деятельности грызунов (их норы



1, 4 — стекло; 2, 3, 5, 6, 8, 9 — бронза, железо, дерево; 13 — железо; 10, 11, 12 — глина (номера рисунков соответствуют номерам на плане погребения)

Рис. 2. Усть-Узинский 2 могильник. Инвентарь погребения 53

просматривались в засыпке могилы). Эта разновидность подвесок наиболее часто встречалась в могильниках селиксенского типа на стадиях В—С—С1 (III в. — первая половина IV в.)[10], что подтверждается нашими наблюдениями[11].

На дне в ВЮВ части ямы обнаружено ожерелье из золоченых многочастных бусин, в том числе двухчастных (13 экз.; см. рис. 1, *1в*), трехчастных (2 экз.; см. рис. 1, *1а*) и четырехчастных (1 экз.; см. рис. 1, *1б*) пронизей. Подобные бусинные наборы характерны для III в. н. э. некрополей Посурья[12], в то время как в последующем IV в. они характеризуются значительным разнообразием бус[13]. На запястье левой руки умершей была надета нарукавная повязка из двух кожаных ремешков, обжатых бронзовыми обоймочками и объединенных между собой бронзовой полусферической бляшкой (см. рис. 2, *3*). В предполагаемой области пояса найдена краснопастовая свернутая бусина (см. рис. 1, *4*; 2, *4*).

Наиболее интересна в контексте рассматриваемой проблемы находка на месте правого бедра погребенной — железного ножа в ножнах с бронзовым наконечником и обоймой (см. рис. 1, *5 — 6*; 2, *5*, *6а, 6б*), располагавшихся лицевой стороной к дну могилы. Основу ножен составлял кожаный чехол удлиненно-треугольной формы из цельного куска кожи, сложенного симметрично пополам, нижний конец был обложен бронзовым наконечником из кованого листа соответствующей формы, завальцованного бронзовым кольцом (см. рис. 2, *5*). Лицевая часть чехла орнаментирована тремя полушарными выпуклинами-«жемчужинами». Верхняя часть ножен, куда плотно входила на 3 см деревянная рукоять ножа, овальная в поперечном сечении, была обжата прямоугольной бронзовой пластиной, украшенной с лицевой и фронтальных сторон двумя полушарными выпуклинами-«жемчужинами». Участок чехла между наконечником и верхней обоймой по месту соединения кожаных сторон скреплялся бронзовой пластиной, также украшенной двумя полушарными выпуклинами-«жемчужинами». От элементов крепления ножен к поясу сохранились две пары кожаных ремешков, обжатых бронзовыми обоймочками и заканчивающихся парными бляшками (Там же, *6а, 6б*), которые располагались с тыльной стороны кожаной части ножен. К сожалению, из-за неудовлетворительной сохранности ножен выяснить их механизм крепления было невозможно.

Аналогичный бронзовый наконечник ножен был обнаружен в погребении 11 Шемышейского могильника, датируемого, судя по сопровождавшемуся инвентарю, первой половиной III в. н. э.[14] Его исполнение, стилистические особенности, техника орнаментации не вызывают сомнения и указывают на принадлежность руке одного мастера. Местонахождение с. Шемышейка на расстоянии около 10 км от с. Усть-Уза также свидетельствует об одном и том же ювелирном мастере, работавшем в одной округе.

Косвенным доказательством, подтверждающим наше предположение, являются находки бронзовых пластинчатых блях с неповторяющимся орнаментом в виде двух зон широких бороздок и валиков вокруг центрального отверстия, разделенных поперечными бороздками и валиками. Они были обнаружены только в Шемышейском и Усть-Узинском могильниках этого времени[15].

Датировка захоронения 53 Усть-Узы подтверждается наличием пряжек с округлой или сегментовидной рамкой круглого сечения, как правило, слегка утолщенной в передней части и круглопроволочным, едва выступающим, прогнутым язычком (прогнутым в рамку и иногда подправленным проковкой). Щиток из сог-

нутой пластины прямоугольной формы, длина которого превышает ширину в 2,5 — 3,0 раза, и клепкой для фиксации ремня (Там же, *8*). Их щиток загнут, имитируя фасетировку (Там же). Такой прием в позднесарматской гарнитуре использовался в первой половине III в.[16]

На ступнях ног погребенной были обнаружены обувные украшения в виде трех рядов кожаных ремешков, обжатых бронзовыми обоймочками. На одном конце ремешков находилась бронзовая пряжка с удлиненно-прямоугольным щитком и тремя бронзовыми наконечниками с биконическими утолщениями, на другом — еще одна комбинация из аналогичных наконечников, которые продевались в рамку пряжки (Там же, *9*). Применение подобных наконечников зафиксированы в погребениях 2-й группы могильников Верхнего Примокшанья и датируются второй половиной III в. н. э.[17]

Немного ниже, в области ног, были обнаружены два глиняных пряслица таблетковидной (Там же, *10*) и биконической (Там же, *11*) форм, глиняная льячка с неглубоким ковшиком (Там же, *12*) и три фрагмента железного стержневидного предмета, предположительно шила (Там же, *13*).

В северо-западном углу погребения найден фрагмент лепной керамики с примесью шамота в тесте.

Под бронзовыми деталями ножен ножа и обувными украшениями обнаружены следы луба.

Льячка из погребения 53 представляет собой ковш для разливки металла. Его общая длина составляет 7,5 см, в том числе ковшика — 3,5 см при ширине 4,5 см. Льячка имеет асимметричную форму с глубиной дна около 5 мм. Подобные параметры не свойственны для средневековых льячек, что подтверждает раннюю форму, характеризующуюся уплощенным дном (Там же, *12*). Ее форма сходна с экземплярами, известными в памятниках городецкого времени[18], а также фрагментом на Андреевском селище[19].

Таким образом, погребение 53 Усть-Узинского могильника, судя по сопровождавшемуся материалу, было совершено приблизительно в середине III в. н. э., т. е. на более 200 лет раньше принятой даты. Сопричастность женщины из данного захоронения к ювелирному искусству не вызывает сомнения, в частности, к мастеру, работавшему на поселении, которым был оставлен Усть-Узинский 2 могильник. Вероятно, это поселение, удобное для занятия хозяйственной деятельностью, располагалось в пойме рек Узы и Суры (месте, в настоящее время затопленном водохранилищем).

Важно отметить, что в вещевом комплексе погребения 53 отсутствуют атрибуты таких женских погребений, как нагрудные пластинчатые бляхи, маркирующие захоронения замужних женщин. Возможно, это свидетельствует о том, что погребенная здесь женщина еще не вступила в репродуктивный возраст. Однако, несмотря на это, большие размеры могильной ямы свидетельствуют о высоком социальном положении усопшей[20]. Останки костяка и расположение инвентаря говорят о невысоком росте умершей — не более 140 см. Это подтверждает предположение Л. А. Голубевой о существовании в мордовском обществе девочек-литейщиц, которые осваивали под руководством опытных мастеров секреты «…плавки металла и разливки его в формы, участвуя таким образом в получении конечного продукта — готового изделия»[21].

Библиографические ссылки

[1] См.: **Рыбаков Б. А.** Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 90 — 94.

[2] См.: **Гришаков В. В., Зеленеев Ю. А.** Мурома VII — XI вв. Йошкар-Ола, 1990. С. 46.

[3] См.: **Леонтьев А. Е.** Археология мери : К предыстории Северо-Восточ. Руси // Археология эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья. М., 1996. Вып. 4. Рис. 50, *1 — 2, 5 — 6, 14 —17, 19 — 22.*

[4] См.: **Никитина Т. Б.** Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002. С. 141 — 147. Рис. 28, *7 — 9.*

[5] См.: **Петербургский И. М.** К вопросу о кузнечном и ювелирном ремеслах мордвы (по раскопкам Шокшинского могильника VI — XI вв.) // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974. С. 42 — 56. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 45) ; **Его же.** Хозяйство мордвы в I — начале II тысячелетия н. э. : автореф. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1973. С. 10.

[6] См.: **Голубева Л. А.** Женщины-литейщицы: (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) // Совет. археология. 1984. № 4. С. 75 — 89 ; **Ее же.** Девочки-литейщицы // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 31 — 34.

[7] См.: **Голубева Л. А.** Женщины-литейщицы. С. 85.

[8] См.: **Рыков. П. С.** Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930. Рис. 128 ; **Голубева Л. А.** Девочки-литейщицы. С. 77.

[9] См.: **Гришаков В. В., Пузаткина Е. А., Афонина В. А.** Антропологические исследования материалов погребений древнемордовского Усть-Узинского 2 могильника в Верхнем Посурье // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. Саранск, 2013. Вып. № 4 (28). С. 108.

[10] См.: **Вихляев В. И.** Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977. С. 47. Рис. 2, *1 — 2*.

[11] См.: **Гришаков В. В.** Хронология мордовских древностей III — IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пенз. археол. сб. Пенза, 2008. Вып. 2. С. 83 — 97.

[12] Там же. С. 85 — 93.

[13] Там же. С. 98 — 99.

[14] См.: **Гришаков В. В.** Население верховьев Мокши и Суры накануне Средневековья. Саранск, 2003. Рис. 12, *5*.

[15] Там же. Рис. 2, *1*.

[16] См.: **Малашев В. Ю.** Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-н/Д, 2000. С. 199.

[17] См.: **Гришаков В. В.** Население верховьев Мокши... Рис. 9, *15*.

[18] См.: **Смирнов А. П., Трубникова Н. В.** Городецкая культура // Свод археологических источников. 1965. М., 1965. Вып. Д-1-14.

[19] См.: **Гришаков В. В., Зубов С. Э.** Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань ; Самара, 2009. Рис. 37, *8*.

[20] См.: **Гришаков, В. В., Давыдов С. Д.** Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (Древнемордовский) могильник III — IV вв. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. Саранск, 2014. №1 (29). С. 7 — 17.

[21] **Голубева Л. А.** Девочки-литейщицы. С. 33.

Поступила 06.04.2014 г.

УДК 930.2:718:726.8(470.345)

О. В. Седышев
O. V. Sedyshev

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТОВ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII — X вв. (На примере материалов из мордовских могильников)*

GENERAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ITEMS OF A SADDLE HORSE HARNESS IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE VII — THE X CENTURIES (Based on materials from Mordovian burial grounds)

Ключевые слова: мордва, могильник, погребение, конское снаряжение, аналогии, хронология.

В статье на основе материалов из мордовских могильников второй половины VII — X вв. проанализированы предметы снаряжения верхового коня (удила, стремена, пряжки, украшения уздечек). Установлено, что использование форм предметов конского снаряжения мордовским населением отвечает общим традициям финно-угорского населения Поволжья этого времени. Формы удил носят отпечаток как степных традиций, так и преимущественно местных, а в изготовлении стремян прослеживается стремление к единообразию.

Key words: the Mordvins, burial ground, burial, harness, analogies, chronology.

Harness items of a saddle horse (bits, stirrups, buckles, bridle decorations) are analyzed in the article on basis of materials from the Mordovian burial grounds of the second half of the VII — the X centuries. It is ascertained that the use of the forms of harness items by the Mordovian population corresponds to the common tradition of the Finno-Ugric peoples of the Volga Region of that time. The forms of bits are marked with steppe traditions, as well as with local ones mostly, but the tendency to uniformity is observed in the production of stirrups.

Основной материал для исследования предметов снаряжения верхового коня второй половины VII — X вв. дают так называемые среднецнинские мордовские могильники в Тамбовской области (Елизавет-Михайловский, Крюково-Кужновский, Пановский, Томниковский, Серповский и Лядинский). Их археологические раскопки проводилось еще в XIX в. и к настоящему моменту ценность материалов этих исследований существенно ограничена. Разнообразный материал предоставляют погребальные памятники вадской мордвы, прежде всего II Старобадиковский могильник, а также II Журавкинский и Степановский. Материал X в. дополняют арзамасские могильники, расположенные на р. Теша в Нижегородской области, и Кельгининский могильник средневековой мордвы-мокши в Зубово-Полянском районе Республики Мордовия.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Педагогические кадры для инновационной России» Программы стратегического развития МордГПИ на 2012 — 2016 гг. (госзадание № 2 от 16.03.2013 г.).

© Седышев О. В., 2014

Развитие конструктивных особенностей удил в данный период в основном касалось удил с псалиями. Их кольчатый вариант — удила с одним подвижным кольцом (рис. 1, *1*) мордва начиная с VIII в. использовала редко, в IX в. они совсем не встречались, но позднее, в X в., вновь начали преобладать. При этом в X в. снова появились кольца с прямоугольным сечением (Там же, *2*). В отличие от кольчатых удил более раннего времени, удила VIII — X вв. отличаются большей массивностью. В VIII и IX вв. удила с двумя подвижными кольцами (Там же, *3*) вытеснили удила с одним подвижным кольцом, а среди остальных начали занимать господствующую позицию. Позднее IX в. они у мордвы не встречались. Такая форма является частой находкой и в могильниках соседей мордвы, например у муромы[1].

Как уже отмечалось, в VII в. активно шла эволюция конструкций удил, толчком к которой послужило использование костяных и деревянных псалий и стремление продлить срок их службы. Наиболее перспективным направлением в этой связи стало изменение окончаний грызла у удил. В предыдущую эпоху мастера придавали им ромбическую форму со сдавленной вершиной и в виде восьмерки с несомкнутыми боковыми сторонами. Последний вариант мог подтолкнуть к мысли об изготовлении удил с цельными неподвижными кольцами в виде

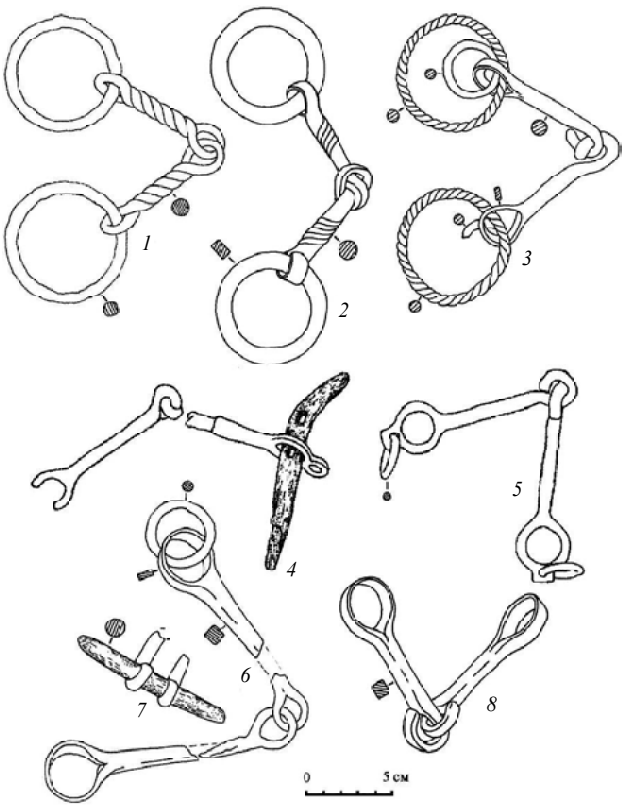


Рис. 1. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников

восьмерки на концах грызла. Древнейшим вариантом таких удил является экземпляр из погребения 38 Селиксенского могильника (Там же, *4*). Эти удила сделаны с применением железа, но окончания грызла бронзовые. Несмотря на то что традиция изготовления бронзовых окончаний удил существовала, по крайней мере, еще с гуннской эпохи, удила из погребения 38 Селиксенского могильника находились в комплексе с геральдическими накладками и относятся к последней стадии существования могильника. В этот период они находят свои аналогии в древностях Северного Кавказа, где железные удила с бронзовыми окончаниями в виде восьмерки найдены в могильниках Сахарная Головка и Кумбулта[2]. Использование бронзы для изготовления грызла является редкостью, но железные экземпляры с аналогичной конструктивной схемой более распространены (Там же, *5*). Такая форма окончаний грызла стала активно применяться в VIII — IX вв., когда преобладающее значение получили металлические псалии, но до этого, во второй половине VII — начале VIII в., предпочтение все еще отдавалось кости и дереву.

Из удил, известных еще с прежних времен, использовались те, у которых на концах грызла имелось по одному неподвижному кольцу, нередко в виде довольно широкой втулки, в них вставлялись костяные, или чаще деревянные, псалии (Там же, *8*). Поводных колец не было, оголовье и повод могли крепиться к самому псалию через проделанные в нем отверстия. Эти удила появились еще в VI в., но наибольшее применение нашли во второй половине VII — VIII вв. Несмотря на их использование многими народами на обширной территории, особенно часто они встречались на Алтае в могильниках Кудыргэ[3] и Катанда II[4]. Наиболее поздним вариантом описанных удил стали аналогичные экземпляры, только с добавлением поводных колец (Там же, *6*). В одном случае (Крюково-Кужновский могильник, погребение 254) почти полностью сохранился псалий (он изготовлен из кости, имеет стержневидную форму, в средней части охвачен железной скобой (Там же, *7*). Эти удила появились в VIII в. и бытовали вплоть до X в.

На рубеже VII — VIII вв. мордва все активнее использовала железные псалии. Своеобразным переходным вариантом на этом пути служат удила из погребения 108 II Старобадиковского могильника. Окончания грызла этих удил в виде одинарных неподвижных колец напоминают предшествующие удила, более того, железный псалий теперь изогнут и имеет сходство с изделием из кости (рис. 2, *1*).

В VIII в. применялась уже известная конструкция с цельными неподвижными кольцами в виде восьмерки на концах грызла с железным псалием. А. Н. Кирпичников относит древнейшие древнерусские удила подобной конструкции к IX в.[5] Материалы мордовских могильников позволяют отодвинуть эту дату в Среднем Поволжье к первой половине VIII в., когда распространение удил здесь, возможно, было связано с приходом булгар. Для VIII в. характерны удила с псалиями в виде стержня (Там же, *4*), более поздний вариант — псалии S-видные. Трудно говорить о каком-то практическом значении псалий такой формы, но следует отметить, что S-видные псалии часто напоминали своим видом силуэт коня, конской головы (Там же, *5*). Появившись в VIII в., эти удила существовали на протяжении всего IX в.

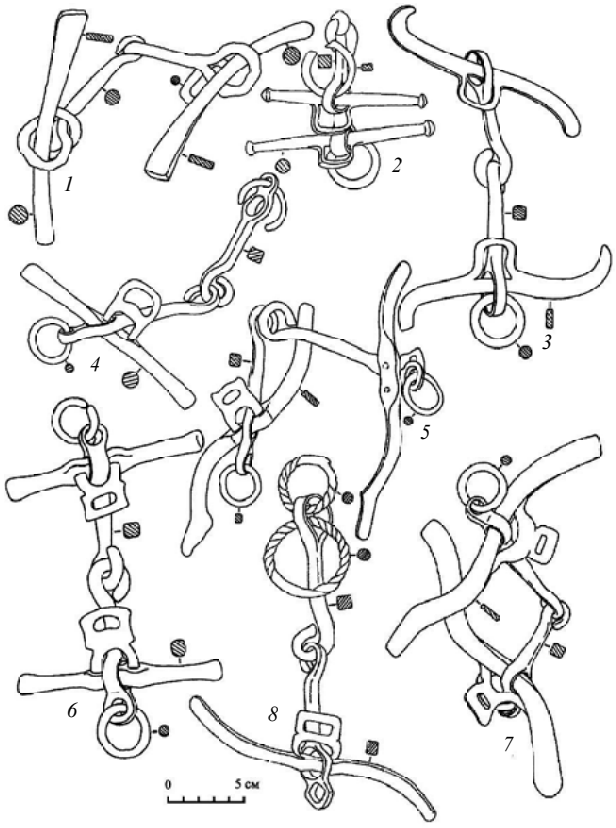


Рис. 2. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников

Дальнейшим усовершенствованием удил стало расположение восьмерковидных неподвижных колец на концах грызла во взаимно перпендикулярных плоскостях (Там же, *6 —7*). Такое нововведение приобрело явное преимущество перед конструкцией предшествующих типов, в которых действие удил на углы губ лошади при натяжении повода являлось более неустойчивым и более неравномерным. Это объясняет заметное различие в количестве встречающихся удил с разноплоскостными кольцами от предыдущих, что характерно и для других народов и культур. Удачно выбранная механическая схема удил определила их распространение по всей Восточной Европе и Сибири, сделав эту форму одной из самых активно используемых на протяжении нескольких столетий. В большей части эти удила мордва применяла в IX — X вв., хотя и VIII в. не стал для них исключением.

В IX — X вв. встречались единичные экземпляры удил с железными псалиями и с грызлами, на концах которых имелось по одному неподвижному кольцу (Там же, *2 — 3*). В целом такая схема повторяла конструкцию удил с костяными псалиями, которые в это время находились на заключительном этапе своего бытования.

Раскрывая конструктивные особенности удил второй половины VII — X вв., следует указать на единственный случай нахождения у мордвы в погребении 187 Крюково-Кужновского могильника разносоставных удил (Там же, *8*). Есть мнение, что разносоставные удила могут отражать переход от одних форм удил к другим. Однако может быть и другое, более практичное, объяснение существования такой конструкции. Разносоставные удила с использованием как колец, так и псалий, возможно, применялись для управления тугоуздыми на одну сторону лошадьми.

Следующей важной категорией находок из мордовских средневековых могильников, связанной с предметами конского снаряжения и появившейся именно в данный период, являются стремена. Они использовались для подъема всадника на коня, а также для более прочной посадки в седле. Стремена — важнейший показатель использования коня в качестве верхового.

В числе наиболее ранних форм восточноевропейских стремян были восьмерковидные, у которых петля для путлища для продевания ремня крепления стремени к седлу являлась продолжением всей дужки (рис. 3, *1 — 3*). Они вели свое происхождение от южносибирских форм VI в. Простота конструкции определила их широкое распространение от Южного Урала до Прибалтики. В целом

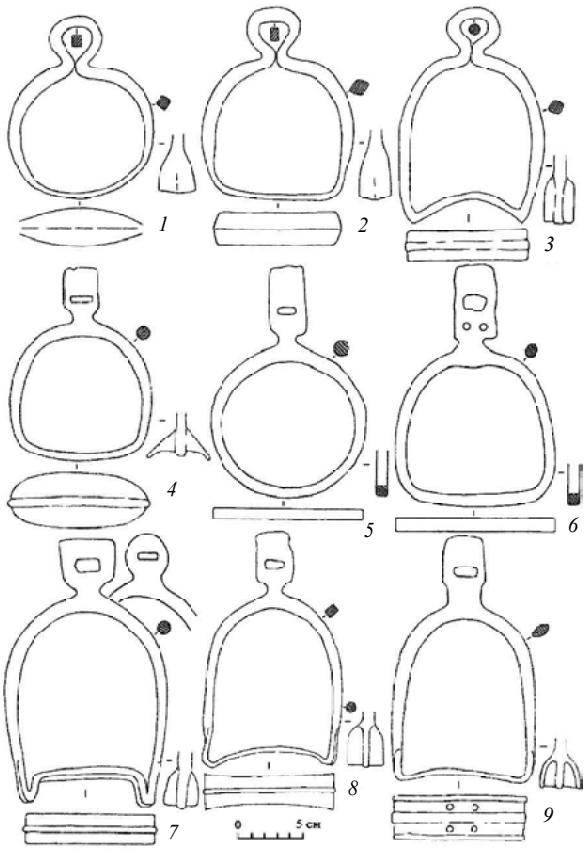


Рис. 3. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников

восьмерковидные стремена пережили все остальные древние типы, бытовавшие до начала XI в.

Однако подобные стремена из мордовских могильников происходят преимущественно из ранних комплексов II Старобадиковского и среднецнинских могильников, относящихся ко второй половине VII — первой половине VIII в. Уже в IX в. восьмерковидные стремена у мордвы вышли из употребления.

В целом при изготовлении наиболее древних стремян мастера обычно стремились отделить петлю для путлища от дужки. К таким формам относятся стремена из погребения 364 Крюково-Кужновского могильника с дужкой арочной формы и петлей для путлища в виде скобы (рис. 4, *2*) и в чем-то сходное стремя из могильника Заря I, у которого подножка приклепана к дужке (Там же, *3*). Обстоятельства обнаружения этих находок в мордовских могильниках не позволяют точно их продатировать, но аналогии, в том числе и центральноевропейские, дают основания считать периодом их бытования конец VII — начало VIII в.

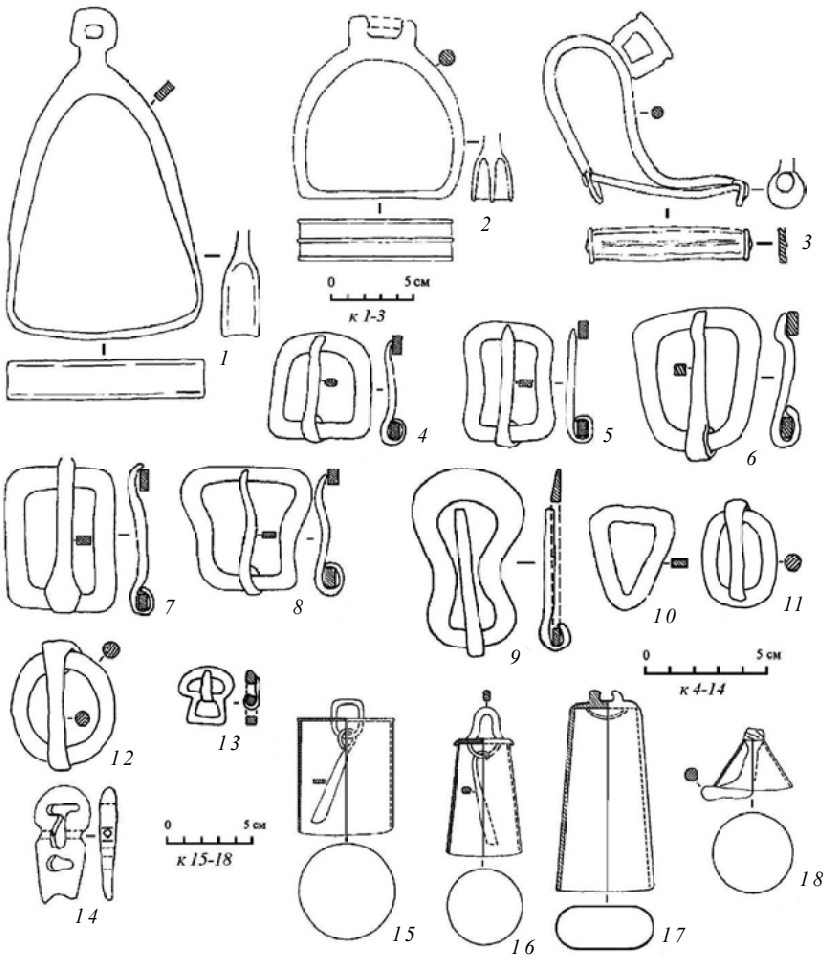


Рис. 4. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников

Другая древняя форма стремян представлена у мордвы с дужкой в виде кольца и петлей для путлища в виде прямоугольной пластины, отделенной от дужки перехватом (см. рис. 3, *4 — 6*). Большое количество таких стремян найдено на Алтае, где снаряжение коня указывает на взаимодействие местного населения с аварами Подунавья. Здесь эти стремена датируются рубежом VII — VIII вв.[6] При этом исключается, что они попали к мордовским племенам в результате перемещения тюркских кочевых народов вдоль южных границ их расселения.

Выше были описаны наиболее древние формы стремян. Важным является вопрос о времени появления их у мордвы. В основном первые стремена известны по ранним комплексам среднецнинских и II Старобадиковского могильников и датируются в пределах второй половины VII — первой половины VIII в. Однако в 2003 г. при обследовании мордовского средневекового могильника у с. Лазазей Нижегородской области в одном из захоронений было обнаружено восьмерковидное стремя[7]. Сопутствующий инвентарь содержал костяную подпружную и бронзовые поясные пряжки, достоверно относящиеся к VII в. На этом основании можно с уверенностью утверждать о появлении первых стремян у мордвы не позднее второй половины VII в.

Следующая группа стремян наиболее массовая. Петля для путлища также в виде прямоугольной или овальной пластины, отделенной от дужки перехватом, дужка у этих стремян в виде арки (Там же, *7 — 9*). Такая форма в большом количестве встречается в памятниках салтово-маяцкой культуры. А. Н. Кирпичников отмечает, что русские стремена сходной формы являлись эпизодическим заимствованием от финнов, аланов и хазар, на что указывает их обнаружение в соседних с ними областях[8]. В целом они сближают снаряжение коня практически всех народов Восточной Европы последней четверти 1-го тыс. н. э. Принято считать, что подобные стремена использовали тяжеловооруженные всадники, носившие обувь на жесткой подошве.

Многочисленность таких стремян и их бытование у мордвы на протяжении значительного отрезка времени позволяет сделать некоторые наблюдения в изменении конструкции. Так, в первой половине VIII в. эти стремена имели невысокую и при этом широкую арку, что придавало им некоторую округлость, подножку с одним укрепляющим валиком (Там же, *7*). В это же время встречается подножка узкая в центре и широкая по краям (Там же, *8*). Петля для путлища выражена, так как перехват, отделяющий ее от арки, узкий. Со второй половины VIII в. начали преобладать стремена с подножкой, имевшей три продольных укрепляющих валика. Тогда же они стали выше и получили законченную арочную форму (Там же, *9*). В IX в. петля для путлища иногда имела овальную форму, а перехват, отделявший петлю для путлища, часто был едва заметен. В X в. у мордвы эти формы стремян уже являлись пережиточными и представлены единичными экземплярами.

Эволюцию предыдущих форм продолжили стремена, имевшие слегка выгнутую подножку, арочный, стремящийся к треугольному, контур дужки (см. рис. 4, *1*). Использовались они, видимо, короткий промежуток времени и у мордвы найдены только в Кельгининском могильнике.

В X в. такие стремена были широко распространены в венгерских памятниках[9].

Конструкция седел, применявшаяся средневековыми мордовскими всадниками, неизвестна, видимо, для ее изготовления использовались дерево и кожа, не способные долго сохраняться. Однако наличие жестких седел бесспорно: так, в погребении 10 II Журавкинского могильника была найдена деревянная задняя лука (рис. 5, *1*), а в погребении 224 Крюково-Кужновского могильника находились две железные заклепки (Там же, *2*). Какие-либо металлические украшения седел обычно не использовались, известны лишь обломки бронзовых блях из погребения 214 Крюково-Кужновского могильника, которые, возможно, находили свое применение в качестве обкладок седельных лук (Там же, *3*).

Во второй половине VII — X вв. в уздечных наборах мордва использовала пряжки распространенных восточноевропейских типов. Изготавливались они, как правило, из железа (см. рис. 4, *4 — 12*), за редким исключением для затягивания узды применялись пряжки из бронзы (Там же, *13*). Кроме того, в VII в. отмечено применение костяных пряжек для крепления подпруги (Там же, *14*).

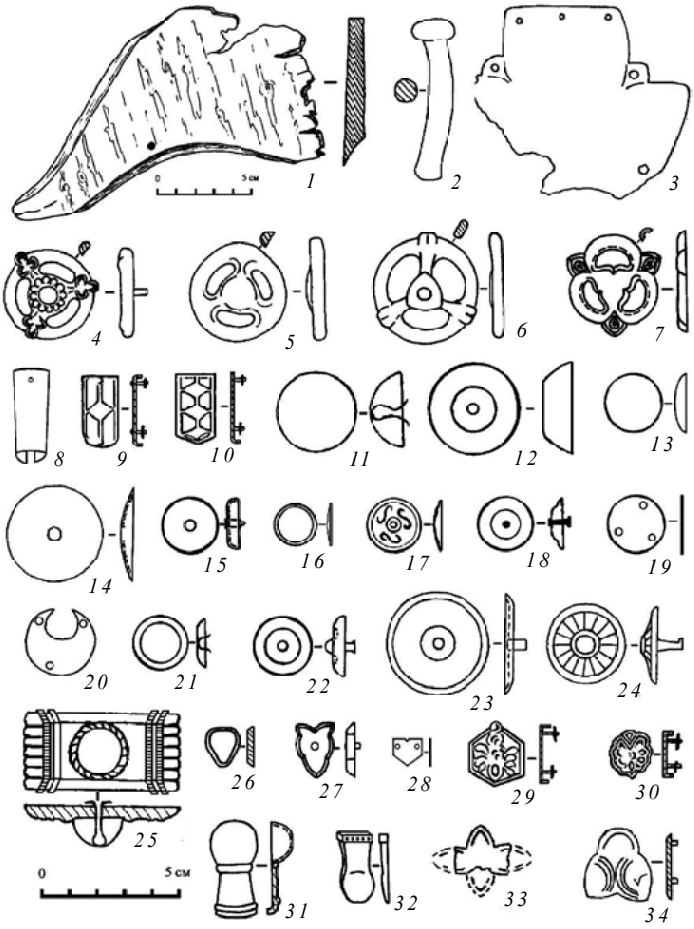


Рис. 5. Предметы снаряжения коня из мордовских могильников

В погребениях VIII — IX вв. с другими предметами снаряжения коня часто встречаются ботала, которые привешивались к подчелюстному ремню и служили средством слежения за конем при выпасе. Изготавливались они как из железа (Там же, *15 — 17*), так и из бронзы (Там же, *18*).

В украшении уздечки в это время предпочтение отдавалось круглым, расположенным симметрично, серебряным и бронзовым накладкам (см. рис. 5, *11 — 24*). Кроме круглых, использовались накладки более сложных форм (Там же, *25 — 34*), изредка применялись наконечники ремней (Там же, *8 — 10*). Эластичность конструкции уздечки придавали соединители ремней, изготовленные из цветных металлов (Там же, *4 — 7*).

В одном из захоронений Серповского могильника была найдена уздечка, украшенная золотыми византийскими монетами VIII в., набитыми на ремни. Монеты могли попасть в мордовскую среду от степных соседей, получивших их в качестве военной добычи при набегах на владения империи.

Ярким примером украшения сбруи этого периода служит богатый уздечный набор из погребения 10 II Журавкинского могильника (рис. 6). Сохранившиеся фрагменты уздечки представляют собой две пары сложенных вдвое и прошитых кожаных ремней длиной до 46,0 см и шириной 2,3 см. Концы ремней имеют прямоугольные двусоставные накладки (см. рис. 5, *25*) из тонкой тисненой пластины белого сплава. Всего таких накладок восемь. По всей длине ремни украшены полушаровидными накладками (Там же, *11*) из белого сплава. Между парами ремней сохранились фрагменты кожаных перемычек с аналогичными полушаровидными накладками. Кроме того, сохранились фрагменты простых ремней, различающихся между собой по ширине и накладкам. Ремни шириной 2 см имеют круглые оловянные с S-видным орнаментом (Там же, *7*) и бронзовые (Там же, *21*) накладки. Более узкий ремень шириной 1,5 см, сложенный вдвое и прошитый, украшен бронзовыми круглыми накладками (Там же, *18*). В коллекции имеются две бронзовые со следами позолоты крестовидные накладки (Там же, *33*) и одна полушаровидная с уплощенной серединой и отверстием в центральной части (Там же, *12*). Длинные ремни с прямоугольными накладками у концов являлись боковыми нащечными. Ремни с круглыми накладками можно считать налобным и поводным. На переносье лошади располагалась своеобразная сетка, соединявшая нащечные ремни, убранная полушаровидными накладками. Время совершения этого захоронения определяется по сопровождающему инвентарю и датируется второй половиной VIII — IX вв.

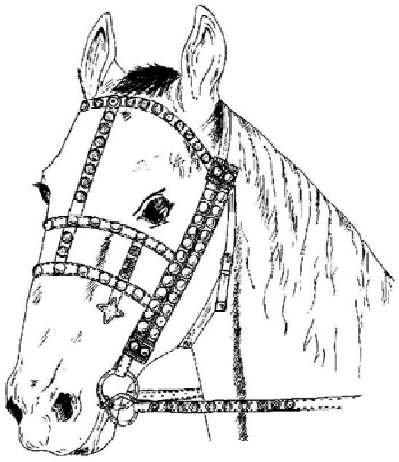


Рис. 6. Реконструкция оголовья (II Журавкинский могильник)

Таким образом, во второй половине VII — X вв. формы удил у мордвы носили отпечаток как степных традиций (удила с S-видными и прямыми псалиями), так и преимущественно местных (удила с двумя подвижными кольцами), а в изготовлении

стремян на протяжении VIII — IX вв. прослеживается стремление к единообразию. В украшении уздечки использовались преимущественно простые круглые формы накладок, что было типично в это время и для алан — южных соседей мордвы.

Со второй половины VII в. с появлением стремян конный воин резко повысил свою боеспособность, пешее войско уже не могло помериться мощью с кавалерией. Для противостояния степной коннице мордва, хотя и оставалась преимущественно пешей, имела довольно сильные конные отряды. Если раньше мордовская конница имела качественный характер и усиливалась за счет повышения боеспособности узкой прослойки воинов, то в рассматриваемый период она приобрела также количественный характер, увеличиваясь за счет малопрофессиональных воинов.

С развитием пашенного земледелия, возрастанием значения конницы в войске конь все более становился объектом поклонения, что привело к возникновению его культа, очень важного в мировоззрении мордвы. Свидетельством этого культа является наличие коньковых шумящих подвесок. Кроме того, именно в последней четверти 1-го тыс. н. э. в мордовской погребальной обрядности начал формироваться обычай конских захоронений, ставший к X в. признаком эрзянских могильников и периодически встречающийся среди мокшанских памятников[10].

Библиографические ссылки

[1] См.: **Гришаков В. В.** К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по истории Мордовии. Саранск, 1988. С. 142, табл. III, *3*; С. 144, табл. V, *2*; С. 146, табл. VII, *3*. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 85).

[2] См.: **Амброз А. К.** Хронология древностей Северного Кавказа, V — VII вв. М., 1989. С. 125, рис. 39, *19*.

[3] См.: **Гаврилова А. А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. С. 83, рис. 16, *1 — 3*.

[4] См.: **Вайнштейн С. И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Совет. этнография. 1966. № 3. С. 65, рис. 10, *40*.

[5] См.: **Кирпичников А. Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX — XIII вв. М., 1973. С. 14. (Археология СССР : Свод археол. источников ; вып. Е 1-36).

[6] См.: **Амброз А. К.** Стремена и седла раннего Средневековья как хронологический показатель (IV — VIII вв.) // Совет. археология. 1973. № 4. С. 84, рис. 2, *26*.

[7] См.: **Грибов Н. Н.** Могильник в с. Лазазей в Нижегородской области // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. Саранск, 2004. С. 23, рис. 1, *1*.

[8] См.: **Кирпичников А. Н.** Указ. соч. С. 49.

[9] См.: **Kovacs L.** Uber einige steigbegeltypen der Langnahmenzeit // Acta Archaelogica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1986. Vol. 38. P. 208, abb. 5, *1 — 11*; P. 210, abb. 6, *1 — 10*.

[10] См.: **Вихляев В. И**. Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманитар. науки и образование : материалы I Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1997. С. 114 — 118 ; **Пронин А. С.** Конь в погребальном обряде финно-угров Поволжья VI — XIII вв. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2013. № 2 (26). С. 62 — 69 ; **Седышев О. В.** К вопросу о конских захоронениях у средневековой мордвы // Роль науки в социально-экономическом развитии Республики Мордовия. Саранск, 2003. С. 18 — 21.

Поступила 12.03.2014 г.

УДК 718:726.8

П. И. Сафронов, В. В. Ставицкий
P. I. Safronov, V. V Stavitskiy

КУРГАНЫ № 2 — 3 АРМИЕВСКОГО КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА (По материалам раскопок М. Р. Полесских в 1969 г.)

BURIAL MOUNDS No. 2 — 3 OF THE ARMIEVSKY BARROW BURIAL GROUND (Based on materials of excavations by M. R. Polesskikh in 1969)

Ключевые слова: Армиевский курганно-грунтовой могильник, мордва, кочевники, салтово-маяцкая культура.

В статье рассматриваются материалы раскопок двух курганов Армиевского могильника IX — XI вв., свидетельствующие о контактах кочевников с мордовским населением Верхнего Посурья.

Key words: Armievsky barrow burial ground, the Mordvins, nomads, Saltovo-Mayatskaya culture.

The article deals with the materials of excavations of two barrows of the Armievsky burial ground of the IX — the XI centuries, which are evidence of contacts of nomads with the Mordovian population of the Upper Sura Region.

Армиевский курганно-грунтовой могильник был открыт в 1926 г. П. С. Рыковым при вскрытии 5 насыпей, которые он изначально принял за остатки жилищных сооружений[1]. Позже М. Р. Полесских вскрыл здесь еще 4 насыпи, продолжая вслед за П. С. Рыковым считать их остатками полуземлянок[2]. Материалы раскопок М. Р. Полесских были частично опубликованы В. В. Ставицким[3]. Исследование памятника продолжил в 1980 — 1986 гг. А. Х. Халиков[4], но его материалы до сих пор полностью не опубликованы, а только изложены в тезисной форме. А. Х. Халиков отнес материалы могильника к культуре буртасов, известных по письменным арабским источникам. По мнению ученого, об этом свидетельствует преобладание обряда вторичного захоронения, использование огня в погребальной практике, наличие глиняной посуды с двусторонним ангобом. Вместе с тем среди материалов могильника он отмечал наличие типично мордовских вещей. Находки остатков серебряных наглазников от погребальных масок А. Х. Халиков связывал с воздействием погребального обряда мадьяр на культуру местного населения[5]. Точка зрения о принадлежности могильника к буртасам была поддержана Г. Н. Белорыбкиным, который отмечал, что среди комплекса армиевских вещей встречаются как финские украшения, так и предметы, типичные для тюркско-аланского кочевого мира[6]. По мнению А. В. Расторопова, материалы могильника отражают процесс смешения в Верхнем Посурье какого-то пришлого населения с мордвой[7]. Буртасская принадлежность Армиевского курганно-грунтового могильника недавно была оспорена В. В. Ставицким[8].

© Сафронов П. И., Ставицкий В. В., 2014

Могильник находится в 3 км к востоку от с. Армиево Шемышейского района Пензенской области, в 400 м к югу от начала оврага, у которого располагается городище Ош-Пандо. Здесь была зафиксирована группа из 18 курганов, 5 из которых вскрыл П. С. Рыков. Осмотр раскопок М. Р. Полесских показал, что они производились колодцем или траншеей. Некоторые насыпи были потревожены опахиванием; большинство их покрывала древесная и кустарниковая растительность (в настоящее время — вырубка и посев сосны)[9].

Курган № 2 является ближайшим от с. Армиево и крайним от селища. Он представляет собой слегка вытянутую насыпь полусферической формы (рис. 1, *1*). Поверхность покрыта травой, редким кустарником и дубовыми пнями. Высота насыпи — 90 см, длина по линии СЮ — 10 м, ВЗ — 8 м. При раскопках поверхность насыпи была разбита на квадраты 2 × 2 м. Раскопки производились послойно, с оставлением поквадратных бровок в 20 квадратах, почва — песок, супесь, камень. На 2-м штыке были найдены фрагменты керамики, угли, пережженная земля, остатки деревянных конструкций, грубый точильный брус в осколках, мелкие кости и зубы жвачного животного, в СЗ углу обнаружен неполный череп человека — крышка, лобная и носовая кости, глазницы, теменная кость (теменем кверху). В ЮЗ части кургана были зафиксированы сгоревшие бревна, лежавшие двумя ровными рядами по линии С — Ю по границам квадратов 5, 4 и 9. На 3-м штыке в квадрате 18 находилась челюсть лошади (?) и скопление камней. На границе с квадратом 8 на глубине 50 см встречена сюлгама (рис. 2, *7*), на 4-м штыке в этом же квадрате найдены фрагмент наконечника стрелы и часть пряслица (Там же, *6*), в квадрате 19 на 2-м штыке — 2 наконечника стрелы (Там же, *2 — 3*).

В центральной части раскопа (квадраты 8 и 13) зафиксирована заполненная золой яма, представленная в плане неправильным овалом длиной 80 см. По краям ямы залегал тонкий слой перемешанной земли (в плане — форма круга с диаметром около 2 м.) Глубина ямы — около 30 см, дно чашевидное. Наверху ямы зафиксирован камень. На дне ямы, в 110 см от дневной поверхности насыпи, было обнаружено 6 наконечников стрел ромбовидной формы длиной от 5,5 см (без черешка) до 7,0 см (с черешком) (Там же, *4 — 5*), 2 железных обломка стерженька.

Наконечники стрел с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками имели наибольшее расширение в нижней трети длины пера (Там же, *2 — 5*). По типологии А. Ф. Медведева, они относятся к варианту 2 типа 41. Такие наконечники получили широкое распространение с середины XI до XIV в. включительно[10]. Бронзовая кованная сюлгама с вытянутыми «усами» (см. рис. 1, *7*), по материалам среднецнинских могильников, датируется X — первой половиной XI в.[11] Таким образом, захоронение, вероятно, было совершено в первой половине XI в.

Курган № 3 находится в 30 м к северу от кургана № 2, его форма такая же, как и у предыдущей насыпи. Высота — 0,75 м, длина по линии СЮ — 11,7 м, ВЗ — 10,0 м. Поверхность неровная, задернованная, есть ямы, пни, на уплощенной вершине — несколько камней (серый песчаник весом 25 — 30 кг). При вскрытии 1-го штыка были встречены фрагменты керамики и вкрапления углей. В квадрате 8 — 2 железных наконечника стрелы, якорьковая подвеска салтовского типа с остатком ремешка (см. рис. 2, *29*), в квадрате 11 — камни, в квадрате 15 —

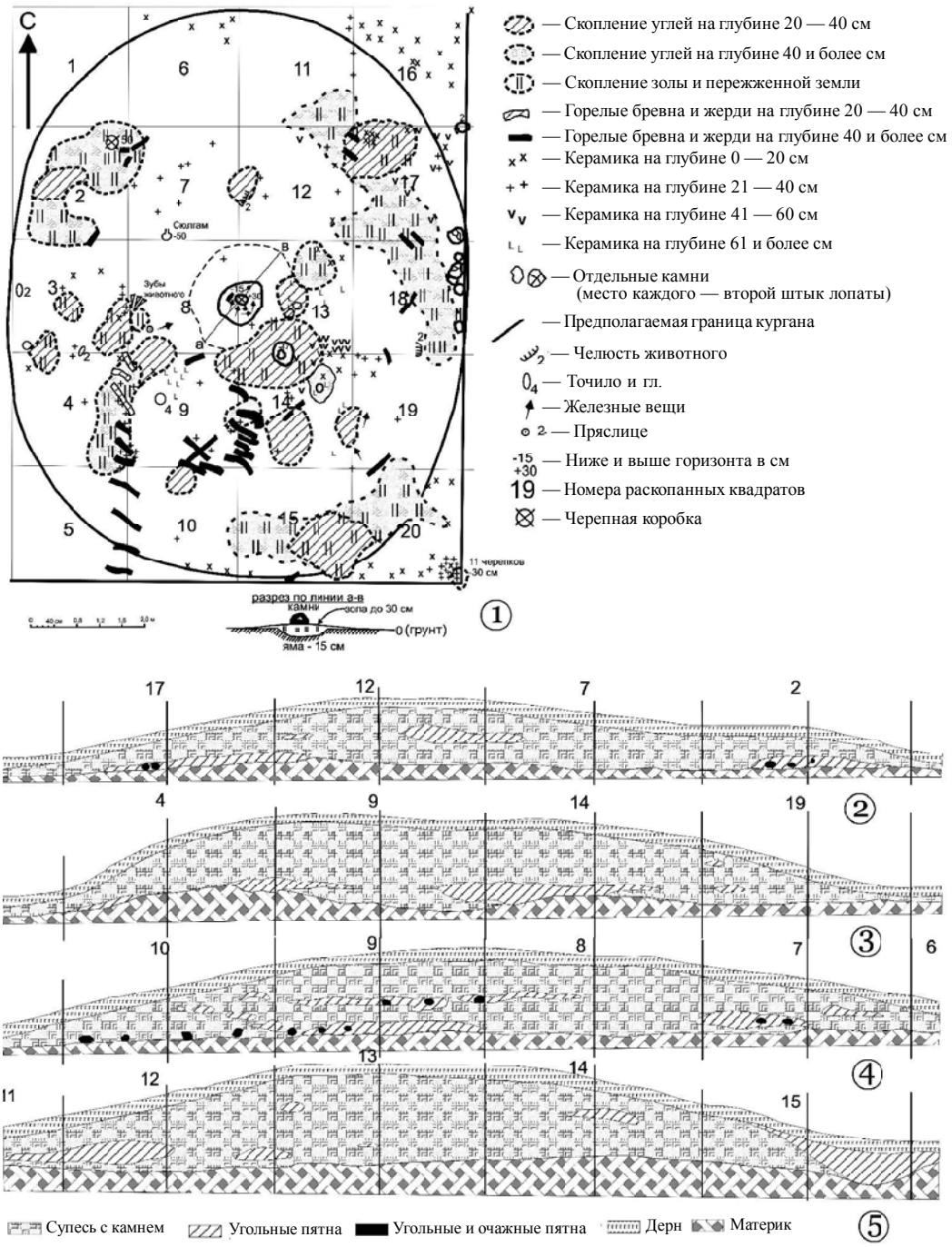


Рис. 1. Армиевский курганно-грунтовой могильник.
Курган № 2: 1— план кургана; 2 — профиль северной стенки кв. 17, 12, 7, 2; 3 — профиль южной стенки кв. 4, 9, 14, 19; 4 — профиль восточной стенки кв. 10, 9, 8, 7, 6; 5 — профиль западной стенки кв. 11, 12, 13, 14, 15

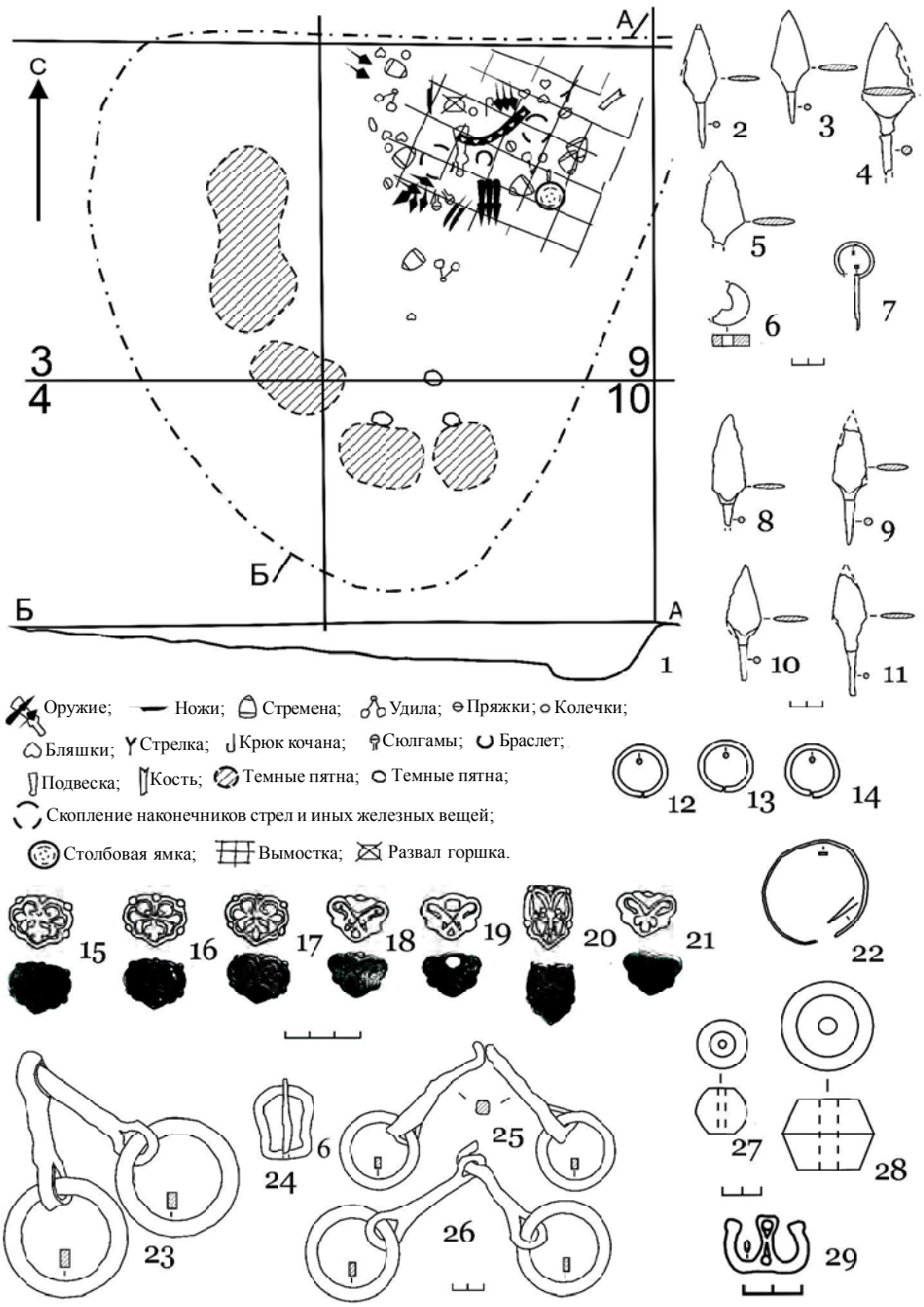


Рис. 2. Армиевский курганно-грунтовой могильник:
1 — план кургана № 3; 2 — 7 — находки из кургана № 2; 8 — 29 — находки из кургана № 3

глиняное грузило бипирамидальной формы диаметром 2,5 см (Там же, *28*), в квадрате 19 — железный наконечник стрелы.

На 2-м штыке оконтурилось несколько углистых пятен, включавших золу, пережженную почву, обгорелые камни, фрагменты керамики, остатки горелых бревен, расположенных по кругу, остатки каких-то конструкций. В квадрате 9 был найден железный ромбовидный наконечник стрелы, в квадрате 19 — 4 железных наконечника стрелы, 1 железная пряжка (Там же, *24*), в квадрате 10 — лепной тонкостенный сосуд с вогнутым краем и ребром, диаметром горла 14 см, высотой 7 см, лежавший вверх дном.

На 3-м штыке в некоторых квадратах проявился материк в виде плотной супеси с камнем. В квадрате 9 был обнаружен наконечник стрелы, в квадрате 12 у южной стенки зафиксирована яма глубиной около 45 см, в квадрате 13 на глубине 55 см — комок железного шлака, в квадрате 15 на глубине около 1 м в углистом слое встречен разбитый горшок и 4 наконечника стрелы, в квадрате 16 на глубине 50 см — верхняя челюсть лошади с зубами. Материк здесь начинался с глубины 30 — 40 см (восточная сторона) и 50 — 65 см (западная сторона). В центре прослеживалось небольшое заглубление подтреугольной формы. Дно равномерно понижалось к северо-восточному углу, образуя небольшую площадку ровного пола и невысокую приступку (Там же, *1*). Часть площади заглубления в северо-восточном углу представляла собой своеобразную вымостку — крупные прямоугольные плиты заглаженного светло-серого камня, плотно прилегавшие гранями одна к другой. По мнению М. Р. Полесских, это была подрубка материкового плитчатого камня, создававшая впечатление вымостки. Остальная площадь пола — камень и плотная супесь с относительно ровной поверхностью. Непосредственно на вымостке возвышалась на 15 см приступка, выложенная камнями в виде пяти или шестиугольника, сохранившаяся лишь частично. На дне прослеживались 4 темных пятна округлой формы, которые М. Р. Полесских принял за следы очагов. Кроме того были встречены 3 ямки от столбиков. Непосредственно на вымостке и несколько выше ученый зафиксировал скопление предметов вооружения и снаряжения: 3 наконечника копий, узкоперых, с выраженным ребром жесткости, длиной 25, 25 и 26 см (рис. 3, *8 — 10*); 10 наконечников стрел, залегавших скоплениями в трех местах; 1 вильчатый наконечник стрелы длиной 13 см (Там же, *2*); скопление сильно разрушенных наконечников стрел (14 экз.), все ромбовидные, черешковые; здесь же — вильчатый наконечник стрелы, фрагменты одного или двух ножей, обломки коррозированного железа.

В другом скоплении были зафиксированы: 1 крюк от колчана (Там же, *12*), 2 точильных бруска (Там же, *13*), 5 наконечников стрел, железные пряжки — подпрямоугольная и овальная, много бесформенных кусочков от разрушенных железных вещей. Отдельно залегали следующие предметы: сильно коррозированный боевой топорик салтовско-маяцкого типа (Там же, *1*); около топора — россыпь черепков от горшка; 2 ножа, в том числе 1 целый длиной 12 см; 3 удил с подвижными кольцами (см. рис. 2, *23, 25 — 26*); 3 пары стремян с широкой подножкой и выступающей петлей для ремня (см. рис. 3, *17 —18*); серебряные бляшки от боевого наборного пояса (см. рис. 2, *15 — 21*). Их рельефный орнамент в трех вариантах напоминал салтовские образцы, но отличался своеобразием; сохранились лоскутки ремня. Здесь же были рассеяны 3 серебряных кольца, видимо, от

пояса (Там же, *12 — 14*), 1 конусовидная подвеска из листовой бронзы, 2 полуразрушенные сюлгамы с длинными «усами», фрагменты бронзового браслета уплощенного сечения (Там же, *22*). М. Р. Полесских сделал предположение, что основные предметы, представленные в трех экземплярах (копья, стремена, удила), вероятно, принадлежали трем вооруженным всадникам.

Наибольший интерес из инвентаря кургана № 3 представляют предметы вооружения и конского снаряжения, в частности, боевой топорик-чекан салтовского типа (см. рис. 3, *1*) с клиновидным лезвием, молотковидным удлиненным обухом округлого сечения со шляпковидным навершием и округлыми щековицами общей длиной 19 см. А. В. Комар и О. В. Сухобоков отмечают, что до VII в. подобные боевые топоры в подкурганных хазарских и степных булгарских погребениях неизвестны, зато в большом количестве представлены в аланских катакомбах. По мнению ученых, в VII в. под влиянием алан боевые топоры появились и у полуоседлого хазарского населения, оставившего салтовские могильники по обряду кремации (Борисово, Дюрсо, Сухая Гомольша, Новая Покровка, Красная Горка)[12]. В мордовских могильниках аналогичные топоры известны со второй половины VII в., и их появление связано с хазарским влиянием. Особенно широко они были распространены в мордовских могильниках IX — XI вв.[13] В IX в. топор-чекан появился на вооружении у булгар, став основным рубящим оружием. В X — начале XI в. подобные топоры получили распространение и на всей территории Руси[14].

Наконечники копий (3 экз.; см. рис. 3, *8 —10*) — узкоперые, с выраженными желобками на каждой грани и сечением острия в виде креста. А. В. Комар и О. В. Сухобоков фиксируют появление узких четырехгранных пик, аналогичных армиевским наконечникам, на рубеже VII — VIII вв. у населения салтово-маяцкой культуры. По мнению ученых, использование данного типа вооружения в кремационных погребениях и курганах Чир-Юрта совпало с появлением в погребениях этого круга обрывков кольчуги. В VIII — X вв. они стали наиболее распространенным типом салтовских бронебойных наконечников копий[15]. Находки таких копий известны также из Волжской Булгарии[16] и Руси, где датируются X — началом XI в.[17]

Наконечники стрел представлены следующими типами:

Тип 1. *Вильчатый* (1 экз. ; см. рис. 3, *2* ; по А. Ф. Медведеву, тип 60). Наконечники этого типа появились на рубеже нашей эры в Прикамье и использовались в Восточной Европе вплоть до позднего Средневековья. Они были широко распространены также в Сибири и на Кавказе[18].

Тип 2. *Ромбовидные* (12 экз. ; см. рис. 2, *8 — 10*; 3, *3 — 7,11,15 —16* ; по А. Ф. Медведеву, тип 41, вариант 2). Такие наконечники получили распространение с середины XI до XIV в. включительно[19].

Тип 3. *Ромбовидный, без упора для древка стрелы* (1 экз. ; см. рис. 3, *14* ; по А. Ф. Медведеву, тип 46). Этот вид наконечников появился в Прикамье на рубеже нашей эры и широко применялся в северной части Восточной Европы до конца XIII в. В степи у кочевников их не было, а на юге Древней Руси они встречались единично. Абсолютное большинство таких наконечников произошло из памятников IX — XI вв. во время их основного распространения[20]. В булгарских материалах этот тип датируется XI — XIV вв.[21]

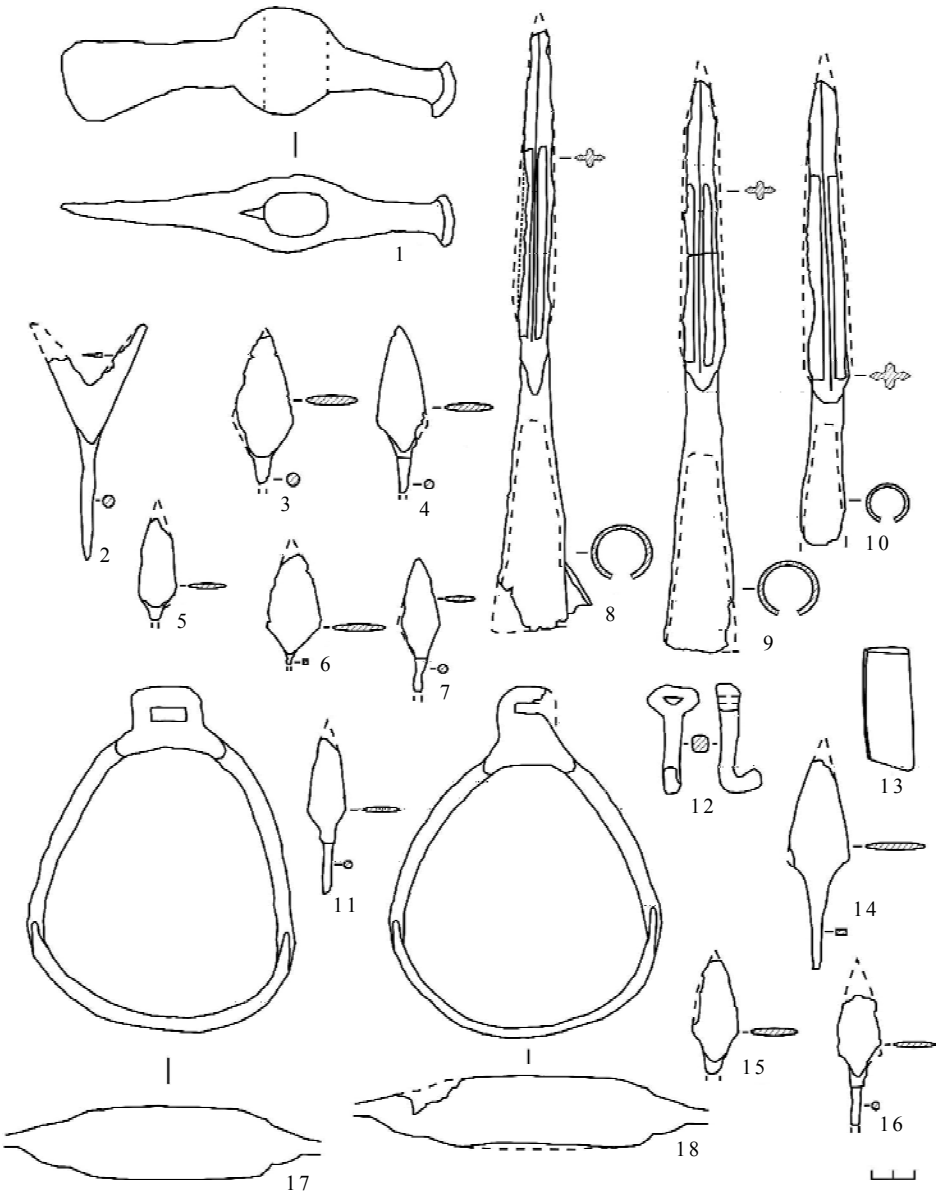


Рис. 3. Армиевский курганно-грунтовой могильник. Находки из кургана № 3

Три пары стремян (6 экз. ; см. рис. 3, *17 — 18*) арочной формы с узкой вогнутой подножкой и прямоугольной выступающей петлей встречаются в курганах Южного Урала и датируются X — XI вв.[22] Такие стремена получили широкое распространение в X в. в Венгрии, известны также из материалов Крюково-Кужновского могильника X — XI вв.[23] Удила (3 экз. ; см. рис. 2, *23 ,25* —

26) с плоскими в сечении кольцами прослеживаются в материалах Южного Урала (караякуповская культура) и Средней Волги (ранние болгары и ранние венгры) середины IX — X вв.[24]

Ременные накладки бабочковидной формы (см. рис. 2, *15 — 21*), орнаментированные трилистниками и завитками, ведут аналогии с салтово-маяцкой культурой, где они имели широкое распространение в X — XI вв. Известны они и на других памятниках Верхнего Посурья (Золотаревское поселение, Чемодановское селище)[25].

Якорьковая подвеска (1 экз. ; см. рис. 2, *29*) широко распространена в салтово-маяцких древностях[26]. Подобные находки известны и в материалах мордовских могильников[27], где их происхождение связывают с салтово-маяцким влиянием. Следует также отметить, что подобные подвески зафиксированы на памятниках Верхнего Прикамья, датируемых X — XI вв.[28] Бронзовый пластинчатый с зауженными концами браслет (Там же, *22*) имеет близкие аналогии в материалах Стародевиченского могильника XI — XIV вв.[29] и, возможно, вошел в моду во второй половине XI в.[30]

В целом бытование погребального инвентаря кургана № 3 представлено синхронной хронологией кургана № 2. Ряд общих черт фиксируется и в элементах погребального обряда. Так, часть инвентаря в обоих захоронениях была зарыта в небольшой ямке или заглублении в центре, другая часть разбросана в хаотичном порядке. Остатки горелых деревянных конструкций, возможно, являлись помостом, на котором происходила кремация покойного, о чем свидетельствует значительное количество зольных и углистых пятен, пережженной земли. Кальцинированные человеческие кости в курганах не обнаружены. В СЗ части кургана № 2 была найдена часть человеческого черепа, но в отчете не указано наличие или отсутствие признаков ее пребывания в огне. Характерной чертой является факт захоронения костей животных. Является ли это свидетельством тризны, или части голов животных погребались с ритуальной целью — из отчета М. Р. Полесских не ясно.

Вероятно, при погребении на месте захоронения выкапывалась небольшая яма, куда складывался весь инвентарь. После этого воздвигался деревянный помост, на котором сжигали тело умершего. Когда погребальный костер еще горел, начинали насыпать курган, о чем свидетельствует значительная площадь угольных пятен и пережженной земли. Судя по значительному числу костей животных и фрагментов керамики, грунт, из которого сооружалась насыпь, уже содержал остатки тризны. Вместе с землей бросались и вещи: наконечники стрел, сюлгамы, глиняные грузила, пряслица.

Сходный обряд сооружения вблизи могил тайников с конской сбруей, оружием и украшениями был распространен на Южном Урале в VIII — начале X в., там же существовал обычай ритуального обжигания гробов с покойниками на кострах[31]. Обряд подобного «обезвреживания» умерших встречается в курганах новинковского типа на Средней Волге в VIII — IX вв.[32]

Таким образом, на данный момент нельзя достоверно определить этническую принадлежность рассматриваемых в работе курганов, но можно достоверно датировать их началом XI в. Синкретические черты погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о том, что в это время происходили интенсивные кон-

такты между кочевниками и местным мордовским населением, одна часть которого, видимо, была ассимилирована мигрантами, а другая вынуждена была покинуть территорию лесостепного Посурья.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Расторопов А. В., Ставицкий В. В.** Хроника археологических исследований. Очерки краеведов. Из истории области. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 218.

[2] См.: **Полесских М. Р.** Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза, 1977. С. 53 — 54.

[3] См.: **Ставицкий В. В.** Археологические изыскания М. Р. Полесских. Пенза, 2008. С. 149 — 155.

[4] См.: **Расторопов А. В., Ставицкий В. В.** Указ. соч. С. 226 — 227.

[5] См.: **Халиков А. Х.** Буртасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху Средневековья и проблема буртасов : тез. к межобласт. науч. конф. 23 — 27 янв. 1990 г.). Пенза, 1990. С. 88 — 97.

[6] См.: **Белорыбкин Г. Н.** Мода на украшения на территории Верхнего Посурья в IX — XI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.: (из истории костюма) : материалы III Международ. археол. конф. Самара, 2001. Т. 1. С. 216.

[7] См.: **Расторопов А. В.** К вопросу о локализации буртасов по письменным и археологическим источникам // Вопросы этнической истории Волго-Донья… С. 82 — 83.

[8] См.: **Ставицкий В. В.** Еще раз о мордве и буртасах // Центр и периферия. [Саранск], 2013. № 2. С. 8 — 16.

[9] См.: **Ставицкий В. В.** Археологические изыскания М. Р. Полесских. С. 149.

[10] См.: **Медведев А. Ф.** Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII — XIV вв. М., 1966. С. 65, табл. 15, *33 — 38*. (Археология СССР : Свод археол. источников ; вып. Е 1-36).

[11] См.: Хронология могильников населения I — XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В. И. Вихляев [и др.]. Саранск, 2008. С. 54, 145, 228, рис. 78, *5*.

[12]См.: **Комар А. В. , Сухобоков О. В.** Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевроп. археол. журн. Киев, 2000. № 2. Рис. 3, *53*, *58*.

[13] См.: **Липатов А. В.** Боевые топоры как оружие ближнего боя средневековой мордвы VIII — XI вв. // Археология восточноевропейской лесостепи : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения видного рос. археолога А. Е. Алиховой. 11 — 14 нояб. 2002 г. Пенза, 2003. С. 316, 319, рис. 1, *4*.

[14] См.: **Кирпичников А. Н.** Древнерусское оружие : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX — XIII вв. М. ; Л., 1966. Рис. 6, *11*. (Археология СССР : Свод археол. источников ; вып. Е 1-36).

[15] См.: **Комар А. В., Сухобоков О. В.** Указ. соч. Рис. 2, *49 — 50*.

[16] См.: **Измайлов И. Л.** Оружие ближнего боя волжских булгар X — XIII вв. (копья и боевые топоры) // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 85, рис. 2, *1*.

[17]См.: **Кирпичников А. Н.** Указ. соч. С. 6, 15.

[18] См.: **Медведев А. Ф.** Указ соч. С. 72.

[19] Там же. С. 65, табл. 15, *33 —38*.

[20] Там же. Табл. 13, *32 — 33*, табл. 15, *67 — 68*.

[21] См.: **Руденко К. А.** Железные наконечники стрел VIII — XV вв. из Волжской Булгарии : (Исслед. и каталог). Казань, 2003. С. 79, тип А11а; с. 465, табл. 8, *116 — 118*.

[22] См.: **Иванов В. А.** Хронологические комплексы X — XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 143, 145 — 146, рис. 1, *1*.

[23] См.: **Седышев О. В.** Снаряжение коня VIII — X вв. : (По материалам мордов. могильников) // Пенз. археол. сб. : Международ. сб. науч. тр. Пенза, 2010. Вып. 3. С. 133, 146, рис. 4, *4*.

[24] См.: Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР. М., 1981. С. 81, 167, рис. 52, *106, 111*; с. 171, рис. 55, *75*.

[25] См.: **Винничек В. А.** Ременные накладки из цветных металлов с верхнесурских средневековых поселений // Археология восточноевропейской лесостепи… С. 360, 375, рис. 1, *39 — 40, 43, 45* ; **Валиулина С. И., Храмченкова Р. Х.** Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья : материалы Всерос. науч. конф. (Ижевск, 21 — 23 нояб. 2000 г.). Ижевск, 2001. С. 277, рис. 1, *46, 48, 50*.

[26] См.: **Винников А. З., Плетнева С. А.** На северных рубежах Хазарского каганата : Маяцкое поселение. Воронеж, 1998. С. 182, рис. 70.

[27] См.: Материалы по истории мордвы VIII — XI вв. Моршанск, 1952. С. 202, табл. 18, *4*.

[28]См.: **Крыласова Н. Б., Бочаров И. В., Бочарова Е. О.** Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 114, рис. 11, *19 — 22*.

[29] См.: **Петербургский И. М., Первушкин В. И.** Стародевиченский могильник // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992. С. 74, 88, табл. 2, *19*. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 107).

[30]См.: Хронология могильников населения I — XIV вв. … С. 147, рис. 58, *6*.

[31] См.: Степи Евразии в эпоху Средневековья. С. 81.

[32]См.: **Сташенков Д. А.** Половозрастная стратификация новинковского населения: (по материалам украшений костюма) // Культуры евразийских степей… Т. 2. С. 141, 161, рис. 3, *1*.

Поступила 30.04.2014 г.

УДК 39(470.57)

А. С. Щербаков
A. S. Shcherbakov

РУССКО-МОРДОВСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БАШКОРТОСТАНЕ И ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

RUSSIAN-MORDOVIAN INTERACTION IN BASHKORTOSTAN AND DYNAMICS OF ETHNIC IDENTITY

Ключевые слова: Башкортостан, мордва, русские, этнос, взаимодействие, межэтнические контакты, идентичность.

В статье рассматриваются региональные особенности межэтнического взаимодействия русских и мордвы в Башкортостане. Анализ динамики демографических изменений у приуральской мордвы свидетельствует о сокращении ее численности. Следствием длительных русско-мордовских контактов явился нестабильный характер этнической идентичности, ее пограничное и двойственное состояние, описанное в источниках XIX в.

Key words: Bashkortostan, the Mordvins, the Russians, ethnos, interaction, interethnic relations, identity.

The regional peculiarities of ethnic interaction between the Russians and the Mordvins in Bashkortostan are considered in the article. The analysis of the dynamics in demographic changes of the Ural Mordvins is evidence of a reduction of their population. The unstable nature of ethnic identity, its borderline and double character, described in the sources of the XIX century, is a result of the long Russian-Mordovian contacts.

© Щербаков А. С., 2014

Взаимодействие этносов является объективным и сложным по своему составу процессом. Он может происходить на разных уровнях, в неодинаковых обстоятельствах и принимать самые разнообразные формы. В отечественной этнографии утвердилось понимание межэтнических контактов как безусловного закона этнического развития[1].

В историческом прошлом, учитывая особенности расселения различных этносов (стремление расселяться компактно и преобладать на определенной территории), межэтнические контакты в основном происходили в определенных порубежных районах территории расселения того или иного этноса. Такие районы принято называть «зонами межэтнических контактов». Уместно предположить, что зоны могли быть разных видов. В таком качестве могли выступать, например, крупный торговый город, в котором проводились сезонные ярмарки, или равнинные проходы среди обширных горных массивов, через которые пролегали пути миграций кочевых племен, и т. п. Однако со временем под влиянием различных условий (общественный и технический прогресс, интенсификация миграционных процессов и др.) менялась структура расселения народов мира (возникло чересполосное, или дисперсное, расселение) и представление о зонах межэтнических контактов все более исторически устаревало. На смену ему выдвинулось представление о сферах межэтнических контактов (в большей мере социальное, чем географическое, пространство общения и взаимодействия этносов)[2].

В отечественной науке вопросы межэтнического взаимодействия в условиях полиэтничного региона пока еще остаются недостаточно изученными. Причиной этого, с одной стороны, является сложность данной проблемы, требующей междисциплинарного подхода, а с другой — фрагментарный характер знаний об этносах, несмотря на наличие имеющейся литературы. В частности, об этом пишет исследователь А. Д. Коростелев: «Часто мы недостаточно знаем о том, как происходит сближение разных этнических групп, каков механизм взаимодействия представителей этих групп, какие складываются модели поведения»[3].

В то же время в некоторых российских регионах прослеживается тенденция к изучению истории и культуры локальных групп этноса, проживающего за пределами исторической территории формирования. Например, такая работа ведется в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Здесь изучаются миграция мордвы, ее адаптация к новым условиям, преемственность традиций. Результаты исследований отражены в книгах, составивших серию «Мордва России»[4].

Одним из наиболее интересных и перспективных российских регионов в плане изучения межэтнического взаимодействия является Башкортостан. Находящийся на стыке Европы и Азии, этот регион благодаря своему географическому положению и ряду исторических причин всегда являлся полиэтничным[5]. После присоединения к Российскому государству (вторая половина XVI — первая четверть XVII в.) тенденции исторической полиэтничности в силу особых условий социально-политического развития только укрепились. В данном регионе проживают практически все народы Урало-Поволжья, а также этнические общности, исторически сложившиеся вне пределов Волго-Уральской историко-этнографической области. Кроме того, вследствие вышеупомянутых социально-политических условий здесь сформировались особые, характерные только для данного региона, этнические

общности (тептяри, нагайбаки и др.). Всего в республике, по разным данным, проживает более 100 национальностей. Самые многочисленные группы представлены тюркскими, восточнославянскими и финно-угорскими народами.

Русское население Башкортостана начало формироваться в середине 2-го тыс. н. э. Вопрос о проникновении русского населения в Башкирию до начала официального вхождения края в состав России (XVI в.), затрагивавшийся некоторыми исследователями[6], пока не находит подтверждения в известных на сегодняшний день нарративных источниках.

Процесс изменений идентичности, в котором принимало участие русское население региона, проходил в два этапа. На первом, начавшемся вскоре после присоединения территории региона к России, а точнее — после начала заселения его первыми группами русских колонистов, прослеживалась тенденция перехода некоторой их части в состав башкир[7]. Переселение в регион русского населения проходило постепенно и до начала XVIII в. не носило массового характера[8]. Большинство первых русских жителей длительное время не обладало привилегиями, уже имевшимися к тому времени у местного населения края — башкир. В связи с этим наиболее ранние источники, относящиеся к XVIII в., т. е. к началу массового заселения региона русскими колонистами, свидетельствуют, что «русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло»[9].

На втором этапе, приблизительно с середины XVIII в. (после начала массового заселения региона русскими), складывалась противоположная картина. Процесс перехода русских в «башкиры» либо прекращался, либо сводился к минимуму, началась интеграция в состав русских автохтонных этнических групп Среднего Поволжья и Южного Урала, продолжающаяся до сих пор, о чем свидетельствуют результаты соответствующих исследований.

Несмотря на схожесть векторов формирования на Южном Урале башкирской и русской этнических групп в их современном виде, сами механизмы этих процессов различались. Если Российское государство осуществляло конструирование башкир с помощью земельных и социальных преференций, то его основным инструментом по созданию «русских» на рассматриваемой территории была религиозная политика. В дореволюционный период она являлась очень мощным инструментом управления групповой идентичностью*. Конечно, конфессиональная идентичность не являлась синонимом проэтнической идентичности, но вплоть до середины XIX в. православие в Российской империи оставалось не только государственной религией, но и мощным источником этнокультурного формирования «русских», той структурой, которая консолидировала «русскую» идентичность[10].

Политика христианизации (мирным или насильственным путем) в конце XVII — XVIII вв. привела к крещению части мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов и закамских татар[11]. Ко второй половине XIX в. тюркское и финно-угорское население Урало-Поволжского региона разделялось на православных христиан (мордва, марийцы, удмурты, чуваши, татары-кряшены и нагайбаки) и му-

---

* В литературе вопрос о религиозном факторе в этнокультурных процессах в масштабе Волго-Уральского региона до недавнего времени не рассматривался (**Кузеев Р. Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 185).

сульман (татары, башкиры)[12], хотя некоторые этнические общности сохранили и дохристианские верования (марийцы, часть удмуртов, незначительная часть чувашей)*. Принятие православия (неважно, насильственным или мирным путем) открывало для нерусских этносов широкие возможности для интеграции не только в состав Российского государства, но и в состав русского народа, снимало ряд препятствий для распространения смешанных браков с русскими и позволяло изменять свою идентичность на русскую. До 1917 г. значение религии в этих процессах было исключительно велико[13].

Наибольшему воздействию со стороны православия в досоветское время подверглись этносы, которые дольше других придерживались языческих верований: мордва, марийцы, чуваши и удмурты. Принятие ими христианства инициировало у части их процессы идентификационных изменений, которые в XX в. приняли ассимиляционные формы**. Следует отметить, что глубокое межэтническое взаимодействие восточных славян с финно-угорскими племенами началось еще во времена раннего Средневековья, никогда не прерывалось и в целом носило характер интеграции с последующей ассимиляцией[14].

Одним из наиболее ассимилируемых русскими финно-угорских народов является мордва. Формирование этнотерриториальной группы мордвы Башкортостана, или приуральской мордвы[15], происходило во второй половине XVIII — начале XX в.[16]

Проблемы межэтнического взаимодействия русских с мордовским населением на рассматриваемой территории в последние годы были предметом анализа нескольких авторов[17]. При исследовании динамики демографических изменений у мордвы в XX в. было установлено, что сокращение численности данной этнотерриториальной группы вызвано ее «старением», снижением удельного веса молодежи[18].

В то же время есть еще одна причина более раннего сокращения численности приуральской мордвы и для ее объяснения следует, на наш взгляд, проанализировать статистическую информацию не по этническим группам, а по хозяйственно-культурным типам населения. Предложенная в свое время Н. Н. Чебоксаровым и М. Г. Левиным[19], эта теория получила своеобразное развитие в недавних разработках Л. В. Милова[20]. Согласно этому подходу, этнокультурные группы, находящиеся в тесном взаимодействии, занимающие территорию с одним типом хозяйства, с одинаковыми природно-климатическими условиями, имеющие общее происхождение и объединенные единой религией, должны обладать приблизительно одинаковыми демографическими показателями. В таком случае локальные различия в характере демографических процессов будут объясняться не только принадлежностью людей к разным этническим группам, но и разницей в их экономике, расселении и степени модернизации, уровне урбанизации.

---

* В Башкирии до сих пор большинство удмуртов и марийцев придерживается языческих верований.

** Этот вопрос был не так давно подробно изучен финским этнодемографом С. Лаллуккой (см.: **Лаллукка С.** Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997).

Сокращение численности приуральской мордвы происходит в том числе за счет изменений идентичности преимущественно на русскую, чему способствовали длительные русско-мордовские контакты, конфессиональное единство двух этнических групп*, сходство их традиционных экономик. На изменения идентичности также влияет значительная степень урбанизации мордовского населения[21]. Перманентный, насчитывающий несколько веков «перелив» мордвы в состав русских, способствовал, с одной стороны, идентификационному сокращению этого финно-угорского этноса, а с другой — увеличению численности русских. Особенности таких изменений идентичности в наши дни аргументированно описаны исследователями с привлечением полевых материалов и анализом межпоколенных связей[22]. Эти процессы мы наблюдаем не только в настоящем, но и в прошлом.

Подтверждением служат источники середины XIX в. Так, в «Приходских списках Оренбургской губернии и войск Оренбургского и Уральского»[23], изданных в 1857 г. (а составленных, вероятно, в течение нескольких предыдущих лет), дана подробная статистика населения каждого православного прихода во всех населенных пунктах. В каждом случае отмечалось число прихожан мужского и женского пола, их этническая принадлежность. Русское население Оренбургской губернии (в настоящее время — территории современных Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей) проживало повсеместно, а мордовское преимущественно локализовалось в Белебеевском, Оренбургском, Стерлитамакском, а также в Верхнеуральском, Орском, Челябинском и Уфимском уездах. Существенное количество мордовского населения проживало в смешанных населенных пунктах (русско-мордовских, чувашско-мордовских, татарско-мордовских, чувашско-татарско-мордовских)[24]. Определяя численность населения той или иной этнической общности, составители нередко затруднялись отдельно выделять их представителей в этнически смешанных населенных пунктах. На страницах «Приходских списков» при характеристике этнического состава таких приходов встречаются следующие определения: «великорусского племени с мордвой»[25], «мордва с чувашами»[26], «татары-новокрещены с мордвой»[27]. Скорее всего, более точно количественно определить этнический состав не удавалось. Подобная ситуация свидетельствует о нестабильном характере этнической идентичности, ее пограничном, а, возможно, и двойственном[28] состоянии. Среди межэтнических контактов приуральской мордвы наиболее тесными были контакты с русским населением, поскольку помимо конфессионального единства существовала еще одна причина — перемена идентичности на русскую открывала в то время определенные перспективы[29].

Таким образом, сокращение численности мордвы происходило за счет не только демографических причин, но и изменений идентичности преимущественно на русскую, чему способствовали длительные русско-мордовские контакты, конфессиональное единство двух этнических групп[30], и, вероятно, сходство их традиционных экономик.

---

* Мордва была практически вся крещена к 1760 г. и воспринималась современниками как истинно православная группа. Этому во многом способствовала территориальная доступность мордвы для миссионеров (см.: **Лаллукка С.** Указ. соч. С. 53 — 54).

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Русское правительство не предпринимало никаких усилий по политическому или экономическому обособлению финно-угров и не стремилось превратить их в сословие, как башкир. В силу того, что, по мнению С. Лаллукка, финно-угры региона «были практически лишены политической организации и образованной элиты, они имели лишь слабое представление о своей этнической принадлежности, о том, что может быть названо полнокровным этническим самосознанием»[31]*.

Однако было бы неверно сводить динамику численности русских исследуемого региона только к одной проблеме — интеграции в него нерусского населения. Как свидетельствуют имеющиеся материалы, эволюция понятия «русский» шла по пути его сужения от «сословного» (т. е. «русского» в широком смысле) к узкоэтническому. К этому можно добавить, что с середины XIX в. в практической деятельности Российского государства на поприще формирования русско-православной идентичности происходили существенные изменения. В частности, в Поволжье и Приуралье рост влияния татарских элит и ислама заставили идеологов русского проекта национального строительства в регионе Н. И. Ильминского, В. В. Григорьева и их последователей перейти к тактике поддержки отдельных, особых этнических идентичностей народов Поволжья и Приуралья[32]. Курс на фрагментацию инородческих идентичностей должен был привести если не к приостановке, то, во всяком случае, к замедлению процесса «поглощения» нерусских групп русскими. С начала XX в. получили распространение представления о русских в сугубо этническом, «узком» ключе[33].

Таким образом, русское население Башкортостана складывалось не только путем миграций и естественного прироста, как принято считать, но и благодаря «вливаниям» в него значительных групп нерусских, преимущественно православных, этнических групп, которые происходили на протяжении всей истории взаимодействия русских с местным населением на этой территории. При этом существующие на сегодняшний день исследовательские методики не всегда позволяют выявить эти идентификационные перемены. Изменения идентичности не отражаются в итоговых материалах переписей, они трудны для фиксации и требуют проведения выборочных этносоциологических и полевых этнографических исследований. Однако такая работа необходима, поскольку она позволит понять природу информации, собираемой в ходе массовых переписей и, возможно, более критически отнестись к цифрам, фигурирующим на страницах этнодемографических исследований.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Пименов В. В.** Удмурты : Опыт компонент. анализа этноса. М., 1977. С. 72.

[2] См.: **Пименов В. В.** Указ. соч. ; Взаимодействия этносов на Южном Урале : Комплекс. этнолого-антропол. исслед. Уфа, 2006. 240 с.

---

* Известный этнограф Поволжья И. Н. Смирнов писал в конце XIX в., что «национальное самосознание морды в высшей степени слабо: они как будто даже стыдятся своего мордовского происхождения» (цит. по: **Лаллукка С**. Указ. соч. С. 343).

[3] **Коростелев А. Д.** К проблеме изучения этнически смешанных селений Урало-Поволжья // Мы и как удмурты, и как чуваши...: взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях. М., 2007. С. 8.

[4] См.: Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2007. 312 с. ; **Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Шерстобитова Ж. В.** Мордва Западной Сибири : в 2 ч. Ч. 1 : Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции. Саранск, 2009. 112 с. ; Мордва Саратовской области : в 2 ч. Ч . 1 : Петровский район / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2009. 200 с. ; Мордва Дальнего Востока / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2010. 312 с. ; **Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Гармаева Т. В.** Мордва Циркумприбайкальского региона и Республики Хакасия. Саранск, 2010. 268 с. ; Мордва Саратовской области / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2013. ; Мордва Владимирской области / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2013. 184 с.

[5] Об этом подробнее см.: Народы Башкортостана : Историко-этногр. очерки. Уфа, 2002. С. 3 — 50 ; **Аксенова Т. В.** Мордовская диаспора в Башкирии // Центр и периферия. [Саранск]. 2012. № 3. С. 122 — 124.

[6] См., например: **Усманов А. Н.** Добровольное присоединение башкир к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 100 ; **Макаров Л. Д.** Славяне в Прикамье: этапы заселения // Историческая демография русских Башкортостана : докл. науч.-практ. конф. 28 — 29 нояб. 2002 г. Уфа, 2002.

[7] См.: **Миллер А. И.** Империя Романовых и национализм : эссе по методологии ист. исслед. М., 2006. С. 74.

[8] См.: **Тарасов Ю. М.** Русская крестьянская колонизация Юж-ного Урала: вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984. С. 40.

[9] **Сафин Ф. Г.** Этнополитическое развитие Башкортостана в XX в.: социолингвистический аспект. Казань, 2004. С. 95.

[10] См.: **Кучумов И. В.** К проблемам идентичности и межкультурного взаимодействия. Уфа, 2010. 136 с.

[11] См.: **Кузеев Р. Г.** Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 186 — 188.

[12] Там же. С. 189.

[13] См.: **Миллер А. И.** Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 342.

[14] См.: **Миллер А. И.** Русский национализм в империи Романовых. С. 166.

[15] См.: **Кузеев Р. Г.** Указ соч. С. 259.

[16] См.: **Щербаков А. С.** История формирования этнотерриториальной группы мордвы Башкирского Приуралья // Этностатистические траектории Южного Урала : Динамика расселения народов Башкирии : сб. ст. М., 2006. С. 198 — 227.

[17] См., например: **Кузеев Р. Г.** Указ. соч. ; **Мурзабулатов М. В.** Мордовское население Башкортостана : исслед. и материалы. Уфа, 1995. 58 с. ; **Щербаков А. С.** Мордовское население Башкортостана : очерк соврем. этнич. процессов. Уфа, 2005. 218 с. ; **Аксенова Т. В.** Указ. соч.

[18] См.: **Щербаков А. С.** Мордовское население Башкортостана… С. 17 — 18.

[19] См.: **Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.** Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Совет. этнография. 1955. № 4.

[20] См.: **Милов Л. В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

[21] См.: **Щербаков А. С.** Мордовское население Башкортостана… С. 143.

[22] См.: **Кучумов И. В.** Указ. соч. С. 85 — 88.

[23] СПбАРАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 35.

[24] См.: **Щербаков А. С.** История формирования этнотерриториальной группы… С. 207 — 208.

[25] СПбАРАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 35. Л. 19, 30, 40, 88.

[26] Там же. Л. 93, об.

[27] Там же. Л.183, 187.

[28] См., например: Мы и как удмурты, и как чуваши...

[29] Подробнее об этом см.: **Кучумов И. В.** Указ. соч. С. 83 ; **Тишков В. А.** Этнология и политика : ст. 1989 — 2004 гг. М., 2005. С. 46.

[30] См.: **Щербаков А. С.** Мордовское население Башкортостана… С. 143.
[31] **Лаллукка С.** Восточно-финские народы: анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 53.
[32] См.: **Миллер А. И.** Русский национализм в империи Романовых. С. 342.
[33] Там же. С. 342 — 343, 346.

Поступила 19.06.2014 г.

УДК 929Ушаков

В. Д. Овчинников
V. D. Ovchinnikov

АДМИРАЛ Ф. Ф. УШАКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: историографический обзор

ADMIRAL F. F. USHAKOV IN THE NATIONAL MILITARY-HISTORICAL LITERATURE: a Historiographical Overview

Ключевые слова: Ушаков, Висковатов, Веселаго, Кладо, Тарле, Черноморский флот, Севастополь, Корфу, военно-морское искусство.

В статье проводится историографический анализ работ, посвященных жизни и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Key words: Ushakov, Viskovatov, Veselago, Klado, Tarle, the Black Sea Fleet, Sevastopol, Corfu, naval art.

The historiographical analysis of works, devoted to the life and activity of Admiral F. F. Ushakov is made in the article.

История жизни и деятельности прославленного русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова являлась предметом изучения для многих известных историков, таких как Е. И. Аренс, П. И. Белавенец, Ф. Ф. Веселаго, А. В. Висковатов, В. Ф. Головачев, Н. Л. Кладо, Д. А. Милютин, Р. Н. Мордвинов, Ф. В. Носов, Р. К. Скаловский, А. М. Станиславская, Е. В. Тарле и многие другие. В их трудах сконцентрирован значительный историографический материал, который для более углубленного исследования можно условно разделить на 3 периода: первый (1828 — 1917 гг.); второй (1917 — 1991 гг.) и третий (1991 г. — по настоящее время). В основу указанной периодизации положена эволюция господствовавших в отечественной историографии взглядов на роль Ф. Ф. Ушакова в истории Российского флота и военно-морского искусства.

Первый период характеризуется накоплением исторического материала и систематизацией военно-исторических знаний, поэтому большинство работ этого этапа носит описательный характер. В числе первых отечественных историков,

© Овчинников В. Д., 2014

взявшихся за обобщение материалов, связанных с действиями Черноморского флота и, соответственно, с деятельностью адмирала Ф. Ф. Ушакова, был А. В. Висковатов[1]. Подтверждая факт неразработанности темы, автор в предисловии к своему труду отмечал следующее: «К сожалению, у нас еще нет до сего времени подробных сведений о сих славных подвигах, тогда как англичане, французы и другие просвещенные народы, имеющие флоты, умели сохранить и передать потомству самые мелочные дела своих мореходцев»[2].

Указанный труд отличается подробностью изложения исторических событий, происходивших на Черном море в конце XVIII в. Автор использовал обширный фактический материал, основу которого составили шканечные (вахтенные) журналы и воспоминания участников событий, но, к сожалению, без ссылок на конкретные источники. Вместе с тем, описывая события, А. В. Висковатов не подверг их анализу и обобщению, ограничившись лишь короткими оценками деятельности Ф. Ф. Ушакова. В частности, им отмечалось, что «Ф. Ф. Ушаков принадлежит к числу славнейших и искуснейших адмиралов нашего флота», который «обладал всеми качествами хорошего флотоводителя»[3].

Более развернутая характеристика деятельности Ф. Ф. Ушакова содержится в работе А. В. Висковатова, посвященной союзу России и Турции[4]. Высокую оценку Ушакову Висковатов дал и в работе, посвященной действиям русской эскадры у о. Корфу: «Сей отличный флотоводец и сотрудник Потемкина по Черноморскому краю принадлежит к числу тех знаменитых людей, коих имена украшают историю царствования бессмертной Екатерины»[5].

Важно отметить, что А. В. Висковатов оценил Ф. Ф. Ушакова и как умелого воспитателя, говоря о том, что его офицеры «по всей справедливости могли назваться цветом Русского флота: все они своим поведением, служа примером подчиненным, умели снискать неограниченное к себе уважение и покорность турок, и способствовали к поддержанию той чести, какую победоносный флаг приобрел во мнении чужестранцев»[6].

В вышеназванных работах восстановлена и подробно изложена хронология событий по овладению эскадрой Ф. Ф. Ушакова крепостью Корфу, блокаде Анконы и освобождению юга Италии, дано точное соотношение сил и описание всех крепостных сооружений противника, что подчеркивает все величие одержанной Ушаковым победы. К сожалению, А. В. Висковатов практически не оставил аналитических заключений.

Одним из фундаментальных трудов по исследуемой проблеме является работа первого биографа адмирала Р. К. Скаловского[7]. До настоящего времени она входит в число наиболее авторитетных трудов по истории Черноморского флота и деятельности знаменитого флотоводца, что послужило поводом для ее переиздания в наши дни с уточнением даты и места рождения флотоводца[8]. В ней дан первый очерк истории морских сил юга России до 1768 г., подробно рассмотрены все этапы службы Ф. Ф. Ушакова, охарактеризованы его личность и деятельность, правда, скорее, эмоциональная, чем рациональная[9]. В труде изложен ход морских сражений, при этом автор впервые использовал схемы, составленные на основе донесений Ушакова. Достаточно полно исследованы вопросы состояния материальной и технической базы флота и изменения его численного состава. В отличие от работ Висковатова, Скаловским впервые широ-

ко использованы архивные документы, в том числе рескрипты, ордеры, донесения и рапорты.

Несмотря на очевидные положительные моменты работы Р. К. Скаловского, в ней было положено начало противоречию в вопросе о месте рождения Ф. Ф. Ушакова. Не имея на то никаких оснований, Скаловский указал, что «Федор Федорович Ушаков родился в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от несостоятельных родителей, оставивших ему в наследство 19 ревизских душ»[10]. В результате во всех последующих работах эта версия была поддержана, растиражирована и прочно утвердилась в отечественной историографии. Лишь в 1990 г. нам удалось установить точную дату и место рождения адмирала: 13 февраля 1745 г. в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции[11].

Характеристика деятельности Ф. Ф. Ушакова отражена в фундаментальном исследовании Д. А. Милютина[12]. На обширном архивном материале автор осветил ход и основные этапы коалиционной войны против Франции 1798 — 1800 гг., вопросы взаимодействия армии и флота. Однако в данном труде в основном раскрывается сухопутный театр военных действий, поэтому морской аспект войны затрагивается не достаточно глубоко.

Вклад Ф. Ф. Ушакова в строительство пункта базирования Черноморского флота в Севастополе описывается в работе В. Ф. Головачева[13]. Это исследование, несмотря на его название, с полным основанием можно причислить к биографическим изданиям об адмирале Ушакове, так как автор особое внимание уделил его деятельности, связав ее с историей строительства Севастополя.

С трудом В. Ф. Головачева сходна работа З. А. Арказа[14], в которой рассмотрены отдельные аспекты начального периода строительства Черноморского флота и описана его боевая деятельность под командованием Ф. Ф. Ушакова до 1798 г. Работа Арказа примечательна и тем, что в ней автор дал оценку Ушакову как организатору и военному администратору.

К этому же периоду относится труд М. Мазюкевича[15], в котором сделана попытка исследования совместных действия армий и флотов мира. Достойное место уделено и действиям соединенной русско-турецкой эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова против морских крепостей на Средиземном море. Важно отметить, что автор на основе вышеупомянутых работ А. В. Висковатова и Д. А. Милютина не только привел подробное описание военных действий, но и дал очень важную и объективную характеристику русской эскадре и ее командующему: «…хотя русские корабли по своим мореходным качествам уступали даже кораблям турецким, зато в тактическом образовании наши моряки если не превосходили, то, по крайней мере, стояли на одной степени совершенства с лучшими европейскими флотами. Все действия и распоряжения адмирала Ушакова обнаруживают в нем не только опытного и отважного моряка, но и замечательного политика»[16]. Это заключение принципиально важно для оценки уровня морской и тактической подготовки моряков русского флота того периода, особенно в контексте бытующего в западной и современной отечественной историографии мнения о несоизмеримости боевых возможностей русского и европейских флотов в XVIII в. и значительно более низком уровне подготовки наших флагманов.

Вместе с тем в работе М. Мазюкевича прослеживаются некоторые неточности, которые впоследствии стали устойчивыми стереотипами. Так, например,

автор называет причиной направления русской эскадры в Средиземное море в 1798 г. захват французами Мальты[17], характеризует адмирала Ушакова как малообразованного[18], что, как было установлено в процессе исследования, не соответствовало действительности.

Подробное описание истории Черноморского флота в так называемый Екатерининский период дал в своей работе Е. И. Аренс[19]. Автор, анализируя исторические события, попытался разобраться в элементах российской «морской силы» и их эволюции в зависимости от общих государственных условий, показывая роль адмирала Ф. Ф. Ушакова в этом процессе. Сражения Черноморского флота в войне 1787 — 1791 гг. Аренс рассматривал как «материал» для характеристики боевой деятельности флота и флотоводцев, «как конечные результаты стратегических решений и комбинаций». В этой связи он считал своей главной задачей изучение истории «в политическом и стратегическом отношении». Им же впервые в отечественной историографии введены термины «морская политика» и «морская стратегия»[20].

Вопросы создания и развития Черноморского флота в контексте истории всего русского флота нашли отражение в работе Ф. Ф. Веселаго[21]. Автор осветил основные этапы становления флота на Черном море, охарактеризовал деятельность Ф. Ф. Ушакова на посту командующего.

Весьма ценными представляются работы отечественных историков начала XX в., среди которых следует выделить монографию П. И. Белавенца[22]. В ней проведен исторический анализ значения флота в развитии Российского государства. Автор показал роль Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в «возвеличивании России». На основе исторического опыта он сделал вывод о необходимости укрепления флота.

Достаточно полно и подробно раскрыта боевая деятельность Ф. Ф. Ушакова во вторую Русско-турецкую войну 1787 — 1791 гг. и в период Средиземноморской кампании 1798 — 1800 гг. в многотомном труде «История русской армии и флота»[23]. В сущности, в нем использован весь ранее накопленный исторический опыт.

Среди трудов первого периода заметно выделяются работы В. П. Ильинского[24]. Он являлся одним из немногих историков, обратившихся непосредственно к исследованию жизни и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова. Важно и то, что Ильинский принимал активное участие в увековечении памяти флотоводца. Особенность работ Ильинского состоит в том, что автор не просто описал события, связанные с жизнью выдающегося русского флотоводца, но и проанализировал, оценил его деятельность[25]. Кроме этого, Ильинским подготовлены и опубликованы воспоминания офицера эскадры Ушакова периода Средиземноморской кампании 1798 — 1800 гг. — капитан-лейтенанта Егора Метаксы[26].

Работы, вышедшие в конце XIX — начале XX в., к сожалению, не в полной мере вобрали в себя боевой опыт адмирала Ф. Ф. Ушакова, хотя к этому времени уже был накоплен достаточный исторический материал, позволявший сделать определенные выводы о его вкладе в строительство флота и развитие военно-морского искусства. Однако этого не произошло. Это связано с тем, что во второй половине XIX в. в военно-морской среде предметом всеобщего обсуждения являлись теоретические споры, основанные, как правило, на опыте европейских флотов. Именно поэтому отечественные теоретики, и прежде всего С. О. Макаров, строили свои заключения, как правило, на историческом опыте деятельности

А. В. Суворова, Наполеона и Г. Нельсона[27], упуская при этом отечественный военно-морской опыт, сконцентрированный во флотоводческом наследии адмирала Ф. Ф. Ушакова. В результате деятельность Ф. Ф. Ушакова в рассматриваемый период не получила заслуживающей теоретической оценки. Хотя, несомненно, такие попытки существовали.

Так, автор первого в России исторического труда по морской тактике Е. В. Березин, характеризуя флотоводческую деятельность Ф. Ф. Ушакова, поставил его в один ряд с такими выдающимися флотоводцами XVIII в., как Д. Родни, А. Сюффрен, Д. Джервис, Г. Нельсон и Д. Сенявин. Отмечая его энергию, искусство и смелость, он, в частности, писал: «Контр-адмирал Ушаков был реформатором не менее решительным. В сражениях он становил свой корабль передовым и занимал самые опасные положения для руководства и поощрения своих командиров; стремясь к быстроте действий во время атак, он требовал, чтобы корабли перестраивались из походного ордера в боевой, не прекращая сближения с неприятелем; наконец, подобно Сюффрену, он требовал сближения с неприятелем на картечные дистанции и всегда настойчиво преследовал его после битвы»[28]. При этом, кстати, автор впервые и, по нашему мнению, необоснованно высказал мысль о том, что в действиях Ушакова «замечается полное отречение от прежних тактических правил»[29]. Между тем сам Ушаков отмечал следующее: «…нельзя соблюсти всех правил эволюции: иногда нужно делать несходное с оною, **не удаляясь, однако, главных правил** (выделено мной. — *В. О.)*, если возможно»[30]. Однако на этом в труде Березина, собственно, и закончилась оценка флотоводческого наследия выдающегося русского адмирала.

Справедливо по этому поводу высказался известный русский военно-морской историк и теоретик профессор Н. Л. Кладо: «А что значение Ушакова и его достойного ученика и преемника в работе в области русского военно-морского искусства — Сенявина не понимали и продолжают не понимать и теперь, показывают факты»[31]. Кладо, пожалуй, был единственным на тот период времени, кто обратился к обобщению боевого опыта адмирала Ф. Ф. Ушакова, отмечая, что «…характерные особенности творчества Ушакова не являются какой-либо новостью, которую нужно отрывать в архивах»[32]. Он произвел подробный тактический разбор его сражений, вскрыл истоки побед и по достоинству оценил «…личность Ушакова как новатора, как борца с рутиной, как человека, следовавшего лишь велениям своего здравого смысла, — выступает совершенно ярко и является совершенною противоположностью личности Грейга — типичного таланта, находившегося во власти рутины»[33].

Отдавая должное мужеству и твердости духа Ф. Ф. Ушакова, Н. Л. Кладо все же на первое место поставил его знания и высокий профессионализм. Именно на примере этих качеств Ушакова он предлагал воспитывать офицеров флота, о чем справедливо писал: «Здесь вот нам говорят — традиции наши — в „духе“. Нам выставляют на первый план Корнилова и Нахимова и заслоняют ими Ушакова и Сенявина»[34].

Вместе с тем анализ трудов, опубликованных в первый период, показывает, что их авторами не сделан качественный переход от накопления исторического материала о деятельности адмирала Ушакова к глубоким историческим и теоретическим обобщениям.

Особенностью второго периода является сочетание дореволюционной историографической традиции с новыми подходами в исследовании роли личности Ф. Ф. Ушакова в истории отечественного флота. Рассматриваемая проблема освещалась в основном в трудах наших соотечественников-эмигрантов. Так, в 20 — 30-х гг. XX в. был опубликован ряд статей известного русского военно-морского теоретика А. Д. Бубнова[35]. С учетом исторического опыта, в том числе и Ушакова, в этих работах уточнены определения морской силы государства, военной и морской политики, морской стратегии и тактики, их взаимосвязи с общегосударственной политикой. Автор сформулировал общие задачи, решаемые флотом в соответствии с военно-политическими целями государства. Исследованы вопросы взаимодействия армии и флота, их взаимное влияние друг на друга, а также на ход и исход войны. Особо подчеркнута роль флота на Черном море в разрешении Черноморской проблемы, заключающейся в обеспечении морских сообщений России со Средиземным морем.

Наибольший интерес представляет работа А. Д. Бубнова, посвященная исследованию роли личности в морском сражении[36]. Основу в успешной деятельности командующего автор, прежде всего, видел в силе его духовных качеств. Говоря об этом, он отмечает, что «развитию боевого творчества способствует так называемая „школа“ выдающихся вождей, которые постоянным духовным общением со своими сотрудниками как бы передают им частицу своего духа и любви к делу (каковы были, например, Нельсон и Ушаков). Но самих родоначальников этих школ — Нельсона, Суворова и Ушакова — создали не школы, а природные богатства их духа, разработанные постоянным трудом и жизнью в природе войны»[37].

Недооценка отечественного военно-морского опыта, в том числе и Ф. Ф. Ушакова, отмечается П. Ф. Келлером: «Наша русская военная и военно-морская история дает нам богатейший материал для суждения, в чем именно заключается секрет побед наших великих полководцев и флотоводцев… Наши морские ученые, к сожалению, были настолько ослеплены западно-европейскими образцами, что сравнительно мало обращали внимания на тот кладезь, который хранится в действиях наших собственных флотоводцев от Петра Великого, через Ушакова и Сенявина, вплоть до Эссена и Эбергарда»[38].

Частично восполнить данный пробел позднее попытался Г. Гельмерсен[39]. Подробно описав сражения при Калиакрии и Абукире, автор дал сравнительную оценку тактике действий в них флагманов. Однако, на наш взгляд, он, как и его предшественники в отечественной историографии, поддержал идею заимствования Г. Нельсоном тактических приемов, произведенных Ф. Ф. Ушаковым. И это несмотря на то что сражение при Калиакрии происходило в открытом море и на ходу, а сражение при Абукире — в бухте и на якоре, что по определению подразумевало разницу в тактических действиях.

В 40 — 50-х гг. XX столетия уже в СССР вышел ряд работ, посвященный жизни и деятельности Ф. Ф. Ушакова[40]. Однако следует отметить, что в подавляющем большинстве из них описание исторических событий и оценка деятельности флотоводца из-за слабой документальной базы носили пропагандистский и не всегда объективный характер. Личность адмирала Ушакова изображалась в соответствии с политическим заказом того времени. Это, прежде всего, выразилось в стремлении авторов приблизить Ушакова к простому народу и противопо-

ставить его самодержавию. В этой связи научная значимость указанных работ представляется ограниченной.

В рассматриваемый период вышло несколько работ с оценкой вклада адмирала Ф. Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства. К ним, в первую очередь, относятся статьи Н. М. Коробкова, Ю. Ф. Ралля, С. И. Исакова и Р. Н. Мордвинова. С одной стороны, авторы справедливо упрекали дореволюционных военно-морских теоретиков в отсутствии адекватной оценки деятельности адмирала, а с другой — ему же (Ушакову) приписывали все приоритеты в развитии военно-морского искусства XVIII в. Кроме того, в указанных работах, на наш взгляд, идеологическая сторона в оценке флотоводческой деятельности Ушакова превалирует над теоретической.

В годы Великой Отечественной войны профессор Н. М. Коробков выступил с рядом статей, посвященных боевой деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова и его вкладу в развитие военно-морского искусства. В них автор, по аналогии с А. В. Суворовым и тактикой, «которую установил на суше великий фельдмаршал», объявил Ушакова создателем «активной морской маневренной тактики» и «решительным борцом с закостенелой западной линейной тактикой»[41]. Мнение одного из наиболее известных на тот период времени исследователей истории русского флота сформировало устойчивый стереотип по этому вопросу. Вполне закономерно, что в 1945 г. в своей статье, посвященной тактике адмирала Ушакова, вице-адмирал Ю. Ф. Ралль использовал практически тот же термин — «новая наступательная тактика»[42]. Этого же термина придерживался и академик Е. В. Тарле[43]. В 1950 г. капитан 1-го ранга И. П. Зюзенков говорил о «тактике решительного боя»[44]. В 1951 г. капитан 1-го ранга Р. Н. Мордвинов окончательно закрепил в научном обороте термин «маневренная тактика»[45], который впоследствии вошел в учебники[46] и энциклопедические издания[47].

По нашему мнению, вышеназванные авторы в своих суждениях противоречили существовавшим на тот исторический период взглядам на периодизацию развития морской тактики, что явилось основанием для возникновения неоднозначных высказываний относительно вклада Ф. Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Отдельно следует отметить труды Е. В. Тарле[48] и Г. П. Шторма[49]. Сохраняя соответствующую идеологическую направленность — непременный атрибут того времени, работа Тарле аккумулировала в себе опыт многих его предшественников (в том числе упомянутые работы Р. К. Скаловского и В. П. Ильинского) и подкреплена новыми документами внешнеполитического ведомства. Обобщен и другой обширный архивный материал: книгу Тарле отличает большое знание автором эпохи конца XVIII — начала XIX в.

Работа Г. П. Шторма, несмотря на свой научно-популярный характер, примечательна глубоким анализом всей предшествующей военно-исторической литературы о жизни и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова. Шторм систематизировал и ввел в научный оборот множество ранее невостребованных документов из центральных архивов страны. Важно, что автор уделил особое внимание исследованию неизвестных биографических данных о флотоводце, в частности, касающихся даты и места его рождения. Шторм первым начал эту работу. В Центральном государственном историческом архиве (ныне РГИА) он обнаружил подлинную

родословную Ушаковых[50], где указывалось, что имение за ними стоит в сельце Бурнаково Романовского уезда Ярославской провинции, а не в Тамбовской губернии, как было принято считать ранее. В Центральном государственном архиве древних актов (ныне РГАДА) им же была найдена «Скаска недоросля Федора Ушакова»[51] (автобиография) со ссылкой на Романовский уезд как место жительства Ушаковых. Архивные изыскания Шторма легли в основу другой его книги[52], однако установить дату и место рождения Ушакова ему так и не удалось.

Наиболее основательно деятельность Ф. Ф. Ушакова в период Средиземноморской экспедиции 1798 — 1800 гг. была исследована известным советским историком А. М. Станиславской[53]. По своей значимости эта работа стоит в одном ряду с трудом Р. К. Скаловского. Станиславская на богатом документальном материале, извлеченном из Архива внешней политики Российской империи, дала глубокий анализ деятельности адмирала Ушакова по созданию на Ионических островах новой государственности, показав многогранность его таланта. Однако, на наш взгляд, автор не до конца исследовал ряд фондов и дел указанного архива, недостаточно отразил военный аспект деятельности Ушакова, в результате в работе не получилось целостной оценки флотоводца.

Кроме того, введенный А. М. Станиславской в научный оборот термин «политическая деятельность» применительно к Ф. Ф. Ушакову не совсем точно отражает ее содержание. Отчасти это касается и термина «военно-дипломатическая деятельность» Ушакова. Фактически же Ушаков не участвовал в работе политических партий и не занимался политическим устройством государств. Все политические установки определялись императором Павлом I и главами союзных государств. Дипломатическую деятельность осуществляли Коллегия иностранных дел и штатные российские дипломаты в странах пребывания. С другой стороны, не стоит отрицать и факта участия Ушакова в переговорах союзных представителей. Однако обсуждаемые на них вопросы касались формирования коалиционной стратегии и конкретных планов ведения вооруженной борьбы с республиканской Францией. На освобожденных Ионических островах он занимался вопросами государственного устройства. В этой связи более точным является определение его деятельности как «военно-государственная».

Вопросы, связанные с действиями Российского флота на Средиземном море, и, в частности, Средиземноморской экспедиции адмирала Ф. Ф. Ушакова дали в своем труде В. А. Золотарев и И. А. Козлов[54]. На основе опыта отечественной историографии авторы описали историю создания российского Черноморского флота, взаимодействия флота и армии в противоборстве с Османской империей на Черном и Средиземном морях; показали роль и значение деятельности адмиралов Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина, а также влияние этой деятельности на ход исторического развития.

В контексте этого труда, а также работ В. П. Ильинского и Е. В. Тарле в 1990 г. вышла монография П. Е. Гармаша[55], в которой в хронологической последовательности воспроизведен штурм крепости Корфу.

Важным элементом в исследовании флотоводческого наследия адмирала Ф. Ф. Ушакова являются сведения о тактико-технических элементах и других качественных характеристиках кораблей Черноморского флота, на которых ему приходилось сражаться. В этом отношении примечательны работы историка-

кораблестроителя А. Г. Сацкого[56]. В них подробно описаны конструктивные особенности кораблей, исследована история их создания и эксплуатации, а также участие Ушакова в данном процессе; дан глубокий анализ влияния конструктивных особенностей кораблей черноморской постройки на эффективность их боевого применения.

Во второй период был защищен ряд диссертаций. Среди наиболее близких по проблеме исследования является работа Ф. В. Носова[57]. Он первым из советских историков обобщил боевой опыт применения Черноморского флота в Русско-турецкой войне 1787 — 1791 гг. На основе донесений командующего флотом контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова и работы Р. К. Скаловского диссертантом были составлены схемы сражений и проведен их анализ. Однако диссертация в значительной степени отражает идеологическое влияние эпохи, что повлекло за собой преувеличение Носовым заслуг отечественных флагманов (а порой и неверную оценку их деятельности), прежде всего адмирала Ушакова, в развитии военно-морского искусства и принижение роли зарубежных флотоводцев. Все это, несомненно, отразилось на результатах исследования.

Характеризуя в целом рассматриваемый историографический период, следует отметить, что он был отмечен большой активностью советских историков в исследовании жизни и деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова. В основном они вобрали в себя предшествующий историографический опыт по данной теме. Однако при этом в рамках советской историографии возникло системное противоречие во взглядах на периодизацию истории морской тактики и вклада адмирала Ушакова в развитие военно-морского искусства. Основным недостатком большинства указанных работ является слабая документальная база исследования. Многие факты биографии Ф. Ф. Ушакова носят легендарный характер. Это, прежде всего, относится к личной биографии флотоводца. Прослеживается недостаточно объективная оценка его флотоводческой и военно-государственной деятельности. Практически все труды об адмирале, написанные в советский период, имеют ярко выраженный идеологический характер.

Третий — постсоветский период характеризуется большей свободой авторов в суждениях и оценках исторических событий и отсутствием идеологического и политического влияния со стороны государства, характерного для советского периода. К этому периоду относится ряд военно-исторических трудов отечественных авторов[58], вобравших в себя историографический опыт первых двух периодов и в какой-то степени дополнивших его. Однако при этом подавляющее большинство современных исследователей, оценивая флотоводческую деятельность адмирала Ф. Ф. Ушакова, остаются на позициях отечественных историков 1940 — 50-х гг. Деятельность адмирала Ушакова рассматривается в них в основном в контексте общей истории отечественного флота.

Наиболее объективная характеристика флотоводческой деятельности Ф. Ф. Ушакова, на наш взгляд, дана в работах В. Ю. Грибовского[59]. В них автор всестороннее исследовал вооружение и конструктивные особенности кораблей Черноморского флота, провел сравнительный анализ материальной части российского и турецкого флотов и сделал вывод о значительном превосходстве в этом отношении флота противника. На основе шканечных журналов русских кораблей автор составил подробные (поэтапно) схемы сражений и произвел общий тактический разбор

действий Черноморского флота под командованием адмирала Ушакова. Грибовский первым обратил внимание на несоответствие преобладающих в нашей стране взглядов на вклад Ушакова в развитие военно-морского искусства основам морской тактики и указал на имеющиеся противоречия[60].

Существенным вкладом в историографию жизни и деятельности Ф. Ф. Ушакова является статья А. Г. Сацкого[61]. Автору удалось найти ряд ранее неизвестных документов, касающихся командного состава флота, на основании которых у него сложилась своя оригинальная точка зрения на личность и деятельность Ушакова. Однако в статье прослеживаются некоторые неточности, что, впрочем, не снижает ценности работы в целом.

Отдельные аспекты деятельности адмирала Ф. Ф. Ушакова по духовно-нравственному воспитанию подчиненных изложены в диссертации А. Б. Бадьянова[62]. Автором сделана первая попытка исследования духовно-нравственного наследия адмирала Ф. Ф. Ушакова. В диссертации отмечено, что «на флоте военная школа обучения и воспитания личного состава создавалась адмиралом Ф. Ф. Ушаковым», и показано несколько направлений его деятельности.

Не менее важной для исследования явилась брошюра И. Б. Ушакова и О. К. Бумай о деятельности Ф. Ф. Ушакова в сохранении физического и нравственного здоровья морских служителей[63]. Это первая попытка на основе достижений современной медицины оценить значение деятельности флотоводца в этой области. Исследование проведено авторами по трем основным направлениям: условия (качество) жизни, неустанная деятельность и духовное состояние человека при их взаимосвязи и взаимообусловленности. Единственным недостатком работы можно считать малое количество источников.

Другой работой, характерной для третьего периода, является труд В. Д. Доценко[64]. В нем автор, по нашему мнению, также бездоказательно утверждает о существовании маневренной тактики парусного флота, однако, приписывая ее создание не Ф. Ф. Ушакову, а английскому адмиралу «Роднею» (Дж. Родни. — *В. О.*)[65]. Труд голландского адмирала (контр-адмирала русской службы) И. Г. Кинсбергена[66] автор считает «руководством по линейной тактике», в котором вместе с тем, по его мнению, «впервые в России сформулированы принципы маневренной тактики»[67].

На наш взгляд, труд В. Д. Доценко является примером, подтверждающим кризисное состояние современной отечественной военно-исторической мысли, касающейся истории развития парусного флота, и усугубляет сложившееся в 40 — 50-х гг. XX в. системное противоречие по вопросу вклада Ф. Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства.

Другой работой последних лет является труд А. А. Лебедева[68], в котором рассматривается предыстория создания Черноморского флота. Однако в оценках деятельности Ф. Ф. Ушакова автор в основном ссылается на труды В. Д. Овчинникова[69]. В двух последующих работах Лебедев уже обратился непосредственно к деятельности Ушакова[70]. При этом он ограничился только анализом давно опубликованных документов, сделав заключение об условиях, при которых приходилось действовать Ушакову, и не касаясь вопросов его вклада в строительство Черноморского флота и развитие военно-морского искусства.

Наиболее цельной работой последнего времени является фундаментальный труд Г. А. Гребенщиковой[71]. В нем детально и скрупулезно исследованы все эта-

пы создания флота на Черном море от Азовской флотилии до сил Черноморского флота, роль и место в данном процессе Ф. Ф. Ушакова. Особое внимание уделено технической и организационной составляющим процесса: вооружению, местам производства, способам доставки и порядку финансирования. Подробно описаны конструктивные особенности кораблей черноморской постройки, их достоинства и недостатки. Большое внимание уделено анализу кораблестроительных программ. Однако автор не ставила для себя целью более углубленно исследовать боевые действия Черноморского флота под командованием Ушакова.

Таким образом, историографический анализ показал, что в отечественной военно-исторической науке сформировалось системное противоречие во взглядах на вклад Ф. Ф. Ушакова в развитие военно-морского искусства. Исследователи более раннего (первого) периода считали его талантливым новатором морской тактики (тактики парусного флота). Начиная с 40-х гг. XX в. исследователи второго и значительная часть третьего периодов считали и продолжают считать Ушакова создателем новой «маневренной» тактики.

В прямой постановке ни в одной из работ не рассматривался весь спектр многогранной боевой, военно-административной и военно-государственной деятельности Ф. Ф. Ушакова. При этом деятельность флотоводца по подготовке сил флота практически упущена, хотя, несомненно, некоторые принципы обучения и воспитания, сформулированные и внедренные в практику боевой подготовки отечественного флота Ушаковым, в указанных трудах нашли свое отражение.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Висковатов А. В.** Взгляд на военные действия россиян на Черном море и Дунае с 1787 по 1791 г. СПб., 1828.

[2] Там же. С. 1.

[3] Там же. С. 77.

[4] См.: **Висковатов А. В.** Союз России с Турцией и русский флот в Константинополе в 1798 г. // Северная пчела. 1833. № 46 — 49.

[5] **Висковатов А. В.** Блокада и осада Корфу 1798 — 1799 г. // Сын Отечества. 1828. № 3. С. 257.

[6] Там же. С. 259.

[7] См.: **Скаловский Р.** Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856. Ч. 1.

[8] Там же. 2006. С. 12 — 13.

[9] Там же. 1856. Ч. 1. С. 164 — 165, 170.

[10] Там же. С. 4 — 5.

[11] ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 781. Л. 14.

[12] См.: **Милютин Д. А.** История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I : в 5 т. СПб., 1852 — 1853.

[13] См.: **Головачев В. Ф.** История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. С. 147 — 191.

[14] См.: **Арказ З. А.** Начало учреждения российского флота на Черном море и его действия с 1778 по 1798 г. // Зап. Одес. о-ва истории и древностей. Одесса, 1860. Т. 2. Отд-ние 2. С. 261 — 309.

[15] См.: **Мазюкевич М.** Прибрежная война. Десантные экспедиции и атака приморских укреплений : военно-ист. обзор. СПб., 1874. С. 77 — 123.

[16] Там же. С. 87.

[17] Там же. С. 78.

[18] Там же. С. 88.

[19] См.: **Аренс Е. И.** История русского флота: Екатерининский период. СПб. ; Николаев, 1897.

[20] Там же. С. 6 — 7.

[21] См.: **Веселаго Ф. Ф.** Краткая история русского флота. СПб., 1893. Т. 1.

[22] См.: **Белавенец П. И.** Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб., 1910.

[23] См.: **Новиков Н. В.** Создание флота на Черном море : Вторая турец. война // История русской армии и флота. М., 1912. Т. 8. С. 84 — 115 ; **Каллистов Н. Д.** Флот в царствование императора Павла I // История русской армии и флота. М., 1913. Т. 9. С. 1 — 65.

[24] См.: **Ильинский В. П.** Адмирал Ушаков в Средиземном море. СПб., 1914 ; **Его же.** К биографии Ф. Ф. Ушакова : Борьба с чумой в Херсоне в 1783 г. // Морской сборник. 1915. № 4. С. 1 — 15 ; **Его же.** Адмирал Ф. Ф. Ушаков : К 100-летию со дня смерти // Морской сборник. 1919. № 3. С. 57 — 84; № 4. С. 65 — 90; № 5 — 6. С. 83 — 103; № 7 — 8. С. 147 — 166.

[25] См.: **Ильинский В. П.** К биографии Ф. Ф. Ушакова… С. 1 — 15.

[26] См.: **Метакса Е. П.** Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы, заключающие в себе повествование о военных подвигах Российской эскадры, покорившей под начальством адмирала Федора Федоровича Ушакова Ионические острова при содействии Порты Оттоманской в 1798 и 1799 годах. Пг., 1915.

[27] См.: **Макаров С. О.** Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943. С. 139.

[28] **Березин Е.** Морская тактика : Часть ист. СПб., 1880. С. 157 — 158.

[29] Там же. С. 159.

[30] Материалы для истории Русского флота. СПб., 1895. Ч. 15. С. 156 — 157.

[31] **Кладо Н. Л.** Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. С. 374.

[32] Там же. С. 372.

[33] Там же. С. 373.

[34] Там же. С. 443.

[35] См.: **Бубнов А. Д.** Краткий очерк эволюции русской морской проблемы в XVIII и XIX столетии // Зарубежный морской сборник. [Пильзен]. 1929. № 6 ; Основы Русской морской политики // Морской журнал. [Прага]. 1936. № 101 — 102.

[36] См.: **Бубнов А. Д.** Командующий флотом в сражении // **Козырь И. В.** От Цусимы до Рагузы. С. 140 — 246.

[37] Там же. С. 150.

[38] **Келлер П. Ф.** Национальная военная доктрина // Морской журнал. 1938. № 4. С. 8.

[39] См.: **Гельмерсен Г.** Федор Федорович Ушаков 1752 — 1817 : Бой у Калиакрии 31 июля 1791 г. Горацио Нельсон 1758 — 1805 : Бой у Абукира 1 августа 1798 г. // Военная быль. [Париж]. 1972. № 117.

[40] См.: **Андрющенко А. И.** Адмирал Ушаков. М., 1951 ; **Анциферов В.** Адмирал Ушаков. М., 1940 ; **Богомолов Н. А.** Адмирал Ф.Ф. Ушаков. М., 1944 ; **Зонин А. И.** Федор Федорович Ушаков. М., 1944 ; **Корниенко Д. И.** Великий русский флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков. М., 1951 ; **Кровяков Н.** Русские в Корфу. М., 1943 ; **Носов Ф. В.** Адмирал Ушаков. Л., 1955 ; **Снегирев В. Л.** Адмирал Ушаков : Очерк жизни и деятельности великого рус. флотоводца. М., 1943 ; **Таланов А.** Адмирал Ушаков // Знамя. 1941. № 4. С. 142 — 160.

[41] **Коробков Н.** Творец решительной и смелой тактики // Красный флот. 1942. 9 окт. ; **Его же.** Адмирал Ушаков — создатель русской военно-морской тактики // Там же. 1944. 22 марта ; **Его же.** Творец русской наступательной морской стратегии // Там же. 1945. 14 окт.

[42] См.: **Ралль Ю. Ф.** Наступательная тактика адмирала Ф. Ф. Ушакова // Морской сборник. 1945. № 7. С. 48.

[43] См.: **Тарле Е. В.** Адмирал Ф. Ф. Ушаков на Средиземном море в 1798 — 1800 гг. // Там же. № 11 — 12. С. 124.

[44] См.: **Зюзенков И. П.** Русское военно-морское искусство во второй половине XVIII века. М., 1950. С. 3.

[45] См.: **Мордвинов Р. Н.** Адмирал Ф. Ф. Ушаков // Русское военно-морское искусство : сб. ст. М., 1951. С. 123.

[46] См.: **Козлов И. А.** История военно-морского искусства : учеб. М., 1963. С. 103 ; История военно-морского искусства : учеб. М., 1969. С. 57.

[47] См.: Советская военная энциклопедия : в 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 242 ; Военная энциклопедия : в 8 т. М., 2004. Т. 8. С. 15.

[48] См.: **Тарле Е. В.** Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948.

[49]См.: **Шторм Г. П**. Ф. Ф. Ушаков. М., 1947.

[50] РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573.

[51] РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 499. Л. 549.

[52] См.: **Шторм Г. П.** Страницы морской славы. М., 1954.

[53] См.: **Станиславская А. М.** Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1983.

[54] См.: **Золотарев В. А., Козлов И. А.** Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988.

[55] См.: **Гармаш П. Е.** Штурм Корфу. М., 1990.

[56] См.: **Сацкий А. Г.** Начало создания Черноморского флота // Вопр. ист. 1985. № 8. С. 177 ; **Его же.** Штаты Черноморского парусного флота // Судостроение. 1986. № 9 ; **Его же.** Линейные корабли Черноморского флота конца XVIII века // Морской исторический сборник. СПб., 1992. № 3. С. 3 — 17.

[57] См.: **Носов Ф. В.** Русский Черноморский флот в Русско-турецкой войне 1787 — 1791 гг. : дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1952.

[58] См.: **Грибовский В. Ю., Раздолгин А. А.** История Российского флота. СПб., 1996 ; **Григорьев А. Б.** Вера и Верность : Очерки из истории отношений Рус. православ. церкви и Рос. армии. Жуковский ; М., 2005. С. 310 — 320 ; История флота государства Российского / В. П. Зимонин [и др.] : в 2 т. М., 1996 ; **Золотарев В. А.** Ф. Ф. Ушаков : К 200-летию Средиземномор. похода // Под Российским Андреевским флагом. М., 2000. С. 21 — 73 ; Три века Российского флота : в 3 т. / В. Ю. Грибовский [и др.] СПб., 1996 ; Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского / гл. ред. и сост. В. А. Юрчёнков / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. Саранск, 2006. 392 с. ; **Пресняков В. В.** Ф. Ф. Ушаков — адмирал российского флота // Центр и периферия. [Саранск]. 2009. № 2. С. 123 — 124.

[59] См.: **Грибовский В. Ю.** Российский Черноморский флот в морских сражениях Русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. СПб., 1994 ; **Его же.** Российский флот на Черном море : Страницы истории. 1696 — 1924 гг. СПб., 2012.

[60] См.: **Грибовский В. Ю.** Российский флот на Черном море. С. 92.

[61] См.: **Сацкий А. Г.** Федор Федорович Ушаков // Вопр. ист. 2002. № 3. С. 51 — 76.

[62] См.: **Бадьянов А. Б.** Роль духовно-нравственного фактора в российской армии : (Историко-социол. аспект) : дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. СПб., 2004.

[63] См.: **Ушаков И. Б., Бумай О. К.** Святой адмирал Федор Ушаков о нравственном и физическом здоровье. М. ; СПб., 2003. 84 с.

[64] См.: **Доценко В. Д.** История военно-морского искусства : в 4 т. СПб., 1999. Т. 1.

[65] Там же. С 55.

[66] См.: **Кинсберген И. Г.** Начальные основания морской тактики. СПб., 1791.

[67] **Доценко В. Д.** Указ. соч. С. 56.

[68] См.: **Лебедев А. А.** У истоков Черноморского флота России : Азов. флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черномор. флота (1768 — 1783 гг.). СПб., 2011.

[69] Там же. С. 415, 513 — 517, 566, 583 — 584, 591, 621, 624, 636 — 637, 639, 641, 643 — 644, 648.

[70] См.: **Лебедев А. А.** Г. А. Потемкин в создании Черноморского флота России // Гангут. 2011. № 62. С. 5 — 38 ; **Его же.** От Фидониси до Корфу : За кулисами больших побед Ф. Ф. Ушакова // Гангут. 2011. № 66. С. 14 — 32.

[71] См.: **Гребенщикова Г. А.** Черноморский флот в период правления Екатерины II : в 2 т. СПб., 2012. с. 512, 552.

Поступила 05.02.2014 г.

УДК 352»18»(470.40/.43)

Т. М. Гусева, А. С. Балясников
T. M. Guseva, A. S. Balyasnikov

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

SOCIAL COMPOSITION AND ACTIVITY OF BODIES OF MUNICIPAL PUBLIC ADMINISTRATION OF DISTRICT TOWNS OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Ключевые слова: уездный город, городское общественное управление, городская дума, купцы, мещане, административная опека, социально-экономическая деятельность.

Статья посвящена деятельности городских дум и управ в уездных городах Среднего Поволжья во второй половине XIX в. В данный период после принятия городового положения 1870 г. городское управление получило больше самостоятельности, что повлияло на улучшение жизни городов.

Key words: district town, municipal public administration, town council, merchants, petty bourgeoisies, administrative guardianship, social and economic activity.

The article deals with the activities of town councils and administrations in district towns of the Middle Volga Region in the second half of the XIX century. At that period, when the town regulations of 1870 were adopted, the town administration obtained more independence that had effect on improving the towns life.

В XIX в. произошли значительные перемены в социальной структуре городского населения, что привело к возрастанию роли города в экономической, общественно-политической и культурной жизни государства. Процесс усложнения жизнедеятельности городов вызвал потребность в их эффективной системе управления.

Основным законодательным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления до начала 70-х гг. XIX в., продолжала оставаться «Жалованная грамота» городам Екатерины II (1785 г.). Некоторые ее положения были фактически сведены на нет последующими законодательными актами, но при этом формально считались неотмененными, другие были «перечеркнуты» самой жизнью.

На основании «Жалованной грамоты» структура городского общественного управления складывалась из собрания городского общества и городской думы под руководством городского головы. Собрание выполняло роль распорядительного органа, а в обязанности думы входили текущие общественные дела. Городские думы были практически безвластны, не имели права самостоятельно решать даже незначительные хозяйственные вопросы, которые возлагались единолично на председателя городской думы — городского голову.

Городской голова в дореволюционной России являлся представителем городской думы и городской управы. Эта должность впервые была учреждена в 1785 г. Екатериной II по «Жалованной грамоте». Городской голова избирался на

© Гусева Т. М., Балясников А. С., 2014

четыре года городской думой и утверждался в должности либо министром внутренних дел, либо губернатором. Предоставляя городским головам столь значительную власть, правительство придавало большое значение персональному подбору кандидатур на этот пост. Служба на городских выборных должностях была непрестижной и крайне обременительной.

Во время проведения ревизии в г. Мокшане Пензенской губернии в 1871 г. ревизор так описал городскую думу: «Дума помещается в каменном одноэтажном общественном доме. Довольно уютном с виду, внутри расположенном удобно и содержащимся достаточно опрятно. Городской голова продолжает служить пятое уже трехлетие — купец 2-й гильдии Соколов. Членами думы состоят гласные: от купцов — Марков и от мещан — Швецов. Должность секретаря занимает с 1862 г. коллежский секретарь Успенский. Канцелярию Думы составляют два вольнонаемных писца. Некоторых установленных законом городских учреждений, как например: депутатского собрания, старост для составления обывательской книги, депутатов для проверки городских доходов и расходов и для надзора за городским имуществом в г. Мокшане не существует»[1].

Кроме городской думы, в состав городских органов самоуправления в рассматриваемый период входила также городская управа, выступавшая в качестве исполнительного органа. Городские управы уездных городов в то время состояли из 2 — 3 чел. В управе работали бухгалтер, письмоводитель и землемер. К органам городского самоуправления относились и сословные органы: сиротский суд, занимавшийся опекунскими делами купцов, мещан, цеховых ремесленников и личных дворян, а также мещанская управа. Количественное распределение сословных групп в уездных городах Пензенской губернии представлено в таблице.

Органы городской управы уездных городов по сословному составу были мещанско-купеческие. В 1887 г. в девяти уездных городах Пензенской губернии мещане в городских управах составляли 59,7 %, купцы — 37,8 % (см. таблицу), незначительный процент составляли чиновники. Наивысшим чином в органах городского самоуправления уездных городов Пензенской губернии являлся коллежский советник (VI класс). В рассматриваемый период он принадлежал городскому голове Нижнего Ломова Николаю Федоровичу Орлову. Секретарем городской управы г. Инсара являлся титулярный советник (VIII класс) Иван Николаевич Соколов. В должности городских секретарей управы в нескольких городах (Городище, Краснослободск и др.) были коллежские секретари — чиновники IX класса.

Таблица

Сословный состав органов городского самоуправления уездных городов Пензенской губернии в 1887 г., чел.

Город	Сословие			
	Купцы	Мещане	Почетные граждане	Цеховые
Саранск	4	9	1	1
Городище	1	3	—	—
Мокшан	2	4	—	—
Инсар	5	5	—	—
Наровчат	1	3	—	—
Нижний Ломов	4	4	—	—
Краснослободск	6	7	—	—
Керенск	6	7	—	—
Чембар	2	7	—	—
Всего	31	49	1	1

Составлена по: Памятная книжка Пензенской губернии на 1887 год. Пенза, 1888. С. 291 — 296.

Коллежскими регистраторами, чиновниками самого низшего (XIV) класса являлись: городской голова г. Наровчата Михаил Моисеевич Львов, землемер г. Саранска Иван Алексеевич Струнников, член городской управы города, городской секретарь г. Чембара Филипп Дмитриевич Кравцов[2].

До проведения реформы городского самоуправления в 1870 г. функции городских дум были незначительными и в хозяйственно-экономическом отношении сводились к сбору ревизских сказок, контролю за денежными документами, за состоянием и сохранностью имущества, принадлежавшего городу, взиманию недоимок.

Архивные документы свидетельствуют, что именно губернское начальство решало вопросы, связанные с пополнением городской казны. В целом хозяйственно-экономическая деятельность органов городского самоуправления практически полностью подчинялась губернскому правлению: муниципальные власти не обладали ни хозяйственной, ни финансовой самостоятельностью. Кроме того, существенные ограничения в деятельность городских дум вносил незначительный размер городских бюджетов, а муниципальные органы власти не обладали свободой действий в распоряжении средствами города.

Отсутствие самостоятельности городских властей проявлялось даже в решении самых незначительных вопросов. Так, например, в г. Николаевске Самарской губернии городские власти не могли самостоятельно провести ремонт ветхих ярмарочных помещений, так как запасной капитал составлял всего 5 тыс. руб. При этом ярмарочные помещения приносили городу значительную часть доходов. В г. Ставрополе только после распоряжения губернского начальства была осуществлена продажа леса из принадлежавшей городу лесной дачи. В результате город получил доход более 2 300 р. В 1860 г. с разрешения Правительствующего сената после ходатайства губернского начальства г. Бугуруслану, Бузулуку и Бугульме возвратили 300 дес. земли, находившихся до этого в ведении Палаты государственных имуществ. Возвращение земли, переданной в оброчное содержание, также способствовало увеличению городского бюджета[3].

После введения Городового положения 1870 г. городские власти стали решать преимущественно хозяйственные и социально-культурные вопросы. В условиях быстрого роста городского населения особую актуальность получили такие проекты, как строительство водопроводов, канализации, усовершенствование мостовых и уличного освещения, развитие социальной сферы. Однако традиционные источники бюджета городов были недостаточны для модернизации городского хозяйства, требовавшей значительных средств.

С введением Городового положения органы городского самоуправления городов Среднего Поволжья начали активно развивать городскую промышленность и инфраструктуру. Городские думы ходатайствовали перед правительством о проведении железнодорожных путей, строительстве элеваторов, открытии хлебной биржи. В частности, алатырский городской голова ходатайствовал перед правительством об устройстве железнодорожной станции в городе, поскольку строившаяся железная дорога Муром — Казань должна была проходить в 12 верстах (12,7 км) от города[4].

В числе основных проблем хозяйственно-экономической деятельности органов городского самоуправления в рассматриваемый период являлось формирова-

ние, расходование и сбалансированность городских бюджетов. Городские деньги направлялись на содержание городской управы, канцелярские расходы, пособия казне, военное дело, содержание тюрем, полиции, пожарной команды, на устройство ярмарок, уплату городских займов и обязательств. В г. Краснослободске Пензенской губернии с годовым бюджетом 18 186 руб. и населением 7 114 чел. в 1890 г. на текущие расходы по 1-му отделению было выделено 9 553 руб., из них на содержание городской управы — 3 560 руб.: «…назначено содержание городскому голове 800 р., двоим членам городской управы по 360 р. каждому, а обоим 720, городскому секретарю 600 р., бухгалтеру городской управы 360 р., писцам 638 р., двум сторожам по 96 р. каждому, а обоим 192 и на канцелярские расходы с отоплением и освещением 250 р., а всего 3 560 р.»[5]

В социальную политику уездных городов входило содержание сиротского суда; расходы на медицину, народное образование и благотворительные заведения; поддержание нормального санитарного состояния городов; выдача пенсий, пособий и наград; благоустройство городских зданий и лесов; содержание улиц, садов и бульваров; освещение города. В 1890 г. затраты на народное образование в городах Пензенской и Самарской губерний составляли от 14 до 20 %, на наружное благоустройство — от 2 до 8 %*. В частности, в Краснослободске на социальные нужды было потрачено 48,6 % годового дохода, из них 20,0 % — на содержание учебных и благотворительных заведений и 8,1 % — на внешнее благоустройство города[6].

В архивных документах о деятельности алатырской городской управы за 1895 г. в разделе о наружном благоустройстве города приводятся следующие сведения: «В 1895 г. проведены работы: 1) ремонтировались пожарные колодцы и пруд; 2) ремонтировался городской пожарный обоз; 3) освещались городские улицы; 4) ремонтировались городские здания; 5) ремонтировались улицы, мосты и переходы через оные; 6) исправлялись дороги и мосты по дорогам в городских дачах. На все эти работы употреблено хозяйственным способом 2 226 руб. 54 коп.»[7] Средства, выделяемые из городского бюджета на благоустройство, были незначительными. Проверяющий, посетивший Мокшан и Инсар с целью проведения ревизии, в своем отчете писал о их благоустройстве следующее: «Обеспеченное состояние Мокшанской городской кассы дает возможность уделять 120 р. на ремонт пожарного обоза, на внешнее же благоустройство города по росписи 1871 г. назначено 549 р., в том числе 300 руб. на исправление полотна улиц, устройство тротуаров, водосточных труб, канав, колодцев и пр., на разведение общественного сада ассигновано 100 р. и 45 р. на очистку базарной площади. Мокшан сверх обязательных расходов оказывает довольно значительное пособие делу народного образования, выдавая на содержание приходского училища 523 р. 50 к. в год»[8]; «Внутри города Инсара заметны признаки благоустройства — на главной улице заборы вычинены, ворота насажены на петли, сугробы расчищаются, обвалившиеся столбы (воспоминания пугачевской виселицы) заменены новыми и, к немалому удивлению соседних крестьян, для освещения города поставлено

* Подсчитано автором (РГИА. Ф. 1287. Оп. 48. Д. 586. Л. 20 — 37, 100 ; Д. 2197. Л. 73 — 74, 126 — 135, 170 — 181, 205 — 208).

18 фонарей — любоваться на эту невидаль поселяне привозят своих домашних за десятки верст. Общественный садик в летнюю пору представляет собой единственное место гулянья для жителей всех сословий — и стечение горожан в оный столь значительно, что оказывается потребность в устройстве крытой беседки. Уход за деревьями, посадка новых и наем сторожа Думой за 100 р. в год сданы г. Коновалову, который, по всей вероятности, добавляя к законтрактованной сумме, содержит садик в хорошем порядке, засадив его цветущим кустарником»[9].

Одним из наиболее важных направлений хозяйственно-экономической деятельности органов городского самоуправления являлась забота о противопожарной безопасности. Пожары в уездных городах были частым явлением, поскольку основное количество городских построек составляли деревянные здания. В начале 60-х гг. XIX в. в уездных городах было очень мало каменных строений, если не учитывать церкви. Так, в Ардатове, Курмыше, Сенгилее и Буинске насчитывалось 15каменных зданий, в Алатыре — 41, Сызрани — 106, в Карсуне — 178. В 1888 г. во всех уездных городах Пензенской губернии насчитывалось 352 каменные жилые постройки, или 5,4 % от общего количества зданий[10].

Пожары наносили значительный ущерб городской казне. Так, в 1875 г. сумма от убытков в Сенгилее составила 35,0 тыс. руб. (при этом городской бюджет в целом был равен 12,0 тыс. руб.), Ардатове — более 1,5 тыс. руб., в Буинске — около 1,0 тыс. руб.[11]

Содержание пожарной команды включало в себя выплату жалованья; наем помещения и его содержание; содержание пожарных лошадей, ремонт пожарного обоза и наем к нему добавочных лошадей. В частности, на содержание пожарной команды Краснослободска из бюджета города расходовалось около 3 тыс. руб., или около 17 % от городского дохода[12].

Значительного финансирования требовало содержание полиции. Затрачиваемая сумма была достаточно высокой и составляла от 13 до 39 % городского бюджета. Муниципальная власть с большим нежеланием шла на повышение расходов по этой части, но даже увеличение затрат не обеспечивало надлежащего уровня жизни полицейских и пожарных служителей. Полицмейстеры просили повышения жалованья своим подчиненным, мотивируя тем, что данная служба не престижна, что ежегодное увольнение полицейских и пожарных смотрителей составляет 55 % от всего личного состава, при этом уходят наиболее способные. Увольнения обусловливались также тем, что размер жалованья у служителей другого порядка (стражников тюремного замка, сторожей присутственных мест, кучеров, дворников, лакеев и др.) был значительно больше, а ответственность меньше.

Таким образом, введение Городового положения 1870 г. активизировало хозяйственно-экономическую деятельность органов муниципального самоуправления губернии, что в значительной мере увеличило размеры городских доходов. Муниципальные власти стали уделять более пристальное внимание благоустройству городов: строились новые здания, открывались городские предприятия, развивалась водопроводная сеть. Значительная доля городских средств шла на содержание муниципального аппарата управления, полицейских и пожарных частей. Несмотря на то, что финансирование городского благоустройства происходило по остаточному принципу, органам городского самоуправления удалось значительно изменить облик городов.

Библиографические ссылки

[1] ЦГА РМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Л. 7 об.
[2] См.: Памятная книжка Пензенской губернии на 1887 год. Пенза, 1888. С. 291 — 296.
[3] РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 43. Л. 28.
[4] ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 161.
[5] РГИА. Ф. 1287. Оп. 48. Д. 563. Л. 37.
[6] Там же.
[7] ГАУО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 354. Л. 48.
[8] ЦГА РМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Л. 8 об.
[9] Там же. Л. 13 об.
[10] См.: Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 год. Пенза, 1888. С. 24.
[11] См.: Календарь Симбирской губернии за 1877 г. Симбирск, 1877. С. 65 — 66.
[12] РГИА. Ф. 1287. Оп. 48. Д. 563. Л. 42.

Поступила 17.12.2013 г.

УДК 930:338.43.02(470.345)

В. А. Юрчёнков
V. A. Yurchenkov

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНИЗМА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОПЫТ МОРДОВИИ*

FINNO-UGRIC PEOPLES OF RUSSIA AND K. D. KAVELIN'S HISTORICAL CONCEPTION

Ключевые слова: аграрная политика, сталинизм, региональная историография, историки-аграрники.

В статье анализируется процесс изучения аграрной политики сталинизма в региональной историографии. Основное внимание уделяется работам историков Мордовии, при этом их осмысление ведется на основе анализа изменений историографической ситуации.

Key words: agrarian policy, Stalinism, regional historiography, agrarian historians

The process of studying the agrarian policy of Stalinism in regional historiography is analyzed in the article. Special attention is paid to the works of the historians of Mordovia, and their comprehension is based on the analysis of changes in the historiographical situation.

Аграрная политика сталинизма в регионах бывшего Советского Союза, несмотря на проведение ряда серьезных исследований, до настоящего времени остается одной из слабоизученных тем историографии. Связано это не только с

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Аграрная история России XX века: историография и источники», № 13-01-00081-а.

© Юрчёнков В. А., 2014

наличием порой диаметрально противоположных точек зрения и достаточно разработанной системы аргументации каждой из них, но и со слабым освоением в регионах новых методологических подходов, которые смещают интерес в сторону крестьян — непосредственных производителей. В связи с этим представляет интерес эволюция историографического осмысления этих процессов на примере развития региональной историографии одного из субъектов России. В качестве примера была избрана Мордовия, в истории которой аграрный вопрос тесно связан с национальным, что порождает определенную специфику. Кроме того, регион находился в центре страны и одновременно являлся глубоко периферийным.

К изучению процессов, происходивших в Мордовии в аграрной сфере в конце 1920-х — 30-е гг., первыми приступили их непосредственные участники — партийные, советские и хозяйственные работники[1]. В современных условиях говорить о научной ценности данных работ достаточно сложно, поскольку они, скорее, выступают как своеобразная форма источников, отражающих не только реалии тех лет, но и психологию, умонастроение своих создателей.

Аграрную политику в Мордовии конца 1920 — 30-х гг. одним из первых попытался анализировать историк-архивист С. С. Ивашкин, обратившийся к изучению роли рабочего класса в создании и развитии колхозного строя в регионе[2]. В соответствии с существовавшими в историографии в конце 1950-х гг. подходами он акцентировал внимание на социально-экономических отношениях в деревне Мордовии накануне коллективизации, участии рабочих в подготовке условий для массовой коллективизации, начале массового колхозного движения. Ученый фактически первым описал участие рабочих в проведении сплошной коллективизации и на ее основе ликвидации кулачества как класса, отметил роль МТС в проведении сплошной коллективизации. Наконец, он охватил круг проблем, связанных с ролью политотделов в политическом и организационно-хозяйственном укреплении колхозов и деятельностью рабочих как проводников культуры в деревне.

Стоит отметить, что заслугой С. С. Ивашкина является введение в научный оборот существенного фактологического материала. Он дал пищу для размышления последующим историкам, хотя и писал с позиций официальной методологии[3]. Историк предложил периодизацию участия рабочего класса в коллективизации сельского хозяйства Мордовии, основные вехи которой были соотнесены им с этапами колхозного строительства:

1. Начало 1928 г. — осень 1929 г., когда рабочие принимали участие в подготовке условий для массовой коллективизации. С. С. Ивашкин, характеризуя этот период, писал следующее: «Слаборазвитая местная промышленность, а отсюда и малочисленность местных промышленных рабочих, низкий культурный уровень сельского населения, особенно коренной национальности — мордвы, выразившийся в низком проценте грамотности, являли особенности Мордовии того времени и требовали оказания организационно-практической помощи со стороны центральных промышленных районов страны. Осуществление своей многогранной работы в деревне рабочий класс проводил, в основном, через посылку рабочих бригад»[4].

2. 1930 — 1932 гг., когда была проведена, в основном, сплошная коллективизация и на ее основе ликвидировано кулачество как класс. Из общей характеристики периода исследователь выводил задачи рабочего класса — повседневное

руководство колхозным движением, породившим движение двадцатипятитысячников. Он отметил, что «в период, когда началась ломка старых производственных отношений в сельском хозяйстве, классовая борьба приняла наиболее острые формы»[5].

3. 1933 — 1934 гг., когда кулацкое производство было ликвидировано и заменено производством еще неокрепших колхозов и совхозов, что потребовало мер по их организационно-хозяйственному укреплению. Их реализация привела к тому, что «к концу 1934 года в сельском хозяйстве Мордовии уже безраздельно господствовал социалистический сектор»[6].

Стоит воспроизвести оценку монографии С. С. Ивашкина, высказанную историком и философом Ю. Ф. Кожуриным: «Работа С. С. Ивашкина весьма показательна в плане типичного образца ортодоксальности, верности этатической парадигме исторического исследования, при которой главное внимание уделяется не человеку, его образу и качеству жизни, а народу и государству, где личности отводилась роль винтика государственной машины воспроизводства общественных отношений… Автор не только не затрагивал проблему противоречий общественного развития, но и, как это было принято в советской историографии, априори доказал безусловную верность тезиса о единстве полиэтнического, поликонфессионального народа Советской Мордовии, общества и власти. Поэтому неслучайно в качестве сущности изменений, произошедших в советской деревне Мордовии в результате политики сплошной коллективизации, автором называется достигнутое состояние идейного единства, что соответствовало мессианско-идеократическому содержанию цивилизационного состояния советской системы»[7].

В конце 1950-х — начале 60-х гг. к теме аграрной политики и коллективизации в Мордовии обратился М. В. Агеев[8]. Посвятив две главы монографии коллективизации, он характеризовал ее как «великий революционный переворот мордовского крестьянства». Автор в духе времени писал о «борьбе трудящихся Мордовии с хлебозаготовительными трудностями и кулацкой хлебной стачкой», создании предпосылок массовой коллективизации сельского хозяйства, осуществлении сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, развитии МТС и завершении технической реконструкции сельского хозяйства. Им делался вывод о подъеме сельского хозяйства республики на основе победы колхозного строя и росте материального благосостояния колхозной деревни. Судя по структуре книги и некоторым особенностям изложения, на автора оказала существенное воздействие монография М. А. Краева[9].

Профессор В. К. Абрамов, оценивая работы М. В. Агеева, отмечал, что «в них исследуется экономическая сторона процесса, они основаны, прежде всего, на официальной статистике и поэтому не создают полного представления о катастрофе и масштабе потерь, понесенных мордовским народом в эти годы»[10]. Оценка, высказанная в середине 1990-х гг., как нам представляется, не совсем корректна. В начале 1960-х гг. М. В. Агеев не мог опираться на иную статистику, кроме официальной. Да и описывать коллективизацию как катастрофу не мог в силу хотя бы того, что историческая наука тех лет еще не выработала подобных оценок, еще не дошла до них. Нимного плодотворнее была критика Л. Г. Филатова, который указал на отсутствие в работах М. В. Агеева научно обоснованной

периодизации некоторых важнейших этапов коллективизации в Мордовии и необходимость выявления особенностей этого процесса[11]. Существенными были и критические высказывания М. В. Дорожкина, которые сегодня интересно сопоставить с высказываниями В. К. Абрамова. М. В. Дорожкин писал: «К сожалению, наша краеведческая литература, описывая более или менее полно ход социалистического переустройства деревни, слабо анализирует социальные последствия победы колхозного строя. В вышедших из печати работах четко не подчеркивается глубоко революционный характер колхозного движения, коренным образом изменившего способ производства, преобразующего экономические основы существования классов; не проводится мысль о том, что осуществление колхозного строительства является важнейшей и самой трудной социально-экономической задачей, которую партия решала после завоевания политической власти»[12].

В 1968 г. в журнале АН СССР «История СССР» была опубликована статья Л. Г. Филатова[13], которая стала этапной в исследовании процесса коллективизации в Мордовии. Связано это с тем, что автор не просто поставил вопрос о его особенностях (это делалось и до него), он попытался выделить их, обосновать фактическим материалом, соотнести с особенностями предыдущего развития региона. Первоначально Л. Г. Филатов писал о наиболее общих проблемах региональной специфики: сравнительно позднее создание национальных органов государственной власти и местной партийной организации, совпадение стадии их организационного оформления с началом коллективизации[14]. Далее он увязывал специфику коллективизации с ходом восстановления народного хозяйства после Гражданской войны: «Отрицательно сказались на ходе коллективизации в Мордовии и поздние сроки восстановления народного хозяйства, законченного здесь лишь к 1928 г.»[15] Факторами, влиявшими на ход коллективизации, были названы степень дифференциации крестьянства и острота классовой борьбы. Все это в совокупности определило хронологические рамки процесса коллективизации в Мордовии и некоторые его внутренние характеристики. Так, по мнению Л. Г. Филатова, окончательно предпосылки для массовой коллективизации в Мордовии сложились лишь в 1931 г. и коренной перелом произошел здесь не в 1929 г., а осенью 1931 г., когда в колхозы действительно пошли массы середняков, появились районы сплошной коллективизации и развернулось настоящее массовое колхозное строительство[16]. В качестве доказательства им приведена динамика колхозного строительства: на 1 декабря 1930 г. процент коллективизации в Мордовии составил 9,6 %, 1 января 1931 г. — 10,3 %, 1 мая — 33,8 %, 1 августа — 48,5 %, 1 сентября — 60,8 %[17]. Л. Г. Филатов попытался определить специфику процессов выхода из колхозов. По его словам, имели место два «отлива» из колхозов Мордовии: весной 1930 г. и весной 1932 г. При этом весенний «отлив» 1932 г. был намного меньше «отлива» 1930 г., но все же задержал общий ход колхозного строительства. К сентябрю 1932 г. средний процент коллективизации по Мордовии равнялся 60,2 %, а в некоторых районах упал еще ниже[18]. Исследователь отмечал, что процесс выхода из колхозов весной 1930 г. нередко сопровождался распадом многих сельхозартелей. В 1932 г. он главным образом сказался на размерах колхозов, не был столь стремительным и реже приводил к распаду сельхозартелей[19]. Общий вывод сводился к утверждению: «Дело колхозного строительства неуклонно шло вперед, хотя происходило это более замедленными темпами, чем в среднем по стране и у соседних народов Среднего

Поволжья… В конце второй пятилетки социалистическое преобразование сельского хозяйства Мордовии почти полностью завершилось»[20].

Публикация Л. Г. Филатова породила фактически первую в региональной историографии дискуссию. С критикой выдвинутых им положений выступили М. В. Дорожкин[21] и И. А. Яшкин[22]. М. В. Дорожкин достаточно жестко заявил, что «статья Л. Г. Филатова, на наш взгляд, не восполняет многие пробелы в историографии, указанная в ней специфика никак не согласуется с историческими фактами»[23]. Критик не увидел также специфики в соотнесении процессов коллективизации и национально-государственного строительства: «…Переход к новому административному делению — краевому, областному, окружному, районному вместо губернского, уездного и волостного осуществлялся тогда не только в Мордовии, но и в других районах Средней Волги… Мордовская специфика здесь надумана…»[24]. Аналогичны размышления М. В. Дорожкина и по поводу партийного строительства: «Большевистские партийные организации во всех уездах, вошедших в состав Мордовской АССР, возникли не в момент массового колхозного движения, то есть в конце 20-х и в начале 30-х годов, а в 1918 — 1991 годах. В начале колхозного строительства происходило формирование районных и окружной парторганизаций вместо бывших волостных, уездных и губернских организаций. Эта работа проводилась не только в Мордовском, но и в других вновь созданных округах»[25]. На основании этого был сделан общий вывод о том, что аргументы подобного плана нельзя принимать всерьез. Подверглись критике рассуждения Л. Г. Филатова о кулачестве и классовой борьбе: «Эти рассуждения также, мягко говоря, искусственно построены. Прежде всего, в статье не доказано, действительно ли здесь была высокая кулацкая прослойка и наиболее острая классовая борьба. Приведенная им цифра 189 случаев всех форм кулацких выступлений против колхозов еще ни о чем не говорит. Что это: много или мало? Без сравнений с другими районами невозможно дать на этот вопрос утвердительный ответ. В статье же не делается даже попытка привести на этот счет необходимые данные»[26]. М. В. Дорожкин считал, что в статье Л. Г. Филатова «искусственно сочиненные схемы расходятся с фактами!»[27].

М. В. Дорожкин, рассуждая об особенностях коллективизации в Мордовии, признал только один посыл Л. Г. Филатова — сроки ее проведения. Он писал: «Одна из особенностей состояла в том, что здесь темпы коллективизации, особенно мордовской части населения, отставали от Средне-Волжского края и в целом по РСФСР»[28]. При этом «сравнительно низкие темпы коллективизации Мордовии объясняются не надуманными трудностями, о которых пишет Л. Г. Филатов, а общим социально-культурным отставанием этого района страны, отсутствием на местах достаточных сил для проведения широкой партийно-политической работы в массах, и прежде всего среди мордвы»[29]. М. В. Дорожкин считал, что «отрицательную роль на ход коллективизации Мордовии сыграли и субъективные причины: массовые нарушения принципа добровольности и слабая политико-воспитательная работа среди населения»[30].

Резкой критике М. В. Дорожкин подверг тезис Л. Г. Филатова о завершении коллективизации в Мордовии к концу второй пятилетки, т. е. к 1937 г. По его словам, «этот вывод противоречит фактам и установкам Центрального Комитета партии в части того, что надо принимать за мерило завершения коллективизации»[31]. Он заявил: «Мы можем с полным основанием утверждать, что в Мордовской

автономной области была завершена в основном коллективизация в начале 1932 года… В годы второй пятилетки происходил процесс хозяйственного и организационного укрепления колхозов»[32]. Несмотря на то что критик признавал колебание уровня коллективизации в Мордовии и наличие «отливов» из колхозов, на его взгляд, «…это не меняло существа дела. Во-первых, отливы крестьян из колхозов были временными, и они касались не только Мордовии, но и других районов страны. Во-вторых, временные отливы части крестьян из колхозов не вызывали сокращения у социалистического сектора основных средств производств»[33].

Существенный вклад в разработку аграрной проблематики 1920 — 30-х гг. внес В. С. Тягушев, исследовавший роль местных Советов в проведении коллективизации сельского хозяйства[34]. Он рассмотрел вопросы, связанные с укреплением Советов в деревне и перестройкой их работы в период подготовки массового колхозного движения. В. С. Тягушев отметил, что к 1927 г. местные органы государственной власти больше занимались административно-финансовыми вопросами и недостаточно вели организационно-хозяйственную и массовую работу. Недостатки и ошибки в их деятельности он в духе господствовавших в то время в историографии воззрений объяснял слабой теоретической и политической подготовленностью низовых советских работников, недостатком подготовленных национальных кадров, засоренностью многих сельских Советов кулацким элементом. Кроме того, оживлению деятельности местных Советов Мордовии препятствовала их слабая материальная база, а также наличие в селе земельных обществ (куда входили и кулаки) с их широкими хозяйственными полномочиями[35]. В. С. Тягушев считал, что исключительно важное значение в улучшении работы местных Советов Мордовии имела отчетно-перевыборная кампания 1928 — 1929 гг., которая проходила в условиях острой классовой борьбы. В ходе нее кулацким притязаниям на контроль над Советами, по его мнению, партийные и советские органы Мордовии противопоставили развертывание в деревне широкой массовой работы, в результате которой укрепился бедняцко-середняцкий блок, союз рабочего класса и крестьянства[36].

В. С. Тягушевым проанализирована роль Советов Мордовии в организации массового колхозного движения в 1929 — 1932 гг., при этом отмечено существование противоречия между бурным ростом колхозов и отставанием органов власти от процесса переустройства деревни. Опираясь на опыт историографии тех лет, он выделил причины этого явления: несоответствие форм и методов работы задачам коллективизации; низкий идейно-теоретический уровень подготовки кадров советского аппарата и его текучесть; слабая партийная прослойка в составе сельских Советов; недооценка значения работы по организации бедноты и слабая опора на нее; попытки ликвидации сельсоветов и передача их прав и функций правлениям колхозов; «засоренность» некоторых сельских Советов «враждебными элементами»[37].

Исследователь обобщил материал о роли местных Советов в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и завершении коллективизации сельского хозяйства. На этом этапе, по словам В. С. Тягушева, «колхоз становится основным объектом деятельности сельсовета и райисполкома»[38].

Анализ работ В. С. Тягушева показывает, что он испытал сильное воздействие концепции будущего академика РАН Ю. С. Кукушкина, изложенной в его

монографиях 1960-х гг.[39] В ряде случаев прослеживается совпадение формулировок, аргументации, выводов.

Определенный вклад в изучение аграрного сектора экономики Мордовии в 1930-е гг. на примере совхозов внес А. П. Лебедев[40]. Он осветил вопросы совхозного строительства, проанализировал процесс формирования совхозных кадров, их трудовую и политическую активность. Особо он останавливался на деятельности политотделов совхозов, подчеркивая их роль в укреплении партийных организаций. Стоит отметить, что работы А. П. Лебедева насыщены большим фактологическим материалом, который впервые был введен в научный оборот и позволил позднее по-новому трактовать многие процессы, происходившие на селе.

Работы 1950-х — начала 80-х гг. создавались в условиях определенной историографической ситуации, когда оценки многих процессов были сильно идеологизированы, о многом невозможно было писать из-за закрытости архивов и идеологической нецелесообразности. Подобные факторы рано или поздно привели бы историческую науку к кризису, что и произошло в середине 1980-х гг. Надо сказать, что историки в регионе ощутили подобные явления и попытались найти выход. Одним из первых исследователей, предпринявшим попытку отойти от традиционных оценок истории Мордовии конца 1920-х — 30-х гг., стал А. А. Красников, который исследовал структуру, воспроизводство и миграции населения республики[41]. На основе изучения и сопоставления различных источников (данных демографических переписей 1926, 1937 и 1939 гг., сельскохозяйственного налогового учета, материалов регистрации городского населения 1931 г., текущего учета естественного и миграционного движения населения) им впервые была подробно прослежена динамика численности городского и сельского населения Мордовии с 1926 по 1939 г. А. А. Красников сделал вывод о негативном воздействии коллективизации на демографическую ситуацию в Мордовии. По его данным, в 1929 — 1930 гг. начался процесс падения уровня рождаемости, продолжавшийся до 1933 — 1934 гг. Снижение интенсивности деторождения происходило во всех возрастных группах женщин, в связи с чем снизилась детность семей и уменьшился средний размер крестьянской семьи. После 1928 г. прослеживался резкий рост уровня смертности населения республики. Исследователь писал: «Основное негативное воздействие на динамику воспроизводства населения Мордовии в 30-е гг. оказали два фактора — ухудшение уровня жизни населения, как сельского, так и городского, и взаимосвязанная с этим процессом миграция населения за пределы Мордовии… Эти факторы были в значительной степени следствием насильственной коллективизации, нанесшей сельскому хозяйству Мордовии большой ущерб»[42].

В 1990 г. профессор Л. Г. Филатов вновь поднял вопрос об особенностях коллективизации в Мордовии[43]. Он повторил свой прежний тезис об отставании сельского хозяйства Мордовии, приводя примеры малоземелья и аграрной перенаселенности. Среди особенностей он выделил исторически сложившееся внутреннее районирование и специализацию в области сельского хозяйства. При этом, по его мнению, «сталинский режим, осуществляя насильственную массовую коллективизацию, пытался игнорировать, а нередко — ломать объективно сложившееся районирование и специализацию в сельском хозяйстве, что вело к его деформации, тормозило сложный и противоречивый ход коллективизации, губило у крестьян устоявшиеся навыки и традиции, а в итоге — усиливало негативный

процесс раскрестьянивания»[44]. Относительно сроков завершения коллективизации в Мордовии исследователь высказался за август-сентябрь 1935 г.[45]

К середине 1990-х гг. тенденция изменения историографической ситуации усилилась, что связывалось не только с постепенным отказом от традиционных подходов советской историографии, но и сначавшейся «архивной» революцией. Именно в это время развернулась плодотворная деятельность плеяды историков, для которых были характерны новые подходы к истории региона конца 1920-х — 30-х гг.

В 1990-е гг. впервые в историографии стали рассматриваться проблемы налоговой политики и ее воздействие на крестьянское хозяйство (Т. В. Еферина, О. И. Марискин, Т. Д. Надькин)[46]. Обращаясь к материалам Среднего Поволжья, исследователи все же оперировали и реалиями Мордовии. Они проанализировали законотворческую деятельность государства в сфере налогообложения, выделив два основных этапа развития налоговой политики:

1. 1923/24 — 1927/28 гг. — период, когда размер налога занимал наименьшую долю дохода (в среднем от 3,4 до 7,7 %) и был посилен крестьянскому хозяйству, способствуя его воспроизводству[47];

2. 1929 — 1935 гг. — период усиления налогового давления на единоличное крестьянское хозяйство, что в конечном счете привело к разрушению многопольной системы полеводства, сокращению поголовья скота, уничтожению экономических мотиваций труда, разрушению экономики крестьянского хозяйства и уничтожению его как такового[48].

Среди методов и средств проведения налоговых сборов исследователями был выделен широкий и разнообразный спектр: от устных порицаний до экспроприации имущества, от лишения избирательных прав до выселения и привлечения к уголовной ответственности. Ими была отмечена основная тенденция развития — ужесточение методов налоговой политики по мере развития коллективизации и ее превращения в инструмент социально-экономического преобразования деревни. Особое внимание исследователи обратили на реакцию крестьянства, недовольство которого возрастало по мере усиления налогового нажима и проведения коллективизации, принимая порой характер вооруженных выступлений, охватывавших широкие слои крестьянства[49].

Проблематика крестьянской общины на территории Мордовии исследовалась В. В. Ефериной[50]. Осмысливая жизнь общины на достаточно большом промежутке времени, она отдельно рассмотрела конец 1920-х — 30-е гг. Исследователь сделала вывод, что большинство крестьян Мордовии с недоверием относилось к колхозам, отдавая предпочтение дедовской общине, наиболее им понятной, проверенной, да и привычной. К тому же новые принципы организации труда, идеологическая окраска шли вразрез с их пониманием жизни. В. В. Еферина считает, что воспитанным в эпоху уважения крестьянина-домохозяина, частной собственности, им были непонятны и неприемлемы новые принципы коллективного труда. В колхозе на первое место выдвигался общественный интерес, даже подразумевалось слияние коллективного и личного интересов. Община же представляла пример сочетания этих интересов. По словам исследователя, «в той ситуации крестьянину было трудно психологически перестроиться, тем более, что его порой лишали возможности выбора между хутором, общиной и колхозом, когда раскулачивание и лишение избирательных прав стали методами коллективизации.

Нужно было отказаться от собственнической идеологии и воспринять идеи коллективизма. Неприятие новых принципов и явилось одним из основных условий противодействия крестьян реформе»[51].

В последние годы тематику коллективизации в Мордовии весьма плодотворно разрабатывает Т. Д. Надькин[52]. По его мнению, модель крупного хозяйства, насаждавшаяся в Мордовии без реального учета региональных особенностей, «означала реанимирование тяглово-податной системы зависимости сельского населения от власти, при этом роль верховного собственника земли стало играть партийно-советское государство»[53]. Он считает, что укрупнение сельскохозяйственного производства должно было способствовать решению вопросов аграрного перенаселения региона, слабого материально-технического обеспечения деревни, невысокой урожайности зерновых культур, тесной зависимости сельского хозяйства от природных условий и т. п. Однако, по словам исследователя, «анализ результатов развития сельского хозяйства Мордовии в годы довоенных пятилеток свидетельствует о превалировании негативных последствий сталинской политики в деревне региона, об обострении целого ряда социально-экономических проблем, с которыми столкнулась многонациональная деревня в результате форсированного огосударствления аграрной сферы»[54].

Касаясь хронологических рамок коллективизации в Мордовии, которые вызывали споры, Т. Д. Надькин пришел к выводу о том, что процесс вхождения крестьянских хозяйств республики в колхозы растянулся вплоть до середины 1930-х гг. Однако, по его мнению, «социалистический» сектор стал фактически основным производителем продукции полеводства уже в конце первой пятилетки[55]. При этом, как считает исследователь, из-за созданной системы обязательных государственных поставок, а также остаточного принципа распределения натуральных доходов на трудодни в колхозной деревне уже с начала коллективизации резко обострилась продовольственная проблема, которая в 1932/33 и 1936/37 гг. перерастала в голод.

Т. Д. Надькин считает, что форсированная коллективизация и планы развития аграрной сферы в условиях фактического отсутствия материальных стимулов к труду оказались трудновыполнимыми без методов принуждения и систематического применения репрессий в отношении крестьянского социума. В качестве примера он рассматривает раскулачивание, которое на территории Мордовии приняло самые жестокие формы. По его подсчетам, за 1930 — 1933 гг. было раскулачено не менее 8 тыс. крестьянских семей, т. е. до 3 % от их общего числа на конец 1920-х гг.[56] По мнению Т. Д. Надькина, «фактически „раскулачивание“ сразу стало основным методом вовлечения крестьян-единоличников в создаваемые колхозы. На примере репрессированных односельчан крестьяне видели, что их может ожидать в будущем, если они станут тянуть со вступлением в колхоз. Передаваемые в колхозы от „раскулаченных“ средства производства должны были компенсировать недостаток материально-технического обеспечения наспех создаваемых колхозов. В Мордовской АО земля и имущество „раскулаченных“ составляли в среднем до половины колхозных фондов»[57]. Исследователь считает, что отсутствие объективных предпосылок для перехода к крупному коллективному производству, нежелание большинства крестьянства Мордовии отказаться от единоличного хозяйствования, поощрение руководством страны и руководителями

Средневолжского края высоких темпов коллективизации привело к тому, что организация колхозов в области приобрела самые уродливые формы[58].

Т. Д. Надькин считает, что модель взаимоотношений власти с крестьянством в виде «господства и подчинения» не устраивала значительную часть последнего, что поставило деревню в 1930 — 1931 гг. на грань гражданской войны. Он показывает, что по сравнению с другими регионами Среднего Поволжья на территории Мордовии было зафиксировано намного больше активных форм крестьянского сопротивления сплошной коллективизации, среди которых особое место занимали массовые выступления в рамках одного или нескольких сел. Сопоставление социально-экономических показателей колхозов Мордовии, Марий-Эл и Чувашии привело исследователя к выводу о том, что последствия модернизации 1930-х гг. были наиболее разрушительными для аграрного сектора Мордовии[59].

Исследования Т. Д. Надькина существенно дополняются изысканиями В. С. Каблюка о сельскохозяйственном производстве в условиях модернизации[60]. Коллективизация анализировалась им как процесс модернизации сельского хозяйства. Он обобщил материалы о состоянии производственных отношений во вновь сформированных колхозах, трудностях их становления, роли политотделов МТС в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в самый сложный период их существования. Исследователь отметил, что колхозы на начальном этапе их развития в своем большинстве были слабыми в экономическом и организационном отношении. При этом он выделил комплекс мер, которые положительно повлияли на укрепление колхозной системы:

- пересмотр организации труда и оплаты;
- предоставление колхозам и колхозникам, выполнившим обязательства перед государством и МТС, права торговли излишками выработанной продукции;
- налоговые послабления;
- помощь государства в неурожайные и засушливые годы;
- списание задолженностей по семенным и продовольственным ссудам[61].

В. С. Каблюк считает, что в условиях кризиса аграрного производства главнейшим рычагом переустройства сельского хозяйства стали политотделы МТС, которые обладали правом осуществлять не только политические, но и хозяйственные функции. В 1934 г. обострились взаимоотношения между политотделами МТС и райкомами партии и было принято решение о преобразовании политотделов МТС: «Фактически политотделы были поглощены райкомами партии. Произошла не реорганизация политотделов, а, скорее, их упразднение как чрезвычайных органов. Но свои основные задачи по укреплению колхозов они выполнили»[62].

Особый интерес представляет исследование В. С. Каблюка процессов модернизации экономических отношений в мордовской деревне. Он отметил позитивные сдвиги в земледельческом секторе колхозной деревни, выделив важные агротехнические нововведения: паропропашные, многопольные севообороты, повсеместное применение минеральных и органических удобрений, снегозадержание, подкормка озимых и т. п. Исследователь указал на существенные изменения в зерновом хозяйстве во второй половине 1930-х гг., когда в колхозах Мордовии значительные площади были засеяны сортовыми семенами широкорядным способом. Касаясь животноводства, В. С. Каблюк констатировал, что производственные показатели были недостаточно высокими, а нередко и вовсе неудовлетворительными. Причи-

ны этого он видел не только в крайне низком уровне механизации производственных процессов, но и в плохом материальном и моральном стимулировании. Не осталась без внимания и плохая работа МТС, однако «без функционирования МТС коллективизация так скоро бы не завершилась, поскольку вся трудоемкая работа выполнялась в основном их силами»[63]. Общий вывод исследователя сводился к утверждению: «Несмотря на серьезные проблемы, возникавшие в процессе производственной деятельности, МТС Мордовии сыграли важную роль в модернизации сельского хозяйства, в развитии колхозного строительства. Благодаря им была осуществлена техническая реконструкция всего сельского хозяйства»[64].

Разработка проблем аграрного развития и коллективизации привела региональных исследователей к формулировке весьма противоречивого положения. С одной стороны, коллективизация имела ужасные последствия, с другой — все же осуществлялась модернизация аграрного производства. Снять это противоречие попытался В. А. Юрчёнков[65], предложивший увязать аграрную политику с особенностями региона. По его словам, именно своеобразие привело к трансформации аграрной политики, которая стала утрачивать черты унификации[66]. Определенное воздействие на аграрную политику, по мнению ученого, оказывали факторы частного порядка, а именно:

- неравномерность процессов национально-государственного строительства народов Поволжья;
- слабое развитие промышленности и абсолютное преобладание сельского хозяйства;
- неравномерность обеспечения различных национальностей региона землей, скотом, орудиями сельскохозяйственного производства и т. п.;
- отставание национальных районов в сфере социально-экономического развития и образования;
- особенности формирования и развития национальной советской политической элиты[67].

По мнению В. А. Юрчёнкова, государство попыталось учесть специфику региона путем регулирования сроков проведения коллективизации как основы-ядра аграрной политики. Однако в действиях региональных властей преобладал нажим, который привел к массовым крестьянским выступлениям. При этом численность участвовавших в них и число самих выступлений росло[68]. Исследователь пришел к выводу о том, что в целом процессы коллективизации в регионе не выходили за рамки общесоюзной динамики. Специфика проявлялась в более сильных «отливах» из колхозов в моменты ослабления государственного давления на деревню[69].

Аграрная политика, по мнению В. А. Юрчёнкова, имела кратковременные и долговременные последствия. Кратковременные последствия были связаны с голодом 1932 — 1933 гг., трагедией сотен крестьянских семей. При этом причины голода следует рассматривать в комплексе политических, социально-экономических и природно-климатических факторов. Долговременные последствия привели к кардинальному изменению социального облика национального крестьянства, существенной трансформации мордовской деревни: «Традиционное крестьянское хозяйство было разрушено. Обратного пути к господству мелкого, единоличного, натурально-потребительского хозяйства уже не было. Фактически с 1933 г. шел поиск путей организационно-хозяйственного укрепления созданной колхозно-совхозной

системы через расширение сети МТС и насыщение их разнообразной техникой, внедрение современных способов производства, подготовку сельскохозяйственных кадров; осуществляются попытки налаживания внутриколхозной жизни (разрешение личного подсобного хозяйства, колхозная торговля и т. п.); принимаются меры по повышению культурно-образовательного уровня села»[70].

В ходе изучения аграрной политики сталинизма в Мордовии, как показал проведенный анализ, исследователями был введен в научный оборот огромный фактологический материал, предложены различные варианты концептуальных подходов, высказаны различающиеся в деталях оценочные суждения. Исключение могут составить лишь резкие оценки в духе западной «ревизионистской» историографии, однако они не меняют фона историографической ситуации. Анализ вышедших работ свидетельствует, что на повестке дня стоит создание обобщающего академического исследования, которое, с одной стороны, суммировало бы достижения и наработки, с другой — позволило бы определить узкие места и наметить перспективу дальнейших изысканий.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Палькин М.** Один из многих : К вопросу колхоз. строительства в Мордов. области // Путь Советов. 1930. № 24 ; **Его же.** Советское строительство в Мордовской автономной области // Там же. 1931. № 10 ; **Его же.** Мордовская автономная область // Совет. строительство. 1931. № 7 (60) ; **Его же.** Пятилетка Мордовской автономной области. М., 1931 ; Мордовия к 15-й годовщине Октября. Саранск, 1932 ; **Розенштейн М. А.** Пути социалистического переустройства сельского хозяйства Правобережья. М., Самара, 1930 ; **Шапошников П.** Коллективизация в Мордовской автономной области // Революция и национальности. 1931. № 23 ; **Родионов М.** Против извращения партийной линии в деревне : (Об оппортунист. практике Мордов. обкома ВКП(б) // План. 1934. № 10 ; **Сурдин Н.** Организационно-массовая работа Советов МАССР // Власть Советов. 1935. № 15 ; **Уморин Г. Я.** Из опыта организации труда в колхозах Мордовии // На аграрном фронте. 1934. № 8 ; **Его же.** Растет социалистическая Мордовия // Революция и национальности. 1934. № 1 ; **Утехин М.** Ошибки руководства Мордовии // Коммунист. 1934. № 9.

[2] См.: **Ивашкин С. С.** Участие рабочих в коллективизации сельского хозяйства Мордовской АССР : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1955 ; **Его же.** Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск, 1957 ; **Его же.** Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1958.

[3] См.: **Абрамов В. К.** Мордовский народ (1897 — 1939). Саранск, 1996. С. 9.

[4] **Ивашкин С. С.** Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск, 1957. С. 140.

[5] Там же. С. 141.

[6] Там же. С. 142.

[7] **Кожурин Ю. Ф.** Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003. С. 284 — 285.

[8] См.: **Агеев М. В.** Победа колхозного строя в Мордовской АССР. Саранск, 1960.

[9] См.: **Краев М. А.** Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

[10] **Абрамов В. К.** Указ. соч. С. 8.

[11] См.: **Филатов Л. Г.** Некоторые вопросы историографии и важнейшие этапы коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции : тез. докл. по гуманитар. наукам. Саранск, 1967. С. 24.

[12] **Дорожкин М. В.** Некоторые вопросы историографии колхозного строительства Мордовии // Исследования по истории Мордовской АССР. Саранск, 1975. С. 28. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 58).

[13] См.: **Филатов Л. Г.** О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // История СССР. 1968. № 6.
[14] Там же. С. 114.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 124.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 124 — 125.
[19] Там же. С. 125.
[20] Там же. С. 125 — 126.
[21] См.: **Дорожкин М. В.** Указ. соч.
[22] См.: **Яшкин И. А.** К истории коллективизации сельского хозяйства Мордовии // Расцвет и сближение уровней культуры народов Поволжья. Горький, 1975.
[23] **Дорожкин М. В.** Указ. соч. С. 18.
[24] Там же. С. 19.
[25] Там же.
[26] Там же. С. 20.
[27] Там же. С. 21.
[28] Там же. С. 22.
[29] Там же.
[30] Там же. С. 23.
[31] Там же. С. 24.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 25.
[34] См.: **Тягушев В. С.** Борьба за укрепление местных Советов Мордовии в период подготовки массовой коллективизации // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1966. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 30) ; **Его же.** Местные Советы Мордовии в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933 — 1937). Саранск, 1968. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 34) ; **Его же.** Роль местных Советов Мордовии в проведении коллективизации сельского хозяйства (1927 — 1937 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1968 ; **Его же.** Советы Мордовии в борьбе за массовую коллективизацию // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1972. Ч. 1.
[35] См.: **Тягушев В. С.** Роль местных Советов Мордовии в проведении коллективизации сельского хозяйства (1927 — 1937 гг.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1968. С. 8.
[36] Там же. С. 9 — 10.
[37] Там же. С. 13.
[38] Там же. С. 22.
[39] См.: **Кукушкин Ю. С.** Роль сельских Советов в социалистическом переустройстве деревни 1929 — 1932 гг. : (По материалам РСФСР). М., 1962 ; **Его же.** Сельские Советы и классовая борьба в деревне. 1929 — 1932 гг. М., 1968.
[40] См.: **Лебедев А. П.** Совхозы Мордовии в 1918 — 1940 гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1979.
[41] См.: **Красников А. А.** Население Мордовии в 1920 — 30-е гг.: структура, воспроизводство, миграция : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1991.
[42] Там же. С. 14.
[43] См.: **Филатов Л. Г.** Коллективизация в Мордовии: проблемы, особенности, время завершения // На перекрестке мнений. Саранск, 1990.
[44] Там же. С. 194.
[45] Там же. С. 199.
[46] См.: **Еферина Т. В., Марискин О. И., Надькин Т. Д.** Налоговая политика и крестьянское хозяйство в 1920 — 1930-е годы. Саранск, 2000.
[47] Там же. С. 64.
[48] Там же. С. 65.
[49] Там же. С. 66.

[50] См.: **Еферина Т. В.** Община и власть: (по материалам Мордовии) // Россия в новое время : Образованное меньшинство и крестьян. мир. М., 1995 ; **Ее же.** Крестьянская община на территории Мордовии (60-е годы XIX века — 30-е годы XX века) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 1997 ; **Ее же.** К вопросу о традиционных формах самоуправления // 100 лет XVII Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Н. Новгород, 1997.

[51] См.: **Еферина Т. В.** Крестьянская община на территории Мордовии… С. 17.

[52] См.: **Надькин Т. Д.** Борьба крестьянства Мордовии против насильственной коллективизации с осени 1929 до весны 1932 года // Вестн. Мордов. ун-та. 1994. № 3 ; **Его же.** Коллективизация крестьянских хозяйств в Мордовии в 1931 — 1932 гг. : Второй отлив из колхозов // Экономика Мордовии: история и современность. Саранск, 1997. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 113) ; **Его же.** Первый этап коллективизации крестьянских хозяйств в Мордовии // Актуальные вопросы истории и этнологии. Саранск, 1998 ; **Его же.** Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002 ; **Его же.** Деревня Мордовии в начале 1930-х годов: коллективизация, репрессии, голод. Саранск, 2004; **Он же.** Сталинская аграрная революция и крестьянство: (на материалах Мордовии). Саранск, 2006 ; **Его же.** Деревня Мордовии в 1932 — 1933 гг.: хлебозаготовки, голод и репрессии // Отечеств. история. 2006. № 4 ; **Его же.** Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010.

[53] **Надькин Т. Д.** Сталинская аграрная политика… С. 252.

[54] Там же. С. 252 — 253.

[55] Там же. С. 253.

[56] Там же. С. 254.

[57] Там же. С. 106 — 107.

[58] См.: **Надькин Т. Д.** Деревня Мордовии в годы коллективизации. С. 100.

[59] См.: **Надькин Т. Д.** Сталинская аграрная политика… С. 255.

[60] См.: **Каблюк В. С.** Развитие системы машинно-тракторных станций в Мордовии (1933 — 1941 гг.) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004 ; **Его же.** К вопросу о состоянии производства в колхозной деревне Мордовии 1933 — 1941 гг. // Наука и инновации в Республике Мордовия. Саранск, 2004 ; **Его же.** К вопросу о развитии сети животноводческих колхозно-товарных ферм Мордовии: 1933 — 1941 гг. // Общество и власть: XX век. Саранск, 2006. (Тр. / НИИГН ; т. 5 (122)) ; **Его же.** Колхозное животноводство Мордовии в 1930-е гг.: обеспеченность кормовой базой // Наследие М. Ф. Жиганова и перспективы исторических исследований в Мордовии : материалы респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2006. Ч. 2 ; **Его же.** Патриархальное крестьянство Мордовии: (социокультурный аспект) // Од вий (Молодая сила): сб. науч. ст. аспирантов и докторантов. Саранск, 2007. Вып. 1 ; **Его же.** Модернизация сельского хозяйства Мордовии: становление колхозного строя // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена : Аспирант. тетради. М., 2008. № 24 (55) ; **Его же.** Сельскохозяйственное производство в Мордовии в условиях модернизации: 1928 — 1941 гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Чебоксары, 2008.

[61] См.: **Каблюк В. С.** Сельскохозяйственное производство в Мордовии… С. 15.

[62] Там же. С. 16.

[63] Там же. С. 18.

[64] Там же.

[65] См.: **Юрчёнков В. А.** Аграрная политика сталинизма в национальных республиках Поволжья: общее и особенное // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы Междунар. науч. конф. М., 2011.

[66] Там же. С. 567.

[67] Там же. С. 568 — 570.

[68] См.: **Юрчёнков В. А.** Материалы ОГПУ об общественно-политической ситуации в Мордовии: 1922 — 1934 гг. // IV Державинские чтения в Республике Мордовия. Саранск, 2008.

[69] См.: **Юрчёнков В. А.** Аграрная политика сталинизма… С. 572.

[70] Там же. С. 573.

Поступила 20.05.2014 г.

УДК 352.075(470.345):351.94

П. С. Учватов
P. S. Uchvatov

РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ И ОБРАЩЕНИЙ В СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ МАССР В 1938 — 1941 гг.

CONSIDERATION OF COMPLAINTS AND APPEALS IN THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE MASSR IN 1938 — 1941

Ключевые слова: Совнарком МАССР, Президиум Верховного Совета Мордовской АССР, жалоба, заявление, обращение.

В статье анализируется работа Совета Народных Комиссаров Мордовской АССР, связанная с рассмотрением жалоб и заявлений в 1938 — 1941 гг.

Ключевые слова: the Council of People's Commissars of the MASSR, the Presidium of the Supreme Soviet of the Mordovian ASSR, complaint, application, appeal.

The work of the Council of People's Commissars of the Mordovian ASSR, related to the consideration of complaints and appeals in 1938 — 1941, is analyzed in the article.

В эпоху сталинизма значительное внимание уделялось взаимосвязи граждан с государственными органами власти через подачу жалоб и писем. Изданы различные труды, посвященные этой тематике[1]. Особый интерес представляет сборник документов, содержащий заявления, доносы, письма граждан в государственные структуры[2]. Из зарубежной литературы стоит отметить монографию профессора Чикагского университета Ш. Фицпатрик, в частности, раздел «Письма властям», где рассматривается повседневная жизнь советских людей в 1930-е гг.[3]

Идеологией советского государства постоянно подчеркивалось, что в отличие от империалистических стран в Советском Союзе существовала реальная демократия, власть народа, выражавшаяся через Советы всех уровней. Большое значение придавалось взаимодействию государственных органов с гражданами и депутатами Советов. Мордовия в данном случае не была исключением, что подтверждается выступлениями официальных лиц. Так, например, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета МАССР В. В. Лобанова в 1940 г. отмечала следующее: «Своевременное разрешение жалоб имеет политическое значение, это [заключается] в быстроте устранения тех безобразий, которые допускаются в нарушении советских законов»[4]. В марте 1941 г. Председатель Совета Народных Комиссаров (далее Совнарком) МАССР В. В. Верендякин подчеркивал: «Вопрос своевременного рассмотрения жалоб и приведения в исполнение принятых по ним решений имеет большое политическое значение в нашей работе. На это надо обратить внимание. По этому вопросу судят о советской власти, как она реагирует на запросы трудящихся» [ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 286. Л. 98].

В советские и партийные органы приходило много писем от граждан. Одним из факторов, способствующих широкому распространению такой специфической

© Учватов П. С., 2014

формы связи между властью и обществом, было навязывание государством идей «вождизма» и патернализма. В сознании тоталитарного общества конца 1930-х гг. соединялись вера в социалистические идеалы и непререкаемый авторитет партии[5]. «Советские граждане, — отмечает Ш. Фицпатрик, — были большие мастера по части писания жалоб, ходатайств, доносов и разных других писем властям. Они писали (как правило, индивидуальные, а не коллективные письма), а власти нередко отвечали. Этот канал связи между гражданами и государством функционировал лучше всех, предоставляя простым людям, не имеющим служебных связей, одну из немногих доступных им возможностей защитить свои интересы и возместить ущерб от тех или иных неверных или провокационных действий должностных лиц»[6]. Однако ситуация с рассмотрением жалоб граждан была далеко не идеальной; волокита и безответственное отношение к поступавшим обращениям граждан были свойственны государственным органам Мордовии конца 1930-х гг. Более того, не всегда рассматривались даже запросы и письма от депутатов.

Значительное число жалоб и обращений поступало как в наркоматы и иные исполнительно-распорядительные органы Мордовской АССР, так и в Совнарком, в силу своего положения и компетенции рассматривавшего практически все вопросы, связанные с социально-экономической жизнью автономной республики. Рассмотрим ряд документов, отражающих состояние работы по учету и рассмотрению жалоб граждан и депутатских обращений.

Указ, касавшийся рассмотрения жалоб граждан, был принят Президиумом Верховного Совета МАССР 19 декабря 1938 г. Этот документ назывался «О состоянии работы с жалобами трудящихся в Наркоматах республики» и имел отношение, прежде всего, к нескольким наркоматам — Наркомсобесу, Наркомпросу, Наркомфину и др. Президиум отмечал, что по результатам проверки в этих наркоматах «…имеет место бюрократически-бездушное отношение к жалобам и заявлениям трудящихся» [ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. № 27. Л. 27]. Во время обсуждения проблемы на заседании Президиума руководители этих органов подвергались критике, приводились примеры их бездушия и бюрократизма. В частности, это прослеживается из выступления заместителя Председателя Президиума Л. С. Кузнецова: «К работникам Наркомсобеса приходят инвалиды для оказания материальной помощи, а бухгалтер посылает в Верховный Совет, чтобы Верховный Совет наложил резолюцию, и только после этого выдает 10 рублей. Такое же нездоровое положение наблюдается в Наркомздраве и Наркомпросе… Тов. Вдовин на сегодняшний день не знает, сколько по его Наркомату разобранных и неразобранных жалоб. Все это показывает лицо самого Наркома. Такое положение нетерпимо» [Там же. Л. 123]. Член Президиума Верховного Совета А. А. Толстых отмечала «…нечуткость руководителей Наркоматов нашей республики. Преподавательница средней школы Посопа пыталась ровно три дня попасть к самому Наркому здравоохранения или к его заместителю, но ее не допустили. Она решила пойти к депутату Красовскому, где также ее не допустили. После того пройденного пути она приходит ко мне. Просит получить путевку 6-летнему ребенку, больному туберкулезом позвоночника, по рекомендации врача в южный санаторий. Я, как депутат, написала на имя Наркома здравоохранения, но до сего времени ответа не получила…» [Там же. Л. 122].

Контроль над рассмотрением жалоб в наркоматах и райисполкомах был возложен на Совнарком, и с принятием указа «О состоянии работы с жалобами трудящихся…» последовал ряд мер. В частности, 28 августа 1939 г. ко всем председателям райисполкомов поступила соответствующая директива; были проведены обследования работы отдельных наркоматов, в число которых вошли Наркомат просвещения и Наркомат земледелия [Там же. Д. 71. Л. 35].

Несмотря на то что данный указ касался, скорее, отдельных членов Совнаркома, он имел непосредственное отношение и к самому ведомству. Так, 19 сентября 1939 г. Президиум Верховного Совета издал новый указ «О выполнении Совнаркомом МАССР Указов Президиума Верховного Совета МАССР от 19 декабря 1938 года и от 19 марта 1939 года». В нем, в частности, отмечалось, что вышеназванные указы Совнаркомом не выполняются, а его руководители «жалобами не занимаются» [Там же. Л. 30]. Документ был принят по итогам рассмотрения докладной записки В. М. Костина от 30 августа 1939 г., в которой анализировалась работа Совнаркома по рассмотрению поступавших жалоб и обращений [Там же. Л. 36 — 40].

Из этого доклада можно проследить организацию процесса рассмотрения жалоб в Совнаркоме в рассматриваемый период. Несмотря на принятые указы Президиума Верховного Совета, напоминающие, скорее, директивы, выявленные ранее недостатки в работе Совнаркома устранены не были. Отсутствовала налаженность учета и хранения жалоб; только поступившие жалобы, равно как и уже рассмотренные, хранились в разных делах, что приводило к лишней трате времени в случае возникновения необходимости найти жалобу по тому или иному вопросу.

Рассматривал поступавшие обращения граждан отдельный работник Совнаркома — инспектор по жалобам Живаева, которая, по мнению Костина, «совершенно не соответствует своему назначению») [Там же. Л. 38]. Жалобы и заявления рассматривались «бюрократическим способом» от 3 до 5 месяцев, в некоторых случаях — до 1 года. В большинстве случаев это носило формальный характер, путем письменной переписки и без проверки соответствующих документов. В частности, Живаева работала с жалобами на основании распоряжения управделами Совнаркома К. А. Никонова, со стороны которого «совершенно отсутствовало» какое-либо руководство над рассмотрением жалоб [Там же. Л. 36]. При этом руководство Совнаркома практически устранилось от приема граждан: «В Совнаркоме нет установленного порядка личного приема жалобщиков самими руководителями Совнаркома, а также отсутствуют определенные дни и часы для приема жалобщиков, а потому прием… производится только техническими работниками аппарата Совнаркома» [Там же. Л. 38].

Из вышесказанного следует, что одной из наиболее распространенных проблем при рассмотрении жалоб и заявлений в Совнаркоме было несоблюдение сроков реагирования. Приведем несколько примеров, из которых также прослеживается характер жалоб, поступавших в Совнарком. Так, жалоба гражданина Зинченкова из Пурдошанского района по поводу неправильного обложения налогами была получена Совнаркомом 27 марта 1939 г. и «до сего времени (т. е. до 30 августа, которым датируется составление доклада. — *П. У.*) не разрешена» [Там же. Л. 36]; заявления от колхозов «Красная Армия» и «Путь к социализму»,

поступившие 22 ноября 1938 г. и 16 августа 1939 г., касавшиеся нарушения хлебопоставок, остались без рассмотрения [Там же. Л. 37]; аналогичная ситуация сложилась и с жалобой от гражданина А. И. Комарова, связанной с нарушением мясопоставок. Эта жалоба, несмотря на резолюцию управделами Совнаркома, «лежит без движения» [Там же. Л. 38]; в докладе Костина также отмечалось, что «у ответственного референта Совнаркома Рузавиной и по ее вине в количестве 10 жалоб и заявлений лежат без рассмотрения Совнаркома с 1938 года» [Там же. Л. 37].

Иногда жалобы, так и не рассмотренные работниками Совнаркома, все равно «пришивались» к делу. Об этом свидетельствуют жалоба гражданки Е. В. Варламовой на неправильное обложение мясопоставок; заявление от колхоза им. Калинина с ходатайством об отпуске колхозников на переселение; жалоба гражданина А. А. Архипова об освобождении от мясопоставок с резолюцией Председателя Совнаркома Верендякина рассмотреть «на основании инструкции» и т. д. [Там же]. Вследствие беспорядка, связанного с учетом жалоб, о результатах рассмотрения некоторых из них вообще было неизвестно, как, например, в случае с жалобой гражданина В. П. Голикова, полученной Совнаркомом 15 марта 1939 г. [Там же].

Происходили случаи, когда жалобы пересылались Совнаркомом на разрешение тем лицам, на которых они были поданы. Так, 2 августа 1939 г. Совнарком получил жалобу от гражданина Уханова — бригадира дорожного строительства. В ней он перечислял незаконные действия начальника Дорожного управления А. И. Хайна. В итоге жалоба была направлена на рассмотрение в Дорожное управление, т. е. фактически самому Хайну [Там же. Л. 38].

Представляют интерес также общие сведения по жалобам, поступившим в Совнарком в 1939 г. Большинство их составляли жалобы многодетных матерей (158, из них было удовлетворено 65), далее следовали жалобы о снятии поставок (38, удовлетворена 1), о снятии сельскохозяйственного налога (37, удовлетворено 4), о назначении пенсии (17, удовлетворено 3), об оказании материальной помощи красноармейцам (15), о неправильном снятии с работы (14, удовлетворено 3) и др. При этом общее число жалоб, установленное во время проверки, равнялось 443, из них было удовлетворено всего 96. Остались без рассмотрения 68 жалоб, в том числе 10 еще с 1938 г. Из поступивших в Совнарком 79 газетных заметок и селькоровских писем не было рассмотрено 21 [Там же. Л. 39 — 40].

В 1939 г. юридическая группа Президиума Верховного Совета в составе Селиверстова и Кузнецова подготовила доклад, в котором отразился итог проведенной проверки работы Совнаркома и некоторых наркоматов по рассмотрению депутатских обращений. Было установлено, что Совнаркомом, а также наркоматами земледелия, просвещения, здравоохранения и др. нарушались конституционные права депутатов Верховных Советов МАССР, РСФСР и СССР, которые в порядке исполнения своих обязанностей обращались с разного рода запросами и письмами. В частности, в докладе отмечалось: «Учета писем и запросов депутатов нигде не ведется, из общей переписки они не выделяются, исполнение по ним не контролируется. В результате безразличного отношения к письмам и запросам депутатов Верховных Советов со стороны СНК и Наркоматов многие депутаты не получают на свои запросы и письма ответов, часто получают их с большим опозданием, получают явно неудовлетворительный ответ, представля-

ющий по существу отписку…» [Там же. Д. 61. Л. 69]. Так, например, «из найденных двух писем, адресованных на имя председателя Совнаркома, в одном депутат Верховного Совета тов. Толстых просила принять меры к обеспечению Саранской инфекционной больницы автомашиной и тем самым устранить распространение заболеваний… и улучшить обслуживание больных, ответа депутату не дано до 16 марта (поступило 16 февраля)» [Там же. Л. 71]. Другое письмо поступило в Совнарком 23 февраля, а ответ на него поступил только 16 марта. Поскольку дело по учету писем депутатов и ответов на них в Совнаркоме было поставлено «крайне плохо», то юридическая группа указывала, что «сколько всего поступило депутатских запросов в СНК по регистрационной книге установить невозможно, и никто из работников этого количества не знает» [Там же].

Президиум Верховного Совета 19 марта 1939 г. издал указ «Об упорядочении дела по даче ответов Совнаркомом и Наркоматами МАССР на письма депутатов Верховных Советов», в котором критиковалась работа Совнаркома и устанавливались строгие правила рассмотрения депутатских обращений. Президиум постановил следующее: «1. Обязать СНК и Наркоматы МАССР, а также райисполкомы, горсоветы и сельсоветы ответы на запросы и письма депутатов Верховных Советов МАССР, РСФСР и СССР давать в срок не более трех дней с момента поступления. 2. Обязать СНК, Наркоматы и все местные (районные и городские) органы выделить из общей переписки поступающие письма депутатов Верховных Советов и упорядочить это дело. 3. Установить, что в случае необходимости производства каких-либо действий по письму или запросу депутата Верховного Совета, последний ставился бы в известность о принятых мерах с последующим сообщением ему окончательного результата» [Там же. Л. 63 — 64].

Фактическое отсутствие правил рассмотрения депутатских запросов признавалось и руководством Совнаркома. Заместитель Председателя Совнаркома П. А. Пустовалов по поводу доклада юридической группы Президиума Верховного Совета отмечал следующее: «В Совнаркоме вопрос с ответами на запросы депутатов так же, как и в наркоматах, не упорядочен. Письма поступали в отделы, группы, и ответы давались несвоевременно». Совнарком принял определенные меры: назначил ответственного за рассмотрение обращений и жалоб работника — заведующего Секретариатом Совнаркома, который должен был регистрировать все поступавшие жалобы и передавать их руководству, после чего направлять их на исполнение и следить за поступлением своевременных ответов. П. А. Пустовалов признавал, что ранее «…у нас этого не было, и поэтому ответы задерживались. Письмо тов. Толстых об инфекционной больнице было прислано на имя тов. Верендякина, там оно пролежало три дня, а потом конференция, и этот вопрос был задержан без ответа… Одним словом, в системе аппарата Совнаркома было это дело поставлено плохо, теперь же упорядочено» [Там же. Л. 75].

Краткий обзор документов, отражающих рассмотрение жалоб граждан в Совнаркоме, позволяет констатировать неупорядоченность работы Совнаркома в предвоенные годы. Однако при этом следует подчеркнуть, что Совнарком не был исключением из общего правила. Аналогичным образом ситуация складывалась и в наркоматах республики, и в райисполкомах, о чем красноречиво свидетельствуют документы. Так, например, на заседании Президиума Верховного Совета

2 июня 1939 г. при рассмотрении вопроса об исполнении Ковылкинским райисполкомом указа «О состоянии работы с жалобами трудящихся в Наркоматах республики» было отмечено, что «Президиум Ковылкинского исполкома и его председатель тов. Тюлюков не выполнили Указ Президиума Верховного Совета от 19 декабря 1938 года… В райисполкоме лежат нерассмотренными в течение от 3 месяцев до 1 года 73 жалобы, а 28 жалоб утеряны…» [Там же. Д. 169. Л. 145].

Другая проверка, проведенная в 1940 г. в Большеберезниковском районе, показала, что «…исполком районного Совета депутатов трудящихся (председатель т. Дудоров), его отделы и некоторые исполкомы сельских Советов формально-бюрократически относятся к рассмотрению жалоб трудящихся» [Там же. Л. 126]. В этом же году по результатам проверки состояния работы с жалобами граждан Инсарского и Рыбкинского районов МАССР было установлено безответственное отношение в исполкомах к «разрешению жалоб и заявлений трудящихся» [Там же. Л. 143]. В 1941 г. не лучше обстояло дело и в Ельниковском районе, где «к работе по жалобам относятся формально и безответственно. Установленные правительством сроки рассмотрения жалоб, особенно красноармейских, грубо нарушаются» [Там же. Д. 278. Л. 55]. Сам факт поступления в Совнарком республики большого количество жалоб свидетельствовал о плохо поставленной работе по их разрешению на низовом уровне, куда граждане должны были обращаться в первую очередь.

Таким образом, в рассматриваемый период в Совнаркоме МАССР остро стояла проблема учета и рассмотрения поступавших жалоб граждан и писем депутатов Советов разных уровней. В этом плане Президиум Верховного Совета предъявлял Совнаркому очень жесткие требования, проверяя ведение работы с жалобами, неоднократно рассматривая эту проблему на заседаниях и принимая соответствующие указы. Несмотря на это, практиковались случаи затягивания, формального рассмотрения жалоб, отсутствовали их нормальный учет и регистрация. Низкое качество работы с жалобами и обращениями в Совнаркоме и других органах республики имело несколько причин. Одной из них была плохая урегулированность процедур учета, рассмотрения жалоб и контроля над исполнением решений. Со стороны высших органов власти Мордовской АССР спускались, скорее, руководящие директивы, чем детально регулирующие рассмотрение жалоб нормативные акты.

Библиографические ссылки

[1] См., например: **Лебина Н. Б.** Источники изучения социальной психологии рабочей молодежи 20 — 30-х гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 22. Л., 1991. С. 87 — 100 ; **Бодиско В. Х.** Дневники и письма // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура : Проблемы источниковедения совет. истории. М., 1994. С. 158 — 197 ; **Лившин А. Я.**, **Орлов И. Б.** Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917 — 1927 годов // Обществ. науки и современность. 1999. № 2. С. 94 — 104 ; **Юрчёнков В. А.** 1930-е годы: трагедия и символ // Юрчёнков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск. 2012. С. 536 — 546.

[2] См.: Письма во власть 1928 — 1939 : Заявления, жалобы, доносы, письма в гос. структуры и совет. вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М., 2008. 528 с.

[3] См.: **Фицпатрик Ш.** Повседневный сталинизм : Соц. история Совет. России в 30-е гг.: город. М., 2008. 336 с.

[4] ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 162. Л. 65. (Далее ссылки в тексте).

[5] См.: **Шкердина Н. О.** Социокультурное развитие российской провинции в 1928 — 1945 гг. : (На примере Мордовии) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2011. № 2 (18). С. 156.

[6] См.: **Фицпатрик Ш.** Указ. соч. С. 210.

Поступила 19.11.2013 г.

УДК 364.4-053.2(470.344)

А. Е. Дмитриев
A. E. Dmitriev

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТКОМИССИИ В ЧУВАШИИ (1923 — 1927 гг.)

THE WORK OF THE CHILDREN COMMISSION IN CHUVASHIA (1923 — 1927)

Ключевые слова: Деткомиссия, беспризорность, народное образование, государственные и общественные организации.

В статье анализируются причины создания и основные аспекты деятельности Комиссии по улучшению жизни детей в Чувашии в 1923 — 1927 гг.

Key words: Children commission, homelessness, public education, government and public organizations.

The reasons of creation and the main aspects of work of the Commission for improving living conditions of children in Chuvashia in 1923 — 1927 are analyzed in article.

В первое десятилетие своего существования Советское государство столкнулось с рядом серьезных трудностей. Войны и голод привели к резкому ухудшению социальной и экономической ситуации в стране. Параллельно этим потрясениям шел процесс государственного строительства, значительным изменениям подвергались все сферы общественной жизни, открывались и прекращали свою работу многочисленные общественные организации и государственные учреждения. Одним из приоритетных направлений реформирования являлось народное образование, в том числе социальное воспитание. Во многом это было связано с необходимостью защищать те категории населения, которые меньше других имели возможность выжить в агрессивных условиях кризиса, а именно: детей и подростков[1].

Проблемами охраны детства, призрения сирот и борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в разное время занимались многие учреждения. В 1920-е гг. основную работу в этой области осуществляли местные отделы народного образования и Народный комиссариат просвещения, которые и без того были перегружены школьным строительством и ликвидацией безграмотности среди населения. В условиях голода 1921 — 1922 гг., когда обозначились новые экстренные направления в работе (эвакуация детей в хлебородные районы,

© Дмитриев А. Е., 2014

создание общественных столовых, ночлежек, детских домов, пунктов питания, работа по сбору пожертвований с населения на нужды голодавших), свою деятельность начала новая организация, призванная осуществлять контроль и координировать все вопросы, связанные с благоустройством детей, в первую очередь, беспризорных — Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК РСФСР (далее Деткомиссия), а также подчиненные ей подразделения на местах[2].

Изучение деятельности данной организации, ее места в государственной системе, отношений с другими учреждениями, является важным для понимания целостной картины работы всех органов народного образования и социального воспитания. К тому же деятельность Деткомиссии при ЦИК Чувашской автономной области (позже Чувашской АССР) еще не становилась самостоятельным предметом изучения.

В основу статьи легли неопубликованные источники, хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики: документы областного отдела народного образования, Народного комиссариата просвещения, непосредственно Деткомиссии. Отчеты, акты обследования Деткомиссии и детских домов, сметы, переписка с разными организациями предоставляют разноплановую информацию, на основе которой можно сделать выводы об успехах и трудностях в работе изучаемого учреждения.

С Постановлением Президиума ВЦИК от 27 января 1921 г. об организации межведомственной Деткомиссии был определен круг обязанностей нового учреждения, а именно: оказание помощи детским учреждениям (прежде всего для беспризорников) продовольствием, одеждой и топливом; руководство борьбой с детской беспризорностью; объединение и согласование деятельности всех учреждений, связанных с государственной помощью детям. Несмотря на распоряжение о создании Деткомиссий на местах, в Чувашской автономной области такой работы не проводилось.

Лето 1921 г. в Чувашии отметилось засухой, что привело к увеличению запросов на поступление в детские дома, которые быстро заполнялись, включая подсобные помещения. Голодные дети ежедневно являлись в отделы народного образования, были случаи, когда родители оставляли их без опеки и присмотра[3]. Все вопросы по размещению и снабжению детей предметами первой необходимости легли на плечи областного (облоно) и уездных отделов народного образования (уоно), а также Комиссии по делам несовершеннолетних. Работа последней заключалась в рассмотрении дел подростков, замеченных в общественно опасных действиях. Несмотря на то что формально это учреждение функционировало в Чувашии с 1918 до 1921 г., оно не имело ни описи дел, ни реестра[4].

Активные действия по созыву Деткомиссии были предприняты только весной 1923 г. Такую задержку можно объяснить отсутствием тесных связей между различными ведомствами Чувашии (отделами народного образования, здравоохранения, комсомолом и др.), перегруженностью работы уже существовавших организаций, отсутствием четко осознаваемых целей создания Деткомиссии. Кроме того, бюджет Чувашской автономной области в 1923 — 1924 гг., расходная часть которого (3 031 011 руб.) превышала доходную (1 617 017 руб.), не располагал дополнительными средствами для обеспечения новой организации[5].

Возможностей, в итоге приведших к реализации январского постановления 1921 г., было также несколько. В 1923 г. на программу преодоления последствий голода центральная Деткомиссия при ВЦИК выделила сначала 10 тыс. руб., затем еще 50 тыс. руб., которые распределялись через местную и областную Деткомиссии по борьбе с последствиями голода[6]. Кроме того, в связи с началом реэвакуации детей, облоно стремился передать ряд ранее выполнявшихся им функций новому ведомству.

В апреле-мае 1923 г. облоно вел переписку с различными учреждениями с просьбой о выделении представителей в Деткомиссию. Откликнулись областные отделы здравоохранения, социального обеспечения, отдел по работе среди женщин при обкоме РКП(б), или женотдел, и Российский коммунистический союз молодежи. Несмотря на это, организационное собрание, назначенное на 14 мая 1923 г., не состоялось из-за неявки представителей РКСМ и облздравотдела[7].

Первое заседание, на котором присутствовали заведующий облоно, его заместитель, заведующий отделом социального воспитания и заведующий областным отделом здравоохранения, удалось провести 31 мая того же года[8]. Нетрудно заметить, что комиссия, за исключением одного члена, была сформирована из представителей отдела народного образования. Подобный состав имел ряд существенных недостатков. Во-первых, между облоно и облздравотделом часто возникали противоречия относительно средств, поступавших из центра. Отдел народного образования получал дотации на голодных детей, куда входили средства на детские площадки, сады, санатории, находившиеся в ведении отдела здравоохранения. Так, в мае 1923 г. облоно израсходовал 5 902 руб., которые следовало разделить поровну между двумя вышеуказанными органами[9]. Во-вторых, отдел народного образования, фактически выполнявший всю работу, был не в состоянии в полной мере контролировать и решать широкий спектр проблем, с которыми могли столкнуться дети республики. По итогам заседания отделу здравоохранения было отпущено 3 тыс. руб. из бюджета облоно, сам отдел образования получал 50 тыс. руб. из Деткомиссии при ВЦИК на организацию питания для детей, 3 тыс. руб. выделялось на реэвакуацию. Заседание также постановило рекомендовать облпоследголу не распределять продукты и средства без ведения Деткомиссии.

Помимо распределения средств и продуктов, комиссия в течение 1920-х гг. занималась реализацией марок, продажа которых осуществлялась через сеть столовых-пивных и винных, а также печатных изданий центральной Деткомиссии. С июля 1924 г. по июль 1927 г. в распоряжение комиссии таких товаров поступило на сумму 20 623 руб.[10] Необходимо отметить, что данное направление работы являлось весьма слабым источником доходов. Так, за 3 года продажа марок принесла 2 662 руб., а изданий — 962 руб.[11]

В связи с переходом к плановой работе с детской беспризорностью 2 февраля 1925 г. старое положение о Деткомиссии от 1921 г. было отменено и утверждено новое[12]. Согласно ему, Деткомиссии (как центральная, так и местные) реорганизовывались, уточнялись механизмы их работы и полномочия. Положение призывало принимать решительные меры по работе с беспризорными детьми на местах. Именно в 1925 г. работа Деткомиссии в Чувашии была приостановлена. Во многом это было связано с процессом образования Чувашской АССР, который

требовал всестороннего внимания и переустройства основных государственных учреждений.

12 февраля 1926 г. на борьбу с детской беспризорностью и улучшение жизни детей Чувашской АССР из центра поступило 25 230 руб.[13] Данная дотация стала существенным стимулом к возобновлению работы Деткомиссии. Организационное собрание новой комиссии состоялось 2 августа 1926 г.[14] Участие в нем приняли Председатель ЦИК ЧАССР, представители от женотдела, Народного комиссариата здравоохранения, Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата социального обеспечения, Народного комиссариата внутренних дел и общества «Друг детей». Собранием были выбраны председатель, заместитель председателя и секретарь Деткомиссии, определен состав президиума, утверждено положение о Деткомиссии при ЦИК Чувашской АССР.

Согласно положению, целью работы данного учреждения являлась помощь детям, для чего комиссия привлекала общественность, организовывала ее деятельность, изыскивала средства для этих целей, согласовывала работу разных ведомств, оказывала им материальное содействие. Фактически работа Деткомиссии заключалась в снабжении ведомств и организаций средствами для помощи детям с четкими указаниями, как ими следует распоряжаться. В свою очередь, организации обязаны были отчитываться перед комиссией[15].

С этого момента постановления Деткомиссии по вопросам организационной работы считались окончательными и сразу же начинали приводиться в исполнение. Она также получила гербовую печать. Рабочими органами комиссии стали президиум (разрабатывал планы и директивы работы) и пленум (рассматривал и утверждал планы работы всех организаций, входивших в состав комиссии)[16]. Средства Деткомиссии формировались из добровольных пожертвований; доходов от организуемых комиссией вечеров, базаров, спектаклей, концертов, кино и т. д.; денежных и материальных поступлений от общества «Друг Детей», его отделений и ячеек; государственных субсидий; отчислений по реализации изданий Деткомиссии при ВЦИК; средств, отпускаемых Деткомиссией при ВЦИК, а также других источников дохода[17].

С 1926 г. работа Деткомиссии осуществлялась беспрерывно. Были созданы уездные отделения в Цивильске (14 августа 1926 г.)[18], Алатыре (2 сентября 1926 г.)[19], Ядрине (20 сентября 1926 г.)[20] и в Чебоксарском районе (23 сентября 1926 г.)[21], получавшие определенные дотации (3 тыс. руб. в 1926 г., 6 975 руб. в 1927 г.)[22].

Появились и новые формы работы. Так, в 1926 — 1927 гг. по всей стране проводились вещевые лотереи центральной Деткомиссии. В Чувашии они также состоялись, однако большого внимания общественности не привлекли. В результате проведения лотереи в 1926 г. комиссия получила чистой прибыли лишь 74 руб.[23] На вторую лотерею в 1927 г. на сумму 1 млн руб. возлагались большие надежды. Деткомиссии ЧАССР было выделено 2 400 билетов на реализацию, из которых удалось продать лишь 7 штук[24]. По итогам обследования деятельности Деткомиссии в 1927 г., ее работа по привлечению населения к участию в лотерее была развернута слабо, активной продажи билетов не наблюдалось.

Деткомиссия активно участвовала в открытии новых детских учреждений. С ее ходатайства в Чебоксарах в 1926 г. начал работу приемник-ночлежник, функционировавший в летнее время (с 13 июля по 1 сентября)[25]. В течение этого срока в прием-

нике постоянно проживали 17 детей. При выходе каждый из них получал по 1 паре портянок, матрацу, простыне, подушке, рубахе, полотенцу и деньгами 119 руб. на всех[26].

В 1927 г. Деткомиссия в Чебоксарах открыла сапожную мастерскую для беспризорных подростков (старше 16 лет) на 15 чел. Первые 3 месяца она существовала за счет государственного финансирования, после чего вышла на самоокупаемость[27]. Кроме этого комиссия проводила работу по выделению средств на мероприятия, связанные с трудовой подготовкой воспитанников детских домов, благодаря чему уездные отделы народного образования получили 7 тыс. руб. на открытие и реорганизацию мастерских[28].

20 июня 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали новое положение о Деткомисии с целью ее закрепления в системе государственных учреждений и возложения на нее «общего руководства делом борьбы с беспризорностью»[29]. Это означало окончательную передачу комиссии ряда функций Народного комиссариата просвещения по работе с беспризорными детьми. Кроме того, предприятия и мастерские комиссии получили налоговые льготы, что стало весомым подспорьем для развертывания трудового обучения как беспризорных детей, так и воспитанников детских домов. Постановление также учредило ревизионную комиссию для рассмотрения отчетов и баланса местных Деткомиссий. В связи с этим в конце лета 1927 г. было проведено финансово-материальное обследование Деткомиссии при ЦИК ЧАССР, выявившее ряд нарушений:

— плохая организация работы по реализации марок и изданий Деткомиссии при ВЦИК. Многие учреждения, в которые поступали на продажу марки, использовали их неохотно. Так, например, столовой-пивной «Красный инвалид» было отпущено марок на сумму 930 руб. 02 коп., а удалось реализовать лишь на 406 руб.;

— небрежное хранение, отсутствие учета документации, в том числе вышеуказанных марок и изданий;

— непроведение работы по изъятию нереализованных марок;

— отсутствие четкого плана в работе комиссии;

— непредоставление организациями в комиссию отчетов о расходовании средств[30].

Только после проведения обследования и выявления основных проблем функционирования Деткомиссии в Чувашии началась систематическая работа данного учреждения. Если прежде документы комиссии представляли собой хаотичные наборы смет и писем, то с 1928 г. отдельным порядком стали сохраняться отчеты, которых ранее не было совсем, акты обследований, переписка и прочая документация.

Так, согласно актам обследования, эффективность работы Деткомиссии в ранний период ее существования сопровождалась многими организационными трудностями. Отчасти в этом была вина центра, поскольку наиболее полные инструкции по работе комиссии появились только в 1927 г., а значит, с 1921 г. она работала практически вслепую. На примере Чувашской АО и Чувашской АССР прослеживаются проблемы, не позволявшие наладить работу «сверху» по борьбе с беспризорностью и обеспечениием детей продовольствием и предметами первой необходимости: это и борьба между различными организациями за право распределять ресурсы, и откровенная «размытость» границ полномочий, в первую очередь, таких ведомств, как облоно, Наркомпрос и непосредственно Деткомиссия. Фактически в течение 1920-х гг. Деткомиссия при ЦИК ЧАССР являлась не более чем

подотделом органов народного образования и просвещения, используемым для работы аппаратом облоно и Наркомпросом[31].

Тем не менее 1923 — 1927 гг. можно рассматривать как период становления Деткомиссии. В это время были заложены основы ее работы, сформированы принципы управления, накоплен опыт организационной деятельности по сбору и распределению средств. Уже на данном этапе комиссия предприняла ряд серьезных решений, таких как организация новых мастерских, ночлежек, помощь детдомам и уездным отделам народного образования.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Федоров А. Н.** «Дай хоть маленький кусочек хлебца!» : Становление системы соц. обеспечения в городах совет. России в условиях революции и гражд. войны: охрана материнства и детства (1917 — 1920 гг.) // Центр и периферия. [Саранск]. 2008. № 4. С. 79 — 85.

[2] См.: Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917 — 1967 гг.) : справ. М., 1971. С. 441.

[3] ГИА ЧР. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 127. Л. 16.

[4] Там же. Л. 17.

[5] См.: **Минеева Е. К.** Экономическая и культурная политика Чувашии в 20 — 30-е годы XX века // Вестн. Чуваш. ун-та. 2008. № 3. С. 51.

[6] ГИА ЧР. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

[7] Там же. Л. 6.

[8] Там же. Л. 21.

[9] Там же.

[10] Там же. Д. 15. Л. 5.

[11] Там же.

[12] См.: Положение о Комиссии по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете : декрет ВЦИК и СНК от 2 февр. 1925 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 8. Ст. 57.

[13] ГИА ЧР. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

[14] Там же. Л. 1.

[15] Там же.

[16] Там же. Л. 2.

[17] Там же.

[18] Там же. Д. 17. Л. 8.

[19] Там же. Л. 9.

[20] Там же. Л. 10.

[21] Там же. Л. 11.

[22] Там же. Д. 14. Л. 9.

[23] Там же. Л. 24.

[24] Там же. Л. 39.

[25] Там же. Д. 15. Л. 3.

[26] Там же.

[27] Там же. Д. 14. Л. 33.

[28] Там же. Л. 28.

[29] Об утверждении Положения о Комиссии по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете : постановл. ВЦИК и СНК от 20 июня 1927 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 61. Ст. 422.

[30] ГИА ЧР. Ф. Р-466. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

[31] Там же. Л. 1.

Поступила 23.04.2014 г.

УДК 331.105.44(73):331.104

И. К. Корякова
I. K. Koryakova

ПРОФСОЮЗЫ США: ПОЗИЦИЯ ПО ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (1947 — 1948 гг.)

THE UNIONS OF THE USA: POSITION ON STATE REGULATION OF LABOUR RELATIONS (1947 — 1948)

Ключевые слова: профсоюз, США, Американская федерация труда, Конгресс производственных профсоюзов, закон Тафта — Хартли, рабочие, государство, регулирование, бизнес, трудовые отношения.

В статье исследуется вопрос об отношении профсоюзов США к государственному регулированию трудовых отношений в 1947 — 1948 гг.; обосновывается недовольство профсоюзов расширением государственного вмешательства в коллективно-договорный процесс, мотивированное антирабочей направленностью; доказывается, что несмотря на заявления профсоюзных лидеров о необходимости отстаивать свободные от государственного контроля коллективные переговоры, в реальности организованные рабочие признали безальтернативность государственного регулирования трудовых отношений.

Key words: the Unions, the USA, the American Federation of Labour, Congress of Industrial Organizations, the Taft — Hartley Act, the workers, state regulation, business, labour relations.

The question of the position of the United States trade unions in state regulation of labour relations in 1947 — 1948 is studied in the article; discontent of the Unions with increased state interference in collective-contractual process, motivated with anti-workers orientation, is substantiated; it is proved that despite union leaders claims about the need to uphold collective bargaining free from state control, in reality unionized workers recognized the lack of alternatives to state regulation of labour relations.

Сразу же после окончания Второй мировой войны в США развернулась активная кампания предпринимателей за ревизию трудового законодательства «нового курса». Главным нападкам с их стороны подвергался статут о трудовых отношениях, или закон Вагнера, принятый в 1935 г. Он закрепил за рабочими право на вступление в избранный ими профсоюз, на заключение коллективного договора между выборными представителями рабочих и предпринимателей, на проведение стачек и пикетирование.

Борьба деловых кругов США за ревизию статута Вагнера велась с меньшей или большей силой с апреля 1937 г., т. е. со дня признания его конституционным Верховным судом страны. Однако после окончания войны она получила новый импульс. Это объяснялось во многом тем, что в военные годы американский бизнес значительно укрепил свои не только экономические, но также социальные и политические позиции. Поднялся его морально-политический престиж.

© Корякова И. К., 2014

Улучшившееся за годы войны материальное положение рабочих, сложившаяся благоприятная экономическая конъюнктура в США, рост обеспеченности масс преподносились СМИ как заслуга бизнеса. В этих условиях предприниматели с новой силой повели наступление на права профсоюзов. Однако уже теперь бизнес активно использовал в борьбе против рабочих новое эффективное оружие, а именно: идеи консервативного этатизма, или неоконсерватизма, поставив задачу использовать в своих интересах форсированное вторжение государства в отношения между трудом и капиталом.

Главная цель профсоюзов после окончания войны заключалась в том, чтобы отстоять трудовое законодательство «нового курса» от ожесточившихся уже в военные годы атак на него консервативных сил США. Американские профсоюзы встретили окончание Второй мировой войны окрепшими организационно и выросшими количественно. За годы войны заметно упрочились коллективно-договорные позиции профсоюзов, что способствовало расширению членства в них. Если в 1939 г. профсоюзы насчитывали 8 млн 900 тыс. чел., то в 1945 г. — 14 млн 790 тыс. чел.[1] По сравнению с 1933 г. численность профсоюзов в 1945 г. увеличилась в 5 раз. Летом 1945 г. профсоюзы представляли 35 % гражданской рабочей силы США и имели свои объединения почти во всех секторах массового производства. Как отмечает американский историк Д. Броуди, к 1946 г. $^{2}/_{3}$ рабочих, занятых в обрабатывающем секторе производства, были юнионизированы. На транспорте, в угледобыче, в сталелитейной, автомобильной, нефтяной и других базовых отраслях производства членство профсоюзов составляло от 80 до 100 %[2]. Профсоюзы вышли из войны, по словам американского исследователя М. Дубофского, «более мощными и уверенными, чем в 1940 г.»[3] Профсоюзы по окончании войны, как считает российский историк Ю. Н. Рогулев, «стали важной экономической и политической силой в США»[4], что могло позволить рабочим успешно отстаивать свои права.

Укрепление организационных основ профсоюзного движения и увеличение численности тред-юнионов давало все основания считать, что американские профсоюзы достаточно сильны, чтобы добиться успешного осуществления стоявших перед ними после окончания Второй мировой войны задач и, прежде всего, защиты закона Вагнера. Однако на стороне бизнеса в его стремлении изменить трудовое законодательство «нового курса» выступило государство, планировавшее создать чрезвычайный механизм сдерживания профсоюзного движения в мирное время. Президент страны Г. Трумэн не только не организовал должного отпора наступлению консервативных сил на трудовое законодательство «нового курса», но и фактически сам явился инициатором его пересмотра, твердо поддерживая и последовательно отстаивая сторону предпринимателей. Уже в июне 1947 г. бизнес добился своих целей в виде поправок к статуту Вагнера — был принят закон Тафта — Хартли.

Лидеры двух крупнейших профсоюзных объединений США — Американской федерации труда (АФТ) и Конгресса производственных профсоюзов (КПП) с негодованием встретили принятие нового закона. Он характеризовался ими как «самый большой удар по профсоюзам» в истории США, как «попытка разрушить профсоюзы»[5]. Глава КПП Ф. Мэррэй назвал закон Тафта — Хартли «зловещим», «опасным», «первым шагом в направлении к фашизму в Соединенных Штатах»[6].

Основные претензии профсоюзов к закону Тафта — Хартли сводились к тому, что он содержал статьи, препятствовавшие вступлению рабочих в профсоюзы, вводившие ограничения на средства борьбы с предпринимателем (стачки, пикеты, бойкоты), предписывавшие запреты на политическую деятельность рабочим организациям. Ограничивая права рабочих на создание профсоюзов, проведение стачек, на участие в политической жизни, закон Тафта — Хартли значительно ослаблял и подрывал профсоюзы как институт общества, нанося удар по коллективным и индивидуальным интересам рабочих.

Главным инструментом ослабления позиций профсоюзов, согласно закону Тафта — Хартли, становилось государство. Статут Тафта — Хартли в целом существенно увеличил объем государственного регулирования и расширил государственное вмешательство в трудовые отношения, в частности, в процесс коллективных переговоров и в деятельность самих профсоюзов, поставив их под жесткий контроль государства. Согласно закону Тафта — Хартли, государство могло вмешиваться буквально во все стороны жизни и деятельности рабочих организаций. Российский историк А. А. Попов отмечал резко возросшие объем и размах государственной политики: «Государство предписывает определенные правила организации рабочих в профсоюзы, устанавливает процедуру заключения коллективных договоров с предпринимателями, вмешивается в определение самих условий коллективных соглашений, ограничивает методы борьбы с предпринимателями (стачки, пикеты, бойкоты), деля их на дозволенные и недозволенные (судебно наказуемые), способствует урегулированию стачек, лимитирует политическую деятельность профсоюзов, контролирует вплоть до мельчайших деталей всю внутреннюю жизнь рабочих организаций»[7].

По мнению американского исследователя Р. Шатса, «закон Тафта — Хартли превращал профсоюзы в полуобщественные организации, которым государство выдавало лицензию для осуществления важной функции — коллективных переговоров для рабочих, но до тех пор, пока они уважали суровые ограничения (со стороны государства. — *И. К.*) их поведения»[8]. О «всеобъемлющем регулировании внутренней жизни рабочих союзов», устанавливаемом законом Тафта — Хартли, говорит и американский историк Д. Броуди[9].

Однако, если государственное вмешательство в трудовые отношения в 1930-е гг. носило реформистско-либеральный характер, учитывало в определенной степени интересы рабочих организаций, предоставляло им некоторую защиту от всевластия крупных собственников, то с середины 1940-х гг. характер государственного регулирования трудовых отношений изменился. На смену либеральному регулированию пришло консервативное регулирование, суть которого сводилась к прямому наступлению на главные завоевания рабочих в 1930-е гг. — на коллективный договор и стачку. В 1947 г. верх одержали силы, выступавшие за подрыв роста и влияния рабочих организаций. Собственники, поступившись частично своими правами в пользу арбитра — государства, согласившись на некоторое ограничение своего всевластия, получили взамен «механизм сдерживания» профсоюзов. Усиление государственного присутствия в трудовых отношениях произошло путем создания мощного, эффективного инструмента обуздания профсоюзной активности. Государство практически полностью выступило на стороне бизнеса с принятием закона Тафта — Хартли, который сделал

государственное регулирование антирабочим. Этот закон стал «поворотным пунктом, той вехой, которая обозначала переломный момент в развитии системы регулирования, изменив его характер с либерально-реформистского на реакционно-антирабочий»[10].

Выступая перед делегатами ежегодного съезда федерации труда штата Нью-Йорк, секретарь-казначей АФТ Дж. Мини сказал, что изучение закона Тафта — Хартли «убедило функционеров Американской федерации труда в том, что он был намного более худшим, чем они думали до его принятия»[11]. Одобрение закона, обозначившее в годы войны сдвиг вправо в рабочей политике правительства США, и антирабочая позиция, занятая администрацией Г. Трумэна в трудовых вопросах в конце 1945 — 1947 гг., побудили многих деятелей профсоюзного движения пересмотреть свое отношение к самой идее государственного регулирования трудовой сферы. Лидеры как АФТ, так и КПП начали не просто с подозрением, а откровенно негативно относиться к государственному присутствию в трудовых отношениях. Прежде всего это касалось руководителей АФТ, которые после окончания войны начали прибегать к риторике защиты так называемых свободных коллективно-договорных отношений, свободных от «диктата» государства. В выступлениях главы АФТ постоянно звучали призывы вернуться к этому. Так, он настаивал на том, чтобы коллективные переговоры осуществлялись посредством «сотрудничества профсоюзов и предпринимателей, свободного от государственного влияния и государственного контроля»[12]. «Я уверен, — писал глава АФТ У. Грин, — что трудящиеся мужчины и женщины предпочитают коллективные переговоры коллективным переговорам под эгидой государства, как обусловлено законом Тафта — Хартли»[13].

Выступая перед делегатами ежегодной конференции мэров американских городов 21 января 1947 г., У. Грин говорил: «Я убежден, что государственное вмешательство никогда не улучшит отношений между рабочими и предпринимателями. Я также уверен, что единственный путь заменить индустриальную войну на индустриальный мир в нашей стране заключается в том, чтобы предоставить американскому труду и американской промышленности делать это самим»[14]. В дополнительном отчете исполнительного комитета АФТ на 66-м съезде АФТ в 1947 г. говорилось: «Очень жалко, что в то же самое время трудящиеся Соединенных Штатов должны бороться за возвращение им права самоуправления внутри профсоюзов, для того чтобы получить обратно освобождение от деспотичного государства, действующего с помощью инджанкшн и получить обратно свободу контракта для того, чтобы определять рамки и условия работы. Законодательные достижения нескольких десятилетий были уничтожены законом Тафта — Хартли»[15]. «Свобода организации и коллективных переговоров, — подчеркивалось в этом документе, — является настоящей сутью свободы в жизни трудящихся»[16]. При этом на съезде отмечалось, что Национальная ассоциация промышленников (НАП) и другие организации предпринимателей могут функционировать и служить интересам своих членов «без существенного вмешательства со стороны государства»[17].

Недовольство профсоюзов расширением государственного вмешательства в коллективно-договорный процесс выразил и президент департамента строительных профсоюзов АФТ Ф. Грэй, выступив 2 августа 1948 г. на съезде федерации труда штата Нью-Йорк[18].

В среде профсоюзных лидеров нередко звучали слова о «необходимости „добровольного“ участия рабочих и предпринимателей в коллективных переговорах на основе „доброй воли“. Секретарь-казначей АФТ Дж. Мини заявлял: «Закон Тафта — Хартли полностью нарушает эти элементарные принципы. Он навязывает юристов, Трудовое управление и федеральные суды как нежелательных гостей за каждым столом коллективных переговоров… Одним словом, он полностью разрушает естественное, органичное развитие, которым является процесс коллективных переговоров и заменяет его вместо этого тем, что, в лучшем случае, является патерналистской системой, а в худшем — необычайно большим диктатом»[19].

Разочарованным политикой государственного вмешательства в трудовые отношения оказался и такой видный деятель профсоюзного движения США, как глава профсоюза шахтеров Дж. Льюис. Если в 1930-е гг. он поддерживал идею государственного регулирования трудовых отношений, выступая за принятие государством программы широкой социальной помощи трудящимся, считая, что основные проблемы индустриальных конфликтов можно решить путем усиления интервенции федерального правительства в споры между трудом и капиталом, то уже в середине 1940-х гг. он заключил, что дни рабочей политики в стиле «нового курса» закончились. Дж. Льюис пришел к выводу, что «государство не было другом рабочего»[20].

Американский исследователь Р. Шатс отмечает, что даже такой пылкий сторонник государственного вмешательства в трудовые отношения, как глава КПП Ф. Мэррэй, столкнувшись с угрозой принятия закона Тафта — Хартли, обратился к волюнтаристской философии основателя и первого руководителя АФТ С. Гомперса и «начал разговаривать подобно Сэму Гомперсу, который в свои ранние годы побуждал рабочих избегать попадания в ловушку правительства»[21].

В 1946 — 1948 гг. и руководитель профсоюза автомобилестроителей (КПП) У. Рейтер ставил вопрос об отказе от сильного государства и государственного регулирования по причине его враждебности в отношении рабочих. Так, в декабре 1946 г. он призывал к тому, чтобы «свободные профсоюзы» и «свободные предприниматели» объединились в решении своих проблем, иначе «супергосударство появится, чтобы сделать это за нас»[22]. Такая позиция лидеров АФТ и КПП объяснялась не их приверженностью к «волюнтаристской» или «гомперсистской» идеологии, а антирабочим характером политики американского государства в сфере трудовых отношений начиная с 1942 г., включая и регулирование цен и заработной платы, и закон Смита — Коннэлли, и статут Тафта — Хартли. «Война научила нас многим урокам»[23], — писал У. Грин, объясняя стремление АФТ освободиться от «государственного контроля». Он же говорил в январе 1947 г. следующее: «Определенно мы узнали в последние годы, что устанавливаемая правительством формула заработной платы и принудительный государственный арбитраж, какой практиковался Национальным военным управлением труда, являются серьезной ошибкой. Мы не можем управлять свободной экономикой в мирное время с помощью такого регулирующего механизма»[24]. Уже после принятия закона Тафта — Хартли У. Рейтер прямо заявил: «Я бы предпочел договариваться с Дженерал Моторс, чем с правительством… Дженерал Моторс не имеет армии»[25]. Говоря о государственном контроле,

У. Рейтер правильно сформулировал вопрос: «Как много этого контроля и в чьих он интересах»[26].

Дж. Мини объяснял, что «с самого начала очень много профсоюзных лидеров относилось к закону Вагнера с некоторым опасением из-за того, что он привлек правительство как доминирующий фактор в систему отношений между рабочими и предпринимателями»[27]. «Без сомнения, — считал Дж. Мини, — закон Вагнера был необходимым и служил очень полезной цели»[28]. Вместе с тем, по его мнению, «страхи очень многих профсоюзных деятелей, что закон Вагнера приведет к слишком большому вмешательству правительства в сферу отношений между рабочими и предпринимателями, оправдались»[29]. В подтверждение своей мысли Дж. Мини привел слова С. Гомперса, советовавшего рабочим «полагаться на их собственную экономическую силу и на эффективность их собственных организаций, а не на правительство»[30]. С. Гомперс говорил, что «профсоюзам следует остерегаться закона, что закон подобен Господу Богу и то, что Бог дает, он может и отобрать»[31]. Комментируя слова С. Гомперса, Дж. Мини разъяснял: «Это просто означало, что, если рабочие собирались зависеть от господства и контроля правительства над справедливостью в их отношениях с предпринимателями, то им могла в значительной степени помочь дружественная администрация, но, с другой стороны, им могла сильно повредить не дружественно относящаяся к ним администрация»[32]. Слова С. Гомперса, по мнению Дж. Мини, подтвердились в 1947 г., когда на смену справедливому, защищавшему права рабочих, закону Вагнера пришел закон Тафта — Хартли, твердо стоявший на стороне бизнеса. Об этом Дж. Мини не раз говорил и в других своих выступлениях[33].

При объяснении причин обращения профсоюзных лидеров к риторике «волюнтаризма» и «гомперсизма» в 1945 — 1948 гг. следует учитывать и такой очевидный факт, что американские рабочие организации вышли из войны достаточно сильными, чтобы эффективно отстаивать интересы рабочих в противостоянии с бизнесом. Однако вмешательство государства в трудовые отношения на стороне бизнеса, естественно, разрушило эту возможность, лишив их способности эффективно бороться за улучшение жизни членов профсоюзов. Именно эта очевидная причина и лежала в основе их недовольства самой идеей государственного вмешательства, так как оно оказалось откровенно антирабочим. Для них важна была не «свобода» от государства вообще, а «свобода» от антипрофсоюзного государственного регулирования трудовых отношений в духе закона Тафта — Хартли.

Однако, как отмечает американский исследователь Д. Броуди, «по идее закон Тафта — Хартли являлся неизбежным попутчиком закона Вагнера с самого начала»[34]. «Это было только вопросом времени и правильных политических условий, — пишет Д. Броуди, — чтобы закон Тафта — Хартли или что-то очень подобное ему восторжествовало»[35]. Поскольку государственное регулирование стало неизбежным фактором общественного развития, то во многом от позиции рабочих, объединенных в организационно сильные профсоюзы, зависел характер государственного вмешательства в трудовые отношения. В значительной степени курс, вырабатываемый мощными рабочими союзами, мог повлиять на направленность рабочей политики государства. Ярким свидетельством этого явилась

политика «нового курса» Ф. Рузвельта, и в то время многое зависело от того, какую стратегическую линию профсоюзы определят как главную по отношению к закону Тафта — Хартли, какую они займут позицию в общем характере социально-политического развития страны. Представляя собой влиятельную силу общества, рабочие объединения могли оказывать существенное давление на государство в процессе выработки рабочего курса.

Таким образом, уже с середины 1947 г. перед профсоюзами встал главный вопрос: соблюдать закон или же, отказавшись подчиняться требованиям, сорвать его претворение в жизнь. Именно в этом вопросе предстояло определиться профсоюзному руководству. Как в рядах КПП, так и в рядах АФТ возникали предложения об активном сопротивлении закону путем проведения стачек протеста и организации всеобщей забастовки. Еще во время обсуждения билля Тафта — Хартли в конгрессе США весной 1947 г. руководители некоторых профсоюзов АФТ предлагали организовать более решительный отпор усилиям сторонников ревизии закона Вагнера. Так, представитель местного отделения № 306 профсоюза кинооператоров С. Д'Инзилло, обращаясь к президенту АФТ У. Грину, писал: «Я убеждаю вас немедленно приказать всем аффилированным с АФТ организациям созвать массовые митинги протеста против законопроектов (Тафта и Хартли. — *И. К.*)»[36]. Он также просил У. Грина приказать всем членам АФТ прекратить работу на один день, объявив национальную однодневную забастовку как протест против принятия антирабочего законодательства[37].

Однако руководство федерации проигнорировало призывы «с мест» как весной, так и в июле 1947 г. По мнению биографа У. Грина К. Фелан, несмотря на то что «принятие закона Тафта — Хартли опустошило Грина», оно не поколебало его убеждений в том, что «интересы капитала, организованных рабочих и государства находятся в гармонии»[38]. Он вновь не захотел «отказаться от осторожности, консерватизма и респектабельности»[39]. «Когда члены АФТ наводнили его офис требованиями созвать 24-часовую всеобщую забастовку, чтобы выступить с протестом против закона, Грин ответил, что подобное действие немыслимо, т. к. восстановит общественность против профсоюзов»[40], — написал К. Фелан.

Уже 2 июля 1947 г., выступая на форуме по трудовым отношениям в Католическом университете США, Дж. Мини, фактически определявший основную линию политической деятельности АФТ, твердо заявил: «Я уверен, что лидеры Американской федерации труда считают, что один из самых фундаментальных принципов нашей демократической системы есть уважение закона. Билль Тафта — Хартли теперь стал законом, и это, следовательно, требует подчинения всех граждан, кого он касается»[41]. Обращаясь к делегатам съезда федерации труда штата Калифорния, Дж. Мини «предостерег против безответственного поведения профсоюзных лидеров»[42], как сообщала «American Federation of Labor Weekly News Service». «Несмотря на закон Тафта — Хартли, — утверждал Дж. Мини, — мы должны предпринимать искренние усилия для работы с теми предпринимателями, кто верит, что производство может осуществляться только через индустриальный мир»[43].

О необходимости уважения «закона о рабстве»[44] говорил Дж. Мини и по радио 2 сентября 1947 г. в День Труда. Его слова перекликались с выступлением У. Грина. Многие СМИ с одобрением комментировали «подход» У. Грина,

содержавший «элемент умеренности»[45], являвшийся «подлинным голосом демократии»[46]. У. Грин в своем выступлении вновь говорил об ответственности профсоюзов[47], утверждая, что их задача заключается не в том, чтобы «возбуждать дух возмездия» среди своих членов, а в том, чтобы «держать стихийную волну этого духа в дисциплинированных границах»[48]. У. Грин убеждал: «Мы должны бороться с нашими врагами не путем необдуманных стачек, а с помощью избирательных бюллетеней, мирным демократическим путем»[49]. «Для нашего собственного блага и ради благоденствия нашей страны мы должны давать производству развиваться на полном ходу и двигаться без серьезных остановок»[50], — призывал рабочих глава АФТ в своем обычном стиле. Заявления У. Грина были встречены овацией одобрения в прессе США. «Мистер Грин выразил настроение объединенной Америки»[51], — писали американские газеты, приветствуя стремление руководства крупнейшего профсоюзного центра «достичь своих целей путем мирного использования избирательного бюллетеня»[52]; «это великий совет, данный великим американцем»[53]. К таким словам У. Грин не был равнодушен, и его совет, с точки зрения американского бизнеса, на самом деле был «великим», поскольку ограничивал борьбу профсоюзов против закона Тафта — Хартли такой сферой, в которой у них было мало шансов добиться успеха (профсоюзы не обладали теми финансовыми, административными, политическими возможностями, которыми обладали представители бизнеса). Играя по правилам, установленным бизнесом, профсоюзы заведомо сужали свои возможности эффективно отстаивать интересы рабочих. Отказываясь от таких действенных средств борьбы, как политическая стачка, профсоюзы тем самым значительно снижали свои шансы на победу в противостоянии с бизнесом, поддерживаемым государством. Именно поэтому, оценивая позицию У. Грина, отражавшую общее настроение руководства АФТ, «Washington Post» называла ее «очень обнадеживающей» и противопоставляла слова Грина «дерзким и часто истерическим угрозам»[54] главы Объединенного союза горняков Дж. Льюиса. В связи с этим никого не могли ввести в заблуждение заявления У. Грина о созыве «общенациональной всеобщей забастовки в день выборов 1948 г., чтобы все члены профсоюзов могли пойти на выборы и проголосовать против тех, кто голосовал за закон Тафта — Хартли»[55].

Ни о каком решительном отпоре принятому закону не говорило и руководство КПП. Занятая им позиция была идентичной линии АФТ. Лидеры обоих профсоюзных центров выступили за то, чтобы «уважать» закон Тафта — Хартли, фактически отказавшись срывать проведение закона в жизнь. Они отвергли эффективные действия, которые реально могли заставить правящие круги отказаться от него.

Таким образом, несмотря на свою волюнтаристскую риторику, ни лидеры АФТ, ни руководители КПП не стали бойкотировать Национальное управление по трудовым отношениям, следуя призыву, например, Дж. Льюиса. Этим они признали важность и безальтернативность для своих организаций государственного регулирования трудовых отношений, даже столь измененного в антирабочую сторону законом Тафта — Хартли. Профсоюзные лидеры выступали за свободные от государственного влияния и контроля коллективные переговоры только на словах, в действительности же, избрав путь подчинения статуту Тафта —

Хартли, они отказались от перехода к политике реально «свободных коллективно-переговорных отношений» с бизнесом, признав приоритетное значение государственного регулирования трудовых отношений в США.

Библиографические ссылки

[1] См.: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1960. P. 98.
[2] См.: **Brody D.** Workers in Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. N. Y., 1980. P. 173.
[3] **Dubofsky M.** The State and Labor in Modern America. Chapel Hill ; London, 1994. P. 171.
[4] **Рогулев Ю. Н.** Крах рабочей политики администрации Трумэна (1950 — начало 1953 г.). М., 1981. С. 20.
[5] American Federation of Labor Weekly News Service. 1947. Febr. 4. April 22. May 2. May 13.
[6] Steel Labor. 1947. August.
[7] **Попов А. А.** США: государство и профсоюзы. М., 1974. С. 8.
[8] **Schatz R.** Philip Murray and the Subordination of the Industrial Unions to the United States Government // Labor Leaders in America / Edited by M. Dubofsky and W. Van Tine. Urbana; Chicago, 1987. P. 250.
[9] См.: **Brody D.** Labor Embattled : History, Power, Rights. Urbana; Chicago, 2005. P. 23.
[10] **Попов А. А.** Указ. соч. С. 68.
[11] Address by G. Meany to the Opening Session of the 84th Annual Convention of the New York State Federation of Labor. July 14, 1947. 7/7. Office of the Secretary-Treasurer, AFL. George Meany (1940 — 1952) // George Meany Memorial Archives (далее GMMA).
[12] W. Green to W. H. Davis. July 7, 1947. 47/34. AFL, AFL-CIO Department of Legislation (1906 — 1978) // GMMA.
[13] Ibid.
[14] For Release on Delivery. 1947. Jan. 21. Text of W. Green. 47/26. AFL, AFL-CIO Department of Legislation (1906 — 1978) // GMMA.
[15] Report of Proceeding of the Sixty-Sixth Convention of the American Federation of Labor. Held at San Francisco, California. Inclusive, 1947. October 6 to 16. P. 597.
[16] Ibid.
[17] Ibid. P. 406.
[18] См.: Statement of Richard J. Gray. 1948. 2 August. 7/9. Office of the Secretary — Treasurer, AFL. George Meany (1940 — 1952) // GMMA. P. 5.
[19] **George M.** Symposium on Taft — Hartley Law. Manhattan College, New York, November 17. 7/8. Office of the Secretary — Treasurer, AFL. George Meany (1940 — 1952) // GMMA.
[20] См.: **Zieger R., John L.** Lewis. Labor Leader. Boston, 1988. P. 161.
[21] **Schatz R.** Op. cit. P. 250.
[22] Цит. по: **Lichtenstein N.** The Most Dangerous Man in Detroit : Walter Reuther and the fate of American Labor. N. Y., 1995. P. 261.
[23] W. Green to W. H. Davis. July 7. 1947.
[24] For Release on Delivery.
[25] Цит. по: **Lichtenstein N.** Op. cit. P. 261.
[26] Ibid.
[27] Address by G. Meany…
[28] Ibid.
[29] Ibid.
[30] Ibid.
[31] Ibid.
[32] Ibid.
[33] См.: Statement by G. Meany. Labor Relations Forum. Catholic University. July 2. 1947/ 7/7. Office of the Secretary-Treasurer, AFL. George Meany (1940 — 1952) // GMMA.

[34] **Brody D.** Labor Embattled: History, Power, Rights. P. 131.
[35] Ibid.
[36] S. D'Inzillo to W. Green. 18 April, 1947. 47/30. AFL, AFL-CIO Department of Legislation (1906 — 1978) // GMMA.
[37] Ibid.
[38] **Phelan C.** William Green. A Biography of a Labor Leader. Albany, 1989. P. 171.
[39] Ibid.
[40] Ibid.
[41] Statement by G. Meany.
[42] American Federation of Labor Weekly News Service. 1947. 5 August.
[43] Ibid.
[44] См.: American Broadcasting Company. Sept. 2, 1947. 7/8. Office of the Secretary-Treasurer, AFL. George Meany (1940 — 1952) // GMMA.
[45] См.: Washington Post. 1947. Sept. 3.
[46] См.: Chicago Herald — American. 1947. Sept. 2.
[47] Ibid.
[48] Washington Post.
[49] Ibid.
[50] Ibid.
[51] Chicago Herald — American.
[52] Ibid.
[53] Ibid.
[54] Washington Post.
[55] Time. 1947. Oct. 13. P. 23.

Поступила 08.04.2014 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.146:657.6

В. И. Осипов
V. I. Osipov

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКОМ УЧЕТЕ

BUDGETING OF OPERATING ACTIVITIES OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE IN MANAGEMENT ACCOUNTING

Ключевые слова: бюджет, смета, затраты, эффективность производства, норма, плановые показатели, управленческий учет, контроль, анализ, прибыль, калькуляция, предприятие.

В статье определяется понятие «операционная деятельность промышленного предприятия», обосновывается необходимость ее бюджетирования; раскрывается роль предварительного контроля в процессе формирования генерального бюджета предприятия; рассматривается порядок составления бюджетов продаж и производства; выдвигаются рекомендации по совершенствованию бюджетирования прямых и косвенных затрат на основе нормативного метода их планирования.

Key words: budget estimates, bill of quantities, production efficiency, rate, plan targets, management accounting, control, analysis, profit, calculation, enterprise.

The concept of “operating activities of an industrial enterprise” is defined in the article, as well as the necessity of its budgeting is substantiated, the role of preliminary control in the formation of the general budget of the enterprise is explored, it is explained how sales and production are budgeted, recommendations to improve the budgeting of direct and indirect costs are made on basis of a standard method of planning.

Операционная деятельность промышленного предприятия связана, главным образом, с производством продукции, на выпуске которой специализируется данный экономический субъект. Она выполняется в соответствии с конъюнктурой рынка, производственной мощностью предприятия и направлена на получение им прибыли. Ее успешное осуществление во многом зависит от состояния системы бюджетирования на предприятии и соблюдения в нем режима экономии. В нашу задачу входило изучение состояния бюджетирования на промышленных предприятиях Республики Мордовия, поиск его недостатков в сфере операционной деятельности и выработка рекомендаций по их устранению.

Перед началом производственного цикла предприятие должно, в первую очередь, определить предполагаемый объем реализации и выпуска продукции. С этой целью составляются бюджеты продаж и производства. Бюджет продаж

© Осипов В. И., 2014

формируется на основе данных о спросе на продукцию, выпускаемую предприятием. При этом в условиях существования стабильных цен на изделия, что наиболее характерно для конкурентного рынка, оно стремится к наращиванию прибыли за счет роста количества выпускаемой и реализуемой продукции. По словам В. Н. Богачева, «увеличить прибыль в этих условиях нельзя никаким иным способом, кроме как расширением выпуска при издержках, не превышающих заданной цены»[1].

Отмеченное обстоятельство обусловлено, прежде всего, действием эффекта масштаба, позволяющим за счет более высоких темпов роста выпуска продукции по сравнению с ростом затрат получать дополнительную прибыль. Однако эффект масштаба может оказывать и отрицательное влияние. Это происходит в том случае, когда затраты растут быстрее объема производства. Предельные затраты в данной ситуации увеличиваются. В первом случае в стоимости реализованной продукции растет доля прибыли, а во втором — удельный вес затрат. Из этого следует, что в условиях снижающегося эффекта масштаба отдача ресурсов, потребленных в процессе производства, падает и эффективность работы предприятия уменьшается.

Приступая к формированию бюджета производства, сначала необходимо определить тот объем выпуска продукции, при котором выручка от реализации продукции покроет суммарные затраты (переменные и постоянные). В управленческом учете его принято называть «критической точкой». Объем производства (продаж) ниже критической точки не приносит предприятию прибыли. За ее пределами каждая дополнительно выпущенная и реализованная единица продукции будет приносить прибыль. Темпы достижения критической точки при фиксированной величине постоянных затрат (C_f) и равновесной цене (P) зависят в основном от переменных расходов. По мере их роста на единицу продукции будет увеличиваться количество изделий, которое необходимо произвести и реализовать для преодоления критической точки. Эту зависимость выражает формула расчета порога рентабельности по методу маржинального дохода:

$$Q_в = \frac{C_f}{P - C_{vo}},$$

где $Q_в$ — порог рентабельности;

C_{vo} — переменные расходы на единицу продукции $\left(\frac{C_v}{Q}\right)$.

Данная методика формирования бюджета производства свидетельствует о необходимости преимущественной ориентации предприятия на выпуск продукции, имеющей наибольший удельный маржинальный доход и минимальную величину переменных затрат, приходящуюся на изделие. Это позволит ему быстрее достичь требуемого объема производства, выпустить за счет сэкономленных ресурсов больший объем продукции и получить дополнительную прибыль.

Все показатели генерального бюджета должны быть четко сбалансированы, т. е. планируемая сумма прибыли достигается лишь при условии обеспечения правильного соотношения в нем продаж, объема производства продукции и зат-

рат. Данное соотношение фиксируется в проекте бюджета по прибыли, который строится, как правило, на основе системы «Директ — костинг» (таблица).

Таблица 1

Проект бюджета по прибыли ОАО «Саранский приборостроительный завод»

Показатель	Измеритель артериального давления	Счетчик электрической энергии	Счетчик горячей воды	Всего
Объем реализации, шт.	8 500	21 300	14 000	43 800
Цена единицы, руб.	2 800	3 500	1 800	—
Выручка, руб.	23 800 000	74 550 000	25 200 000	123 550 000
Переменные расходы, руб.	20 825 000	64 965 000	19 600 000	105 390 000
Маржинальный доход, руб.	2 975 000	9 585 000	5 600 000	18 160 000
Постоянные расходы, руб.	—	—	—	11 877 850
Прибыль	—	—	—	6 282 150

Важнейшим элементом генерального бюджета промышленного предприятия являются плановые показатели, определяющие потребление ресурсов на производство и реализацию продукции на период до одного года. Посредством этих показателей задаются параметры затрат, обеспечивающих рациональный расход ресурсов в сложившихся условиях хозяйствования. С их помощью в дальнейшем оценивается эффективность работы предприятия и его структурных подразделений. Как показывает исследование действующей практики, на промышленных предприятиях Республики Мордовия не уделяется должного внимания бюджетированию затрат, что негативно сказывается на состоянии их контроля и существенно снижает конкурентоспособность продукции, выпускаемой в республике. В связи с этим следует согласиться с Ч. Т. Хорнгреном и Дж. Фостером, по мнению которых, «бюджеты включаются в большинство контрольных систем. Они побуждают планировать, вырабатывать контрольные критерии и улучшать координацию»[2].

Формированию бюджета предшествует предварительный контроль. Однако существующая на предприятиях республики практика расчета плановых показателей по расходу ресурсов не уделяет должного внимания его проведению. Методика их формирования сводится в основном к определению возможного изменения в предстоящем периоде достигнутого в отчетном периоде уровня затрат. Это приводит к тому, что ошибки, имевшиеся в предыдущем плановом периоде, сохраняются и в будущем. При использовании данной методики расчета плановых показателей отсутствует взаимная увязка различных факторов, определяющих эффективность расхода ресурсов, а также оценка обоснованности норм затрат, применяемых при составлении бюджета. По мнению Д. Хана, в систему контроля наряду с сопоставлением ожидаемого и фактического выполнения плана должна включаться «проверка допустимости исходных предпосылок и контроль методической и содержательной согласованности планового процесса»[3].

Методика предварительного контроля затрат, используемая в экономически развитых странах мира в процессе их бюджетирования, предусматривает осуществление комплекса аналитических исследований, позволяющих в условиях

неопределенности сбыта продукции и жесткой конкуренции установить наиболее оптимальный на данный момент времени расход ресурсов, а именно:

— определение наиболее приемлемого в сложившихся условиях хозяйствования объема производства и сбыта продукции;

— оценку качества норм затрат и обоснование необходимости их корректировки;

— расчет возможного изменения норм в предстоящем периоде в связи с проведением организационно-технических мероприятий по совершенствованию производства и управления;

— прогнозирование уровня цен на материальные ресурсы и готовую продукцию в предстоящем периоде.

Данные исследования имеют отношение ко всем плановым показателям по затратам, связанным с производством и сбытом продукции. От качества их проведения зависит обоснованность генерального бюджета предприятия в целом и, соответственно, эффективность работы хозяйствующего субъекта в предстоящем периоде. В общем виде содержание предварительного контроля затрат и порядок формирования плановых показателей по расходу ресурсов при составлении генерального бюджета представлен в рисунке.

Рисунок. Предварительный контроль в процессе бюджетирования затрат

Плановые показатели по затратам формируются на основе бюджетов продаж и производства продукции определенного ассортимента. Эти бюджеты должны быть разработаны таким образом, чтобы обеспечить наиболее рациональное

потребление ресурсов предприятия. Необоснованный рост производства продукции вызывает падение эффективности расхода ресурсов, а его занижение — неполное использование экономического потенциала предприятия. Для оптимизации бюджета производства проводится анализ динамики затрат и соответствующего им выпуска продукции по утвержденному руководством предприятия ассортименту продукции за ряд прошедших лет. Это позволяет определить наилучший вариант программ производства и сбыта продукции, способных обеспечить в складывающихся условиях операционной деятельности предприятия получение наибольшей прибыли.

Решающую роль в бюджетировании расхода ресурсов, обусловленного операционной деятельностью промышленного предприятия, играют нормы затрат, связанные с непосредственным изготовлением продукции. Эти затраты отражаются в таких статьях калькуляции, как «Сырье и материалы», «Покупные изделия, полуфабрикаты и услуги производственного характера сторонних предприятий и организаций», «Топливо и энергия на технологические цели», «Заработная плата производственных рабочих». В себестоимости продукции промышленных предприятий на долю этих статей калькуляции приходится обычно наибольший удельный вес. В связи с этим от качества норм включаемых в них затрат зависит достоверность большинства плановых показателей, содержащихся в генеральном бюджете предприятия, и в итоге — правильность формирования проекта бюджета по прибыли.

Вышеперечисленные статьи калькуляции состоят из затрат, включаемых в себестоимость продукции по прямому признаку. В связи с этим на конкретные изделия и их составные части (детали и узлы) они нормируются напрямую. Методика расчета норм затрат по этим статьям калькуляции строится в соответствии со спецификой производства продукции на отдельных стадиях производственного цикла. Для обеспечения высокого качества этих норм работники управленческой бухгалтерии должны ориентировать формирующие их технические службы на внедрение наиболее передового на сегодняшний день расчетно-аналитического метода определения норм затрат, который должен применяться с учетом специфики отдельных стадий производства продукции. В процессе предварительного контроля затрат в системе управленческого учета следует установить насколько широко используется данный метод на отдельных стадиях производственного цикла. На этой основе разрабатываются мероприятия по расширению сферы его применения.

Особо пристальное внимание в процессе нормирования, учета и контроля прямых затрат должно уделяться материальным затратам (сырье и материалы, покупные изделия и полуфабрикаты, топливо и энергия), на долю которых в некоторых предприятиях республики (например, производство кабельной продукции) приходится до 80 % себестоимости выпускаемой продукции. В связи с этим в специальной литературе отмечается, что «проблема промышленного потенциала Мордовии заключается в снижении материалоемкости всех производств в условиях износа установленного оборудования и его морального старения»[4].

Нормирование расхода ресурсов не должно ограничиваться лишь прямыми затратами. Наиболее качественной считается нормативная база, которая охватывает все сферы операционной деятельности предприятия. Это говорит о

необходимости внедрения на предприятии передовой методики расчета норм затрат на обслуживание производства и управление, а также продажу продукции (коммерческие расходы). Благодаря решению этой задачи представляется возможным не только усилить контроль и регулирование процесса потребления ресурсов с помощью норм, но и значительно повысить достоверность всех плановых показателей, определяющих затраты в сфере операционной деятельности предприятия.

Исследования действующей практики управленческого учета показывают, что на отечественных предприятиях в процессе бюджетирования затрат очень мало внимания уделяется оценке возможного влияния намеченных к внедрению организационно-технических мероприятий по развитию производства, а также других внутренних и внешних факторов на изменение норм в предстоящем периоде. Это приводит к тому, что плановые показатели, приведенные в генеральном бюджете, к концу планового периода существенно не совпадают с величиной расхода ресурсов, рассчитанной по нормам затрат. Устранение данного недостатка позволит использовать в процессе бюджетирования затрат нормы, в наибольшей степени соответствующие складывающимся в плановом периоде условиям производства, обеспечит правильное формирование показателей, включаемых в генеральный бюджет предприятия, создаст благоприятные условия для проведения объективного анализа процесса потребления ресурсов.

Существенное влияние на качество плановых показателей, характеризующих затраты в сфере операционной деятельности, оказывает принятая на предприятии методика выбора цен на материалы и покупные полуфабрикаты, тарифы на энергию и транспортные услуги, тарифные ставки оплаты труда, используемые в ходе бюджетирования расхода ресурсов. Инфляционные процессы, протекающие в России, делают эту проблему особенно актуальной. Так, например, в 2012 г. индекс инфляции составил 6,6 %. В 2013 г. он остался приблизительно на том же уровне. Именно поэтому важнейшей задачей специалистов в области управленческого учета является проведение тщательного анализа экономической ситуации, складывающейся в стране и за рубежом, интерпретация его результатов применительно к производственно-хозяйственной деятельности конкретного предприятия. Следует отметить, что на большинстве промышленных предприятий проведению такого анализа должного внимания не уделяется. В процессе бюджетирования затрат цены обычно устанавливаются путем расчета их среднего уровня за предыдущие периоды. Корректировка цен, полученных таким образом, на предполагаемую величину инфляции в будущем какими-либо расчетами, как правило, не подкрепляется. Это служит одной из основных причин отклонений фактических затрат и выручки от реализации продукции от плановых показателей. В связи с этим в процессе предварительного контроля операционной деятельности предприятия необходимо рассчитать наиболее вероятную величину индекса изменения цен на ресурсы и готовую продукцию. В дальнейшем при составлении генерального бюджета с помощью данного индекса осуществляется корректировка цен, действующих на момент формирования плановых показателей.

Пристальное внимание ведению предварительного контроля следует уделять и в процессе формирования плановых калькуляций, на основе которых определя-

ется плановая себестоимость произведенной и реализованной продукции. Именно поэтому расчет качественных плановых калькуляций является важнейшим условием правильного составления проекта бюджета по прибыли.

Существуют два основных подхода к формированию плановых калькуляций: на основе данных о фактических затратах за предыдущие периоды и на базе норм расхода ресурсов.

В отечественной практике управленческого учета многие промышленные предприятия, особенно мелкие и средние, до сих пор применяют первый из указанных подходов. Однако наиболее точные плановые калькуляции можно получить лишь с помощью технически обоснованных норм затрат, т. е. посредством применения нормативного метода планирования.

При формировании плановых калькуляций предприятия стремятся к использованию максимально напряженных норм затрат. Это свидетельствует о стремлении их руководителей к всестороннему развитию производства и повышению его эффективности. При этом они нередко забывают о том, что плановые калькуляции должны быть реальными для реализации. Их необоснованное занижение может привести к снижению качества выпускаемых изделий. С другой стороны, неоправданное завышение плановых калькуляций ведет к росту непроизводительных расходов, сбоям в работе структурных подразделений, ухудшению конструкторской, технологической и трудовой дисциплины. Иначе говоря, плановые калькуляции должны быть реальными, т. е. технически и экономически обоснованными.

Качество плановых калькуляций во многом зависит от состояния методики формирования смет расходов на обслуживание производства и управление. В себестоимости продукции промышленных предприятий на них может приходиться до 40 % общей суммы затрат. Завышение смет расходов вызывает неоправданный рост плановых калькуляций и в последующем формирование искаженного бюджета по прибыли.

Процесс бюджетирования расходов на обслуживание производства и управление усложняется тем, что по способу включения в себестоимость продукции они относятся к косвенным затратам. Данное обстоятельство, в первую очередь, вызывает некоторые трудности при ведении предварительного контроля, который в обязательном порядке должен присутствовать при составлении смет расходов. По мнению российских специалистов в области управленческого учета, «косвенные расходы сложнее контролировать, чем все прочие издержки, так как они являются многоэлементными и включают статьи с различными характеристиками динамики изменения»[5].

На первом этапе работ по совершенствованию методики составления смет указанных расходов следует провести мероприятия по упорядочению состава и объема работ в сфере организации, обслуживания производства и управления. Для этого, в первую очередь, необходимо установить целесообразность отнесения тех или иных работ к сфере обслуживания производства и управления и правильно распределить относящиеся к ней расходы между отдельными статьями затрат. В дальнейшем руководство предприятия должно предпринять усилия по улучшению ремонта оборудования, повышению производительности труда вспомогательных рабочих, сокращению простоев транспортных средств и оптимизации

маршрутов их движения, механизации погрузочно-разгрузочных работ, компьютеризации труда управленческого персонала и т. д. Последовательность и порядок проведения этих мероприятий определяются путем изучения характера выполняемых операций, состава обусловленных ими затрат, эффективности их выполнения, целесообразности привлечения для выполнения некоторых работ сторонних организаций.

Рассмотренные выше исследования и мероприятия проводятся в рамках предварительного контроля, предшествующего формированию смет расходов на обслуживание производства и управление. Их осуществлению должна предшествовать разработка плана организационно-технических мероприятий по совершенствованию соответствующих сфер деятельности и оценка эффективности связанных с ними затрат.

Большое значение для совершенствования методики формирования смет расходов на обслуживание производства и управление имеет внедрение нормативного метода планирования затрат. Данный метод предполагает составление смет этих расходов на основе норм затрат в сфере обслуживания производства и управления. При этом так же, как и в случае с нормами прямых затрат, используемыми при формировании плановых калькуляций, они должны корректироваться на предполагаемую величину их изменения в результате проведения организационно-технических мероприятий по совершенствованию соответствующей сферы деятельности. Внедрение указанного метода планирования применительно к расходам на обслуживание производства и управление вызывает, в свою очередь, необходимость дальнейшего развития системы нормирования затрат путем его распространения на всю сферу операционной деятельности хозяйствующего субъекта.

Таким образом, система бюджетирования является одним из важнейших инструментов управления текущей деятельностью предприятия. Ее дальнейшее развитие позволит существенно повысить эффективность работы промышленных предприятий и усилить их конкурентоспособность на международном рынке. Этому во многом будет способствовать внедрение отечественных и зарубежных методик бюджетирования.

Библиографические ссылки

[1] **Богачев В. Н.** Прибыль?!.. : (О рыноч. экономике и эффективности капитала). М., 1993. 287 с.

[2] **Хорнгрен Ч. Т., Фостер Дж.** Бухгалтерский учет: управленческий аспект. М., 1995. 416 с.

[3] **Хан Д.** Планирование и контроль: концепция контроллинга. М., 1997. 800 с.

[4] **Мышкина Н. П., Карандашова Ю. В., Шаталина И. Н.** Проблемы развития экспортного потенциала республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2012. № 1. С. 21 — 27.

[5] Управленческий учет и анализ с практическими приметами : учеб. пособ. / Л. В. Попова [и др.] М., 2006. 224 с.

Поступила 19.05.2014 г.

УДК 336.531.2:332.1

А. М. Гудов
A. M. Gudov

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

FINANCIAL SUPPORT OF INVESTMENTS IN THE REGIONAL ECONOMY

Ключевые слова: инвестиции, нефинансовые активы, источник финансирования, основной капитал, экономика региона.

В статье представлен анализ динамики инвестиций в нефинансовые активы хозяйствующих субъектов Республики Мордовия; рассмотрена структура инвестиций в основной капитал организаций по источникам финансирования; проанализирован объем иностранных инвестиций, поступивших в экономику региона; определены приоритетные направления совершенствования инвестиционного процесса и его финансового обеспечения.

Key words: investments, non-financial assets, source of funding, fixed assets, the regional economy.

The analysis of the dynamics of investment in non-financial assets of business entities of the Republic of Mordovia is made in the paper, as well as the structure of investments in fixed assets of organizations according to funding sources is considered, the amount of foreign investment in the economy of the region is analyzed and priority areas for improving the investment process and its financial support are identified.

Содержательная суть инвестиционной политики Республики Мордовия, как и других регионов страны, на современном этапе ее реализации предопределена необходимостью последовательной модернизации и повышения уровня инновационной трансформации региональной экономики, улучшения инвестиционного климата, способствующего устойчивому развитию субъектов хозяйствования.

Республика располагает достаточным инвестиционным потенциалом, характеризующимся стабильной политической обстановкой, активной экономической политикой администрации, а также другими факторами, позволяющими повысить инвестиционную привлекательность региона как для отечественных, так и для иностранных инвесторов.

В настоящее время наиболее приоритетными направлениями инвестиционной деятельности в регионе является производство кабельно-проводниковой продукции, полупроводниковых приборов и силовой преобразовательной техники, развитие вагоностроения, светотехники, цементного производства, пищевых перерабатывающих производств, освоение выпуска новых видов строительных изделий и материалов[1].

В целях улучшения инвестиционного климата на территории Мордовии и создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в ее экономику администрацией региона проводится постоянная работа по совершенствованию инвестиционного законодательства, координации взаимодействия государственных

© Гудов А. М., 2014

органов исполнительной власти, ответственных за формирование и реализацию инвестиционной политики, с администрациями муниципальных образований и с инвесторами[2]. Так, для активизации инвестиционной деятельности в Республике Мордовия федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления используют различные нормативно-правовые и экономические методы управления прямого и косвенного характера. В частности, для стимулирования инвестиционной активности в регионе принят закон № 6-З «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия» от 20 февраля 2006 г., устанавливающий принципы, формы и условия государственной поддержки инвестиционной деятельности. При этом в качестве форм и методов государственной поддержки инвестиционной деятельности законом определено следующее: проведение экспертизы инвестиционных проектов; предоставление льгот по налогам и сборам, субсидий, инвестиционного налогового кредита, государственных гарантий Республики Мордовия, бюджетных кредитов, бюджетных инвестиций; использование иных форм и методов государственной поддержки, не противоречащих законодательству Российской Федерации и законодательству Республики Мордовия.

В рамках придания инвестиционному процессу адекватных стимулирующих импульсов в Мордовии принята Программа повышения инвестиционной привлекательности на 2011 — 2015 гг.[3] Целью программы является рост жизненного уровня населения через ускорение инвестиционного развития республики, повышающего его привлекательность в конкурентной среде российских регионов. Программа направлена на решение следующих задач:

— совершенствование нормативно-правовой базы, способствующей развитию инвестиционной и инновационной деятельности;

— реализация мероприятий, обеспечивающих снижение основных инфраструктурных рисков и административных барьеров в Республике Мордовия;

— разработка и реализация мер по стимулированию притока частных инвестиций в экономику республики;

— реализация мероприятий, направленных на увеличение инвестиций и развитие механизмов государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства республики;

— разработка и реализация мер информационного и организационного характера, способствующих инновационной деятельности;

— развитие инженерной инфраструктуры;

— формирование позитивного имиджа Республики Мордовия;

— привлечение дополнительных источников финансирования инвестиционных потребностей;

— увеличение объема иностранных инвестиций в экономику республики;

— рост объемов инвестиций в основной капитал на душу населения.

Практическая реализация конкретных мероприятий в рамках решения указанных задач способствует позитивному развитию инвестиционного процесса в Мордовии, однако характер, уровень и качество их фактического воплощения с очевидностью свидетельствуют о том, что в республике существуют проблемы, актуализированные необходимостью решения вопросов адекватного финансового обеспечения инвестиционной деятельности, ориентированного на создание усло-

вий для инновационной модернизации производственного потенциала субъектов реального сектора экономики.

Как известно, важным показателем, характеризующим состояние инвестиционного процесса в регионе, является объем инвестиций, направленных в целом в нефинансовые активы хозяйствующих субъектов, в том числе в их основной капитал (табл. 1).

Таблица 1

Динамика инвестиций в нефинансовые активы хозяйствующих субъектов Республики Мордовия (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами)

Показатель	Год					
	2011		2012		2013	
	тыс. руб.	в % к итогу	тыс. руб.	в % к итогу	тыс. руб.	в % к итогу
Инвестиции внефинансовые активы, всего	37 849 298	100,0	37 719 676	100,0	36 627 978	100,0
В том числе:						
инвестиции в основной капитал	37 142 670	98,1	36 825 584	97,6	36 040 436	98,4
инвестиции в объекты интеллектуальной собственности	23 439	0,1	38 477	0,1	129 434	0,4
инвестиции в другие нефинансовые активы	426 453	1,1	323 032	0,9	304 597	0,8
затраты на научно-исслеследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы	256 736	0,7	532 583	1,4	153 511	0,4

Составлена по: URL: http://investrm.ru/

Данные табл. 1 свидетельствуют о проявлении регрессионной тенденции в динамике инвестиционного процесса как относительно общего объема средств, вложенных в нефинансовые активы, так и в части инвестиций в основной капитал, другие нефинансовые активы на фоне нестабильности ситуации с направлением финансовых ресурсов в объекты интеллектуальной собственности и затраты на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы.

Наряду с общим объемом инвестиций в нефинансовые активы важнейшим фактором обеспечения динамизма и устойчивости инвестиционного процесса является формирование оптимальной структуры инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (табл. 2).

По данным табл. 2, в течение трехлетнего периода в Республике Мордовия проявлялся ряд настораживающих внимание специалистов тенденций. В частности, на фоне позитивной динамики доли собственных средств в источниках финансирования инвестиций прослеживается обратная по своей сути версия

Таблица 2

Структура инвестиций в основной капитал хозяйствующих субъектов Республики Мордовия по источникам финансирования (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами)

Показатель	Январь-декабрь 2011 г.		Январь-декабрь 2012 г.		Январь-декабрь 2013 г.	
	тыс. руб.	в % к итогу	тыс. руб.	в % к итогу	тыс. руб.	в % к итогу
Инвестиции в основной капитал, всего	37 142 670	100,0	36 825 584	100,0	36 040 436	100,0
В том числе по источникам финансирования:						
собственные средства, всего	10 485 896	28,2	12 377 888	33,6	15 914 854	44,2
из них:						
прибыль, остающаяся в распоряжении организаций	2 924 183	7,9	3 712 435	10,1	4 108 801	11,4
амортизация	6 011 983	16,2	6 482 611	17,6	6 365 593	17,7
привлеченные средства, всего	26 656 774	71,8	24 447 696	66,4	20 125 582	55,8
в том числе:						
кредиты банков, всего	3 687 830	9,9	3 491 607	9,5	2 671 013	7,4
из них:						
кредиты иностранных банков	*	*	894 448	2,4	220 760	0.6
заемные средства других организаций	2 028 658	5,5	2 296 373	6,2	2 813 661	7,8
бюджетные средства, всего	16 967 311	45,7	14 099 615	38,3	9 197 491	25,5
в том числе:						
из федерального бюджета	9 045 831	24,5	8 833 933	24,0	5 562 147	15,4
из бюджетов субъектов Федерации	7 295 904	19,6	4 939 364	13,4	3 441 847	9,6
из местных бюджетов	*	*	*	*	193 497	0,5
средства внебюджетных фондов	68 246	0,2	147 041	0,4	201 424	0,6
средства организаций и населения на долевое строительство, всего	1 929 788	5,2	2 632 469	7,1	3 410 361	9,5
из них:						
средства населения	*	*	*	*	2 874 832	8,8
прочие, всего	3 904 729	10,5	4 413 060	12,0	1 831 632	5,1
из них:						
средства вышестоящих организаций	653 556	1,8	1 093 736	3,0	717 206	2,0
Из общего объема инвестиций в основной капитал — инвестиции из-за рубежа	27 911	0,1	894 448	2,4	220 760	0,6

* — аналитически не обособлялись

Составлена по: URL: http://investrm.ru/

развития ситуации в отношении удельного веса бюджетных средств и их абсолютного объема, что актуализирует проблему повышения регулирующей роли государства в обеспечении эффективности реализации процесса инновационно-

ориентированного совершенствования производственного потенциала в экономике региона. Наряду с государством не проявил адекватной заинтересованности в развитии основного капитала и банковский сектор, в том числе в версии его иностранных институтов. Эти обстоятельства свидетельствуют о несовершенстве финансово-кредитного механизма реализации инвестиционного процесса в реальном секторе экономики региона.

Оценивая в целом характер и динамику реализации в республике инвестиционного процесса и его финансового сопровождения, следует акцентировать внимание на необходимости дальнейшего последовательного совершенствования правового механизма, в рамках которого наиболее актуализированными являются задачи по устранению законодательным способом препятствий на пути доступа частных инвесторов к хозяйственной деятельности на территории республики; создании эффективного механизма предоставления инвесторам на уровне субъектов Российской Федерации льгот и привилегий; защите интересов региона на внутреннем и внешнем рынках от недобросовестной конкуренции и монополизации.

Кроме того, препятствующими повышению инвестиционного потенциала являются слабые позиции региона по рангам потребительского, финансового, природно-ресурсного, туристического, институционального и производственного потенциалов.

Наряду с вышесказанным региональным органам власти необходимо сосредоточить усилия на ключевой задаче инвестиционной политики, а именно: создании эффективной структуры управления инвестиционной деятельностью, включающей перспективные инвестиционные проекты и программы, механизмы стимулирования отечественных и зарубежных инвестиций, эффективную государственную поддержку инвестиций, улучшение инвестиционного климата и современное информационное обеспечение инвесторов.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Челмакина Л. А.** Анализ портфеля ивестиционных проектов предприятий Республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 81 — 89.

[2] См.: **Матюшин А. В.** К вопросу об активации инвестиционной деятельности в промышленности // Там же. 2009. № 2 (12). С. 24 — 30.

[3] Об утверждении Программы повышения инвестиционной привлекательности Республики Мордовия на 2011 — 2015 годы : постановл. Правительства Респ. Мордовия от 27 июня 2011 г. № 213 [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/mordovia/335857/ (дата обращения 22.04.2014 г.).

[4] URL: http://investrm.ru (дата обращения 22.04.2014 г.).

Поступила 02.07.2014 г.

УДК 005.591.6(470.345)

И. А. Саков
I. A. Cakov

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

INNOVATION ACTIVITY OF ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: инновация, предпринимательство, инновационная активность, технологические инновации, маркетинговые инновации, организационные инновации, продуктовые инновации, процессные инновации.

В статье на основе анализа статистического и фактического материалов характеризуется уровень инновационной активности предприятий и организаций Республики Мордовия.

Key words: innovation, entrepreneurship, innovation activity, technological innovations, marketing innovations, organizational innovations, product innovations, process innovations.

Based on the analysis of statistical and factual materials the level of innovation activity of enterprises and organizations of the Republic of Mordovia is characterized in the article.

На сегодняшний день одной из основных характеристик и одновременно важнейшим фактором развития экономики является взаимосвязь между наукой, технологиями и экономическим ростом. Динамика и качество роста в традиционных отраслях производства также зависят от технологических сдвигов в экономике на базе инноваций. Это проявляется в росте инвестиций в научные исследования и разработки, технологические и организационные инновации и повышении экономической отдачи от них; в опережающей динамике высокотехнологичных отраслей промышленности и сферы услуг, увеличении наукоемкости и инновационной активности, возникновении новых видов экономической деятельности.

В России ситуация в инновационной сфере характеризуется комплексом проблем, главной из которых является недостаточное финансирование научных исследований и разработок. Так, на финансирование науки из федерального бюджета в 2011 г. было затрачено менее 3 % его расходной части, или 0,6 ВВП страны[1]. В Республике Мордовия доля инвестиций в науку в общем объеме инвестиций в 2012 г. составила 0,01 %[2].

В Российской Федерации число организаций, выполнявших научные исследования и разработки в течении 2000 — 2011 гг., сократилось с 4 099 до 3 682[3]. В Мордовии за аналогичный период число таких организаций, напротив, увеличилось с 11 до 16, однако численность сотрудников в них существенно сократилась на 33,5 %[4]. Одной из причин оттока кадров из сферы науки является низкая заработная плата. Так, в Российской Федерации соотношение среднемесячной заработной платы работников сферы науки в 2000 и 2011 гг. составляло 121,5 и 157,3 %[5] (в Мордовии, согласно статистике, науку как вид деятельности не выделяли).

© Саков И. А., 2014

Сдерживающим развитие инновационного предпринимательства фактором является и невысокая эффективность государственных программ поддержки предпринимательства в инновационной сфере. Последствиями этого становятся снижение конкурентоспособности российских товаров и разработок, падение престижа страны в мировом сообществе, утрата накопленного научно-технического потенциала, что оказывает влияние на обороноспособность страны, развитие промышленного производства, здравоохранение, культуру и т. д.

Для выхода на мировой рынок необходимо поддерживать качество и конкурентоспособность российской наукоемкой продукции. В связи с этим обеспечение кардинального повышения конкурентоспособности отечественных производств является одной из важнейших задач развития российской экономики. Главной причиной низкой конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке наукоемкой продукции является невосприимчивость к инновациям, негибкое реагирование на рыночную ситуацию, несмотря на то что российские научные разработки нередко превосходят зарубежные аналоги. Вопросы развития инновационного предпринимательства в российских регионах привлекают внимание многих ученых[6].

Один из основных показателей, характеризующих инновационную активность, — это число предприятий с завершенными инновациями. В течение 2009 — 2012 гг. 48 организаций Республики Мордовия имели завершенные инновации (табл. 1).

Таблица 1

Уровень инновационной активности предприятий Республики Мордовия в 2009 — 2012 гг. по видам экономической деятельности, ед.

Вид экономической деятельности	Число организаций, имевших завершенные инновации	Из завершенных инноваций:		
		технологические	маркетинговые	организационные
Обрабатывающие производства	37	36	6	6
Из них:				
производство пищевых продуктов, включая напитки	7	6	2	1
производство резиновых и пластмассовых изделий	1	1	—	—
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	2	2	—	—
производство машин и оборудования, производство электрических машин и электрооборудования	16	16	1	1
Производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	1	1	—	—
Связь	4	4	1	1
Научные исследования и разработки	5	5	1	—
Предоставление прочих видов услуг	1	1	—	—
Всего	48	47	8	7

Составлена по: Мордовия : стат. ежегод. Саранск, 2013. С. 358.

Всего в Мордовии в начале 2013 г. было зарегистрировано 14 055 предприятий и организаций[7]. Таким образом, инновационной деятельностью занимались только 0,3 % от общего числа предприятий региона. Большинство предприятий, проявлявших инновационную активность, составили промышленные предприятия (77 % от общего числа). Ими было реализовано 77 % технологических инноваций, 75 % —маркетинговых и 86 % организационных инноваций*.

Промышленность является ядром экономики страны (региона). В 2012 г. в Республике Мордовия было зарегистрировано 979 промышленных предприятий[8] и только 37 из них имели завершенные инновации в течение последних трех лет, что составило менее 4 % от их общего числа, а, значит, уровень инновационной активности в этой отрасли оставался низким. По этому показателю Мордовия существенно отставала от средних по России значений. Так, согласно данным статистики, в Российской Федерации в 2011 г. удельный вес промышленных предприятий, а также предприятий, занятых добычей полезных ископаемых, производством и распределением электроэнергии, газа и воды, осуществлявших технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем числе организаций составлял 11,1 %[9].

Из числа промышленных предприятий по уровню инновационной активности лидировали предприятия по производству машин и оборудования, электрических машин и электрооборудования: 16 предприятий этой отрасли в 2012 г. имели завершенные инновации в течение последних 3 лет (см. табл. 1). Общее число промышленных предприятий в начале 2013 г. составляло 191 (83 предприятия занимались производством машин и оборудования, 108 — производством электрооборудования, электронного и оптического оборудования); 8,4 % предприятий этой отрасли проявляли инновационную активность в технологической и маркетинговой сферах, а также организационной деятельности.

Второе место по числу организаций, имевших завершенные инновации в течение последних 3 лет, занимали предприятия по производству пищевых продуктов. В 2012 г. проявляли инновационную активность 7 организаций пищевой отрасли, или 4 % от общего числа предприятий (в начале 2013 г. в Мордовии было

---

* Технологические инновации — конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.

Маркетинговые инновации — реализация новых или значительно улучшенных маркетинговых методов, охватывающих существенные изменения в дизайне и упаковке продуктов, использование новых методов продаж и презентации продуктов (услуг), их представления и продвижения на рынки сбыта, формирование новых ценовых стратегий. Они направлены на более полное удовлетворение потребностей потребителей продуктов, открытие новых рынков сбыта, расширение состава потребителей продуктов и услуг с целью повышения объемов продаж.

Организационные инновации — реализация нового метода в ведении бизнеса, организации рабочих мест или организации внешних связей. Данные инновации направлены на повышение эффективности деятельности организации путем снижения административных и трансакционных издержек, путем повышения удовлетворенности работников организацией рабочих мест (рабочего времени) и тем самым повышения производительности труда, путем получения доступа к отсутствующим на рынке активам или снижения стоимости поставок.

зарегистрировано 171 предприятие пищевой промышленности)[10]; 6 предприятий пищевой промышленности осуществили в течение последних 3 лет технологические инновации, 2 — маркетинговые, 1 — организационные (Там же).

Завершенные инновации в рассматриваемый период имели также 2 предприятия Мордовии по производству прочих неметаллических минеральных продуктов, или 2 % от общего числа предприятий отрасли, и 1 предприятие по производству резиновых и пластмассовых изделий, или 2 % от общего числа предприятий отрасли (Там же). Инновации касались технологической сферы.

Согласно табл. 1, 5 организаций, выполнявших научные исследования и разработки, имели также завершенные инновации. В абсолютных показателях это немного. Однако, если учесть, что всего в Мордовии этим видом деятельности в 2012 г. занимались 15 организаций[11], то получается, что это $^{1}/_{3}$ от их общего числа.

Инновационной является и отрасль связи. В России именно она выступает лидером в части инноваций. Согласно статистике, в 2011 г. в Российской Федерации удельный вес предприятий и организаций связи, осуществлявших технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем числе организаций составлял 13,8 % [12].

В Республике Мордовия в 2012 г. 4 предприятия связи имели завершенные инновации в течение последних 3 лет. В 4 организациях связи инновации касались технологической стороны, в 1-й — маркетинговой деятельности, на одном предприятии — организационной сферы*.

В 2012 г. завершенные инновации в течение последних 3 лет имели предприятия отрасли «производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды» и одно предприятие по предоставлению прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, что составляет 1,0 % и 0,1 % от общего числа предприятий этих отраслей (Там же).

Мировая практика показывает, что в условиях рыночной экономики наиболее эффективным механизмом реализации инновационного процесса является коммерциализация результатов научных исследований и разработок. В нем все участники получают высокомотивированные стимулы для быстрого достижения успеха и максимального коммерческого результата[13]. К сожалению, далеко не все инновационные проекты достигают коммерческой стадии, т. е. находят своего потребителя. В связи с этим важным показателем, характеризующим развитие инновационного предпринимательства, следует считать объем отгруженной инновационной продукции и ее долю в общем объеме производства.

Безусловным лидером по коммерческой реализации инновационных проектов в Мордовии выступает промышленность. В 2012 г. в республике объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг собственными силами по предприятиям и организациям добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения газа и воды составил 113 445,0 млн руб. (табл. 2). На

* Рассчитать относительные показатели не представляется возможным, поскольку в региональной статистике предприятия и организации связи учитывались в составе отрасли «транспорт и связь».

инновационную продукцию приходилось 27 033,8 млн руб., или 24 % от общего объема произведенной продукции, работ и услуг (для сравнения: в России этот показатель в 2011 г. составлял 6,1 %)[14]. В Мордовии в составе отгруженной инновационной продукции преобладала усовершенствованная продукция, ее структурная доля в 2012 г. составляла 57 %. Остальная часть приходилась на значительно измененную или вновь внедренную продукцию.

Таблица 2

Объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами предприятий и организаций Республики Мордовия в 2012 г., млн руб.

Направление	Объем отгруженной продукции, выполненных работ и услуг собственными силами, всего	Объем отгруженной инновационной продукции	Из нее	
			значительно измененная или вновь внедренная	усовершенствованная в течение последних 3 лет
Добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение газа и воды				
Всего	113 445,0	27 033,8	11 743,1	15 290,7
В том числе за пределы РФ	4 532,6	3 035,9	98,0	2 937,9
Из них в страны СНГ	2 263,6	1 406,9	77,6	1 329,3
Связь, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники				
Всего	6 101,4	284,2	282,1	—

Составлена по: Мордовия. С. 358.

Инновационная продукция реализуется предпринимателями как в стране, так и за ее пределами. В 2012 г. 11 % от общего объема инновационной продукции было отгружено иностранным потребителям. Это заметно больше, чем аналогичный показатель по всему объему отгруженной продукции, работ и услуг, выполненных производителями региона (около 4 %). При этом, если в структуре экспорта из общего объема произведенной в Республике Мордовия продукции на страны дальнего зарубежья в 2012 г. приходилось приблизительно 50 %, то по инновационной продукции этот показатель был выше — около 54 %.

Как правило, экспортируется усовершенствованная продукция, на которую в Мордовии в 2012 г. проходилось 97 % экспорта инновационной продукции из региона. При этом большая часть этого вида экспорта направлялась в страны дальнего зарубежья — 55 %.

Значительно измененная или вновь внедренная продукция реализовывалась в основном внутри страны, в 2012 г. на долю российских регионов приходилось 99 % объема отгруженной инновационной продукции этого вида. Незначительная часть этой продукции, реализуемая за рубеж, отгружалась в основном в страны СНГ (79 %).

Предприятия таких видов деятельности, как связь и использование вычислительной техники в 2012 г. реализовали инновационной продукции на сумму 284,2 млн руб. В основном это значительно измененная или вновь внедренная

продукция. Из общего объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на долю инновационной продукции приходилось около 5 % (для сравнения: в России этот показатель в 2011 г. составлял 3,6 %)[15].

Инновационная деятельность, как правило, сопряжена со значительными затратами и рисками, что сдерживает развитие этого вида предпринимательства. Данные о затратах, связанных с инновационной деятельностью предприятий и организаций Республики Мордовия, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Затраты на технологические, маркетинговые и организационные инновации предприятий и организаций Республики Мордовия в 2012 г., млн руб.

Показатель	Общие (капитальные и текущие) затраты	Из них затраты на оплату работ, услуг сторонних организаций
Затраты на технологические инновации	3 621,3	394,2
Из них:		
исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов	1 618,3	48,5
производственное проектирование, дизайн и другие разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов	188,3	163,7
приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями	1 758,2	159,9
приобретение программных средств	6,1	1,5
обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями	3,6	3,2
Затраты на маркетинговые инновации	8,0	4,4
Затраты на организационные инновации	16,0	3,9
Всего	3 645,3	402,5

Составлена по: Мордовия. С. 359.

Согласно табл. 3, подавляющая часть затрат, связанная с инновационной деятельностью, приходилась на технологические инновации — 3 621,3 млн руб., или 99 %; на маркетинговые инновации — 8 млн руб., или 0,2 %; на организационные инновации — 16 млн руб., или 0,4 % от общей суммы затрат. Наибольшая часть затрат, связанная с технологическими инновациями, направлялась на приобретение машин и оборудования, составляя 49 % от общей суммы затрат, связанных с технологическими инновациями. Значительная часть затрат направлялась на исследование и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов, составляя 45 % от общей суммы затрат, связанных с технологическими инновациями.

Следующая по величине статья расходов — производственное проектирование, дизайн и другие разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов. В 2012 г. на это было потрачено 188,3 млн руб., или 5 % от общей суммы затрат, связанных с технологическими инновациями. На обучение и подготовку персонала, связанных с инновационной

деятельностью, было затрачено 3,6 млн руб., или 0,1 % от общей суммы затрат. Следует отметить, что именно по этой статье расходов наибольшая часть средств направлялась на оплату работ и услуг сторонних организаций — около 89 % от общей суммы (см. табл. 3).

Высок удельный вес сторонних организаций еще в одной статье затрат, связанных с технологическими инновациями, — производственное проектирование, дизайн и другие разработки новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов (87 % от общей суммы). По другим статьям расходов показатель значительно ниже: исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства, новых производственных процессов — 3 %, приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, — 9 %, приобретение программных средств — 25 % от общей суммы (Там же).

Одна из причин низкого уровня инновационной активности заключается в недостаточности финансовых ресурсов. Источниками финансирования инновационной деятельности являются собственные средства организации, средства федерального, регионального и местного бюджетов, а также прочие источники (табл. 4).

Согласно табл. 4, большая часть затрат, связанная с инновационной деятельностью предприятий Мордовии, финансировалась за счет собственных средств организации — 2 223,7 млн руб., или 61 % от общих затрат на технологические инновации.

Таблица 4

Затраты на технологические инновации по источникам финансирования в 2012 г., млн руб.

Источник финансирования	Общие затраты на технологические инновации
Собственные средства организации	2 223,7
Федеральный бюджет	253,1
Бюджет субъектов Федерации и местные бюджеты	53,4
Прочие	1 091,1
Всего	3 621,3

Составлена по: Мордовия С. 359.

Следующие по значимости — прочие источники финансирования (меценаты, спонсоры, предприятия-партнеры и др.). Их структурная доля в 2012 г. составляла 30 % от общих затрат на технологические инновации. Бюджетное финансирований инновационной деятельности осуществлялось в незначительных размерах: в 2012 г. доля средств федерального бюджета составляла 7,0 %, регионального и местного бюджетов — 1,5 % от общих затрат на технологические инновации (см. табл. 4).

Большая часть затрат предприятий, осуществлявших инновационную производственную деятельность, была связана с разработкой и внедрением процессных инноваций*. В 2012 г. сумма средств, направленная на эти цели, состави-

* Процессные инновации включают в себя разработку и внедрение технологически новых или технологически значительно усовершенствованных производственных методов, включая методы передачи продуктов (производственные методы материально-технического снабжения, поставки товаров и услуг, а также во вспомогательных видах деятельности).

ла 3 127,1 млн руб., или 86 % от общих затрат на технологические инновации*. На продуктовые инновации пришлось 494,2 млн руб., или 14 % от общих затрат на технологические инновации (табл. 5).

Значительная часть затрат направлялась на информационные и коммуникационные технологии. Так, в 2012 г. на их развитие было потрачено 1 067,7 млн руб., или 30 % от общей суммы затрат на технологические инновации (табл. 6).

Таблица 5

Затраты предприятий, осуществлявших производственную деятельность по типам инноваций в 2012 г., млн руб.

Тип инноваций	Общие (капитальные) и текущие затраты
Продуктовые	494,2
Процессные	3 127,1
Итого	3 621,3

Составлена по: Мордовия. С. 360.

Таблица 6

Затраты на информационные и коммуникационные технологии, млн руб.

Направление затрат	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Приобретение вычислительной техники	178,1	135,7	216,1	337,9	181,5
Приобретение программных средств	116,1	94,3	119,5	230,4	172,5
Оплата услуг связи	311,2	364,5	373,9	374,9	400,6
Обучение сотрудников	1,9	2,5	2,0	3,5	4,4
Оплата услуг сторонних организаций и специалистов, связанных с информационными и коммуникационными технологиями	52,6	70,8	71,9	242,8	123,9
Прочие затраты	92,9	81,3	116,2	72,4	184,9
Всего	752,8	749,1	899,6	1 261,9	1 067,7

Составлена по: Мордовия. С. 360.

Согласно табл. 6, затраты на информационные и коммуникационные технологии в 2012 г. по сравнению с 2008 г. увеличились на 42 %. Однако в сравнении с предшествующим годом отмечается их значительное снижение на более чем 15 %. В структуре затрат на информационные и коммуникационные технологии в 2012 г. преобладала оплата услуг связи — 400,6 млн руб., или 37,5 % от общей суммы затрат. По сравнению с 2008 г. прирост составил почти 29,0 %, а с 2011 г. — около 7,0 %.

Статья расходов «прочие затраты» в 2012 г. составила 17 % от общей суммы затрат на информационные и коммуникационные технологии, что почти в 2,0 раза больше, чем в 2008 г., и в 2,6 раза больше, чем в 2011 г. На приобретение вычислительной техники в 2012 г. было потрачено 337,9 млн руб., или 17 %. Отметим, что за 5 лет эта сумма возросла незначительно — на 2 %, а по сравнению с 2011 г. уменьшилась на 46 % (см. табл. 6).

На приобретение программных средств в 2012 г. было израсходовано 172,5 млн руб., что составило немного более 16 % затрат на информационные и коммуникационные технологии. Прирост показателя с 2008 по 2012 г. составил 49 %, но по сравнению с 2011 г. затраты на эти цели сократились на 25 %.

* Продуктовые инновации включают в себя разработку и внедрение в производство технологически новых и значительно технологически усовершенствованных продуктов.

На оплату услуг сторонних организаций и специалистов, связанных с информационными и коммуникационными технологиями, в 2012 г. было израсходовано 123,9 млн руб., что составило менее 12 % от суммы затрат на информационные и коммуникационные технологии. В течение 5 лет эта сумма возросла в 2,4 раза. Наибольшей она была в 2011 г. (242,8 млн руб.), что почти в 2 раза больше, чем в 2012 г. (Там же).

Таким образом, в Мордовии за 2000 — 2013 гг. увеличилось число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, при этом существенно сократилась численность их сотрудников.

По сравнению со средними по России показателями уровень инновационной активности предприятий региона оставался низким. В 2012 г. только 0,3 % от общего числа предприятий региона имели завершенные инновации в течение последних 3 лет, в основном ими были промышленные предприятия. Эта отрасль лидировала и в доли инновационной продукции в общем объеме произведенной продукции, работ и услуг. В составе отгруженной инновационной продукции преобладала усовершенствованная продукция.

Основным источником затрат, связанным с инновационной деятельностью предприятий Мордовии, являлись собственные средства предприятий и организаций. Большая часть этих затрат связывалась с разработкой и внедрением процессных инноваций.

Библиографические ссылки

[1] См.: Российский статистический ежегодник. М., 2012. С. 564.

[2] См.: Мордовия : стат. ежегод. Саранск, 2013. С. 351.

[3] См.: Российский статистический ежегодник. С. 553.

[4] Там же. С. 554, 559.

[5] См.: Мордовия. С. 175.

[6] См.: **Бовин А. А., Чередникова Л. Е., Якимович В. А.** Управление инновациями в организациях. М., 2009. 416 с. ; **Кормишкина Л. А**. Развитие малого инновационного предпринимательства как проявление эффективной национальной инновационной системы // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2013. № 2 (26). С. 52 — 61 ; **Ратанин П. И.** Инновационное предпринимательство. М., 2010. 354 с. ; **Рычкова Н. В.** Маркетинговые инновации. Н. Новгород, 2009. 226 с. ; **Стерхова С. А.** Инновационный продукт. СПб., 2009. 296 с. ; **Челмакина Л. А.** Анализ портфеля инвестиционных проектов предприятий Республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 81 — 89.

[7] См.: Мордовия. С. 26.

[8] Там же.

[9] См.: Российский статистический ежегодник. С. 575.

[10] См.: Мордовия. С. 26.

[11] Там же.

[12] См.: Российский статистический ежегодник. С. 576.

[13] См.: **Шамхалов Ф. И**. Проблемы развития национальной экономики: финансы, инновации, управление. М., 2004. С. 8.

[14] См.: Российский статистический ежегодник. С. 575.

[15] Там же. С. 576.

Поступила 09.01.2014 г.

УДК 623.1:005.418(470.345)

Ю. М. Кочетова
Yu. M. Kochetova

ВЛИЯНИЕ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ И РЕОРГАНИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

EFFECT OF RESTRUCTURING AND REORGANIZATION ON THE DEVELOPMENT OF ELECTROTECHNICAL ENTERPRISES OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: реструктуризация, реорганизация, рынок, финансы, электроэнергетика, сравнительный анализ.

В статье сравниваются реструктуризация и реорганизация объектов электротехнической отрасли Республики Мордовия — заводов «Саранскkабель» и «Электровыпрямитель»; анализируется степень их влияния на развитие потенциала предприятий.

Key words: restructuring, reorganization, market, finance, electric power industry, comparative analysis

The restructuring and reorganization of units of electrical power industry of the Republic of Mordovia — “Saranskkabel” and “Elektrovypryamitel” plants — are compared in the article, as well as the effect of the processes on the development of enterprises potential is analyzed.

Новые рыночные условия обязывают все субъекты хозяйствования на мезоуровне, к которым относятся и предприятия электротехнической отрасли Республики Мордовия, проводить структурные преобразования с целью их превращения в эффективные коммерческие компании, ориентированные на запросы потребителя и способные выдерживать давление конкурирующего импорта потребительских и инвестиционных товаров.

Необходимо иметь в виду, что устойчивость и эффективность акционерных обществ во многом определяются финансовыми ресурсами, имеющимися в их распоряжении. При этом собственный капитал является одним из основных источников финансирования акционерного предприятия[1]. В настоящее время большинство акционерных обществ не получает достаточной для их развития прибыли вследствие несовершенства собственной организационной и финансовой структуры, что актуализирует необходимость внесения существенных изменений в этот механизм.

Теоретической базой в вопросах реструктуризации и реорганизации предприятия (компании, фирмы) послужили работы отечественных и зарубежных ученых: А. А. Алпатова, С. Г. Беляева, А. Генкеля, С. Г. Иванова, А. Н. Кириллова, С. Е. Кована, В. И. Кошкина, И. И. Мазуро, Ю. Л. Тямушкина, Д. В. Хлебникова, В. Д. Шапиро и др.

Понятие «реструктуризация» рассматривается в двух направлениях: как комплексное преобразование деятельности организации (предприятия, компании),

© Кочетова Ю. М., 2014

заключающееся в изменении структуры производства, активов, пассивов, а также системы управления с целью повышения устойчивости, доходности, конкурентоспособности, преодоления убыточности, угрозы банкротства, и как преобразование организационной структуры управления организацией. Наряду с этим термином нередко употребляется понятие «реорганизация» — преобразование, перестройка, изменение структуры и функций учреждений, организаций и др.[2]

Однако данные дефиниции различаются по содержанию. Реструктуризация организации предполагает инициативную самостоятельную экономическую деятельность, осуществляемую за счет собственных и/или заемных средств в интересах достижения рентабельности производства. Реорганизация сводится к структурному преобразованию и переустройству предприятия; предусматривает прекращение в обязательном порядке хозяйственной деятельности, как правило, без ликвидации имущественного комплекса, с последующей регистрацией нового юридического лица; направлена на изменение структуры капитала (при четком разграничении ответственности собственников и менеджеров), развитие механизмов корпоративного управления, повышение инвестиционной привлекательности и т. д. Этот процесс включает в том числе реализацию мер финансового оздоровления организации; проводится по решению собственников в случае признания организации банкротом или по решению федеральных антимонопольных органов власти (если организация занимает доминирующее положение). Согласно действующему законодательству, реорганизация совершается в следующих формах: слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование; в зависимости от формы реорганизация различается особенностями перехода прав и обязанностей к вновь созданному юридическому лицу и считается завершенной с момента государственной регистрации нового предприятия (за исключением формы присоединения)[3]. В отличие от реструктуризации, реорганизация предусматривает, в первую очередь, ликвидацию предприятия и создание нового юридического лица.

Необходимость реструктуризации таких предприятий электротехнической отрасли Республики Мордовия, как ОАО «Саранскkабель» и ОАО «Электровыпрямитель» неизбежна по ряду причин:

— неэффективность системы управления предприятиями, обусловленная отсутствием стратегии в деятельности заводов и их ориентацией на краткосрочные результаты в ущерб средне- и долгосрочным; недостаточным знанием конъюнктуры электротехнического рынка; низким уровнем квалификации менеджеров и персонала обществ, отсутствием трудовой мотивации работников, падением престижа рабочих и инженерно-технических профессий; неэффективностью финансового менеджмента и управления издержками производства;

— низкий уровень ответственности руководителей перед участниками (учредителями) за последствия принимаемых решений, сохранность и эффективное использование имущества предприятия, а также финансово-хозяйственные результаты его деятельности;

— необеспеченность единства предприятий как имущественного комплекса, снижающая его инвестиционную привлекательность;

— высокие расходы на содержание объектов социально-культурного назначения и жилищно-коммунального хозяйства;

— практика перекрестного субсидирования и деформированная структура издержек производства, вызванные деформацией цен и тарифов на товары и услуги естественных монополий, оказывающих существенное влияние на конкурентоспособность продукции российских предприятий;

— отсутствие достоверной информации о финансово-экономическом положении предприятий для собственников, акционеров, руководителей, потенциальных инвесторов, кредиторов и органов исполнительной власти[4].

Как отмечалось, основной причиной стремления компании к реструктуризации обычно является низкая эффективность ее деятельности, выражающаяся в неудовлетворительных финансовых показателях; недостатке оборотных средств; высоком уровне дебиторской и кредиторской задолженностей. Любая модификация масштабов бизнеса или рыночных условий требует адекватного изменения системы управления и проведения собственниками и менеджментом реструктуризационных программ с целью повышения конкурентоспособности компании с последующим увеличением ее стоимости[5].

По мнению руководителей заводов «Саранскkабель» и «Электровыпрямитель»[6], реструктуризация базируется на трех основных принципах: освоении технологий менеджмента и вовлечении всех внутренних резервов; постановке стратегического маркетинга; активном использовании инноваций, пригодных для их практического применения в условиях кризисного положения дел на предприятиях (рис. 1).

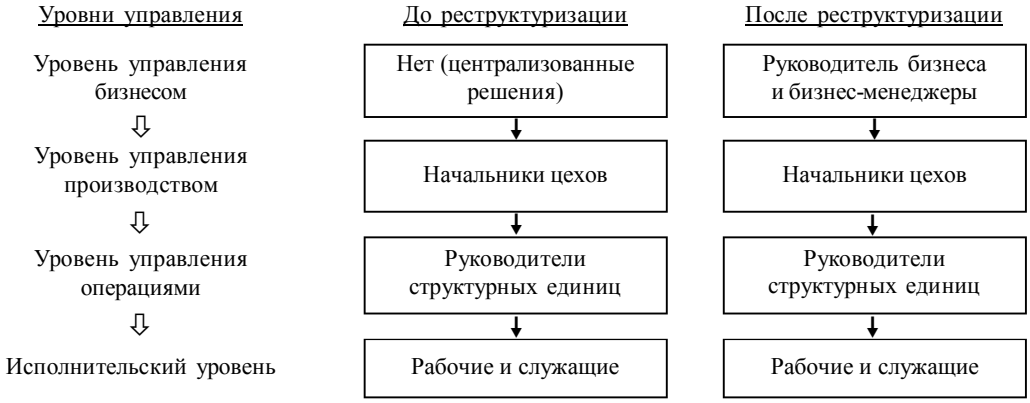


Рис. 1. Пример реструктуризации промышленного предприятия

Принципиальным вопросом реализации эффективной внутренней политики ОАО «Завод „Саранскkабель“» и ОАО «Электровыпрямитель» является определение временного лага, в течение которого будут происходить качественные изменения в структуре управления. При этом возможны два подхода: мгновенная ломка старой и быстрое построение новой системы или эволюционная качественная перестройка существующей. Западные руководители считают, что реструктуризацию компании следует проводить поэтапно, чтобы риск потери управляемости был значительно меньше, чем в случае революционного обновления структуры.

Сегодня управление большим количеством подразделений в крупных фирмах не позволяет динамично реагировать на изменения рынка, привлекать инвесторов

и оптимизировать бизнес-процессы (БП) на производстве. Более того, успешно миновав процесс реорганизации (рис. 2), они сталкиваются с проблемой эффективного управления, что видится нами в передаче некоторых видов бизнеса на аутсорсинг и выделение самостоятельных юридических лиц.

<table>
<tr><td>Объект</td><td colspan="5">Синхронизация этапов управления</td></tr>
<tr><td>Формальные этапы руководства реализацией изменений</td><td>Формирование замысла изменений</td><td>Реализация изменений</td><td colspan="2">Адаптация к изменениям</td><td>Оценка эффективности</td></tr>
<tr><td>Эволюция внутри организационной среды</td><td>Рутинное функционирование</td><td>Трансформация системы организационных рутин</td><td colspan="3">Рутинизация качественно иного функционирования</td></tr>
<tr><td>Динамика контекстного сопротивления</td><td>Формирование «репертуара» рутин, ожиданий, претензий, предикатов доверия</td><td colspan="2">Развитие сопротивления согласно выявленному механизму</td><td colspan="2">Адаптация изменениям / развитие хронического сопротивления</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Модули легитимации управления стратегическими изменениями</td><td colspan="5">Профилактика сопротивления</td></tr>
<tr><td>Прогнозирование сопротивления</td><td>Диагностика сопротивления
Нейтрализация деструктивного сопротивления</td><td colspan="3">Оценка легитимности</td></tr>
</table>

Рис. 2. Управление реорганизацией предприятия

Аутсо́рсинг (от англ. *outsourcing* — outer-source-using: использование внешнего источника/ресурса) — передача организацией на основании договора определенных БП или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области[7]. В отличие от услуг сервиса и поддержки, имеющих эпизодический, случайный характер, ограниченный началом и концом, на аутсорсинг передаются функции по профессиональной поддержке бесперебойной работоспособности отдельных систем и инфраструктуры на основе длительного контракта (не менее 1 года). Наличие БП — отличительная черта аутсорсинга от других форм оказания услуг и абонентского обслуживания.

При реализации проекта реорганизации важным этапом является формирование проектной команды, состоящей из специалистов по недвижимости, управлению и организации производства, представителей финансово-экономических служб, юристов. Она проводится на основе анализа и моделирования БП предприятия как сложной бизнес-системы, имеющей направления деятельности, иерархию целей, организационную структуру, текущее состояние, и функционирующей на базе определенного множества БП[8]. Задачей ее проведения является перевод пред-

приятия в некоторое целевое состояние, характеризующееся качественно более высоким уровнем организации работы за счет повышения эффективности БП, создания организационной структуры и информационной системы по линии поддержки их выполнения[9]. Эту задачу решают с помощью детального описания, всестороннего анализа, моделирования БП и оценки их эффективности.

При разработке проекта осуществляется функциональное и информационное обследование предприятия, включающее план дальнейшей работы. Определяются его задачи и цели в зависимости от приоритетов и показателей его развития. Проанализировав его миссию на рынке и соизмерив организационные моменты бизнеса с имеющимися показателями эффективности, согласовываются цели проекта и конечный результат. Для правильной оценки эффективности предлагаемых решений проводится расчет значений выделенных ранее показателей эффективности БП, соизмеряется соответствие моделей «как должно быть» и их сопоставление со значениями, полученными для моделей «как есть», анализируются различия. Чаще всего разработка поэтапного плана реорганизации и проекта корпоративной информационной системы включает расчет окупаемости инвестиций для совокупной суммы затрат, необходимых на реорганизацию[10].

На основании изучения теоретической и методологической базы можно выделить несколько этапов, обязательных для предприятия, находящегося на стадии реорганизации (табл. 1).

Таблица 1

Основные периоды реорганизации предприятия и их характеристика

Этап	Специфические особенности этапа
I	Создание образа «желаемого будущего», совмещенного с организацией так называемой стартовой площадки — комплексной аналитической группы (первой управленческой команды, способной делать квалифицированные прогнозы развития ситуации в организации и вокруг нее, накапливать и оперативно обрабатывать информацию для достоверности своих выводов, устанавливать «диагноз» ситуации на предприятии, разрабатывать схемы преодоления вероятного сопротивления, выбирать методы работы, организовывать помощь внешних консультантов).
II	Планирование процесса реорганизации — путь перехода от существующей ситуации к «желаемому будущему», когда перераспределяются приоритеты в деятельности организации, принимаются решения о важности и своевременности задач, разрабатывается стратегия эффективного функционирования кадровых программ обеспечения всех процессов.
III	Начало изменений — создание экспериментального участка, своего рода конкурентной среды для персонала предприятия, что дает возможность выявить сотрудников, способных включиться в процесс с активной позиции: разработчика, лидера или организатора. При этом необходимо оградить процессы стратегического изменения от конфликтов с текущими делами.
IV	Поддержка реорганизации — включение в процесс все большего числа сотрудников путем обучения персонала, привлечения экспертов к принятию решений, контроля совместимости задач с профессиональной компетенцией исполнителей.
V	Обновление — достижение поставленных целей и функционирование в соответствии со сформулированным видением. Сталкиваясь с необходимостью проведения изменений, следует учитывать ситуацию в организации, время на изменения и особенности персонала. После этого можно выбирать способ, адекватный сложившейся ситуации.

Составлена по: данные исследований А. Генкеля, А. А. Алпатова, С. Г. Иванова, А. Н. Кириллова, И. И. Мазуро, Д. В. Хлебникова, В. Д. Шапиро и др.

Рассмотрим поэтапное развитие реструктуризации и реорганизации на заводе «Саранскккабель», принимая во внимание степень влияния процессов на их текущее положение и место в современном промышленном мире (табл. 2).

Таблица 2

Документальное оформление и этапы проведения реорганизации ОАО «Завод «Саранскккабель»

Этап	Комментарий
Получение требований кредиторов о погашении (в том числе долгосрочном) кредиторской задолженности	—
Составление требований кредиторов	—
Выверка расчетов с кредиторами и определение суммы кредиторской задолженности к погашению	—
Погашение кредиторской задолженности до момента завершения реорганизации	—
Проведение инвентаризации имущества и обязательств реорганизуемого общества	—
Формирование разделительного баланса	Разделительный баланс должен содержать распределение всего имущества и обязательств между правопреемниками
Начало процедуры конвертации прав участников (акционеров) в уставных капиталах правопреемников	При выделении задолженность возникает перед участниками (акционерами), переходящими в выделяемое общество. При разделении отражается задолженность перед собственниками обществ-правопреемников
Передача документов на государственную регистрацию	—
Завершение государственной регистрации юридических лиц	Для государственной регистрации последнего из вновь возникших юридических лиц (п. 3,4 с. 16 Закона № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц»)
Составление акта-приемки-передачи активов и обязательств	—
Перенос данных бухгалтерского учета в учетные системы правопреемников	Необходим перенос данных из учетной системы реорганизованного общества в бухгалтерский учет правопреемников
Завершение процедуры конвертации прав участников (акционеров) в уставном капитале	—

Составлена по: Устав ОАО «Завод „Саранскккабель“» с изменениями и дополнениями. Утвержден общим собранием акционеров ОАО «Завод „Саранскккабель“», протокол № 10 от 20 марта 2003 г., г. Саранск.

История ОАО «Завод „Саранскккабель“» начинается с 1950 г., когда Правительство Советского Союза приняло решение о строительстве Саранского кабельного завода. В 1955 г. на предприятии состоялся выпуск первой продукции. В 1992 г. завод был преобразован в Открытое акционерное общество «Завод „Саранскккабель“». За более чем полувековую историю деятельности завод освоил выпуск широкого ассортимента кабельно-проводниковой продукции различного назначения для многих отраслей промышленности и сельского хозяйства, наладил тесные партнерские отношения со многими российскими и зарубежными компаниями.

На базе ОАО «Завод „Саранскkабель“» в 1998 г. было организовано ООО «Саранскkабель-Оптика». Сегодня это общество является одним из ведущих российских предприятий-производителей волоконно-оптического кабеля. Здесь выпускается кабель различного назначения: для прокладки в грунте и в кабельной канализации; самонесущие кабели для подвески на опорах; для внутриобъектовой прокладки; для прокладки в трубах; LAN-кабель различных конструкций и категорий; освоено производство бронированного кабеля с центральной трубкой, кабеля с броней из стеклопластиковых прутков и распределительного кабеля для прокладки внутри помещений. Установленное на предприятии оборудование швейцарско-финской фирмы NEXTROM и испанской фирмы CABALLE, высококачественные материалы, жесткая система контроля технологии и качества на всех этапах производства, квалифицированный персонал позволяют производить кабельную продукцию, отвечающую всем требованиям технических условий. Система менеджмента качества ООО «Саранскkабель-Оптика» в августе 2002 г. прошла проверку и была сертифицирована на соответствие требованиям стандарта ГОСТ Р ИСО 9001-2001.

В апреле 2008 г. ОАО «Завод „Саранскkабель“» вошло в состав ОАО «Севкабель-Холдинг». Кроме ОАО «Завод „Саранскkабель“» в состав холдинга вошло также ЗАО «Цветлит». По данным пресс-службы холдинга, руководители компаний приняли решение о слиянии предприятий 21 января 2008 г., что, по мнению экспертов, позволило вдвое увеличить выпуск кабельной продукции и достичь увеличения своей доли на рынке России и СНГ до 15 % (объем выпуска товарной продукции холдинга в 2007 г. превысил 10 млрд руб.).

ОАО «Севкабель-Холдинг» объединяет 9 кабельных заводов в России и на Украине. В 2003 г. на базе группы компаний под общим брендом «Севкабель» была создана управляющая компания ОАО «Севкабель-Холдинг», базовым предприятием которого является расположенный в Санкт-Петербурге завод «Севкабель». Чистая прибыль «Севкабель-Холдинга» по итогам 2009 г. по российским стандартам бухгалтерского учета (РСБУ) достигла 130 млн руб. Выручка от реализованной продукции за год увеличилась до 7 млрд 500 млн руб., или на 78 %.

Сегодня ОАО «Завод „Саранскkабель“» выпускает несколько видов кабелей: *силовые* с изоляцией из сшитого полиэтилена 6; 10; 20; 35 кВ; с пластмассовой изоляцией 0,66; 1,0; 6,0 кВ; с бумажной изоляцией 1; 6; 10 кВ; силовые и контрольные с низким дымо- и газовыделением (нг-LS); не содержащие галогенов (нг-HF); огнестойкие (FRLS, FRHF); *кабели связи*; *LAN-кабели*; *кабели для сигнализации и блокировки*; *управления и контроля*; *судовые*; *радиочастотные,* а также провода: неизолированные гибкие, луженые, для воздушных линий электропередач; для электрических установок; соединительные; бытового назначения модернизированные; монтажные; автотракторные; для электрической и дуговой сварки; установочные для водопогружных электродвигателей; трансляционные.

Проследим историю развития ОАО «Электровыпрямитель», появившегося в Саранске в 1941 г. на базе эвакуированного из Ленинграда завода № 618 по производству ртутных выпрямителей для зарядки танковых аккумуляторов. Как акционерное общество «Электровыпрямитель» был создан в соответствии

с Законом Российской Федерации «О приватизации государственных и муниципальных предприятий РСФСР» Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» путем преобразования ПО «Электровыпрямитель» (приказ Минэлектротехпрома и приборостроения СССР от 17 декабря 1990 г. № 486) в АО «Электровыпрямитель» (решение исполкома Саранского городского Совета народных депутатов от 29 марта 1991 г. № 138). В дальнейшем завод был переименован в АО «ЭСТА» (решение исполкома Саранского городского Совета народных депутатов от 17 декабря 1991 г. № 601), перерегистрирован в АООТ «Электровыпрямитель» (решение исполкома Саранского городского Совета народных депутатов от 30 сентября 1992 г. № 1232) и затем в ОАО «Электровыпрямитель» (постановление администрации г. Саранска от 16 июля 1996 г. № 800).

В настоящее время ОАО «Электровыпрямитель» представляет собой единый научно-промышленный комплекс по разработке и производству полупроводниковых приборов и преобразовательной техники, в номенклатуру которых входит более 600 наименований. Предприятие является единственным в стране производителем всей гаммы полупроводниковых приборов силовой электроники, обладает одной из крупнейших в мире производственных баз, способной выпускать и полностью удовлетворять спрос отечественного потребителя. Конгломератом конструкторского решения и производственного цикла выступает трудовой коллектив, который занимается изготовлением наукоемкой продукции высоких технологий. Основными видами деятельности предприятия являются: материально-техническое обеспечение производства продукции; сбытовая (продажа продукции, в том числе на экспорт); торгово-посредническая; закупочная.

После выявления ключевых моментов реструктуризации и реорганизации, выявления их особенностей необходимо дать сравнительную оценку финансово-экономической деятельности этих предприятий с целью выявления степени влияния указанных процессов на их развитие.

Анализ финансовой составляющей ОАО «Завод „Саранскkабель“» представлен в табл. 3.

Таблица 3

Финансовое состояние ОАО «Завод „Саранскkабель“»

Наименование показателя 240	2010 г.	2009 г.
Выручка от продажи товаров без НДС, тыс. руб.	1 117 908	1 845 579
Себестоимость проданных товаров, тыс. руб.	1 141 380	2 035 200
Прибыль/убыток от продаж, тыс. руб.	-23 472	-189 621
Рентабельность от продаж, %	-2,1	-9,3
Прибыль/убыток до налогообложения, тыс. руб.	799	-463 647

Составлена по: данные финансовой отчетности ОАО «Завод „Саранскkабель“».

Согласно табл. 3, выручка от продажи товаров за 2010 г. составила 1 117 908 тыс. руб., т. е. данный показатель сократился на 727 671 тыс. руб. Убы-

ток от продаж составил 23 472 тыс. руб., рентабельность — -2,1 %. Прибыль до налогообложения в 2010 г. равнялась 799 тыс. руб. Запасы на начало года — 435 417 тыс. руб., на конец года — 408 214 тыс. руб., т. е. уровень товарно-материальных ценностей (ТМЦ) снизился на 27 203 тыс. руб. Кредиторская задолженность на конец года достигла 799 700 тыс. руб., в том числе поставщикам и подрядчикам — 49 477 тыс. руб. Дебиторская задолженность по состоянию на 31 декабря 2010 г. составила 788 221 тыс. руб., в том числе покупатели и заказчики задолжали в сумме 599 454 тыс. руб. Сумма чистых активов на 31 декабря 2010 г. составила 421 495 тыс. руб., на 31 декабря 2011 г. — 416 643 тыс. руб., или уменьшилась на 4 852 тыс. руб.

По итогам работы 2010 г., ОАО «Завод „Саранскkабель“» выпустил продукции на сумму 2 471 079 тыс. руб., темп роста составил 135,9 % к товарной продукции 2009 г. в сопоставимых ценах к прошлому году (табл. 4). Обеспечен рост объема по следующей номенклатуре: кабелям силовым 1 кВ и выше —

Таблица 4

Динамика показателей объема выпуска продукции, производительности труда, заработной платы и использования рабочего времени ОАО «Завод „Саранскkабель“»

Наименование продукции	2010 г.	2009 г.	Темп роста, %
Выпуск товарной продукции, тыс. руб.	2 471 079	1 532 112	161,3
в действующих ценах	2 471 079	1 818 136	135,9
в сопоставимых ценах			
Номенклатура:			
кабели силовые 1 кВ и выше, км	5 942	4 524	131,3
кабели силовые до 1 кВ, км	5 316	4 881	108,9
кабели сигнально-блокирочные в приведении к 12,5 жилам, км	3 916	3 369	116,2
кабели контрольные, км	1 573	1 617	97,3
кабели станционные и шахтные, км	745	831	89,7
кабели городской телефонной связи в приведении, км	1 028	1 778	57,8
физическая длина, км	1 693	2 789	60,7
ЛАН-кабели компьютерные, км	4 314	16 853	25,6
провода установочные ПВ, АПВ, км	5 455	14 111	38,7
провода осветительные ППВ, АППВ, км	552	2 446	22,6
провода соединительные ПВС, км	200	2 379	8,4
шнуры соединительные ШВП, ШВВП, км	1 459	999	146,0
провода неизолированные алюминиевые А, АС, тн	139	47	3,0 раза
провода телефонные ПРППМ, км	140	471	29,7
шнуры слаботочные ПКСВ, км	1 912	1 624	117,7
кабели местной связи, км	295	983	30,0
Выпуск товарной продукции в сопоставимых ценах, тыс. руб.	2 471 049	1 818 136	135,9
Численность всего персонала, чел.	766	1 386	55,3
в том числе численность ППП	754	1 324	56,9
Производительность 1 работающего, тыс. руб.	3 277	1 373	2,4 раза
Фонд заработной платы, всего, тыс. руб.	175 414	224 294	78,2
Среднемесячная заработная плата 1 работающего, руб.	19 088	13 486	141,5

Составлена по: данные финансовой отчетности ОАО «Завод „Саранскkабель“».

на 31,3 %, кабелям силовым до 1 кВ — на 16,2, шнурам соединительным — на 46,0 %, проводам неизолированным, шнурам слаботочным. Среднегодовая производительность в расчете на 1 работающего ППП увеличилась в 2,4 раза, составив 3 277 тыс. руб. Численность всего персонала уменьшилась на 620 чел., или на 44,7 %.

Коэффициент текущей ликвидности ОАО «Завод „Саранскkабель“» за отчетный период составил 0,957 (по сравнению с 2009 г. снизился на 0,059), коэффициент быстрой ликвидности за 2010 г. — 0,695 (снижение на 0,068), коэффициент соотношения заемных и собственных средств за 2010 г. — 4,373 (снижение на 0,541) (табл. 5).

Таблица 5

Показатели, характеризующие платежеспособность и рыночную устойчивость ОАО «Завод „Саранскkабель“»

Значение коэффициента	2010 г.	2009 г.
Коэффициент текущей ликвидности	0,957	1,016
Коэффициент быстрой ликвидности	0,695	0,763
Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	4,373	4,914

Составлена по: данные финансовой отчетности ОАО «Завод „Саранскkабель“».

Валюта баланса по состоянию на 31 декабря 2010 г. составила 2 238 701 тыс. руб., на 31 декабря 2009 г. — 2 411 555 тыс. руб. Во вступительное сальдо на 1 января 2010 г. были внесены коррективы: за 2009 г. не был начислен налоговый актив в сумме 81 163 тыс. руб. Валюта баланса с учетом исправлений составила 2 492 718 тыс. руб.

Рассмотрим отдельные показатели финансово-экономической деятельности ОАО «Электровыпрямитель», который входит в состав промышленного комплекса. Федеральным органом исполнительной власти данного открытого акционерного общества, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, является Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. Наличие в структуре этого министерства топливно-энергетического, жилищно-коммунального и оборонно-промышленного комплексов использования атомной энергии, космической деятельности, развития авиационной техники, строительства и архитектуры и других отраслей усиливают положение ОАО «Электровыпрямитель» в составе промышленного комплекса как основного поставщика продукции не только для Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, но и многих других министерств и ведомств России и Мордовии.

ОАО «Электровыпрямитель» имеет значительный опыт разработки и производства приборов силовой электроники и преобразовательной техники, базирующихся на мощном научно-техническом и производственном потенциалах. В его состав входят 2 научно-инженерных центра (НИЦ) по разработке приборов силовой электроники и преобразовательной техники, современная лабораторная база и высококвалифицированные кадры, в том числе кандидаты и доктора наук. Реализация программы промышленного развития позволили ОАО «Электро-

выпрямитель» пополнить номенклатуру выпускаемой продукции разработками и серийным освоением большого количества новых конкурентоспособных приборов силовой электроники, в том числе освоить гамму приборов последнего поколения (более 120 типономиналов) — транзисторных модулей с полевым управлением (IGBT-модулей), применение которых позволяет создавать и серийно выпускать преобразовательную технику для энергосберегающих технологий. В номенклатуру выпускаемых заводом приборов входят более 1 тыс. наименований и свыше 400 наименований преобразовательной техники, в том числе современные конкурентоспособные преобразователи для частотного регулирования асинхронных и синхронных двигателей мощностью до 12,5 Мг Вт, напряжением до 10 кВ.

Высокий имидж ОАО «Электровыпрямитель» в промышленном комплексе Министерства промышленности и торговли Республики Мордовия подтвержден многочисленными дипломами международных выставок («Электро-2000 — 2010»), отзывами крупных потребителей его продукции («Северсталь», ОАО «РЖД», ФСК ЕЭС России), коммунальными хозяйствами крупных городов России (Восточная водопроводная станция, г. Москва; Загорская гидроаккумулирующая станция и др.).

ОАО «Электровыпрямитель» с каждым годом продолжает динамично развиваться, обеспечивая прирост объемов производства товарной продукции в среднем на 120 — 123 % в год, в том числе спортивной тематики. Для этого на предприятии имеются все необходимые производственно-технические возможности, включая производство современных систем автоматики на базе печатных плат с поверхностным монтажом для оперативного выполнения заказов на преобразовательную технику для современных энергосберегающих технологий.

Удовлетворительную и платежеспособную структуру баланса по состоянию на 31 декабря 2010 г. подтверждают финансовые коэффициенты: коэффициент текущей ликвидности (характеризует общую обеспеченность общества оборотными средствами для ведения хозяйственной деятельности и своевременного погашения срочных обязательств); коэффициент обеспеченности собственными средствами (характеризует наличие собственных оборотных средств, необходимых для их финансовой устойчивости); коэффициент восстановления платежеспособности (свидетельствует о положительной структуре баланса ; табл. 6).

Таблица 6

Анализ и оценка структуры баланса ОАО «Электровыпрямитель»

Показатель	Значение	
	2009 г.	2010 г.
Коэффициент текущей ликвидности	3,7	3,2
Коэффициент обеспечения собственными средствами	0,1	0,29
Коэффициент восстановления платежеспособности	1,0	1,9
Рентабельность продаж, %	11,3	7,7

Составлена по: данные финансовой отчетности ОАО «Завод „Саранскkабель“».

Так как значения всех финансовых коэффициентов удовлетворяют общепринятым нормам, это позволяет сделать вывод не только о способности общества продолжать хозяйственно-экономическую деятельность, но и выполнять все свои обязательства в течение, как минимум, 12 месяцев, следующих за отчетным периодом.

Совет директоров ОАО «Электровыпрямитель» (протокол от 18 марта 2011 г. № 10) утвердил годовой отчет по итогам деятельности за 2010 г. и порядок распределения чистой прибыли. После реформации баланса нераспределенная прибыль предыдущих лет в сумме 123 970,3 тыс. руб. была направлена на добавочный капитал, нераспределенная прибыль отчетного года в сумме 167 768,4 тыс. руб. — на нераспределенную прибыль прошлых лет для начисления дивидендов в размере 2 987,4 тыс. руб. на развитие производства и создание резерва предстоящих платежей по долго- и краткосрочным обязательствам (табл. 7).

Таблица 7

Финансовое состояние ОАО «Электровыпрямитель»

Показатель	2009 г.	2010 г.	Изменение, %
Выручка от продажи Т,П,Р, тыс. руб.	1 338 101	1 361 154	101,7
Себестоимость Т,П,У, тыс. руб.	1 184 623	1 169 461	98,7
Себестоимость на 1 руб. Т,Р,У, коп.	88,64	86,0	96,6
Затраты, тыс. руб.	1 186 712	1 256 709	105,9
Затраты на 1 руб. продаж, коп.	88,69	83,0	93,3
Прибыль от продаж, тыс. руб.	151 389	104 445	69,0
Рентабельность продаж, %	11,3	7,7	68,1

Составлена по: ежеквартальный отчет ОАО «Электровыпрямитель» за II квартал 2010 г., с. 12.

Таким образом, решение поставленных задач на заводах «Саранскkабель» и «Электровыпрямитель» сводится к поэтапной реализации программ реформирования организационных и финансовых структур при создании и реализации кластерной политики, предусмотренной Стратегией социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. и Республиканской целевой программой развития Республики Мордовия на 2013 — 2018 гг. В результате оптимизируются структура предприятий и собственности, процессы управления ими, формируется экономическая специализация региона, реализуются важные инвестиционные проекты. Однако наблюдается недостаток знаний у истэблишмента акционерных обществ в области управления собственностью в части реформирования и реструктуризации предприятий, основанных на праве хозяйственного ведения. Данное положение усугубляет также отсутствие необходимых научных и методических материалов, способных дать всеобъемлющую информацию по интересующим вопросам.

Практика реорганизации и реструктурирования ОАО «Завод „Саранскkабель“» и ОАО «Электровыпрямитель» убеждает в необходимости создания постоянно действующей структуры, объединяющей органы управления с профессиональными консалтинговыми фирмами, с целью внедрения комплексного контроля за де-

ятельностью субъекта хозяйствования. Эти действия приведут к сокращению до минимума потерь его производственных связей, прозрачности использования финансовой помощи, повысив эффективность внутренней социально-экономической политики организации.

Библиографические ссылки

[1] **Генкель А.** Грядет революционная реструктуризация собственности [Электронный ресурс] : сайт. URL: //http://www.opec.com. (дата обращения: 16.09.2011).

[2] См.: **Иванов С. Г**. Как управлять изменениями на предприятии // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 1. С. 56 — 58 ; **Юшачков И. А.** Реструктуризация как основной метод роста эффективности бизнеса в условиях кризиса // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2010. № 2 (14). С. 31 — 40.

[3] **Кириллова А. Н**. Реструктуризация собственности и выбор организационных и правовых форм управления жилищным фондом [Электронный ресурс] : сайт. URL: //http://www.big.spb/ru/publications (дата обращения: 16.09.2011).

[4] См.: **Мазуро И. И., Шапиро В. Д.** Реструктуризация предприятий и компаний : справ. пособ. М., 2000. С. 27 — 35.

[5] См.: **Гераськина И. Г**. Внешний контекст функционирования предприятий электронной промышленности в условиях транзитивной экономики // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия. 2012. № 1 (21). С. 27 — 35.

[6] См.: **Кочетова Ю. М.** Электроэнергетика Мордовии: проблемы и перспективы развития // Там же. 2010. № 2 (14). С. 38 — 46.

[7] См.: **Мазуро И. И., Шапиро В. Д.** Указ. соч. С. 67.

[8] См.: Теория и практика антикризисного управления : учеб. М., 2006. С.111 — 117.

[9] См.: **Алпатов А. А.** Реструктуризация предприятия: основные понятия и способы проведения. М., 2007. С. 89 — 90.

[10] **Хлебников Д. В.** Подход к реструктуризации предприятий фондом [Электронный ресурс] : сайт. URL: //http://www.big.spb/ru/publications (дата обращения: 16.09.2011).

Поступила 23.01.2014 г.

УДК 005.342:001.895(470+571)

Е. В. Королева
E. V. Koroleva

РОЛЬ СЕТИ ЦЕНТРОВ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ В ПОВЫШЕНИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ РЕГИОНОВ РОССИИ

THE ROLE OF THE NETWORK OF CENTERS FOR TECHNOLOGY AND INNOVATION SUPPORT TO ENHANCE INVENTIVE ACTIVITY OF BUSINESS ENTITIES IN RUSSIAN REGIONS

Ключевые слова: Центры поддержки технологий и инноваций, инновационная инфраструктура, инновационная деятельность, информационное обеспечение, патентная информация, интеллектуальная собственность, изобретательская активность.

В статье раскрывается роль Центров поддержки технологий и инноваций в повышении изобретательской активности хозяйствующих субъектов, в предоставлении им информационных ресурсов в области интеллектуальной собственности, возможности получения знаний и навыков по эффективному использованию этих ресурсов для разработки патентной стратегии.

Key words: Centers for Technology and Innovation Support, innovation infrastructure, innovation, information support, patent information, intellectual property, inventive activity.

The role of Centers for Technology and Innovation Support to enhance the inventive activity of business entities, to provide them with information resources in the field of intellectual property and access to knowledge and skills for the effective use of these resources for the development of patent strategy is explored in the article.

Несмотря на то что задачи инновационного переустройства экономики России и превращения инноваций в важнейший источник экономического роста не потеряли своей актуальности, темпы инновационных преобразований в нашей стране до сих пор сохраняются на низком уровне. В связи с этим активизация инновационной деятельности хозяйствующих субъектов становится в настоящее время ключевой задачей регионального управления.

Среди многочисленных мер, направленных на решение данной задачи, необходимо рассмотреть дальнейшее развитие инновационной инфраструктуры. Инфраструктурный фактор в инновационном развитии отдельных регионов и страны в целом выполняет функцию как формирования условий развития инновационной экономики, так и предопределения темпов развития экономики страны. Создание ее новых элементов в целях поддержки и развития научных исследований, а также разработок и коммерциализации полученных результатов интеллектуальной деятельности позволит решить многие вопросы, связанные в том числе с патентованием разработок.

В настоящее время важнейшим компонентом инфраструктуры, обеспечивающей поддержку инновационной деятельности в России, выступает информаци-

© Королева Е. В., 2014

онная составляющая. При этом значимым источником информации для стратегического планирования и управления инновациями и интеллектуальной собственностью (далее ИС) становится патентная информация.

В целях упрощения доступа к техническим знаниям, обучения пользователей проведению патентных исследований и использования патентной информации, оказания консультационной и экспертно-аналитической поддержки разработчикам в создании интеллектуального продукта в России созданы Центры поддержки технологий и инноваций (далее ЦПТИ) — Technology and Innovation Support Centers (TISCs) — в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании по созданию сети ЦПТИ в Российской Федерации, подписанным между Федеральной службой по интеллектуальной собственности (далее Роспатент) и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее ВОИС) 28 сентября 2011 г. Координатором данного проекта выступает Федеральный институт промышленной собственности (далее ФИПС).

На 1 апреля 2014 г. ЦПТИ созданы на базе 86 хозяйствующих субъектов в 58 регионах России в 8 федеральных округах: в Центральном федеральном округе (ФО) — 25, Приволжском ФО — 20, Сибирском ФО — 12, Северо-Западном — 7, Южном ФО — 7, Дальневосточном ФО — 7, Уральском ФО — 4, Северо-Кавказском ФО — 4.

В создании сети ЦПТИ приняли участие вузы, библиотеки, центры научно-технической информации (далее ЦНТИ), научно-исследовательские учреждения (далее НИУ), региональные торгово-промышленные палаты (далее ТПП), инновационно-технологические центры (далее ИТЦ), центры передачи технологий (далее ЦПТ), центры интеллектуальной собственности (ЦИС), региональные организации Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов (далее ВОИР) и др. (табл. 1).

Таблица 1

Количество ЦПТИ по федеральным округам и видам хозяйствующих субъектов

Хозяйствующие субъекты	Федеральные округа (ФО)*								Всего
	ЦФО	ПФО	СФО	С-З ФО	ДФО	ЮФО	УФО	С-К ФО	
Вузы	9	9	5	5	5	5	1	3	42
Региональные ТПП	4	2	2			1		1	10
Библиотеки	4	2	2	1			1		10
ЦНТИ	3	1							4
НИУ		1	2		1	1			5
ИТЦ	1								1
ЦПТ	2								2
Технопарки		1					1		2
ЦИС	1	2							3
Региональные организации ВОИР	1						1		2
Другие		2	1	1	1				5
Всего	25	20	12	7	7	7	4	4	86

* ЦФО — Центральный, ПФО — Приволжский, СФО — Сибирский, С-ЗФО — Северо-Западный, ДФО — Дальневосточный, ЮФО — Южный, УФО — Уральский, С-КФО — Северо-Кавказский.

Составлена по: URL: http://www1.fips.ru

Полный список хозяйствующих субъектов, создавших ЦПТИ, размещен на сайте ФИПС[1] в разделе «Международный проект „Создание Центров поддержки технологий и инноваций“ (TISCs)».

Основной целью созданной в России сети ЦПТИ является наращивание инновационного потенциала России посредством следующего:

— пропаганды и популяризации в обществе вопросов правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности (РИД) путем проведения в регионах конференций, обучающих семинаров, а также распространения научно-методических и информационных материалов в области ИС;

— обеспечения более широкого доступа разработчикам к специализированным базам данных (далее БД) и другим информационным ресурсам в области ИС для стимулирования создания и эффективного использовании РИД;

— обучения разработчиков навыкам проведения патентных исследований, использования патентной информации при коммерциализации разработок;

— консультирования по вопросам создания, правовой охраны и использования РИД[2].

Для реализации основной цели всем ЦПТИ предоставлен бесплатный доступ к патентным и непатентным информационным ресурсам ФИПС.

Патентные информационные ресурсы ФИПС:

1. Массив отечественной патентной информации с использованием вебсайта ФИПС и его поисковых средств:

— авторские свидетельства СССР, патенты на изобретения и заявки на выдачу патента на изобретения Российской Федерации;

— патенты на полезную модель и заявки на выдачу патента на полезную модель Российской Федерации;

— патенты на промышленный образец и заявки на выдачу патента на промышленный образец Российской Федерации.

2. Массив отечественной патентной информации по изобретениям и полезным моделям с 1994 г. по настоящее время с использованием информационно-поисковой системы «МИМОЗА».

Помимо полнотекстовых БД описаний отечественных изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, ФИПС дополнительно предоставляет такие бесплатные патентно-информационные сервисы, как Espacenet и PATENTSCOPE.

Непатентные информационные ресурсы ФИПС: различные информационные продукты и материалы, подготовленные отделением «Всероссийская патентно-техническая библиотека» (далее ВПТБ) ФИПС на основе Государственного патентного фонда, а также полученные в результате выявления и изучения мировых патентных и непатентных информационных ресурсов. В целях повышения информативности и удобства использования раздела «Отделение ВПТБ» наиболее значимые ресурсы выделены в отдельную рубрику «Информационные продукты ВПТБ»: «Путеводитель по фондам ВПТБ и Интернет-ресурсам», «Электронный каталог патентно-правовой литературы», «Библиографические указатели и списки», «Новости патентной информации», «Интернет-навигатор по патентно-информационным ресурсам», «Ответы на часто задаваемые вопросы». Все эти материалы представляют собой готовые информационные продукты,

которые предназначены для использования при проведении различных видов патентных исследований, осуществлении правовой охраны и вовлечения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности, проведении научно-исследовательских работ и пр. Для поддержания ресурсов в актуализированном виде информация в них обновляется ежеквартально, появляются новые разделы и рубрики[3].

Используя информационные и технические ресурсы, все ЦПТИ должны стать центрами распространения в регионах России знаний по вопросам правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и проведения патентных исследований, центрами обеспечения пользователей патентно-информационными ресурсами, а также обучения работе с ними.

Центры оказывают безвозмездные услуги на базе модульного подхода, начиная с базового уровня, и далее — в соответствии с потребностями местных пользователей:

1. Базовый уровень:

1.1. Предоставление бесплатного доступа к патентным и непатентным информационным ресурсам ФИПС;

1.2. Оказание консультационной помощи по использованию БД, указанных в п. 1.1 (в частности, помощь в поиске технической информации при проведении патентных исследований на основе БД);

1.3. Предоставление доступа к бесплатным зарубежным патентным и непатентным информационным ресурсам (в частности, Patentscope, Espacenet);

1.4. Организация дистанционного обучения по программам Всемирной Академии ВОИС.

2. Дополнительные услуги:

2.1. Предоставление общей информации по законодательству в области ИС, а также нормативным актам Роспатента по оформлению и подаче заявок на получение охранных документов и поддержанию их в силе;

2.2. Обучение навыкам проведения поиска в специализированных БД в области ИС (проведение обучающих семинаров);

2.3. Предоставление базовых рекомендаций по лицензированию;

2.4. Проведение научно-практических конференций, семинаров и других мероприятий в регионе по вопросам правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, проведения патентных исследований;

2.5. Информирование о возможности получения консультаций специалистов по ИС[4].

В зависимости от потребностей пользователей этими центрами перечень услуг ЦПТИ может быть расширен. С целью повышения эффективности деятельности ЦПТИ, направленной на повышение инновационного потенциала экономики страны, возможно введение платных услуг.

С целью определения эффективности деятельности центров отделом организации НИР и мониторинга использования результатов интеллектуальной деятельности ФИПС был проведен мониторинг реализации основных направлений деятельности ЦПТИ в 2012 и 2013 гг. По отчетам за 2012 г. представили информацию 65 % ЦПТИ, за 2013 г. — 60 % центров (табл. 2).

Таблица 2

Общий объем услуг, предоставленный сетью ЦПТИ в 2012 и 2013 гг.

Вид услуги	2012 г.	2013 г.	2013 г. в % к 2012 г.
Предоставление доступа к патентным БД, кол-во обращений	12 232	14 482	118,4
Оказание консультационной помощи по использованию патентных БД, кол-во консультаций	4 983	5 669	113,8
Предоставление доступа к непатентным БД, кол-во обращений	5 997	8 309	138,6
Оказание консультационной помощи по использованию непатентных БД, кол-во консультаций	1 661	2 865	172,5
Проведение обучающих семинаров по проведению поиска в БД, кол-во семинаров / кол-во участников	145 / 2 505	170 / 3 272	117,2 / 130,6
Предоставление общей информации по законодательству в области ИС, кол-во обращений	4 345	4 693	108,0
Предоставление базовых рекомендаций по лицензированию, кол-во обращений	306	409	133,7
Проведение конференций, семинаров и других мероприятий в регионе по вопросам ИС, кол-во мероприятий / кол-во участников	141 / 11 775	288 / 11 835	204,3 / 100,5

Составлена по: отчеты ЦПТИ за 2012 и 2013 гг.

Как видно из табл. 2, в регионах существует потребность в услугах ЦПТИ. При этом, если сравнивать показатели за 2012 и 2013 гг., то по всем основным направлениям деятельности центров прослеживается рост востребованности услуг ЦПТИ.

Данные по объему услуг, предоставленные центрами по федеральным округам, свидетельствуют о том, что наибольшая активность разработчиков и новаторов проявлялась в ПФО (табл. 3).

В ЦПТИ Республики Мордовия, созданных на базе АУ «Технопарк-Мордовия» и АНО «Центр интеллектуальной собственности Республики Мордовия», пользователи в основном обращаются с целью предоставления доступа к патентным БД ФИПС и оказания им консультационной помощи по их использованию, получения общей информации по законодательству в области ИС, консультаций по заключению лицензионных договоров. Необходимо отметить, что с целью повышения осознания преимуществ, которые дают правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности и использование патентной информации, сотрудники ЦПТИ Республики Мордовия активно проводят научно-практические конференции, семинары, круглые столы, а также обучающие семинары по проведению патентного поиска в патентных БД. Так, в 2013 г. было проведено 10 таких мероприятий.

В отчетах за 2012 г. (в первый год деятельности сети ЦПТИ) 84 % центров отметили, что количество обращений по актуальным вопросам в области правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности в организации, создавшие ЦПТИ, после создания данных центров увеличилось. В 2013 г. увеличение количества обращений в центры наблюдалось у 86 % ЦПТИ.

Таблица 3

Общий объем услуг, предоставленный сетью ЦПТИ в 2013 г., и объем услуг, предоставленный центрами по ФО

Вид услуги	Объем услуг, предоставленный ЦПТИ по ФО										Общий объем услуг
	ЦФО	С-З ФО	ПФО		ЮФО	СФО	УФО	С-К ФО	ДФО		
			всего	по РМ*							
Предоставление доступа к патентным БД, кол-во обращений	1 619	169	10 640	288 — 2,7 %***	60	1 149	300	32	513		14 482
	116	56	818		15	164	100	16	171	ср. зн.**	296
Оказание консультационной помощи по использованию патентных БД, кол-во консультаций	1 470	196	2 835	226 — 8,0 %	129	532	102	27	378		5 669
	105	65	218		32	76	34	14	126	ср. зн.	116
Предоставление доступа к непатентным БД, кол-во обращений	456	16	5 903	78 — 1,3 %	29	1 558	94	27	226		8 309
	33	5	454		7	223	31	13	75	ср. зн.	170
Оказание консультационной помощи по использованию непатентных БД, кол-во консультаций	142	47	1 851	78 — 4,2 %	23	501	95	27	179		2 865
	10	16	142		6	72	32	13	60	ср. зн.	58
Проведение обучающих семинаров по проведению поиска в БД, кол-во семинаров / участников	50 / 1 113	12 /85	50 /954	2 / 274 4 % / 28,7 %	5 /26	13 /491	22 / 266	6 /122	12 / 215		170 / 3 272
	4 / 78	4 / 28	4 / 73		1 / 7	2 / 70	7 / 89	3 / 41	4 / 72	ср. зн.	3 / 68
Предоставление общей информации по законодательству в области ИС, кол-во обращений	1 506	192	1 814	392 — 21,6 %	200	595	63	73	250		4 693
	108	64	140		50	85	21	37	83	ср. зн.	96
Предоставление базовых рекомендаций по лицензированию, кол-во обращений	144	7	156	66 — 42,3 %	18	47	7	5	25		409
	10	2	12		5	7	2	3	8	ср. зн.	8
Проведение конференций, семинаров и других мероприятий в регионе по вопросам ИС, кол-во мероприятий / участников	94 / 1 524	14 /260	87 / 7 747	10 / 796 11,5 % / 10,3 %	11 /248	29 /960	26 / 167	8 /236	19 / 693		288 / 11 835
	7 / 109	5 / 87	7 / 596		3 / 62	4 / 137	9 / 56	4 / 118	6 / 231	ср. зн.	6 / 241
Кол-во ЦПТИ по ФО, предоставивших сведения, 60% всех ЦПТИ	14	3	13	(2)	4	7	3	2	3		

* Республика Мордовия.

** Среднее значение показателя по сети ЦПТИ (по ФО) = значение показателя по всей сети (по ФО) / количество организаций, предоставивших сведения по данному показателю по всей сети (по ФО).

*** Доля объема услуг, предоставленных ЦПТИ Республики Мордовия к общему объему услуг, предоставленных ЦПТИ в ПФО.

Составлена по: отчеты ЦПТИ за 2013 г.

Кроме вышеперечисленных основных направлений деятельности, в ЦПТИ оказывают консультационную помощь разработчикам в подаче заявок на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, в том числе в электронном виде. Так, в 2013 г. по оказанию данных услуг было зарегистрировано 1 953 обращения. При этом проведено 1 597 консультаций по оформлению заявок, в том числе в электронном виде 524 консультации, или 32,8 %.

В связи с удаленностью регионов России в 2010 г. ФИПС организовал электронную подачу заявок на товарные знаки, в 2011 г. — на изобретения. В настоящее время проводятся работы по организации подачи заявок в электронной форме и на другие объекты ИС. При этом необходимо отметить неудовлетворительный темп роста количества заявок, поданных в электронной форме. Это объясняется тем, что пользователю сложно развернуть программное обеспечение для подачи заявок в электронном виде; возникающие при работе программ проблемы трудно решаются в связи с удаленностью пользователя и ограниченными ресурсами ФИПС; необходимо получение сертификата электронной подписи и приобретение соответствующего программного обеспечения.

Одним из путей решения возникших проблем является организация рабочих мест в ЦПТИ для подачи заявок в электронном виде. С этой целью в 2013 г. в ФИПС разработан комплект документов, необходимый для организации электронной подачи заявок через ЦПТИ. Предусмотрено также оказание центрам соответствующей технической и консультативной помощи, проведение обучения сотрудников ЦПТИ, выдача им сертификатов электронной подписи.

Основными пользователями услуг ЦПТИ являются промышленность, научно-исследовательские институты, государственные учреждения, малые и средние предприятия, индивидуальные изобретатели, специалисты в сфере ИС, университеты и другие образовательные учреждения (табл. 4).

В целях определения вклада сети ЦПТИ в инновационное развитие регионов одними из показателей рассматриваются:

— количество поданных хозяйствующими субъектами региона, в том числе создавшими ЦПТИ, заявок на выдачу патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы и заявок на регистрацию программ ЭВМ, БД, товарных знаков при поддержке ЦПТИ;

— количество лицензионных договоров, подготовленных и заключенных при поддержке ЦПТИ;

— количество выданных хозяйствующим субъектам региона, в том числе создавшим ЦПТИ, патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы и свидетельств о регистрации программ ЭВМ, БД, товарных знаков.

Данные по некоторым показателям в рамках всей сети ЦПТИ, а также по Республике Мордовия приведены в табл. 5 — 6. По общему числу заявок на выдачу патентов на объекты промышленной собственности, поданных российскими заявителями, и выдачи патентов Республика Мордовия занимает 14 место среди регионов ПФО. В связи с этим одной из задач ЦПТИ республики является повышение патентной активности местных разработчиков через оказание соответствующих услуг. Решая данную задачу, в 2013 г. при поддержке ЦПТИ Республики Мордовия было подано 5 заявок на изобретение, 10 — на полезную модель.

Таблица 4

Категории и количество пользователей услугами, предоставленными ЦПТИ в 2013 г.

Вид услуги	Органы гос. власти	Кол-во пользователей услугами ЦПТИ, %							Общее кол-во обращений
		Юридические лица						Физ. лица	
		Всего	Промышл. предприятия	Малые и средние предприятия	Образоват. учреждения	Научно-исследоват. организации	Другие		
Предоставление доступа к патентным БД	0,88	17,01	4,21	4,18	5,36	2,87	0,39	82,11	14 482 (100%)
Предоставление доступа к непатентным БД	0,99	35,22	3,13	8,29	21,25	2,36	0,19	63,79	8 309 (100%)
Предоставление общей информации по законодательству в области ИС, в том числе по нормативным актам Роспатента	5,39	46,47	14,68	17,92	5,69	4,28	3,90	48,14	4 693 (100%)
Предоставление базовых рекомендаций по лицензированию	4,65	70,17	14,67	41,56	8,56	3,18	2,20	25,18	409 (100%)
Оказание услуг по оформлению и подаче заявок на РИД и средства индивидуализации, в том числе в электронном виде		53,20	9,78	25,11	11,15	4,89	2,27	46,80	1 983 (100%)

Составлена по: отчеты ЦПТИ за 2013 г.

Таблица 5

Число заявок, поданных на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в рамках сети ЦПТИ в 2013 г., в сравнении с общим числом заявок, поданных российскими заявителями

Показатель	Число заявок, поданных в рамках сети ЦПТИ*	Общее число заявок, поданных рос. заявителями	Доля заявок, поданных в рамках сети ЦПТИ, к общему числу заявок, поданных рос. заявителями, %	Общее число заявок, поданных российскими заявителями РМ	Число заявок, поданных в рамках ЦПТИ РМ	Доля заявок, поданных в рамках ЦПТИ РМ, к общему числу заявок, поданных рос. заявителями РМ, %
Кол-во поданных в 2013 г. заявок на выдачу патентов:						
на изобретения	808	28 765	2,81	57	5	8,8
на полезные модели	495	13 589	3,64	46	10	21,7
на промышленные образцы	19	1 902	1,0	0	0	0,0
Кол-во поданных в 2013 г. заявок на регистрацию:						
программ ЭВМ	756	12 442	6,1	46	1	2,2
БД	123	1 819	6,8	57	1	1,8
товарных знаков	244	3 4621	0,7	57	5	8,8

* Число заявок, поданных хозяйствующими субъектами, создавшими ЦПТИ, и хозяйствующими субъектами региона при поддержке ЦПТИ.

Составлена по: данные отчетов ЦПТИ; данные годового отчета Роспатента за 2013 г.

Таблица 6

Число патентов и свидетельств, полученных в 2013 г. хозяйствующими субъектами, создавшими ЦПТИ, в сравнении с общим числом патентов и свидетельств, выданных в 2013 г. российским заявителям

Показатель	Число патентов и свидетельств, полученных хозяйствующими субъектами, создавшими ЦПТИ	Общее число патентов и свидетельств, выданных рос. заявителям	Доля патентов и свидетельств, полученных хозяйствующими субъектами, создавшими ЦПТИ, к общему числу патентов и свидетельств, выданных рос. заявителям, %	Общее число патентов и свидетельств, выданных рос. заявителям РМ	Число патентов и свидетельств, полученных хозяйствующими субъектами, создавшими ЦПТИ в РМ	Доля патентов и свидетельств, полученных хозяйствующими субъектами, создавшими ЦПТИ в РМ, к общему числу патентов и свидетельств, выданных рос. заявителям РМ, %
1	2	3	4	5	6	7
Кол-во выданных в 2013 г. патентов:						
на изобретения	424	21 378	2,0	40	0	0,0
на полезные модели	282	12 154	2,3	48	0	0,0

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7
на промышленные образцы	9	1 278	0,7	3	0	0,0
Кол-во выданных в 2013 г. свидетельств о регистрации: программ ЭВМ	541	11 929	4,5	49	0	0,0
БД	74	1 583	4,7	29	0	0,0
товарных знаков	45	18 108	0,2	39	1	2,6

Составлена по: данные отчетов ЦПТИ; данные годового отчета Роспатента за 2013 г.

На основе анализа деятельности сети ЦПТИ можно сделать следующие выводы:

1. Результаты мониторинга деятельности ЦПТИ свидетельствуют о заинтересованности изобретателей и производителей инновационной продукции регионов России в развитии этих центров и расширении направления их деятельности.

2. Сеть ЦПТИ имеет большое значение для развития инновационного предпринимательства в регионах, предоставляя хозяйствующим субъектам высококачественные информационные ресурсы, возможности получения знаний и навыков по эффективному использованию этих ресурсов для разработки патентной и, соответственно, инновационной стратегии, включая выбор направления развития, форм правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, способов защиты интеллектуальных прав и управление инновационными рисками правообладателя.

3. Созданная в рамках сети система центров, функционирующих в качестве базовых опорных узлов для обеспечения каждого региона современными специализированными информационными ресурсами в области ИС, имеющих соответствующий кадровый потенциал, может стать эффективным инструментом укрепления связей в сфере создания, правовой охраны и использования РИД, а также способствовать продвижению на рынок конкурентоспособной наукоемкой продукции.

С целью дальнейшего развития сети ЦПТИ, которая может стать действенным инструментом по реализации основных положений Стратегии инновационного развития Российской Федерации, региональных программ инновационного развития, региональных программ развития рынка ИС, в 2013 г. была разработана Концепция развития сети ЦПТИ (далее Концепция). Концепция разработана во исполнение п. 5.2.2 Плана деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации № АБ-112, утвержденного министром экономического развития Российской Федерации А. Р. Белоусовым 25 мая 2013 г. и решения Научно-технического совета Роспатента и ФИПС от 30 мая 2013 г.

В Концепции определены следующие приоритетные направления в развитии сети ЦПТИ:

— развитие инфраструктуры сети ЦПТИ;

— формирование системы взаимодействия сети ЦПТИ с органами государственной власти и местного самоуправления по разработке и реализации инновационной политики, стратегии развития сферы ИС субъектов Российской Федерации;

— создание информационно-методологической платформы сети ЦПТИ;

— развитие кадрового потенциала ЦПТИ;

— расширение перечня услуг, оказываемых ЦПТИ;

— создание сети национальных и зарубежных партнеров;

— создание системы мониторинга достижения целевых показателей[5].

Главными ожидаемыми результатами реализации Концепции являются:

— расширение доступа к патентным и непатентным информационным ресурсам для более полного удовлетворения потребностей регионов в патентной и другой научно-технической информации;

— рост информированности отечественных пользователей по вопросам создания, правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности;

— повышение осознания преимуществ, которые дают правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности и использование патентной информации;

— активизация изобретательской и инновационной деятельности;

— обеспечение эффективного взаимодействия ЦПТИ с органами государственной власти субъектов Российской Федерации в инновационном развитии региона;

— активизация научного, научно-технического, инновационного и иных форм сотрудничества сети ЦПТИ с сетями национальных и зарубежных партнеров.

Реализация мероприятий Концепции позволит также обеспечить эффективное использование интеллектуального и кадрового потенциала в сфере ИС; повышение уровня патентования в Российской Федерации; рост уровня грамотности населения в области инноваций и ИС[6].

Таким образом, развитие сети ЦПТИ в Российской Федерации позволит существенно повысить эффективность инновационной инфраструктуры национальной инновационной системы России, сформировать инновационное информационное пространство, способствующее росту изобретательской активности в регионах, повышению эффективности инновационной деятельности, укреплению связи между наукой и промышленностью, решению основных задач по продвижению инновационных разработок на рынок.

Библиографические ссылки

[1] URL: http://www1.fips.ru (дата обращения: 23.02.2014).

[2] См.: Создание сети Центров поддержки технологий и инноваций в Российской Федерации / Е. В. Королева [и др.]. М., 2013. С. 13.

[3] Там же. С. 17.

[4] Типовое положение о Центре поддержки технологий и инноваций [Электронный ресурс]. URL: http://www1.fips.ru (дата обращения: 23.02.2014).

[5] См.: **Королева Е. В.** Концептуальные основы развития сети Центров поддержки технологий и инноваций в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2013. № 11. С. 10 — 19.

[6] Там же. № 12. С. 5 — 15.

Поступила 31.03.2014 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341.222.28-049.5(470+571)

Л. Б. Кристалинский
L. B. Kristalinskiy

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: СИЛОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

HISTORICAL LESSONS OF REALIZATION OF NATIONAL SECURITY INTERESTS OF RUSSIA: COERCION IN THE POLYETHNIC BORDERLINE SPACE

Ключевые слова: пограничное пространство, государственная безопасность, силовое принуждение, приграничный регион, полиэтничность, этнополитический фактор.

В статье в ретроспективном плане рассматривается политическая практика реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве; акцентируется внимание на учете полиэтничности приграничья как факторе принятия политических решений и формирования специфических методов управления присоединяемыми к России территориями.

Key words: borderline space, national security, coercion, border region, polyethnicity, ethnic and political factor.

Political practice of realizing the national security interests in the borderline area is considered in the article in retrospect; focuses on polyethnic nature of border regions as a factor of political decision-making and the formation of specific management practices for joined Russian territories are emphasized.

Политологическое обобщение исторического опыта межэтнического сосуществования в российском пограничном пространстве позволяет констатировать, что многие из присущих ему современных этнополитических проблем имеют исторический характер. Данный факт обусловливает необходимость выявления специфики обеспечения государственной безопасности в условиях полиэтничности приграничья и возможностей учета соответствующего исторического опыта.

Ввиду невозможности в объеме статьи обобщить всю политическую практику в данной сфере мы сочли целесообразным проанализировать отдельные исторические факты, позволяющие сформировать определенные выводы о наиболее характерных механизмах учета полиэтничности приграничья в реализации

© Кристалинский Л. Б., 2014

интересов государственной безопасности. В связи с этим рассмотрению подвергся лишь один аспект, отражающий этнополитику России в период ее активного территориального расширения, а именно широко практиковавшееся в присоединяемых землях силовое принуждение.

Необходимо уточнить, что силовое принуждение в общем плане правомерно рассматривать как «деятельность, которая представляет собой мотивированное применение физического воздействия одних людей против других людей с целью воздействия на их волю»[1]. По нашему мнению, во время активной территориальной экспансии России силовое принуждение имело широкий спектр проявлений: от официальной политики обеспечения государственной безопасности до преступного поведения отдельных представителей российской администрации в «национальных окраинах». В обоих случаях это имело свои последствия как для самой государственной безопасности, так и для совершенствования технологий реализации ее интересов.

Целесообразно отметить, что отечественное осмысление понятия «пограничное пространство», как и «государственная безопасность» — это процесс, который возник с появлением российского государства и его границ. В связи же с постоянным развитием и усложнением общественных и межгосударственных отношений понимание данных категорий также подвержено трансформации.

Войны, экономическая экспансия России и других государств, масштабные невоенные политические процессы преобразовывали конфигурацию и содержательные характеристики приграничных территорий. Модифицировались их количественные параметры (протяженность, площадь, количество административно-территориальных образований у границы и др.), изменялись и качественные показатели (степень полиэтничности, соотношение численности представителей тех или иных национальностей, перечень титульных этносов приграничных регионов, распространенность религиозных предпочтений и др.). Неизбежно трансформировалась и политическая практика обеспечения государственной безопасности в приграничье.

В связи с этим не будет ошибочным утверждение, что современное содержание понятия «государственная безопасность» также претерпело значительные изменения в сравнении с его пониманием в различные этапы российской истории. Об этом, например, свидетельствует подробный ретроспективный анализ концепции государственной безопасности России, представленный в работе историков из Саратовского государственного социально-экономического университета[2].

Вместе с тем автор исходит из того, что в любое историческое время государственная безопасность проявляет себя как свойство сохранения в неизменном виде базовых принципов существования политического строя в условиях внешних и внутренних негативных воздействий на него. При этом государственная безопасность, отражая самостоятельность державы как геополитического субъекта, обусловливает возможность развития страны, модернизации ее системы управления, совершенствования экономической, военной, культурной и других сфер.

Рассматривая содержание понятия «государственная безопасность», можно сделать вывод о его постепенном усложнении[3]. Начиная с домонгольского периода политика безопасности на Руси базировалась на идеологии власти князя, ко-

торая олицетворяла порядок, закон, силу и защиту от любых угроз подвластной территории и ее жителей. Сама же государственная безопасность отождествлялась с безопасностью государя и его власти. В условиях доминирования в доимперский период внешних угроз военного характера государственная безопасность России в целом была эквивалентна военной безопасности.

Гораздо позже в «Русской правде» декабрист П. И. Пестель, рассматривая функцию «охранения» как «отличительного и главного качества Безопасности», подчеркивал: «не может быть благосостояния, если не существует Безопасности; а потому и служит она основанием сооружению Государственнаго здания»[4]. Мыслитель в контексте данной работы важную роль отводил пограничному пространству и его полиэтнической специфике, замечая, что «от хороших границ много зависит Безопасность Государства, а следовательно, и Благоденствие онаго… так как все почти большие Государства, а тем паче Россия, содержат в своем составе много различных племен, то и определение Границ соделывается труднейшим»[5]. Следовательно, содержание государственной безопасности в Российской империи уже включало в себя, помимо многих, и аспекты этнополитического характера, и вопросы упрочения российского политического строя в приграничье.

Необходимо отметить, что ретроспектива развития державы отражает преобладание имперских принципов формирования ее геополитического могущества. Следовательно, в условиях, когда политическая, экономическая, территориальная экспансия являлась одним из «стержней» геополитики России возможность ее реализации во многом наполняла содержание государственной безопасности. Изначально процесс распространения своего экономического, военного, политического и другого влияния реализовывался в интересах снижения уязвимости российских земель от действий окружающих враждебных «соседей». Далее детерминантами экспансионных устремлений становились также экономические интересы и необходимость проведения активной внешней политики России. В свою очередь, масштабные пространственные приобретения становились источниками угроз внутриполитической стабильности государства. «За лучшие границы и территориальные приобретения, — как отмечают эксперты, — приходилось расплачиваться большой ценой — прилагать значительные и постоянные усилия по „умиротворению“ тех племен и народов, которые не желали смириться с участью покоренных»[6]. Деструктивным фактором в данном случае часто выступали этносоциальные противоречия в среде становящегося все более многонациональным населения Российской империи. В указанном аспекте максимальный негативный потенциал был присущ окраинным (расположенным на границах империи) землям. Данный факт в рамках историко-политологического анализа закономерно заставляет рассматривать приграничье с точки зрения противодействия в нем деструктивному воздействию внешних и внутренних этнополитических факторов, препятствующих устойчивому развитию страны.

По масштабу и геополитическому значению первыми пограничными пространствами России, коренными жителями которых не являлись потомки славянских племен, можно считать, по мнению автора, присоединенные земли Поволжья (несмотря на наличие и прежде на территориях подвластным русским

царям отдельных неславянских этносов). Однако именно с завоеванием в 1552 г. Казанского и в 1556 г. Астраханского ханств, как отмечает политолог А. Каппелер, «под рукой» московского царя оказалось множество больших и малых народов, чьи судьбы отныне на многие века оказались связаны с Россией, а само государство уже тогда приобрело имперский характер[7]. Следует отметить, что буквально сразу после присоединения к Московскому государству завоеванного Поволжья в отношении его коренных жителей стала складываться политика силового принуждения. Так, в ответ на начавшиеся восстания во всех прилегающих к ханствам районах («Казанская война») Иван IV направил в регион князя А. Курбского. Последний жестоко подавил мятежи, при этом, как пишет историк Е. Л. Ежуков, было уничтожено до десяти тысяч мятежников[8].

Относительно упомянутого региона следует констатировать, что в связи с активной территориальной экспансией Российского государства не все Поволжье долго оставалось пространством, в отношении которого приемлемо определение «пограничное». Однако первые иноэтничные приграничные территории становились, как отмечают эксперты, тем краем, «где определялись многие стороны политики в отношении народов, включенных в состав России, превратившейся в многоэтническое государство»[9].

Получив значительный опыт управления иноэтничным поволжским приграничьем, российская власть совершенствовала соответствующую политическую практику, осуществляя колонизацию других территорий. На их примере далее будут рассмотрены различные формы силового принуждения, ставшего характерной чертой реализации интересов государственной безопасности в «национальных окраинах» России.

Экспансионные устремления России реализовывались весьма жесткими методами. Иллюстрацией чего является, например, описание «стандартных» действий якутских казаков в очерке военного историка А. И. Маныкина-Невструева, который писал: «По прибытии в местность, занимаемую каким-либо племенем туземцев, казаки входили с ними в мирные переговоры с предложением подчиниться Белому царю и платить ясак; но переговоры эти далеко не всегда приводили к успешным результатам, и тогда дело решалось оружием»[10].

Автор склонен считать, что применение силы в отношении коренного населения стало одним из основных способов реализации интересов государственной безопасности в военной, экономической, политической, религиозной и других сферах. Иных развитых технологий упрочения государственной власти на колонизируемых территориях в период активной экспансии Российской империи просто не существовало.

Вместе с тем период приращения российской территории изобилует фактами чрезмерной жестокости в отношении коренного населения, например:

— в середине XVII в. отрядом казаков С. Дежнева у р. Анадырь поголовно истреблено небольшое племя анаулов;

— летом 1761 г. командой казака В. Шишова, сошедшей с судна «Св. Иоанн Устюжский», полностью уничтожено местное население (алеуты) одного из Алеутских островов. В целом население Алеутских островов за первые три десятилетия покорения этих земель русскими землепроходцами сократилось почти втрое[11];

— крайне жестко по отношению к местному населению действовали и казаки Е. П. Хабарова. Профессор С. В. Вахрушин упоминал, что экспедиции известного землепроходца «сопровождались жесточайшим избиением дикарей»[12]. В этой связи П. А. Словцов привел примечательный разговор одного из вождей даурских племен Лавкая и Е. П. Хабарова. Последний, представляясь Лавкаю, сказал, что является посланником московского царя к даурам с предложением взамен на защиту от врагов и спокойную жизнь принять мирно российское подданство и платить ясак. В ответ Е. П. Хабаров услышал от вождя следующее: «Знаю Вас казаков, вы пришли не для торга, а для грабежа, для умерщвления нас, для пленения наших жен и детей». Далее П. А. Словцов с огорчением пишет, что «слова даурского родоначальника жостки, но, к сожалению, оправданы поведением Хабарова»[13].

Констатируя излишне жестокий характер деятельности представителей Российского государства на присоединенных землях, многие исследователи еще периода Российской империи описывали агрессивное отношение русских к новым соотечественникам. Так, историк В. В. Кирьяков в отношении Сибири отмечал: «Непосильные поборы, вымогательства и просто грабежи доводили несчастных инородцев до отчаяния и часто заставляли их браться за оружие и восставать против своих притеснителей»[14]. Исследователь А. И. Маныкин-Невструев, говоря уже о Северо-Восточных землях империи, писал: «Гнет власти, сопряженной с излишними поборами и жестокостью относительно не повинующихся, лежал на туземцах всею своею тяжестью. Подобное обращение вызывало не редко в туземцах дух сопротивления и открытые мятежи, но все эти попытки, будучи безуспешными, вели к еще большей суровости»[15].

Закономерно, что иноэтничное население приобщаемых к державе территорий нередко оказывало значительное сопротивление российской власти. Спектр генерировавших его причин был достаточно широким. Примеры поводов экстремального характера были приведены выше, но первопричинами восстаний, по нашему мнению, являлись: ущемление экономических интересов коренного населения; давление со стороны государства на устоявшийся уклад его жизни; целенаправленное принуждение к изменению традиционных верований аборигенов; ограничение их политических прав; введение российских юридических норм для регулирования местных общественных отношений и др. Катализатором формирования и протекания деструктивных для политического строя процессов в «национальных окраинах» практически всегда выступало их этническое своеобразие. Ученые в этой связи совершенно справедливо замечают, что «неизбежным спутником имперской политики был рост антирусских настроений»[16].

Не одно столетие продолжались восстания в Поволжье. Историк В. Ш. Имамов указывает, что на протяжении XVI — XVIII вв. выросли целые династии татарских лидеров, возглавлявших сопротивление народов Поволжья политической власти Российской империи: «Тюлекей-батыр возглавил борьбу в 1682 — 1684 гг., восстание 1705 — 1711 гг. — Кусюм, предводителем восстания 1735 — 1740 гг. стали Акай и Абдулла», а в XVII — XVIII вв. активные действия повстанцев «охватывали почти всю территорию от Волги до Урала. Кроме татар и башкир в них нередко участвовали представители и черемис, чувашей, мордвы, удмуртов»[17].

Аналогичные события не менее характерны и для российских пограничных пространств в Сибири. Например, множество соответствующих фактов зафиксировала старинная рукопись XVII в. В частности в ней есть свидетельство «О убиении Русских торговых людей и ватащиков от Черемисов и Башкирцов», в котором констатируются враждебные действия коренных поволжских и уральских жителей в отношении русских: «Прииде на реку Каму Черемиса, и с собою подговориша Остяков, и Башкирцев и Буницов множество, и околь прежреченных городков Каикора и Кергедана побиша Русских торговых людей 87 человек»[18].

Изложение фактов противодействия русской власти в Сибири может занять не один десяток страниц. Вот лишь несколько примеров периода XVII в.: в 1606 г. калмыки совершали набеги в Тарском округе; в 1610 г. ногайцы напали на Тюменский округ; в 1622 г. киргизы разорили Томский округ; в 1624 г. кузны отказались платить ясак, телеуты подступили к Томску; в 1628 г. киргизы с аринцами нападали на Красноярск; в 1634 г. калмыки опустошили Тюменский и Тарский округа, якуты почти 6 недель держали в осаде Якутский острог; в 1641 г. восставали верхоленские тунгусы; в 1642 г. — снова якуты; в 1644 г. и в 1648 г. нападали на Верхоленский острог буряты; в 1674 г. произошло восстание тунгусов Киндигирского и Челкагирского родов и др. «Всплеск» враждебности коренных племен произошел в сибирском пограничном пространстве в конце XVII — начале XVIII вв.: Тарханский острог разорен киргизами в 1690 г.; в 1694 г. разорены Юмлядские поселения; в 1700 г. произошли нападения на деревни «Томской округи», был осажден Кузнецк и разорены прилегающие к нему уезды.

Подробный анализ отдельных, наиболее показательных событий, отражающих типичные черты противодействия исконного населения укоренению власти России, позволяет выявить среди основных причин мятежей самоуправство представителей администрации, а не нормативно определенные установления государства. Показательным в данном аспекте является период укоренения российской власти на Камчатке.

Первое известие о Камчатке анадырские казаки в 1690 г. получили от коряков и олюторов. На протяжении семи лет (с 1697 по 1704 гг.) на полуострове были основаны Нижнекамчатский, Верхнекамчатский и Большерецкий остроги. В 1700 г. из Якутска прибыл первый приказчик Т. Кобелев. Местное население было обложено ясаком и пополняло государственную казну. Вместе с тем положение коренных камчадалов усугублялось попытками приказчиков и ясачных сборщиков во время исполнения своих обязанностей «накинуть к ясачному окладу несколько соболей для своей бездельной корысти». В этой связи примечательно, что задолго до освоения русскими Камчатки «Царь Борис [Годунов] запретил сборщикам брать для себя поминки»[19].

Практиковалось и прямое вымогательство с ительменов (один из коренных этносов Камчатского полуострова) подарков («чащин») пушниной. Были свидетельства захвата казаками, несшими службу на Камчатке, представителей местного населения в рабство[20]. Противоречащие этнической политике государства события повторялись, несмотря на указание в инструкции 1720 г. очередному камчатскому приказчику С. Бобровскому «оградить ительменов от обид со стороны русских, улучшить содержание аманатов [заложников], но самое главное

реорганизовать сбор ясака»[21]. Свидетельством ущемлений местного населения Камчатки стало и донесение в Сенат (1730 г.) известного российского мореплавателя В. Беринга[22].

Последствия своеобразной реализации политики государства в отношении коренного населения Камчатки красноречиво иллюстрируют события 1730-х гг. Приведение аборигенов в российское подданство и прежде сопровождалось их вооруженным сопротивлением. Так, исследователь С. А. Зуев приводит данные о 40 русско-ительменских столкновениях в период с 1700 по 1725 гг[23].

Факты искажения русскими служивыми поселенцами государственной политики в отношении камчатского коренного населения привели к восстанию ительменов в июле 1731 г. Ими был захвачен и сожжен Нижнекамчатский острог, а разрозненное, несогласованное сопротивление аборигенов русской власти продолжалось почти год. По мнению исследователя И. И. Огрызко, при подавлении восстания было убито более 500 ительменов[24]. По результатам расследования бунта Сенат признал, что «измена» учинилась от «несносных обид комиссарских» и «злых и разорительных с таким диким народом поступков». Таким образом, доминирующим в нарастании конфликтности коренного населения был фактор нарушения предписаний государя в отношении «ясачных людей». Отношение же самодержавия к таковым точно подметил историк П. А. Словцов: «Монархи Российские, чем больше видели простодушия в подданных, тем великодушнее являлись к ним, без различия племен»[25].

Рассмотренное восстание и итоги его подробного расследования являются выражением практически повсеместной обстановки, касательно отдаленных малонаселенных коренными жителями земель. Часто аналогичные факторы являлись детерминантами выступлений против российской власти не только на многих территориях Сибири и Дальнего Востока, но и на землях, расположенных за их пределами.

В ряду подобных мятежей выделяется масштабное восстание алеутов Лисьей гряды, начавшееся в декабре 1763 г. Реализуя российские экономические интересы на Американском континенте и Алеутских островах первопроходцы (промышленники, казаки, мореходы и др.) нередко допускали и не предусмотренные государственной политикой действия (грабежи, насилие, беспричинные убийства туземцев и т. д.), подобные «камчатской практике». Это и привело к указанному бунту.

В ходе карательных акций со стороны российских мореплавателей, казаков и промышленников были почти полностью истреблены алеуты с южной стороны острова Умнак, с островов Самалья и Четырехсопочный, острова Спиркин и более пятисот местных жителей острова Уналашка[26].

Анализ вышеуказанных и других многочисленных мятежей свидетельствует, что подобные деструктивные для политического строя процессы характерны для всех территорий, оказавшихся в пограничном пространстве Российской империи и на протяжении всего ее существования. Противодействие «национальных окраин» наблюдалось как на этапе закрепления власти России над новыми пространствами, так и в период уже длительного их пребывания в отношениях различной формы зависимости от империи. В этих двух случаях государство должно было активно противодействовать посягательствам на свою безопасность. Последняя,

как отмечалось выше, в эпоху строительства империи была во многом эквивалентна наличию самой возможности развития державы.

Следовательно, применение силы в интересах присоединения и надежного закрепления новых территорий являлось неизбежным и обязательным условием реализации интересов государственной безопасности России. Ее имперская, порой жестокая, экспансия являлась лишь особенным проявлением общего принципа, сформулированного философом В. В. Колотушей: «Силовое принуждение является необходимым видом деятельности и важнейшим фактором общественного развития»[27].

На определенных этапах истории (достаточно продолжительных) силовое принуждение выражало практически все содержание отношений Российского государства с коренным населением. Об этом, например, свидетельствуют почти пятивековые отношения России с северокавказскими этносами. Речь идет в первую очередь о Кавказской войне (1802 — 1864 гг.). Ее продолжительность беспрецедентна в истории колониальных войн. Начавшись при Александре I, она продолжалась все царствование Николая I и закончилась только при Александре II.

Пример столь длительного военного противостояния позволяет говорить о силовом принуждении именно как о форме политики, а не проводить автоматически знак его равенства с войной. Ведь и сами субъекты силового принуждения (ни с одной, ни с другой стороны) не приравнивались лишь к регулярным войскам; методы захвата и удержания северокавказских территорий со стороны Российской империи не были равны привычным войсковым операциям; да и цель завоевания Северного Кавказа, по мнению многих исследователей, возникла во многом вынужденно, а не как результат только политической экспансии[28].

Анализ столь продолжительного периода закрепления за Российской империей северокавказских территорий позволяет выделить характерные черты силового принуждения как государственной политики. К таковым можно отнести масштабное применение военной силы; стимулирование, а иногда и принуждение к массовым миграциям определенных этносов; комплексное воздействие («кнут и пряник») на этнополитическую элиту с целью привлечения их на сторону российской власти; создание особенной системы регионального управления; наделение политическими функциями военных руководителей и др.

Практика силового принуждения в отношении коренного населения «национальных окраин» начала использоваться сразу с включением их в состав России. Как и любая держава, Российская империя не могла допустить посягательств на политический строй, особенно в потенциально нестабильных территориях, какими являлись «национальные окраины». Поэтому трудно отрицать экспертное мнение, согласно которому «…великодержавие, культ силы, руководство религиозно-этническими мотивами, экспансионизм, шовинизм и религиозная нетерпимость стали основными принципами политики обеспечения национальной безопасности России»[29].

Силовое принуждение в какой-то мере способствовало снижению внутренних угроз государственной безопасности, в силу устранения самих субъектов-носителей таких угроз. Однако, как показывает многовековая история, никакая жестокость не могла искоренить полностью протестный потенциал ущемленного в различных правах аборигенного населения.

Безусловно, у российской власти существовало понимание того, что ключ к нормализации отношений с местным населением — это использование всей многогранности его культурных, религиозных, этнопсихологических и других особенностей. Так, в 1802 г. Александр I в предписании генералу И. И. Михельсону указывал: «…наистрожайше подтвердить всем командующим по границе отнюдь никакой несправедливости с соседними народами не делать, а иметь с оными дружественное обращение, через то стараться приобрести их доверенность; всякий же противный тому поступок наистрожайше наказан будет»[30]. Однако, памятуя об особом уважении силы в среде горских народов, в этом же документе государь предусмотрительно отметил: «В случае, если, не взирая на добрые отношения, соседственные народы обеспокоют границу нашу, немедленно сделать репрессал им для наказания и преследования их»[31].

Таким образом, практика колонизации приобщаемых к России территорий нередко характеризовалась экстремистскими по современному пониманию методами. Ее содержание наполняли агрессивные действия, радикальные решения, откровенно военные способы реализации целей. Однако случаи силового решения этнополитических проблем в период активной территориальной экспансии нельзя рассматривать только как приверженность исключительно России. Автор солидарен с мнением философа В. В. Колотуши, который в контексте анализа общественного прогресса, утверждает: «Доиндустриальный этап развития цивилизации был этапом господства насильственного силового принуждения как основного способа политического управления»[32]. Этот «способ политического управления» доминировал в спектре колонизационных инструментов и других империй.

В целом, рассматривая процесс геополитического роста Российского государства, можно утверждать, что значительную часть своей территории Российская империя завоевала, присоединила посредством военно-политического давления на «владетелей и правительства поглощаемых» государственных образований или получила в качестве территориальных дивидендов от военных кампаний с третьими странами. Закрепление власти Российского государства в приобщенных территориях также базировалось преимущественно на жестком принуждении коренного населения к исполнению предписаний правительства. При этом представители местной администрации повсеместно и часто преступно превышали свои полномочия, что приводило к закономерному противодействию местных жителей.

Следует отметить, что этнополитические проблемы обеспечения государственной безопасности в приграничье стали обретать реальное содержание с активизацией распространения власти России на огромные территории, население которых прежде не было включено ни в систему экономических, ни политических, ни конфессиональных отношений с русским государством. Нарастанию противоречий в данной сфере способствовало столкновение двух противоположных тенденций: «Во-первых, стремление народов, входящих в нее [Россию], к созданию самостоятельных, независимых государств. Во-вторых, стремление Российского государства иметь безопасные границы»[33].

В силу специфики расширения Российской империи каждый регион, который приобщался к ее территории, становился порубежьем. При этом оно было

населено иноэтничными жителями с преимущественно отличной от русского (государствообразующего) этноса религией, культурой, политическим опытом, хозяйственно-бытовой практикой и др. Этнически пограничное пространство приобретало многонациональный характер с преобладанием нерусского населения.

Российское приграничье, став полезнее для «исторической национальной территории», заслонило ее от внешних посягательств, но само при этом во многом стало источником внутренних угроз государственной безопасности. Как на этапе укоренения власти империи, так и в период достаточно длительного пребывания «национальных окраин» в отношениях различной формы зависимости от России население многих из них активно противодействовало государственной администрации.

Вместе с тем процесс экспансии России, являясь условием обеспечения ее государственной безопасности, часто не противоречил, а соответствовал интересам населения присоединяемых земель. Нельзя не согласиться с мнением политолога В. С. Емеца, который утверждает, что «присоединение территорий шло не столько путем завоеваний, сколько путем добровольного вхождения в состав российского государства на основе договора»[34].

Как правило, заинтересованность в ослаблении военного, политического и религиозного гнета со стороны более могучих соседних государств заставляла национальных лидеров притесняемых народов обращаться за покровительством к России. Это свидетельствовало о доминировании в российской политике положительного отношения к населению вновь присоединяемых земель или закрепляемых в их отношении вассальных, а также протекторатных связей. Однако «учет» соотношения пространств, попавших в пределы российской державы добровольно или посредством силового принуждения, требует отдельного кропотливого исследования.

В качестве вывода автор предлагает следующие тезисы:

— проявляя себя как свойство сохранения в неизменном виде базовых принципов существования политического строя, государственная безопасность отражает самостоятельность державы как геополитического субъекта и обусловливает возможность всестороннего развития соответствующей социально-политической системы;

— в условиях относительно постоянного территориального расширения возможность его реализации становилась весомой частью содержания государственной безопасности России, следовательно, препятствия данному процессу отождествлялись с угрозами самой государственной безопасности;

— территориальная экспансия России объективно расширяла масштаб, преумножала полиэтничность, уменьшала долю русского (государствообразующего) этноса в населении пограничного пространства и трансформировала часть внешних угроз государственной безопасности во внутренний деструктивный потенциал этнополитического характера;

— территориальные приращения являлись в основном результатом российской геополитики силового принуждения в отношении их населения. Закрепление российской власти в новых землях также реализовывалось преимущественно посредством силового принуждения аборигенного населения к исполнению экономических, политических, военных и других предписаний государства;

— несмотря на относительную жесткость государственной политики в отношении коренного населения «национальных окраин» экстремально жестокие методы ее реализации являлись следствием преступного превышения полномочий представителей российской администрации, а не требованием принципов российской этнополитики;

— неоправданная жестокость представителей российской администрации часто являлась причиной восстаний местного населения «иноэтничного» приграничья, т. е. причиной посягательств на политический строй державы в соответствующем приграничном регионе;

— независимо от причин возникновения нестабильности, государство активно противодействовало посягательствам на свою безопасность, но после нейтрализации угрозы факторы, лежащие в основе ее возникновения, должны были учитываться в практике политического управления «национальными окраинами». Однако, как показывает история, даже правильные выводы не всегда были способны влиять на недопущение повторения аналогичных деструктивных процессов. Это, с одной стороны, свидетельствует об объективности многих из них, с другой — о тиражировании на разных территориях или в разное время ущербной практики функционирования управленческого аппарата, являвшегося главной субъективной причиной этнополитических конфликтов.

Данные выводы не менее актуальны в современных условиях, так как в настоящее время Россия в новых исторических обстоятельствах участвует в геополитических процессах, приводящих к количественным и качественным изменениям пограничного пространства, в том числе в этнополитическом аспекте. Силовое же принуждение по-прежнему является распространенным инструментом реализации как внешней, так и внутренней политики современных государств, в том числе и Российской Федерации.

Библиографические ссылки

[1] **Колотуша В. В.** Гуманитарная составляющая подготовки сотрудников пограничной службы как особого вида силового принуждения // Современная модель гуманитарного образования в России и ее развитие в ВВУзах Пограничной службы России : материалы межвузов. научно-практ. конф. / под общ. ред. А. В. Кулакова М., 2003. С. 64.

[2] См.: Государственная безопасность России: история и современность / под обш. ред. Р. Н. Байгузина. М., 2004.

[3] См.: **Кристалинский Л. Б.** Государственная безопасность России в пограничном пространстве // Социально-гуманитар. знания. 2013. № 4. С.132 — 146.

[4] **Пестель П. И.** Русская правда [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/VV_PES_W.HTM (дата обращение 29.05.13).

[5] Там же.

[6] **Буркин А. И.**, **Возженников А. В., Синеок Н. В.** Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / под общ. ред. А. В. Возженикова. М., 2008. С. 92.

[7] См.: **Каппелер А.** Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 24 — 31.

[8] См.: **Ежуков Е. Л.** Горячие окраины России : ист. очерк. М., 2000. С. 33.

[9] Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006. С. 70.

[10] **Маныкин-Невструев А. И.** Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки : очерк. М., 1883. С. 9.

[11] См.: История Русской Америки (1732 — 1867) : в 3 т. Т. 1 : Основание Русской Америки (1732 — 1799) / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М., 1997. С. 91 — 94.

[12] **Вахрушин С. В.** Исторический очерк завоевания Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. С. 79.

[13] **Словцов П. А.** Историческое обозрение Сибири : Книга первая с 1585 до 1742 года. М., 1838. С. 84.

[14] **Кирьяков В. В.** Очерки по истории переселенческаго движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902. С. 41.

[15] **Маныкин-Невструев А. И.** Указ. соч. С. 11.

[16] **Буркин А. И., Возженников А. В., Синеок Н. В.** Указ. соч. С. 92.

[17] **Имамов В. Ш.** Запрятанная история татар. 1994 [Электронный ресурс]. URL: http://protatar.narod.ru/Kitaplar/TatarHistory.html (дата обращения 22.03.2013).

[18] Летопись сибирская. СПб., 1821. С. 8.

[19] **Словцов П. А.** Указ. соч. С. 33.

[20] См.: **Гурвич И. С.** Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 98 ; **Стеллер Г. В.** Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII в. Л., 1928. С. 20, 91, 139 ; **Крашенинников С. П.** Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М. ; Л., 1949. С. 505 — 506 ; **Стеллер Г. В.** Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 139 и др.

[21] **Зуев С. А.** Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-ительменских отношений // [Электронный ресурс]. URL: http://docs.podelise.ru/docs/index-2402.html (дата обращения 10. 04. 2013).

[22] РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 666. Л. 74 об. 12, с. 21.

[23] См.: **Зуев С. А.** Указ. соч.

[24] См.: **Огрызко И. И.** Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX веков). Л., 1973. С. 21.

[25] **Словцов П. А.** Указ. соч. С. 279.

[26] См.: История Русской Америки (1732 — 1867) : в 3 т. : Т. 1. Основание Русской Америки (1732 — 1799) / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. М., 1997. С. 91 — 94.

[27] **Колотуша В. В.** Силовое принуждение: сущность, структура, тенденции : монография. Голицыно, 2008. С. 105.

[28] См.: **Бламберг И.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. С. 416 ; **Ключевский В. О.** Сочинения. М., 1957. Т. 5. С. 194 ; Военная история отечества с древних времен до наших дней. М., 1995. Т. 1. С. 370 и др.

[29] **Буркин А. И., Возженников А. В., Синеок Н. В.** Указ. соч. С. 95.

[30] История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного Кавказского особого пограничного округа. Ставрополь, 1997. С. 29.

[31] Там же. С. 29.

[32] **Колотуша В. В.** Указ. соч. С. 94.

[33] **Паламарь Н. Г.** Проблемы формирования государственной территории и границы Российской империи (исторический аспект) : монография. М., 2007. С. 8.

[34] **Емец В. С.** Федерализм и сепаратизм как факторы этнополитических процессов в России (в контексте национальной безопасности) : монография. М., 2009. С. 45.

Поступила 28.04.2014 г.

УДК 321:328.185

Е. Л. Шапошников, М. В. Мытарев
E. L. Shaposhnikov, M. V. Mytarev

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

MODERN MECHANISMS OF ANTI-CORRUPTION STATE POLICY

Ключевые слова: законодательство, государственная власть, коррупция, уголовная политика, президент, уголовное наказание.

В статье анализируется современное состояние антикоррупционной государственной политики; актуализируется необходимость преломления уголовной политики в сфере противодействия коррупционным преступным проявлениям.

Key words: legislation, the state power, corruption, criminal policy, the president, criminal penalties.

The current state of anti-corruption state policy is analyzed in the article; need for refraction of criminal policy in the sphere of counteraction to corruption criminal manifestations is actualized.

Высокая степень общественной опасности коррупции, ее широкая распространенность, а также современные тенденции данных коррупционных проявлений, несомненно, актуализируют необходимость преломления уголовной политики в сфере противодействия данным преступным проявлениям. К чести российского законодателя определенные шаги в данном направлении осуществляются постоянно. Безусловно, этому способствует заинтересованность первых лиц государства, фактически инициировавшая очередной виток антикоррупционной кампании в новейшей истории Российского государства. Основные положения уголовной политики в сфере борьбы со взяточничеством нашли отражение в Федеральном законе от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ.

К наиболее существенным новшествам, направленным на оптимизацию противодействия коррупции, следует отнести следующие меры уголовной политики:

— кратные штрафы за взяточничество и коммерческий подкуп;

— дополнение УК нормой, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ);

— расширено содержание предмета коммерческого подкупа и взятки за счет «предоставления иных имущественных прав»;

— статьи 204, 290, 291 УК РФ дополнены новыми квалифицирующими обстоятельствами — в большей мере дифференцирована ответственность в зависимости от размера взятки.

Следует отметить, что указанные поправки в уголовное законодательство соответствуют положениям Конвенции ООН против коррупции от 2003 г. (далее — конвенция). Данный документ был ратифицирован Российской Федерацией в соответствии с Федеральным законом от 08.03.2006 г. № 40-ФЗ. В III главе

© Шапошников Е. Л., Мытарев М. В., 2014

Конвенции «Криминализация и правоохранительная деятельность» перечислены основные коррупционные составы, за которые государства-участники устанавливают уголовную ответственность. Несколько обособленно принято рассматривать статью 20 Конвенции, поскольку широко распространено мнение, согласно которому Россией данная статья не ратифицирована[1]. Она предусматривает ответственность за незаконное обогащение, т. е. за «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»[2].

На самом деле Конвенция была ратифицирована Россией без каких-либо изъятий. В части 1 статьи 1 вышеупомянутого Федерального закона было сделано заявление о том, что Российская Федерация обладает юрисдикцией в отношении ряда деяний, признанных преступными[3]. Деяние, описанное в статье 20, в данном перечне отсутствует, поскольку его содержание противоречит положениям Конституции Российской Федерации. Согласно статье 49, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (так называемая презумпция невиновности). Буквальный перевод понятия «презумпция» с латинского означает «предположение, основанное на вероятности»[4]. В то же время сегодня в антикоррупционном контексте все чаще говорят о необходимости применения презумпции виновности чиновников в самом широком смысле[5]. «Типичный пример такого рода ситуаций: чиновник (действующий или ушедший в отставку) столь преуспел… в обмене власти на собственность, что… проживает в принадлежащем ему или его близким особняке стоимостью в миллион и более долларов, возведенном на участке земли, где одна сотка оценивается в десятки, а то и в сотни тысяч у. е. <…> И пока такой „порядок вещей“ считается юридически нормальным»[6].

Согласно презумпции виновности, физические лица, в частности государственные служащие, обвиняемые в коррупции, должны сами изыскивать и предъявлять доказательства своей непричастности к осуществлению коррупционных правонарушений. Кроме того, специфика в реализации данной презумпции заключается в том, что правоохранительные структуры и судебные органы в обязательном порядке реагируют на сообщения граждан и средств массовой информации о совершении коррупционных правонарушений или проступков служащими, поэтому обязаны осуществлять проверку подобных показаний, невзирая на источники подобных заявлений.

Презумпция коррупционной виновности чиновников воплощается в необходимости публичных представлений последними деклараций о своих доходах и расходах, а также в предоставлении подобной информации относительно супруга / супруги и несовершеннолетних детей. Подобные публичные декларации при их соответствии уровню официальных (легальных) доходов должностных лиц являются обоснованиями непричастности последних к совершению коррупционных правонарушений. Это обстоятельство поддерживает мотивацию чиновников публично декларировать информацию о своих доходах и расходах в установленном законом порядке[7].

Рассмотренная презумпция виновности применяется в КНР в отношении государственных служащих. Подобные правила действуют и в некоторых других странах, при этом не являются обязательным принципом противодействия коррупции. Что касается современной России, то в настоящее время отечественный

правоприменитель обладает достаточной совокупностью мощных механизмов, позволяющих требовать от чиновников прозрачности декларирования доходов и расходов[8]. Рассмотрим заявленные механизмы более подробно. Так, в рамках противодействия такому проявлению коррупции, как получение откатов должностными лицами, с 1 января 2014 г. вступил в законную силу Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». В данном нормативном акте рассматриваются вопросы, связанные с внедрением, реализацией и развитием контрактной системы в России[9].

Безусловно, принятие более прозрачных норм в сфере осуществления государственных закупок может найти и негативные отклики со стороны лоббистов и чиновников, не заинтересованных в этих изменениях. Однако применение подобных нововведений позволит более качественно организовать систему закупок и эффективно противодействовать коррупции. Сегодня абсолютное большинство конкурсов проводится формально — с заранее известным победителем, поскольку в данном процессе все еще главенствующую роль играет человеческий фактор. По мнению руководителя Федеральной антимонопольной службы И. Ю. Артемьева, проведение торгов в электронной форме сведет коррупционную составляющую к минимуму: «…электронными аукционами сложно манипулировать, поэтому за ними будущее. Когда-нибудь все госзакупки перейдут в онлайн». Безусловным плюсом подобной системы является то, что участники электронных аукционов шифруются, а подрядчик или недобросовестные участники даже не знают, кто стоит за каждым номером. В настоящее время рассматривается вопрос о введении, помимо электронных аукционов, электронных конкурсов. Подобная система несколько лет назад была введена в Южной Корее и уже успела себя зарекомендовать с положительной стороны.

Традиционно первые лица государства большое внимание уделяют вопросам противодействия коррупции, что свидетельствует о неизменной актуальности данного направления предупредительной деятельности, в том числе в высших эшелонах власти. Так, в начале апреля 2013 г. Президент Российской Федерации В. Путин утвердил новый порядок предоставления сведений о доходах и расходах лиц, замещающих государственные должности. Указы направлены на реализацию ключевых антикоррупционных законов — Федерального закона «О противодействии коррупции» и недавно принятого Государственной думой закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Впервые чиновников обязали давать отчет о зарубежных счетах и недвижимости.

Таким образом, детально регламентируется механизм декларирования госслужащими информации о доходах и расходах, учитывая уровень чиновника и полномочия субъектов, осуществляющих проверку достоверности такой информации. Кроме того, предусмотрено, что кремлевское Управление по вопросам госслужбы и кадров может проверить любого чиновника, даже муниципального уровня.

Важным также является установление ответственности госслужащих за непредставление информации о зарубежных счетах, ценных бумагах и недвижимости и об источниках средств, на которые это все приобретено. При этом

предусматривается увольнение чиновника в связи с утратой доверия. В справке о расходах необходимо заявлять только расходы, превышающие трехлетний доход чиновника, его супруги и несовершеннолетних детей. В 2014 г. информация о доходах и расходах госслужащего будет объединена в единой справке. Кроме того, по указанию президента, лицам, сообщившим о фактах коррупции, гарантируется предоставление государственной защиты и бесплатной юридической помощи. Защита должна осуществляться в случаях преследования, давления, обвинения в клевете и т. д.

О необходимости борьбы с коррупцией на всех уровнях — от президента, правительства и парламента до муниципалитетов и субъектов — в рамках ежегодного выступления в Государственной думе РФ высказался и Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев. По словам Главы Правительства, «коррупция — это не только нарушение законодательства, это состояние мозгов»[10]. Безусловно, подобная принципиальная позиция государства в деле борьбы с коррупцией не могла быть не отмечена и общественным мнением. Так, согласно исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения, результаты борьбы с коррупцией за последнее годы стали более очевидными. Если в 2005 г. на позитивные сдвиги указывали только 30 % россиян (2007 г. — 36 %), то сегодня — 45 %. Стало реже поддерживаться мнение людей о непобедимости коррупции: в 2004 г. — 64 %, в 2012 г. — 50 %[11].

С целью выяснить эффективность государственной политики в сфере противодействия коррупции, в текущем году нами было проведено собственное социологическое исследование. Было опрошено более 50 представителей следственных органов, т. е. лиц, компетентных в вопросах юридической сферы и применения уголовного законодательства в своей профессиональной деятельности. Так, 43,5 % респондентов взяточничество в повседневной жизни признают частым явлением. При этом 34,8 % опрошенных считают, что уровень взяточничества за последние 2 года увеличился, т. е., более $^1/_3$ респондентов признают неэффективность указанных норм в деле противодействия взяточничеству. 23,9 % респондентов считают уголовную политику в данном направлении успешной, повлекшей снижение количества взяток.

Интересно мнение опрошенных по поводу распространенности коррупции среди должностных лиц. Так, 19,6 % респондентов считают, что большинство должностных лиц берут взятки; 30,4 % — уверены, что среди рассматриваемой категории субъектов примерно половина подвержена коррупции; в абсолютной честности и неподкупности должностных лиц уверены всего 4,3 % опрошенных.

Таким образом, 60,9 % респондентов в той или иной степени отмечают коррупционную зараженность должностных лиц. Следует напомнить, что респондентами являлись следователи, которые также относятся к категории должностных лиц. При этом результаты ответов на вопрос, отнесенный непосредственно к профессиональной деятельности респондентов (опрос был анонимным), значительно расходятся с вышеприведенными результатами абстрагированного уровня коррупции. 10,9 % опрошенных указали на факты предложения им взятки в качестве благодарности за уже совершенные действия. 89,1 % отметили, что им никогда не предлагали взятку за совершение каких-либо должностных действий, выходя-

щих или находящихся в пределах их компетенции. Очевидно, респонденты были несколько необъективны при ответе на данный вопрос.

Абсолютное большинство респондентов (71,7 %) в качестве предмета взятки-подарка указали на денежные средства. 43,5 % опрошенных при ответе на данный вопрос отметили бытовые приборы и услуги. 2,2 % респондентов в качестве взятки рассматривали даже конфеты и спиртное, исключением стали цветы. Очевидно, что такое принципиальное отношение к подаркам в сфере служебной деятельности является залогом антикоррупционной устойчивости должностных лиц.

Что касается распределения коррупции по сферам деятельности, то наиболее коррумпированными органами, по мнению опрошенных, являются образовательные учреждения (41,3 %). Второе место «делят» чиновники районных или городских администраций (39,1 %) и представители органов здравоохранения (37 %). Далее рейтинг коррумпированности распределяется среди правоохранительных структур: таможенные органы (26,1 %), налоговая служба (13 %), судебные органы (15,2 %), полиция (6,5 %) и прокуратура (4,3 %). В качестве основных детерминантов коррупции респонденты назвали возможность принятия единоличного решения должностными лицами, свобода принятия решений (39,1 %) и недостаточно строгий контроль за действиями чиновников, их доходами и расходами (32,5 %). Кроме того, значимым фактором является низкий уровень правовой культуры у населения (17,4 %). При этом недостаточно жесткой уголовную политику считает 6,5 %. Таким образом, 93,5 % опрошенных прямо или косвенно согласны, что санкции за коррупционные преступления являются сдерживающим фактором и соразмерны общественной опасности данных деяний.

Развивая тему общественной опасности коррупции отметим, что абсолютное большинство респондентов (71,7 %) в качестве ее главных последствий назвали потерю доверия граждан к государству и, как следствие, правовой нигилизм в обществе, что подрывает основу государства. К иным последствиям опрошенные отнесли нарушение прав людей (30,4 %), рост преступности (28,3 %) и социальное расслоение (10,9 %). Следует отметить, что ни один из опрошенных не отметил взаимосвязь коррупции с экономической сферой — ни в качестве негативного влияния на последнюю, ни в качестве следствия неразвитости экономических процессов. Наиболее действенными мерами государственной антикоррупционной политики опрошенные считают создание системы материальной и нематериальной мотивации служащих, усиление мер контроля за госзакупками, создание специализированных подразделений по противодействию коррупции в составе кадровых служб.

Несмотря на высокий общий уровень юридической грамотности опрошенных, отметим недостаточное знание ими некоторых положений антикоррупционного законодательства. Так, в статье 9 Федерального Закона Российской Федерации «О противодействии коррупции» в обязанность государственных и муниципальных служащих вменяется уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Результаты анкетирования показали, что

большинство опрошенных (56,5 %) в случае предложения им взятки ограничатся лишь отказом и не сообщат о данном факте своему руководителю. Между тем подобное поведение, согласно вышеуказанной норме, является правонарушением, влекущим увольнение несообщившего должностного лица с государственной или муниципальной службы, либо привлечение к иным видам ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Библиографические ссылки

[1] Почему не ратифицируют статью 20 Конвенции ООН? [Электронный ресурс]. URL: http://newsland.com/news/detail/id/816569/ (дата обращения: 20.01.2014).

[2] Ст. 20 Конвенции ООН против коррупции // Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. № 26, ст. 2780.

[3] См. Федеральный закон Российской Федерации № 40-ФЗ от 8 марта 2006 года «О ратификации Конвенции Организации объединенных наций против коррупции» // Рос. газета. 21 марта 2006. № 4022.

[4] **Дмитриев Ю. А., Шапкин М. А.** Правоохранительные органы. М., 2005. С. 78.

[5] Не допустить подмены понятий [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2011/07/23/kosachev-site.html/ (дата обращения: 21.01.2014).

[6] **Алексеев А. А.** Презумпции против коррупции // Законность. 2007. № 7. С. 2 — 8.

[7] Зарубежный опыт противодействия коррупции (Доклад Московского бюро по правам человека) [Электронный ресурс]. URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-378674.html (дата обращения 21.01.2014).

[8] См., например: Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6953 ; Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием Федерального закона „О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам“» // Там же. Ст. 6954.

[9] **Воронина Ю.** По откату молотком [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2013/04/09/otkatu.html (дата обращения: 09.01.2014).

[10] URL: http://www.rg.ru/2013/04/17/korrupzia-anons.html (дата обращения: 17.01.2014).

[11] Борьба с коррупцией: шаг за шагом приблизимся к цели [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113912 (дата обращения: 12.04.2013).

Поступила 20.02.2014 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81`38

О. Е. Поляков, Э. И. Игонов, Т. И. Стеняева
O. E. Polyakov, E. I. Igonov, T. I. Stenyaeva

СТИЛИСТИКА КАК ОСОБАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

STYLISTICS AS A SPECIAL ACADEMIC DISCIPLINE

Ключевые слова: стилистика, эмоционально-выразительные средства, стиль, лексическая стилистика, морфологическая стилистика.

В статье рассматривается особый раздел языкознания — стилистика, изучающая стили и экспрессивные языковые средства.

Key words: stylistics, emotional and expressive means, style, lexical stylistics, morphological stylistics.

Stylistics as a special branch of linguistics, which deals with styles and expressive language means, is considered in the article.

Стилистика — раздел языкознания, имеющий основным предметом стиль во всех языковедческих значениях этого термина: как индивидуальную манеру исполнения речевых актов, как функциональный стиль речи, как стиль языка[1]; стилистика — раздел языкознания, изучающий систему стилей языка, описывающий нормы и способы употребления литературного языка в различных условиях языкового общения, в разных видах и жанрах письменности[2]; — стилистика, раздел языкознания, изучающий стили и экспрессивные языковые средства[3].

Таким образом, стилистику можно определить как лингвистическую науку о средствах речевой выразительности и о закономерностях функционирования языка, обусловленных наиболее целесообразным использованием языковых единиц в зависимости от содержания высказывания, целей, ситуации и сферы общения.

Слова *стилистика* и *стиль* используются давно. Еще в XVIII — XIX вв. появлялись работы, посвященные стилю отдельных художественных произведений или стилю писателей. Однако как особая научная дисциплина стилистика начинает формироваться в 20 — 30-е гг. XX в. Ее возникновение связано с именем швейцарского лингвиста Шарля Балли, в 1909 г. написавшего «Трактат по французской стилистике».

Проблемы мокшанской стилистики разрабатывали Р. А. Заводова, М. А. Келин, С. И. Липатов[4]; эрзянской — Д. В. Цыганкин, Н. К. Приставкин, Т. М. Тихонова, Р. Н. Бузакова[5].

© Поляков О. Е., Игонов Э. И., Стеняева Т. И., 2014

Ученые-языковеды выделяют пять функциональных стилей: научный, официально-деловой (функция сообщения), публицистический, литературно-художественный (функция воздействия) и разговорный (функция общения), например: *Шуди, аф содай сизема, Сура ляйсь. Шуди, мярьгат, эряскоды куроконя васедемс оцю сазоронц — Волгать мархта. Сонь ведец, эрексия лаца, комболдозь-шарозь кевори тюжя шувару беряконзон ёткова, туста вирхнень пачка, сянгяря лугатнень кувалмова…* (И. Девин) («Течет не зная усталости река Сура. Течет, скажешь, торопится поскорее встретиться со своей старшей сестрой — Волгой. Ее вода, как ртуть, бурля, кружась катится между желтых песчаных берегов, густых лесов, зеленых лугов…») — литературно-художественный; *…нармотнень эзда сембода пархт саразне. Нинге кунардонь пинкнень синь тусть банкиевскяй саразть эзда. Банкиевскяй сарасне кизоти алыякшнесть 4 — 18 ал. Саразть сталмоц ульс 600 грамма, атякшть — пъцтай килограмма* («Мокшень правда») («…из птиц лучшими считаются куры. Еще с древних времен они произошли от банкиевских кур. От банкиевских кур в год получали 4 — 18 яиц. Вес курицы был 600 грамм, а петуха — почти килограмм») — научный»; *Авань международная шида — 8 Мартта инголя седи ваксста поздравлянь-датядязь тундань васенце праздникть мархта. Масторть лангса сембе цебярть сотнесазь авать лемонц мархта. Тинь уледе и ульхтяда кельговикс, мазыкс, семьянь ванфтыкс… Кельгома ават! Тинь тячи марса алятнень мархта тиенттяда оцю тефт…* («Мокшень правда») («Перед международным женским днем — 8 марта от души поздравляем с первым днем весны. Все хорошее на земле связано с именем женщины. Вы есть и будете любимы, вы оплот семьи… Любимые женщины! Вы сегодня вместе с мужчинами делаете большие дела…») — публицистический; — *Кульхть сей! Шабразе, шайтанть максофоц, тунда Москуву штазе, къле, тоса оцю ярмак лункфтан. И мезе? Кизонь кучкать орёлкс лийкстась вели. Видекс, наряжаф, ярмаку, кяскав казне усксь* («— Слушай сюда! Мой сосед, сатаной рожденный, весной в Москву смылся, мол, там большие деньги сдеру. И что? В середине лета прилетел орлом в деревню. Правда, одет, с деньгами, мешок гостинцев привез») — разговорный.

Особое отношение у ученых-языковедов к художественному стилю. Одни авторы (Р. Я. Будагов, В. В. Виноградов и др.) среди функциональных стилей выделяют его как отдельный, другие (Л. Ю. Максимов, Н. А. Мещерский, К. А. Панфилов) — нет. Язык художественной литературы уникален: он использует черты и элементы других стилей. У художественной речи особое назначение, особая функция. Эта функция и определяет ее специфику. Данная речь богата разнообразием языковых средств: слова употребляются в переносных значениях, даже отвлеченная лексика здесь употребляется метафорически. Здесь широко употребляются сравнения, метафоры, эпитеты, олицетворения и другие средства эмоциональной лексики.

В рамках литературно-художественного стиля распространены стихотворный, прозаичный и драматический подстили. В художественной речи используются не только литературные, но и внелитературные средства языка — жаргоны, диалекты, широко распространены фразеологизмы и синонимы. У каждого писателя свой стиль. В связи с этим мы можем говорить об индивидуальном стиле, например, И. Девина и М. Бебана.

Научный стиль связан с различными научными дисциплинами, например с языкознанием: *Глаголсь — корхтама пялькс, кона няфти действия или предметонь состояния* («Глагол — часть речи, который обозначает действие или состояние предмета»). В данном случае, научным термином является слово «*глагол*». В мордовских языках есть и исконные термины, например: **вайгялькс** «звук», **валрисьме** «предложение», **валмельгакс** «послелог», **путома** «сложение», **сявома** «вычитание», **явома** «деление» и др. В области медицины исконно мордовских терминов мало, например: **тюжят** «желтуха», **пси урма** «эпилепсия» и др. В основном термины заимствованы из других языков, например: **врач**, **пенициллин**, **шприц**, **бинт** и др.

Научный стиль предполагает достоверность высказывания, связь мыслей. В научной речи нет эмоционально-экспрессивной лексики. Здесь слово выражает понятие, а в художественной речи — образ. В художественном тексте слово может выступать как в прямом, так и переносном значении, а в научном — только в прямом (как термин). Следует отметить, что в научном тексте встречаются и сравнения, но они имеют различия, например: *Наречие, как и прилагательное, имеет степени сравнения.*

Научный стиль	***Художественный стиль***
Тумось — лама кизонь перьф касы шуфта, серец 35 — 40 метра, эряй 500-шка киза. Лопанза керьсефт, валазят, кероц шобода-уле, лазонтф. Алянь панчфонза пилькс, кондямонт, аваннетне касыхть ёмма недня лангса («Дуб — многолетнее дерево, высота 35 — 40 метров, живет до 500 лет. Листья резные, гладкие, кора — темно-серая, местами потресканная. Мужские цветы похожи на сережки, женские растут на маленьких ножках»)	*Велеть песа, кить тырваса, касы шаржу пингонь тума. Тёкшец токси мяк менельти. Тётдя варманясь кашторфтсыне валазя лопанзон. Сон кяжиста ванонды ётайхнень-потайхнень лангс* («На окраине села, возле дороги, растет могучий дуб. Вершина его тянется до самого неба. Легкий ветерок шелестит в его гладких лоснящихся листьях. Он недружелюбно поглядывает на прохожих»)

Публицистический стиль. Развитие публицистического стиля связано с созданием в начале 1920-х гг. газет и журналов на мордовских языках. Он включает большое количество книжных слов, штампов, фразеологических сочетаний с положительной и негативной оценкой. Это в основном стиль газет, журналов или выступлений на собраниях. Произведения данного стиля дают определенную информацию: чему-то учат, к чему-то призывают. Здесь, как правило, отсутствует индивидуальность. Следует отметить, что передовые статьи и рецензии близки к научному стилю, а очерки, фельетоны и зарисовки — к художественному. Публицистике известны и определенные образы, например: **тяфтама питнетне сускихть** «такие цены кусаются», **мешвелекс шумнась пуромкссь** «как улей гудело собрание», **бригаданьке сиредсь** «постарела наша бригада».

Разговорный стиль. Он имеет особенности в фонетике, фразеологии, лексике, словообразовании, морфологии и синтаксисе. Характеризуется неофициальностью. В основном этот стиль характерен для бесед между людьми. К ним

специально не готовятся, они происходят чаще спонтанно. Следует отметить, что этот стиль имеет и письменные варианты: письма, записки, СМС-сообщения.

К особенностям разговорного стиля относят: невербальный компонент общения (жесты и мимика) и паралингвистический аспект (интонация).

Чаще всего эта речь состоит из простых, неполных предложений, в основном из вопросительных и восклицательных:

— *Кода тефне?*	— Как дела?
— *Кода? Молихть…*	— Как? Все нормально…
— *Праян, улема?*	— Упаду, наверное?
— *Кирдть!*	— Держись!
— *Аделавсть тевонте?*	— Закончили свои дела?
— *Аделавать.*	— Закончили.

Достаточно часто встречаются вводные слова, например: *Кувать тейнек, арьсян, инжихне аф учевихть* («Долго еще, думаю, гостей не дождемся»); повторы, например: *Ащеда, ащеда, тяда стякшне* («Сидите, сидите, не вставайте»).

Официально-деловой стиль — это язык документов (бланков, конвертов, телеграмм, квитанций, отчетов и пр.). К особенностям официально-делового стиля относятся: краткость, тяготение к определенным стандартам; использование специальной терминологии, например: **диплом**, **закон**, **указ**, **справка**.

Данному стилю не свойственна образность. Стилевая черта официально-делового стиля — точность, не допускающая инотолкования, безличность выражения (доклады, приказы пишутся не от конкретного лица, а от лица государства), отсутствие описаний, низкий процент сложноподчиненных предложений, шаблонность.

Следует отметить, что официально-деловой стиль встречается и в газетах: публикации законодательных актов, официальных документов, юридических консультаций.

Таким образом, появление различных стилей обусловлено использованием языковых средств в зависимости от содержания высказывания, целей, ситуации и сферы общения.

Библиографические ссылки

[1] См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 429.

[2] См.: Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 4. С. 266.

[3] См.: **Келина А. Н., Поляков О. Е.** Стилистика // Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 299.

[4] См.: **Заводова Р. А.** Мокшень кяль : Грамматика и стилистика : 8-це класса тонафнема книга. Саранск, 1972 ; 1973 ; 1975 ; 1977 ; 1979 — 81 (в соавт.).

[5] См.: **Цыганкин Д. В., Приставкин Н. К.** Эрзянь кель : Грамматика ды стилистика : 8-це класнэнь тонавтнема книга. Саранск, 1972 ; **Тихонова Т. М.** Эрзянь келень стилистикань коряс практикум : Простой предложениясь. Саранск, 1977 ; **Ее же.** Эрзянь келень грамматикань ды стилистикань коряс упражнениянь сборник : учительнень пособия. Саранск, 1985 ; **Бузакова Р. Н.** Эрзянь келень стилистика. Саранск. 2002.

Поступила 07.04.2014 г.

УДК 81`37=511.152

Н. А. Кулакова, О. Е. Поляков
N. A. Kulakova, O. E. Polyakov

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА ДВИЖЕНИЯ *ЯКАМС* «ХОДИТЬ» В МОКШАНСКОМ И ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

THE SEMANTICS OF THE VERB OF MOTION *YAKAMS* "TO GO" IN THE MOKSHA AND ERZYA LANGUAGES

Ключевые слова: язык, лексема, глагол движения, лексико-семантический вариант, лексико-семантическая структура, полисемия, мокшанский язык, эрзянский язык.

В статье анализируется семантическая структура глагола якамс «ходить», обозначающего разнонаправленное движение субъекта в мокшанском и эрзянском языках.

Key words: language, lexeme, verb of motion, lexical-semantic variant, lexical-semantic structure, polysemy, the Moksha language, the Erza language.

The semantic structure of the verb yakams "to go", denoting multidirectional motion of a subject in Moksha and Erzya, is analyzed in the article.

Слово, являясь единицей лексико-семантической системы языка, обладает определенным лексическим значением. Лексическая полисемия — это разнонаправленное отражение «кусочков» действительности, заключенных в одном слове, между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь[1]. Полисемантичные слова обладают способностью варьировать свои значения в зависимости от выполняемых им функций в предложении, в соответствии с контекстом. Лексико-семантический вариант (ЛСВ) многозначной лексемы является самостоятельной, реально существующей единицей системы языка, которая имеет свои значения[2]. Иерархическое построение ЛСВ в совокупности составляет лексико-семантическую структуру (ЛСС) слова.

Каждый ЛСВ имеет свою семантическую структуру, состоящую из системы элементарных смыслов-сем, которые соотносятся с признаками соответствующих понятий, отражающих определенную сторону явлений окружающей действительности[3].

Преобладающим условием выделения данного признака глаголов движения является семы совершения движения в пространстве в разных направлениях и длительное время. В мокшанском и эрзянском языках эту группу глаголов представляют такие лексемы, как м. **ардомс**, э. **ардомс** «ехать»; м. **кштимс**, э. **киштемс** «плясать»; м. **танцевандамс**, э. **танцовамс** «танцевать»; м. **якамс**, э. **якамс** «ходить»[4].

Рассмотрим семантическую структуру глагола **якамс** «ходить», обозначающего разнонаправленное движение субъекта.

1. Ходить, т. е. двигаться в разных направлениях естественным путем или же на средствах передвижения, на специальных устройствах для передвижения: м. *Но мъзярс синь исть учсе, мъзярс исть* ***яка*** *ульцянява мековасу — Лиза изь са*[5] («Но сколько они не ждали, сколько ни бродили по улице — Лиза не

© Кулакова Н. А., Поляков О. Е., 2014

пришла»); э. *А мезть тензэ якамс кува а эряви*[6] («Нечего ходить где не надо»); *Мон а карман ваномот, нейке Ваня марто тутано сокссо якамо, — мерсь тейтересь* [Абрамов, с. 74] («Я не буду тебя нянчить, сейчас же идем с Ваней кататься на лыжах»).

Указанное значение является основным номинативным, широко употребительным. В качестве субъекта могут выступать одушевленные предметы, способные передвигаться естественным путем и совершать движения на средствах передвижения или на специальных устройствах для передвижения.

В данную структуру входят следующие компоненты: «двигаться + в разных направлениях + длительное время + естественным путем или на средствах передвижения, специальных устройствах для передвижения».

2. Ходить, целенаправленно двигаться куда-л., например: м. *Пельксонь аф содай бандиттне тяфтама яннява аф* ***якайхть****, синь* ***якайхть*** *оцю киге*[7] («Ярые бандиты по таким тропинкам не ходят, они выбирают большие дороги»); э. *Эрьва оймсема чистэ Тамара кармась* ***яксеме*** *эйкакшонзо содавтомо* [Абрамов, с. 80] («Каждый выходной Тамара стала ходить навещать детей»).

Связь ЛСВ-2 со значением-1 усматривается через компоненты «двигаться + длительное время», а отличается от предыдущего семой «в определенном направлении + целенаправленно».

3. Гулять, прогуливаться, совершать прогулку: м. ***Якамс*** *цёра мархта* [МРС, с. 916] («Гулять с парнем»); э. *Кить састь кинов, кить морсеме ды* ***яксеме*** [ЭРС, с. 800] («Кто пришел в кино, кто петь и гулять»); *Тон седе аламо* ***яксек*** *Ваня марто* [Абрамов, с. 74] («Ты поменьше гуляй с Ваней»).

Смысловую основу ЛСВ-2 составляет семантическая модель «двигаться + в разных направлениях + длительное время + ногами + с определенной целью». Существенное различие от значений 1 — 2 выражается значением «с определенной целью». Производителем действия выступает человек.

4. Шататься, гулять без дела, бездельничать, шляться: м. *Цёрась* ***якафты*** *ульцять кувалма, тев аф муй эстейнза* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Парень шатается по улице, дела себе не находит»); э. *Те авариядонть мейле ковшка* ***яксесь*** *тевтеме, зярс таго эзизь простя* [Абрамов, с. 62 — 63] («После этой аварии с месяц ходил без дела до тех пор, пока опять не простили»); *Костояк а сан, тевтеме* ***якан*** [Там же, с. 63] («Ни откуда не иду, без дела брожу»).

Данный ЛВС отличается от предыдущего семой «без цели». Все остальные компоненты («двигаться + в разных направлениях + длительное время + ногами»), присутствующие в семной структуре ЛСВ-1, 3, характерны и для ЛСВ-4. Субъектом является человек.

5. Пастись, находиться на подножном корму: м. *Траксне* ***якасть*** *апак лятть тишеть ланга* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Коровы паслись на нескошенной траве»); э. *Скалонь ды ревень стадась* ***якась*** *жнива ланга* [ЭРС, с. 800] («Коровы и овцы паслись на жнивье»).

Данный ЛСВ выявляется в контексте, где субъектом, являются дикие и домашние травоядные животные или птицы. В семную структуру данного ЛСВ входят следующие единицы: «двигаться + в разных направлениях + длительное время + ногами + целенаправленно».

6. Ходить за кем-чем-л., например: м. *Пинесь аф ласьконди тракснень мельге паксяса, а* ***якай*** *аньцек кудазоронц мельге* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Собака не гоняет на лугу коров, а только ходит за хозяином»); э. *Эйкакшось* ***яки*** *аванзо мельга* [ЭРС, с. 800] («Ребенок ходит за матерью»).

В основе семемы-6 лежат базовые компоненты «двигаться + в разных направлениях + длительное время + ногами». В образовании многозначности в мордовских языках большую роль играет метафорический перенос. Он показывает образное употребление мордовского слова[8].

7. Бегать, быстро двигаться по какой-л. поверхности: м. *Гармонисттъ суронза тага кармасть* ***якама*** *пунятнень ланга* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Пальцы гармониста снова начали ходить по клавишам»); э. *Гармонистэнь суронзо* ***якить*** *пек бойкасто* [ЭРС, с. 800] («Пальцы гармониста ходят быстро»).

Формула ЛСВ-7: «двигаться + в разных направлениях + длительное время + в быстром темпе». Первые три компонента дают основание установить связь анализируемого значения с ЛСВ-1, 3 — 6. В качестве субъекта выступают неодушевленные предметы, приводимые в движение сокращением мышц руки под воздействием сигнала, посылаемого из коры большого полушария головного мозга.

8. Двигаться (о чертах лица): м. *Алять кежть эзда кармасть* ***якама*** *скуланза* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («У мужчины от злобы начали ходить скулы»); э. *Тюжалгадозь чамасонть мекев-васов кармасть* ***якамо*** *щёканзо* [ЭРС, с. 800] («На загорелом лице стали взад-вперед двигаться скулы»).

Значение-8 семантически связывается с ЛСВ-1 при помощи интегральных сем «двигаться + в разных направлениях + длительное время».

9. Ходить, находиться в действии (о механизмах, например о часах): м. *Алу и вяри* ***якась*** *оцю кшнинь поршенць* [МРС, с. 916] («Вниз и вверх ходил железный поршень»); э. *Затворось* ***яки*** *вадрясто* [ЭРС, с. 800] («Затвор ходит хорошо»); *Частнэ а якить* [Там же] («Часы не ходят»).

Внутреннее содержание данного ЛСВ: «двигаться + длительное время + в определенном направлении + вследствие чего-л. (под воздействием механизма)». Субъектом является предмет с механизмом, специально созданный производить движение под действием приложенных сил.

10. Ходить (о транспортных средствах): м. *Райцентрав автобуссь* ***якай*** *шити кафксть* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («В райцентр автобус ходит два раза в день»); э. *Ошонть ды поселканть ютксо* ***яки*** *автобус* [ЭРС, с. 800] («Между городом и поселком ходит автобус»).

Семантическая формула значения-10: «двигаться + в разных направлениях + длительное время». Субъектом является транспортное средство.

11. Ходить куда-л., посещать что-л.: м. ***Якамс*** *музейга* [МРС, с. 916] («Ходить по музею»); э. ***Якамс*** *школав* [ЭРС, с. 800] («Ходить в школу»); ***Якамс*** *занятияв* [Там же] («Посещать занятия»).

Смысловую основу ЛСВ-11 составляет семантическая модель «двигаться + в определенном направлении + длительное время + с определенной целью». Субъектом является человек.

12. Проторить (например, путь). В мокшанском языке мы не встречаем этого значения, оно заменяется другим словом ***тиемс***, например: м. *Тя шири тиезь*

кинять учатне [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («В эту сторону проторили тропинку овцы»); э. *Тесэ ульнесь яннэ, конань якизь реветь ды сеят* [ЭРС, с. 800] («Здесь была тропка, которую проторили овцы и козы»).

Семантическая формула данного значения: «двигаться + в разных направлениях + длительное время + ногами». ЛСВ-12 выявляется в контексте, где речь идет о субъекте, обозначающего не только человека, но и животных (чаще домашних).

13. Исходить, обойти: м. *пангонь кочкамста алязе яказе марнек вирть, а пангт изь му* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Во время сбора грибов отец исходил весь лес, а грибов не нашел»); э. *Якизе весе виренть* [ЭРС, с. 800] («Исходил весь лес»).

Указанное значение усматривается через компоненты «двигаться + длительное время + в разных направлениях + ногами». Субъектом выступает человек.

14. Ходить, быть, находиться, пребывать на расстоянии относительно какого-то места: м. *Якась мяк Сахалину, тосовок ашезь аще ламос* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Был на Сахалине и там не задержался долго»); э. *Мейле, кортыть, якась сибирень стройкава, тосояк кувать эзь кирдеве* [ЭРС, с. 800] («Потом, говорят, находился на сибирской стройке, но и там долго не задержался»).

В значении-14 процесс движения слабо выражен. На первый план выступают компоненты «находиться + длительное время + на определенном расстоянии + относительно какого-то места + целенаправленно». Указанное ЛСВ актуализируется только в контексте, где имеется прямое указание на время пребывания субъекта-лица.

15. Постоянно находиться с кем-л.: м. *Щенязень рьванц фотокарточкац най якай мархтонза* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Фотография жены мой дядя всегда носит с собой»); э. *Тонть сёрмась (фотось) яки мартон* [ЭРС, с. 800] («Твое письмо (фото) ношу при себе (букв.: ходит со мной)»).

ЛСВ-15 распадается на следующие отдельные единицы: «находиться + длительное время + относительно субъекта-лица, двигающегося в пространстве». Для реализации данного значения необходимо сочетание глагола **якамс** с наречием **вейсэ** «вместе» и с послелогом, осложненным лично-притяжательным суффиксом **мартон** «с собой» или же с существительными в местном падеже **превсэ** «в мыслях», **седейсэ** «в сердце».

16. (Перен.) ходить, следовать, держаться, двигаться, находясь на каком-то определенном расстоянии: м. *Нужась най ашуть мельге* ***якай***[9] («Нужда всегда за бедным ходит»); э. *А горясь, монь койсэ, одно* ***яки*** мельган[10] («А горе-то, по-моему, постоянно преследует меня (букв.: ходит за мной)»).

Данная семема является переносной, обусловленной контекстом. Трансформация осуществляется через ассоциированное представление движения субъекта-состояния лица относительно перемещения человека.

17. Носить что-л., ходить, будучи одетым или обутым во что-л.: например, м. С*тирнясь* ***якай*** *сельмованомаса* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Девочка ходит в очках»); э. С*он* ***яки*** *сельмукшсо* [ЭРС, с. 800] («Он носит очки»).

В этом ЛСВ четко выражаются базовые компоненты «двигаться + в разных направлениях + длительное время», присутствующие в значениях 1, 3 — 10. Од-

нако отличается от них семой «в определенной внешней форме». В качестве субъекта выступают люди.

18. Бродить, подниматься (о тесте): м. *Позась якай* [МРС, с. 916] («Брага поднимается»); э. *Позась вадря,* ***яки*** *уш омбоце чи* [ЭРС, с. 800] («Квас хороший, бродит уже второй день»).

Внутреннее содержание данного ЛСВ: «двигаться + длительное время + вследствие чего-л. (под воздействием средств брожения, например, дрожжей).

19. Ухаживать за кем-чем-л.: м. ***Якамс*** *сярядить мельге* [МРС, с. 916] («Ухаживать за больным»); э. ***Якамс*** *серединять мельга* [ЭРС, с. 800] («Ухаживать за больным); э. *А кармат мельганзо* ***якамо*** *ды а валносак, нама, цецясь пужи ды коськи* [Абрамов, с. 94] («Не будешь за ним ухаживать и поливать, конечно, цветок завянет и высохнет»); э. *Атятне кунсесть калт,* ***якасть*** *садонть мельга, тельня слесарничасть, лездасть колхозонтень инвентарень витнеме, бабатне якасть пиренть ды хозяйстванть мельга* [Антонов, с. 120] («Старики ловили рыбу, ухаживали за садом, зимой слесарничали, помогали колхозу поправлять инвентарь, старухи ухаживали за огородом и хозяйством»).

Лексически и стилистически ограниченно значение глагола. Базовый компонент «двигаться» проявляется в менее выраженной форме.

20. Дружить (о девушке, парне): м. *Ня од ломаттне* ***якайхть*** *ни кунара, а тя пингс нинге апак рьвякт* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Эта парочка дружат уже давно, а до сих пор не женятся»); э. *Ды ведь од церанень кода-бути а ён* ***яксемс*** *мирдень ава мельга* [Антонов, с. 24] («Да ведь парню как-то нехорошо дружить с замужней женщиной»); *Сон* ***якси*** *се тейтерентень!* [Там же, с. 43] («Он дружит с этой девушкой!»).

ЛСВ-20 обуславливается контекстом, где речь идет о возлюбленных. Базовая сема движения слабо выражена.

21. Появляться где-л., выходить куда-л.: м. *Тядязе пъкамда меле кармась* ***якама*** *аватнень ётксе* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Мама после выздоровления стала появляться среди женщин»); э. *Сон седе сеетьстэ кармась* ***якамо*** *ломань юткс, ушолесь мартост седейшкавань кортнемат* [Антонов, с. 60] («Он чаще стал появляться среди людей (букв.: выходить в люди), начинал с ними душевные беседы»).

Значение-21 лексически связано, оно проявляется в сочетании «глагол + существительное с предлогом». Сема движения слабо выражена.

22. Находиться, пребывать в каком-то состоянии, настроении длительное время: м. *Тага* ***якай*** *обжафста* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Опять ходит обиженным»); э. *Мейс* ***якат*** *нусманясто?* [ЭРС, с. 800] («Почему ходишь грустная?»).

Семная структура-22 состоит из следующих единиц: «находиться + длительное время + в определенном состоянии». В этом значении слабо выражается сема «двигаться» и, наоборот, отчетливо выступает один из важных базовых компонентов «длительное время».

23. Ходить, сходить, делать ход в игре: м. ***Якамс*** *пешкаса* [МРС, с. 916] («Ходить пешкой»); э. *Дамасо или валетсэ* ***якак*** [ЭРС, с. 800] («Ходи дамой или валетом»).

Данное значение входит в ЛСС **якамс** семой движения. Процесс движения возможен лишь при наличии объекта, обозначающего название хода в игре. ЛСВ-23 является семантической калькой с русского языка.

24. Ходить, быть (беременной), дохаживать (срок беременности): м. ***Якамс*** *пекиста* [МРС, с. 916] («Ходить беременной»); э. ***Якамс*** *(омбоце, колмоце ды седе тов) эйкакшсо* [ЭРС, с. 800] («Быть беременной»).

В основе семемы-24 лежит базовый компонент «определенное время». Она является переносной, обусловленной контекстом. Компонент «двигаться» утрачивается. Субъектом является женщина.

25. (Перен.) ходить: м. ***Якамс*** *куломать вакска* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Ходить рядом со смертью»); э. ***Якамс*** *куломань киява* [ЭРС, с. 800] («Быть (находиться) при смерти»).

В данном случае сема движения тоже утрачивается и является переносной.

26. Ходить, переходить от одного к другому: м. *Тя интереснай книгась ламос* ***якась*** *кядьста кядьс* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Эта интересная книга переходила из рук в руки»); э. *Дух марто суликинесь* ***якась*** *кедьстэ кедьс* [Абрамов, с. 19] («Пузырек с духами ходил из рук в руки»).

Значение-26 семантически обусловлено с помощью компонентов «двигаться + в разных направлениях + длительное время». Производителем действия могут быть как конкретные, так и абстрактные имена существительные. Когда речь идет о конкретных предметах, для реализации указанного значения в предложении требуется специализированное сочетание ***якамс*** *кедьстэ кедьс* [ЭРС, с. 800] («Ходить из рук в руки»).

27. (Перен.) ходить, распространяться (например, о молве, о слухе): м. *Авать колга корхтаматне* ***якасть*** *кургста кургс* [с. Адашево Кадошкинского района РМ] («Слухи о женщине ходили из уст в уста»); э. ***Якить*** *кулят* [ЭРС, с. 800] («Ходят слухи»); *Казарманть келес* ***якась*** *марязь кортамось* [Абрамов, с. 114] («По казарме (букв.: ходил) услышанный разговор»). Сюда же можно отнести и значение: э. *Кутьмерьга* ***якить*** *кельме коткудавт* [ЭРС, с. 800] («По спине бегают мурашки»).

Семема-27 является переносной, обусловленной контекстом. ЛСВ распадается на следующие отдельные единицы: «распространяться + длительное время + относительно субъекта-лица, находящегося в пространстве».

Таким образом, глагол **якамс** «ходить», обозначающий разнонаправленное движение субъекта в пространстве, вобрал в себя 27 значений. В 1, 3 — 8, 10, 12 — 17, 26 лексико-семантических вариантах присутствуют базовые компоненты «двигаться + в разных направлениях + длительное время». Во 2, 9, 11, 18 значениях сохраняются семы «двигаться + длительное время», в семемах 14 — 16, 19 — 25, 27 процесс движения утрачивается или более слабо выражен. Такая вариация семантических единиц внутреннего содержания слова, безусловно, зависит от характера субъекта действия, касающегося следующих его характеристик: одушевленности-неодушевленности, конкретности-абстрактности, собирательности, активности-пассивности движения субъекта, а также от связи глагола-сказуемого со словами других частей речи, выступающими в предложении в качестве второстепенного члена.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Барцева Л. И.** Реализация компонентов семантической структуры глагола *кошташ* в марийском языке : материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (2 —5 февр. 2000 г.), Саранск, 2000. С. 55 — 59.

[2] См.: **Щемерова Н. Н.** Полисемия // Мордовские языки : энциклопедия. Саранск, 2012. С. 227.

[3] См. : **Барцева Л. И.** Полисемия глаголов в марийском языке : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Тарту, 1989. С. 16.

[4] Мокшень-рузонь валкс=Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М., 1998. 920 с. Далее ссылки в тексте: [МРС, с.] ; Эрзянь-рузонь валкс=Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова [и др.]. М., 1993. 803 с. Далее ссылки в тексте: [ЭРС, с.].

[5] **Девин И. М.** Нардише : роман. Саранск, 1991. С. 16. Далее ссылки в тексте: [Девин, с.].

[6] **Абрамов К. Г.** Велень тейтерь : роман. Саранск, 1980. С. 25. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, с.]

[7] **Левчаев П. И.** Кярьмаз. Саранск, 1977. С. 74.

[8] **Кулакова Н. А.** Семантическая корреляция слов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках: (на материале глагола) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2001. С. 12.

[9] **Самородов К. Т.** Мордовские пословицы и загадки. Саранск, 1968. С. 32

[10] **Антонов И. З.** Вейсэнь семиясо. Саранск, 1956. С. 31. Далее ссылки в тексте: [Антонов, с.].

Поступила 07.04.2014 г.

УДК 81`367.335=511.152.1

О. Ю. Цыплякова
O. Yu. Tsyplyakova

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

COMPLEX SENTENCES WITH SUBORDINATE CLAUSES OF MANNER IN THE ERZYA LANGUAGE

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, структура, семантика, союз, союзное слово, эрзя-мордовский язык, синтаксис, образ действия.

В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия в эрзянском языке, их структура и отличительные особенности.

Key words: complex sentence, structure, semantics, conjunction, connective word, the Erzya-Mordovian language, syntax, subordinate clause of manner.

Complex sentences with subordinate clauses of manner in the Erzya language, their structure and distinctive features are considered in the article.

Сложноподчиненное предложение в семантическом отношении представляет собой интонационно-смысловое единство, так как выражает какую-либо определенную, законченную мысль, отображает определенное явление действительности.

© Цыплякова О. Ю., 2014

По грамматической структуре оно состоит из двух (или более) компонентов, или предикативных центров, связанных между собой. Они находятся в тесном диалектическом единстве и взаимосвязи, не являются отдельными предложениями, так как не обладают ни смысловой, ни структурно-грамматической, ни полной интонационной самостоятельностью[1].

При семантико-структурном подходе к рассмотрению сложноподчиненных предложений главным классификационным признаком является тип грамматического значения (типовое значение сложноподчиненного предложения). На данном основании в эрзянском литературном языке можно выделить двенадцать типов указанных предложений: атрибутивные (определительные), изъяснительные, времени, места, причины, образа действия, меры и степени, сравнительные, условные, уступительные, следствия и цели.

В статье рассмотрим семантические и структурные особенности сложноподчиненных предложений с придаточными образа действия или «сложноподчиненных предложений с придаточными признака действия»[2]. В них содержание придаточной части восполняет качественный признак события (ситуации), обозначенного в главной части, со стороны способа его осуществления.

Наиболее распространенными для данных сложноподчиненных предложений являются следующие схемы:

[…±Pron corr], (Pron rel…);

[…±Pron corr], (Conj …),

где **Pron corr** — местоимение соотносительное, **Pron rel** — местоимение относительное, **Conj** (*лат.* conjunction) — союз, **[ ]** — главная предикативная часть, **( )** — придаточная предикативная часть.

Предложения данного типа являются структурно нерасчлененными, так как придаточная часть вместе с контактным словом в главной части составляет единую обстоятельственно-характеризующую группу при предикате главной части. Роль контактного слова выполняет наречие **истя** «так», содержание которого раскрывается и конкретизируется придаточным компонентом, например: *Юртонь кирдись весементь теи* ***истя****, кода невтизе тензэ Алёшка*[3] («Хранитель дома все делает так, как показал ему Алешка»); *Кунсолызе цирькунось тастантъ, теизе весементь* ***истя****, кода тона кармавтсь*[4] («Послушался сверчок кузнечика, сделал все так, как тот наказал»). Таким образом, «между придаточным компонентом и соотносительным словом главного компонента отношения не подчинительные, а пояснительные»[5].

Позиция контактного слова, как правило, бывает замещенной, например: *Тейть, цёрам,* ***истя****, кода преветь мерить, кода седеетъ кармавты* [Брыжинский, 2012, с. 580] («Делай, сын (мой), так, как ум подсказывает, как сердце велит»), но может быть и незамещенной, например: *Елена якась кардазгантъ ды радовакшнось [****истя****], прок совась тезэ васенцеде*[6] («Елена ходила по сараю и радовалась [так], словно зашла сюда впервые»). При этом структурный признак нерасчлененности у предложения сохраняется.

Средством связи в придаточной части служат союзы **што** «что», **штобу** «чтобы», **буто** «будто», **прок** «словно», а также союзное слово **кода** «как». В соответствии с этим способ соединения предикативных частей может быть местоименно-соотносительным (**истя — кода** «так — как»), например: *Валске-*

стэнть эйкакшонть лемдизь ***истя, кода*** *весе эйкакштнэнь*[7] («На утро ребенка крестили так, как и всех детей»); *Весе эрямонзо перть Ландышева Танянь кияк эзизе покордакшно* ***истя, кода*** *те Черниковось заметкасонть*[8] («За всю жизнь Ландышеву Таню никто не оскорблял так, как этот Черников в заметке»), либо местоименно-союзным (**истя — што** «так — что», **истя — штобу** «так — чтобы» и т. д.), например: *...сынь (нукертнэ) нейгак теить* ***истя, штобу*** *эрьва кемень ломантнень лангсо улевель покшост*[9] («…они (воины) и теперь делают так, чтобы над каждым десятком людей был главный»).

В сложноподчиненных предложениях с придаточными образа действия значению «способа осуществления действия» сопутствуют значения, соответствующие семантике соотносительных средств связи. Так, в предложениях с соотносительной парой **истя — што** «так — что» наличествует оттенок «следствия», например: *Сон [Ваня]* ***истя*** *пстидизе эсест ортастонть мячень,* ***што*** *сон тусь площадкантъ велькска ды кармась ливтямо Толянь кудонть ёнов*[10] («Он [Ваня] так пнул от своих ворот мяч, что он перелетел через площадку и полетел в сторону Толиного дома»).

В предложениях с соотносительной парой **истя — штобу** «так — чтобы» имеется оттенок «цели», например: *Кадык теи [Лиза]* ***истя, штобу*** *эряволь тосо ды тонеть седе аламо сакшноволь* [Абрамов, с. 311] («Пусть делает [Лиза] так, чтобы жила там и к тебе реже приходила»). Если в состав соотносительной пары входят сравнительные союзы **буто** «будто», **прок** «словно», **мерят** «будто», то в предложении есть оттенок «сравнения», например: *Кемест*э *кутмордасы [Лиза] цёранть [Витянь] кутьмерде, лекшкады эйзэнзэ истя,* ***мерят*** *рунгосост вересъ вейкине санга тукшны чудеме*[11] («Крепко обнимет [Лиза] парня [Витю] сзади [букв.: за спину], прижмется к нему так, будто в их телах кровь начинает течь по одной жиле»).

В предложениях с соотносительной парой **истя — кода** «так — как» может содержаться «сопоставительно-сравнительный» оттенок, например: *Юты весе эрямось вана* ***истя*** *жо,* ***кода*** *ютась пиземень те коволось. Ютась — ды весе* [Мартынов, с. 10] («Пройдет вся жизнь вот также, как прошел этот шквал дождя. Прошел — и все»); *Сон (Давол) стадань ваномояк, кудонь-кардазонь ванстомояк машты* ***истя, кода*** *ружия марто ломаннень а ванстови улипарось*[12] («Он [Давол] смотреть за стадом и стеречь [букв.: дом-сарай] дом мог так, как человеку с ружьем не получится стеречь добро»).

Для сложноподчиненных предложений с придаточными образа действия характерно постпозитивное расположение придаточной части, например: *Лиза ней ветясь прянзо истя,* ***буто сынь вастовсть васенцеде***[13] («Лиза теперь вела себя так, будто они встретились впервые»); — *Эрьга, варака, тапаряк суре бояронть туртов, ды истя,* ***кода мон теть меринь****!* [Тремасов, с. 68] (« — Ну-ка, ворона, наматывай нитку для боярина, да так, как я тебе сказал»).

В эрзянском языке сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия встречаются как в прозе, например: *Анськ ванодо лемдинк* [*цёрынемть*] *истя, кода мерян: Захар. Заня* [Брыжинский, 2012, с. 193] («Только смотрите назовите [мальчика] так, как я сказал: Захар. Заня»), так и в поэзии, например: *Пиземеде мейле / Весе ушось маней / Истя, кода эрси / Лембе кизэ шкане*[14] («После дождя / Вся улица светла / Так, как бывает / Теплым летом»).

Итак, типовое значение данных предложений — восполнение содержанием придаточной части качественного признака события (ситуации), обозначенного в главной части, со стороны способа его осуществления. Они являются структурно нерасчлененными. Способ соединения предикативных частей в данных конструкциях — местоименно-соотносительный и местоименно-союзный. В эрзянском языке сложноподчиненные предложения с придаточными образа действия употребительны — в основном используются в художественном и разговорном стилях речи.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Цыплякова О. Ю.** Порядок компонентов сложноподчиненного предложения в эрзянском языке // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 3. С. 154.

[2] **Бузаков И. С.** Сложное предложение в мордовских языках. Саранск, 1973. С. 125. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 46).

[3] **Брыжинский В. С.** Каргонь Кинь ломань : драматической сага. Саранск, 2012. С. 216. Далее ссылки в тексте: [Брыжинский, 2012, с.].

[4] **Тремасов Н.** Дивань штере : ёвкст. Саранск, 2011. С. 132. Далее ссылки в тексте: [Тремасов, с.].

[5] **Цыплякова О. Ю.** Роль соотносительных слов в образовании сложноподчиненных предложений эрзянского языка // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 4. С. 175.

[6] **Абрамов К. Г.** Найман : роман. Саранск, 1957. С. 395. Далее ссылки в тексте: [Абрамов, с.].

[7] **Коломасов В.** Лавгинов : роман. Саранск, 1996. С. 7.

[8] **Мартынов А.** Розень кши : роман. Саранск, 1977. С. 105. Далее ссылки в тексте: [Мартынов, с.].

[9] **Брыжинский А.** Половт : исторической повесть. Саранск, 1983. С. 53.

[10] **Брыжинский И. С.** Казне : повесть. Саранск, 1955. С. 26.

[11] **Брыжинский А. И.** Вечкемань тюсонзо эсензэ : роман. Саранск, 2004. С. 45.

[12] **Калинкин И.** Васоло ки лангсо : повесть. Саранск, 2000. С. 238.

[13] **Брыжинский А.** Оймень моро : повестть, ёвтнемат. Саранск, 1994. С. 190.

[14] **Кривошеев И.** Кочказь произведеният. Саранск, 1998. С. 42.

Поступила 11.12.2013 г.

УДК 81`42=111

Е. С. Балашова
E. S. Balashova

РОЛЬ РЕФЕРЕНЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

THE ROLE OF REFERENCE IN TERMS OF FUNCTIONING OF A PRAGMATIC FEATURE OF ENGLISH TEXTS

Ключевые слова: теория референции, определение значения, языковая единица, предположение (гипотеза), вариант описания.

В статье рассматриваются проблемы изучения роли референции в исследовании прагматического признака англоязычного текста.

Key words: the theory of reference, meaning, language unit, the assumption (hypothesis), the option of descriptions.

The article deals with the problem related to the role of reference in the study of pragmatic feature of English-language texts.

В настоящее время в логике и лингвистике установилось более широкое понимание референции как взаимосвязи языковых выражений. Референция как действие — это отдельный компонент в составе предложения; как результат — это отношения, в которые вступают языковые выражения. Поэтому ее основные задачи — это функционирование механизмов и средств актуализации предложения. Основными средствами актуализации выступают местоименные и артиклеподобные элементы в составе именных групп, а также категория времени, вида и наклонения в составе глагольной группы, соотнесенность с индивидуальными и каждый раз новыми речевыми объектами и ситуациями. Значение — это свойство предложения как типа, а истинность необходимое условие употребления данного предложения и его компонентов. Определить значение выражения, значит дать общие правила его употребления для того, чтобы высказать истинные или ложные утверждения. Тем самым подчеркивается, что языковые механизмы и их семантика прагматичны.

Таким образом, соединение понятия «референция» с англоязычным текстом позволяет принять ее широкое толкование как свойства: 1) целого предложения; 2) пропозициональных компонентов, входящих в состав такого предложения и его именных групп. Подобное расширенное понимание референции восходит к логической традиции, дающей единообразную трактовку предметных термов и пропозиций. Хотя в работах прагматического уклона[1] она понимается в первую очередь как свойство предметных термов, для лингвистики более естественна единообразная языковая характеристика англоязычного текста: прикрепленность к действительности создается с помощью компонентов с пропозициональным значением,

© Балашова Е. С., 2014

которые соотносятся с фактами, событиями и ситуациями. В применении к механизмам временного означивания соотнесенность высказывания с действительностью может осуществляться с помощью трех типов отношений: денотации (или обозначения), именования и указания (дейксиса).

Как известно, референция в широком смысле представляет собой отношение языковых выражений к внеязыковым объектам (денотатам, номинатам, десигнатам и референтам) и соединение мысли и реальности посредством языка, она может опираться на три типа отношений: обозначение, именование, или номинация, и указание. При этом отношения обозначения преимущественно передаются именами нарицательными, выполняющими денотативную функцию; именования — именами собственными, а указания — дейктическими (указательными) местоимениями (или иными индексальными знаками).

Так, отношения обозначения, или детонации, передаются в тексте системой разноуровневых средств (лексических, словообразовательных, синтаксических, контекстуальных и др.), способных передать идею времени дескриптивно, с помощью процесса семантической репрезентации или хронологического порядка в языке, например: **consequently** «следовательно», **after that** «после этого», **since then** «с того времени», **prewar** «довоенный», **post-entry** «после вступления», **life down** «спад» — **stand up** «подъем», **etc** «и так далее».

Отношения именования, или номинации, могут передаваться средствами лексической системы, которые дают прямые имена каким-то временным моментам истории, являющейся фрагментом обозначенного высказыванием факта, например: **in winter** «зимой», **summer** «летом», **in 1993** «в 1993». К группе лексических средств выражения времени в английском языке могут относиться: 1) существительные как названия единиц времени, например: **second** «секунда», **minute** «минута», **hour** «час», **year** «год», **century** «век»; 2) индивидуальные собственные названия отдельных единиц: дни недели, месяцы, времена суток, сезонов и др., например: **(the) past** «прошедшее», **present** «настоящее», **future** «будущее», **yesterday** «вчера», **tomorrow** «завтра»; 3) наречия времени, например: **now** «сейчас», **long** «долго», **ago** «тому назад», **then** «тогда», **soon** «вскоре», **cearly** «рано», **late** «поздно»; 4) сочетания существительных, например: **time** «время», **while** «в то время как», **moment** «момент», **period** «период»; 5) предложные сочетания существительных с обозначением какого-либо процесса, например: **visit** «визит», **attack** «предпринимать», **conference** «конференция», **silence** «тишина».

Отношения указания, или собственно дейктические, передаются средствами дейктических знаков, выполняющих указательную, шиферную функцию. К группе дейктических средств темпорального означивания могут относиться как лексические, так и грамматические средства, например: **this time** «на этот раз», **just now** «только сейчас», **last time** «в последний раз», **the day before** «накануне», **next time** «в следующий раз», **tomorrow** «завтра», **the next day but one** «после завтра», а также средства грамматической категории глагольного времени.

Все механизмы референции принадлежат языку и входят в семантику предложения, референциальные аспекты которого вступают в многообразные связи со всеми другими аспектами и уровнями его структуры — с лексической семантикой, семантикой грамматических категорий (вид, время и наклонение), синтаксической структурой и т. д.

Речевая коммуникация в современном мире представляет собой интегративно исследуемый многогранный объект, при изучении которого используются текстоцентрический и коммуникатороцентрический подходы. Если первый подход отвечает целям семантического анализа содержания, то второй используется для изучения прагматических аспектов. Оба подхода учитывают взаимосвязь четырех составляющих: говорящего или пишущего (отправитель, адресант, автор, коммуникатор); слушающего или читающего (получатель, адресат, реципиент, коммуникант); референта (предмет, ситуация, объект) и текста (высказывание)[2]. В современном английском языке прослеживается четкая взаимосвязь референциальных возможностей абстрактных единиц и процессов их словообразования.

В системе словообразования центральное место занимает производное слово. Оно состоит из простейших единиц и входит в единицы более сложные — комплексные. Производное слово связано с производящим как формально (включает его основу в свой состав), так и семантически (его значение мотивируется значением производящего слова).

Производящие основы существительных составляют наибольшую группу производящих основ, от которых образованы производные прилагательные. По своей морфологической структуре данные основы существительных подразделяются на корневые, производные, сложные и сложнопроизводные.

Производящие основы корневых существительных послужили основой для образования собственно английских прилагательных, например: **hope *n.* — hopeful *adj.*** «надеющийся», **dream *n.* — dreamless *adj.*** «лишенный сновидений». Другую значительную группу составляют производные существительные. Их основы образованы способами аффиксации, конверсии и различных типов усечений.

Большинство производных основ существительных образовано путем аффиксации. Из них выделяют суффиксальные существительные, например: **meaning *n.* — meaningful *adj.*** «многозначительный»; **idealist *n.* — idealistic *adj.*** «идеалистический» и префиксальные существительные, например: **disrespect *n.* — disrespectful *adj.*** «непочтительный».

Производящие основы существительных образованы в основном от производящих основ глаголов и основ фразеологических единиц типа **grow up** «возрастать» способом конверсии, например, существительное **break away** «отрыв, откол» образовано способом конверсии от основы фразеологической единицы **to break away** «отрывать». От данного производного существительного также способом конверсии образовано прилагательное, например: **breakaway *adj.* — that has broken away, separate** «отколовшийся», **roundabout *n.* — roundabout *adj.* — not direct, circuitous** «окольный; обходной».

От производящих основ сокращенных существительных образованы следующие прилагательные, например: **peppy *adj.*** «(амер. разг.) живой, веселый» — **pep *n.* — pepper *n.***; **venturesome *adj.* — prepared to take risks, enterprising** «бесстрашный; отважный» — **venture *n.* — adventure *n.***

Таким образом, производящие основы существительных составляют наибольшую группу основ образования английских прилагательных. Самой многочисленной является группа корневых существительных. По своей семантической структуре основы, послужившие производящей базой, являются разнообразными, имеющими различные классификации[3].

В современном английском языке существительные подразделяются на четыре основные группы: собственные и нарицательные; одушевленные и неодушевленные; относящиеся и не относящиеся к человеку; исчисляемые и неисчисляемые. Подробную классификацию существительных дает А. А. Уфимцева, которая абстрактные существительные подразделяет на три подгруппы: общие имена, имена опредмеченных признаков и имена научных понятий[4].

К группе абстрактных существительных относятся слова, называющие процессы или действия, например: **conversation** «разговор», **fusion** «слияние», **life** «жизнь», состояния **wellbeing** «благополучие», **success** «успех», **hope** «надежда», **love** «любовь»; различные понятия, относящиеся к науке, искусству, медицине, например: **diagnostics** «диагностика», **biology** «биология»; существительные, называющие разнообразные вещества и материалы, например: **frost** «иней», **water** «вода» и **wood** «дерево».

В значении многих слов имеется эмоциональная составляющая, которая оказывает эмоциональное воздействие (особенно если оно дополняется другими средствами). Стилистически нейтральные слова также могут иметь оценочную составляющую и различного рода коннотации и ассоциации, учет которых способствует, а игнорирование препятствует целям речевого воздействия.

Современное состояние общества характеризуется повышением значимости и ценности информации. Увеличиваются темпы ее роста практически во всех сферах жизнедеятельности, каждому человеку становится доступным все больший ее объем. В этих условиях наиболее актуальным становится вопрос эффективности использования потенциала каждого коммуникационного инструмента и главным условием является прежде всего язык. Язык дает возможность автору брать понятия, находящиеся в его собственном сознании, и вызывать их в сознании своего слушателя. При этом возникает мысленный образ, который не указывает на лексическое значение, так называемая символизация — «нечто из мира идей и понятий».

Таким образом, символизация обладает свойствами референции (того, что дает нам наше сознание, опыт, интуиция, наша ментальность). Референция является связующим звеном между референтом (предмет, процесс, ситуация) и знаком, символом, кодом и алгоритмом, не подменяющим собой собственно лексическое значение.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Линский Л.** Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. С. 41 — 54 ; **Стросон П.** О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 55 — 86.

[2] См.: Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] М., 2006. 912 с.

[3] См.: Current issues in corpus linguistics. Ryazan, 2007. P. 20 — 30.

[4] См.: **Уфимцева А. А.** Лексическое значение. М., 1986. 144 с.

Поступила 10.04.2014 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 39=(511.1)

Н. В. Рябов
N. V. Ryabov

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА

ETHNIC TRADITIONS AS A PHENOMENON OF CULTURE OF THE FINNO-UGRIC WORLD

Ключевые слова: традиция предков, культурная идентичность, трансформация традиций, этнос, традиционная форма культуры.

В статье рассматриваются процессы формирования и динамика развития этнокультурных традиций; анализируются способы функционирования разнокультурных традиций в условиях современности.

Key words: the tradition of the ancestors, cultural identity, transformation of traditions, ethnos, traditional form of culture.

The processes of formation and dynamics of the development of ethnic and cultural traditions are considered in the article; the ways of functioning of multicultural traditions in modern conditions are analyzed as well.

В настоящее время, обращаясь к культурному наследию своих предков, мы находим традиции прошлого как в творческой деятельности повседневного плана, так и в сохраненных и вновь оживающих элементах этнической культуры. Способы предметного и знаково-символического воплощения, отраженного в области прикладного искусства, под воздействием конкретных социально-экономических, природно-географических и культурных условий трансформировались в новые современные культурные традиции, которые локализуются с традициями вне профессиональной сферы. Многие ученые (А. Я. Богуславская, В. Г. Бабаков, В. М. Семенов) акцентируют внимание на условиях возникновения и становления традиций. В. Г. Бабаков и В. М. Семенов отметили важность этих доводов: «Зафиксированные в них программы человеческой деятельности, концентрированно выражая исторический опыт тех или иных этнических общностей, подобно генетическим программам популяций, ориентированы, в частности, на существенно важные для выживания этих общностей устойчивые, стабильные свойства как природной, так и этносоциальной среды. Выраженное в информационных программах культурной традиции предвидения, условий обитания последующих поколений делает возможным адаптивное воспроизводство этих условий в простой или расширенной форме»[1].

© Рябов Н. В., 2014

Однако следует учитывать, что традиция как социальная форма выражения общего закона преемственности обладает устойчивостью, которая позволяет аккумулировать культурный опыт прежних поколений и осуществлять его передачу, а динамичность способствует обогащению и взаимодействию традиций с другими явлениями общественной жизни. Формируясь на протяжении многих веков, традиция вбирает в себя весь накопленный исторический опыт и всю мудрость народа, становясь неотъемлемым элементом его духовной культуры. Традиция — явление внутриэтнического характера, и в своих проявлениях они связывают прошлое и настоящее, представляют собой ту духовную силу, без сохранения которой невозможны национальная общность, этнокультура и укрепление национальных отношений. Речь идет преимущественно о конкретных проявлениях культуры и жизни общества: будь то народное творчество или же отдельные направления профессионального и народного искусства в его разнообразии материала и художественного воплощения (керамика, гончарное искусство, резьба по дереву, утилитарные предметы и одежда). Вокруг традиций как способа функционирования народной культуры сложились достаточно устойчивые, но противоположные по содержанию и исходным установкам обыденные представления. В их основе лежат определенные ценностные подходы, разделяющие их на два понятия, по периметру которых концентрируются представления о традициях. В первом случае традиция представлена как нечто архаичное, косное, устаревшее и консервативное, мешающее современному развитию культуры, в другом — она выступает как идеал и абсолютная ценность, требующая серьезных усилий по поддержанию, восстановлению и реанимации.

На вопросы что понимать под традициями, в чем заключаются традиции отдельных сфер народной культуры, не означает ли приверженность традициям консерватизм, каковы взаимосвязи традиций и местных стилистических особенностей прикладного искусства пытаются дать ответ многие исследователи традиционной народной культуры. Так, И. Я. Богуславская обратила внимание на многослойность традиций, они пронизывают «все явления жизни, быта, производства, экономики, культуры, искусства, в каждой сфере обладая своей спецификой в содержании и проявлении формы. Есть существенные различия в проявлении традиций в искусстве вообще и в народном в особенности, так как в народном искусстве живут традиции коллективного творчества, а они складывались веками и шлифовались многими поколениями людей»[2].

Зарождение первых культурных проявлений в историческом плане отразилось на предметах и артефактах первобытного искусства. Десятки тысячелетий прошли с тех пор, как чья-то рука начертала первый наскальный рисунок, магический знак на камне или на дереве. Возможно, они имели информативный или магический характер. Росписи на скалах, знаки на дереве, писаницы и петроглифы, созданные в глубокой древности и в относительно близкое нам время, характеризуются идентичностью форм и художественной выразительностью графики. Так, исследованные наскальные рисунки в урочище Залавруга под Беломорском или изображения на камне в Таласском Алатау, силуэты Карельских петроглифов и фигуры зверей урочища «Каменная могила» под Мелитополем отмечены сходством стиля и художественной выразительностью графики. Следует отметить некоторую одинаковость знаков карельских петроглифов эпохи неолита, способов изображения животных, лю-

дей и некоторых сюжетов на Бесовом носу Онежского озера с палеолитическими росписями пещеры Ласко во Франции; между найденными на Межерической стоянке в Украине руноподобными символами, начертанными охрой на мамонтовом черепе, и наскальными знаками в Ирландии, Скандинавии и Сибири. Уже в период палеолита отмечается наличие геометрических узоров, происхождение которых не совсем ясно (пещеры Альтамир и Кастильо). Они представляли собой простейшие линии, напоминающие волнистые борозды, проведенные пальцами по сырой глине. Есть предположения, что линии, сделанные каким-то инструментом с зубьями и идущие параллельно в 3 — 5 рядов, могли изображать следы когтей медведя. Эта первоначальная форма передачи информации, возможно, является основой знаковой символики, а с развитием мифологических воззрений и первых религиозных форм знаки приобрели культовое значение.

В истории сложившихся этносов в дальнейшем в полном объеме проявились потенциальные возможности этнических традиций, элементы которых складывались из духовной потребности и культуры народа. В основу зарождения традиций легли символы, отраженные в бытовых предметах, в которых были заложены глубокие смысловые значения утилитарного характера и переданная своей формой, очертаниями и цветовыми оттенками информация многих поколений.

Культурные ценности, накопленные с глубокой древности прежними поколениями мордовского народа, имеют разновременные периоды: ранний, состоящий из тех компонентов культуры, которые унаследованы от прошлого, и исторически поздний период, включающий современные культурные явления. С формированием менталитета эрзян и мокшан как этноса с определенным образом мышления, мировоззрения, характером поведения, жизненными ориентирами, представлением о себе и пониманием себя в этом мире зарождались и традиции, обычаи и порядок мироустройства[3]. Об этом свидетельствуют и сказания о древней мордве:

— Кунсолодоя монь, эрзят, мокшот!
Пуромодоя перькан, сыреть, одт!
Ушодан моро Масторавадо —
Чачомадонзо, касомадонзо.
Мон эрзянь койненть тыненк ёвтаса,
Мон мокшонь иланть тыненк пачтяса.
Содадо, косто эрзят, мокшот лиссть,
Кода сынст келест ды коест теевсть.
Содадо, эрзят, содадо, мокшот,
Ки нолдыдизь тынк Масторава лангс,
Ки максызе тенк чачонк-обуцянк,
Ёжонк ды превенк паро эрямос.

— Слушайте, эрзяне и мокшане,
Старые и юные, внемлите!
Начинаю петь про Масторову,
О ее рождении и жизни.
Про эрзянский мы споем обычай,
Про закон поведаем мокшанский.
Про народ мордовский всем расскажем
Как эрзя и мокша появились,
Кто им дал жизнь вечную на свете,
Кто их поселил на Масторове —
Мы про то поведаем, расскажем.
Скажем мы, кто разум с красотою
Для хорошей жизни им отмерил[4].

В древних традициях сконцентрированы устои жизнедеятельности, факторы самосохранения и основа этнической самоидентичности. Не случайно, у старшего поколения неосознанно в генетической памяти проявляются отголоски старины: (э.) «Койтне икеле истят ульнесть!» («Традиции раньше такие были!»). Однако в некоторых случаях наблюдается разрыв поколений, и многие сложившиеся традиции

стираются временными периодами спада и интенсивного развития этноса. Спады и подъемы в эволюционном развитии культурных традиций народов наблюдались с древних времен, они могли зависеть как от внешних влияний инородных культурных традиций, так и внутренних условий развития этноса. Это характерно и для мордовского народа. Отголоски традиционных форм финно-угров мы находим в культурах других народов, которые свидетельствуют о взаимосвязи и тесных контактах в плане культурного обмена традиций, их развитии и дальнейшей конвергенции.

Справедливы утверждения Л. Н. Гумилева о том, что степень изучения этнических традиций познается в сравнении и оценке разных культур: «…сравнивая между собой древние культуры, уровень развития их измеряют наличием материальных остатков: сооружений, письменности, произведений искусств и т. п. Говорить о низком уровне культуры на том основании, что у какого-нибудь народа искусство проявляло себя в вышивках и достигало большой высоты, а у другого — в изготовлении каменных амулетов, очень грубых и заимствованных у первых. Получается, что в первом случае искусства не было вовсе, а во втором обнаружится оригинальный стиль»[5].

Общеизвестно, что культура любого этноса в своем развитии испытывает влияния разных этносов. Восприятие художественных мотивов, технических новаций и декоративных решений других культурных традиций играло позитивную роль в развитии и обогащении народного искусства. Вместе с тем необходимо отметить, что для жизнеспособности народного искусства важно доминирование собственноэтнических тенденций. Происходят взаимоотношения бытового окружения, предметов крестьянской архитектуры и традиционной крестьянской или городской ремесленной культуры. Она основана на каноне или своего рода концепте этой культуры, на способе передачи ремесленных навыков непосредственно от поколения к поколению. В связи с этим происходят новые стилевые предпочтения в традиционности, иногда сакральному образцу, хорошо знакомому, пришедшему от дедов и прадедов. Отдельные элементы традиционной культуры дошли до настоящего времени через образное мышление, ассоциативные архаические передачи информации, они полноправно существуют в обыденном массовом сознании.

Устойчивость типовых элементов (стереотипов), их сохранение, трансмиссия во времени, передача от поколения к поколению в условиях непосредственной коммуникации, в меняющейся социокультурной ситуации возможны, но только при наличии у них способности адаптироваться в окружающей среде и происходящих переменах, т. е. пластичности. Данная способность реализовалась в народных традициях в качестве вариативности, которая не дает точной копии, а лишь некий вариант с измененной формой или новой трактовкой формы, так как вариативность (от лат. *vario* — видоизменять, разнообразить) является ее родовым качеством. Вариативность — явление индивидуальное, смысловое же содержание остается неизменным — инвариантным. В локальных финно-угорских вариантах закреплен специфический опыт всего сообщества, он отразился в типовых элементах, сюжетно-содержательных схемах и мотивах, впитавших особенности среды бытования и образа жизни, являющихся основой культурной идентификации. Многие элементы культуры идентичны по своему характеру в силу происходящих диффузий в культуре родственных народов. Такое сочетание разнокультурных элементов можно обнаружить в традиционных этнических костюмах. Для целостного восприятия

традиций ношения одежды финно-угорских народов и его богатого сочетания разного рода украшений (сюлгамы, шумящие и коньковые подвески, спирали-браслеты) есть исторические подтверждения их возникновения. Нет необходимости утверждать об их родственных взаимосвязях и их смысловых предназначениях.

Анализируя особенности женских украшений и их семантические свойства, Н. Гаген-Торн делит их на два типа, которые развивались и взаимодействовали, создавая со временем новые формы оформления одежды. «К первому типу украшений относятся те, из которого возникли девичье-женские украшения у мордовского народа, как и у народов Поволжья — это предметы, непосредственно с одеждой не связанные: раковины-ужовки, бусы из стекла и камня, металл, позднее замененный монетами. Вероятно, в основе их возникновения лежат талисманы, что доказать не всегда возможно, да вряд ли это и поможет конкретному исследованию исторического изменения одежды. Второй тип, девичье-женские украшения, спроецированные самим покроем одежды, имеет в своей основе утилитарное значение для оформления данного типа одежды»[6].

Не только традиционность ношения одежды и богатый комплекс украшений являются отличительной чертой поволжских финнов, но и предметы быта, и общие представления об их семантическом назначении также свидетельствуют об их родовой сопричастности к традиционности культур. Однако означает ли сказанное, что элементы этнических традиций могут рассматриваться как своего рода инвариант? Конечно, нет, при всей устойчивости традиции, уходящей корнями в прошлое, она неизбежно модифицируется. Человеческие сообщества непрерывно приобретают новый опыт, который либо подкрепляет традицию, либо противоречит ей. Новый опыт может менять содержание традиции и трансформировать ее.

В современных условиях этническая культура мордовского народа продолжает свое существование, причем в одних сферах жизни более устойчиво и ярко, чем в других. Со временем происходит процесс адаптации, посредством которого элементы культурного прошлого нации ассимилируются в новую культуру, которая принимает форму амальгамы старого и нового.

Библиографические ссылки

[1] **Бабаков В. Г., Семенов В. М.** Национальное сознание и национальная культура. М., 1996. С. 46.

[2] **Богуславская И. Я.** Народное искусство или ширпотреб? Декоративное искусство СССР. 1976. № 6. С. 22.

[3] См.: **Мочалов Е. В., Емелькина И. В.** Менталитет мордовского народа в системе российского менталитета // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1. С. 147 — 154.

[4] Масторава / эрзянь ды мокшонь кезэрень пингень мифтнень, эпической моротнень ды ёвтамотнень коряс сёрма дызе. А. М. Шаронов. Саранск, 1994. С. 10 ; Масторава / на основе эрзян. и мокшан. мифов, эпич. песен и сказаний написал А. М. Шаронов. Саранск, 2003. С. 14.

[5] **Гумилев Л. Н.** История народов хунну: Хунну, Хунны в Китае. Хунны в Азии и Европе / М., 2008. С. 102.

[6] **Гаген-Торн Н. И.** Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 76.

Поступила 10.03.2014 г.

УДК 784:39

Э. Ф. Камалова
E. F. Kamalova

МУЗЫКАЛЬНО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛЬНЫХ НАПЕВОВ ЗАКАМСКИХ КРЯШЕН: К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАНТООБРАЗОВАНИЯ

MUSICAL AND STYLISTIC PECULIARITIES OF FORMULA SONGS OF THE TRANSKAMA KRYASHENS: THE PROBLEM OF VARIANT-BUILDING

Ключевые слова: закамские кряшены, формульный напев, звукоряд, поэтическая строфа, стиховые элементы, композиция напева, слогоритмическая схема, мелодическая строфа, ладовое строение напева.

В статье рассматриваются музыкально-стилевые особенности формульных напевов песенной традиции челнинской этнографической подгруппы закамских кряшен, населяющих западную часть икско-заинского междуречья; основное внимание уделяется определению музыкально-стилистических особенностей типового напева «Эзей буйларыннан җөрейләр торгач»; выявляется вариантный потенциал формульных напевов.

Key words: the Transkama Kryashens, formula song, scale, a poetic stanza, verse elements, song composition, syllable and rhythm scheme, melodic stanza, tonal structure of the song.

The article deals with the musical and stylistic peculiarities of formula songs of singing tradition of the Chelny ethnographic subgroup of the Transkama Kryashens, who inhabit the western part of the Ik-Zainsk interriver area; the determination of musical and stylistic peculiarities of the model song "Ezey builarynnan zhөreilәr torgach" is paid special attention to, as well as variant potential of formula songs is identified.

Песенная культура татар-кряшен* представляет собой уникальный этнокультурный феномен, отмеченный ярко выраженной спецификой на всех уровнях его организации. Вместе с тем, как и любое фольклорное явление, кряшенская песенная традиция определяется множественностью локальных стилей, каждый из которых характеризуется комплексом индивидуальных особенностей. Несмотря на появление в последние десятилетия отдельных работ[1], посвященных описанию локальных песенных диалектов в составе этнокультурного комплекса татар-кряшен, отмечаемая этномузыкологами «мозаичность» кряшенской песенности[2] не получила до сих пор адекватного отражения в региональной этномузыкологии. Большинство существующих исследований ориентированы на изучение обширного массива материала, зафиксированного в среде различных групп кряшен, что

* **Татары-кряшены** — этноконфессиональная группа татар Среднего Поволжья и Приуралья; район их расселения охватывает территории Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Удмуртии, Чувашии, Кировской и Челябинской областей.

© Камалова Э. Ф., 2014

препятствует выявлению специфики каждой из местных традиций. Напомним общепринятое мнение о том, что фольклорная культура имеет сугубо локальное распространение и, соответственно, ее рассмотрение должно базироваться на исследовании территориально ограниченных песенных комплексов. Следует отметить, что процесс «локализации» музыкально-этнографических исследований, наметившийся в татарской фольклористике на сегодняшний день, должен стать приоритетным в развитии кряшенской проблематики и в дальнейшем. Таким образом, обращение к изучению локальных песенных традиций татар-кряшен является более чем актуальным.

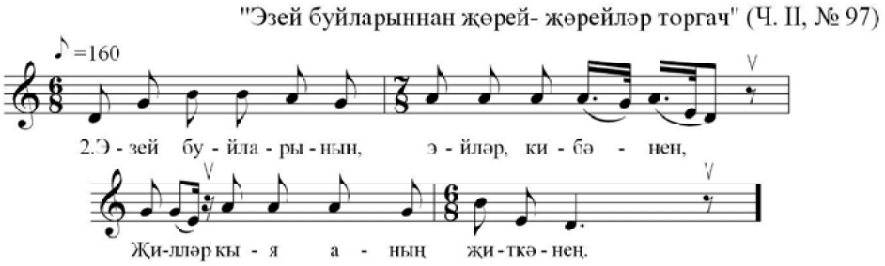
В статье рассматривается песенная традиция челнинской этнографической подгруппы закамских кряшен, населяющих западную часть икско-заинского междуречья. Материал исследования был записан в двух фольклорных экспедициях (в 2008 и 2009 гг.), организованных Фольклорно-этнографическим кабинетом Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова в Нижнекамский и Заинский районы. При рассмотрении стилевых особенностей песенного материала, зафиксированного у кряшен рассматриваемой этнографической подгруппы, наше внимание привлекло наличие ограниченного числа типовых мелодий или напевов-формул, обслуживающих значительную часть песенных образцов с различными поэтическими текстами. Термин «напев-формула» впервые употребила З. Эвальд в 1934 г.[3]. Наряду с данным термином используются такие понятия, как «формульный напев», «типовой напев»[4], «политекстовый напев»[5], «образ-интонация», «формула-афоризм»[6], «напев-стержень группового прикрепления»[7], «формул-напевы»[8] и т. д. Мы будем использовать термины «напев-формула», «формульный напев» и «типовой напев», выступающие как синонимы.

Несмотря на то, что формульный характер кряшенской песенности неоднократно исследовался на уровне отдельных элементов музыкального языка — лада и ритма, самостоятельного изучения по отношению к напевам-формулам не предпринималось. Отметим, что формульные напевы представляют этнически репрезентативный пласт музыкально-поэтической культуры челнинских кряшен. Именно они в большинстве случаев определяются информаторами как *керәшен көйләре* — старинные кряшенские песни — и противопоставляются «разнонапевным» образцам общетатарского распространения более позднего формирования.

По отношению к музыкально-стилистическим свойствам формульных напевов в существующей литературе выработались определенные исследовательские подходы. Согласно общепринятому мнению, напевы-формулы представляет собой результат длительной структурной кристаллизации того или иного интонационного комплекса. Процесс их становления, согласно точке зрения, изложенной в работе З. Эвальд, непосредственно связан с семантикой напевов, их магической функцией, «в целях которой он, как всякая формула заговора, должен был сохраниться неизменным» [9]. При этом отмечаемая исследователями «неизменность», «структурная кристаллизация», «стабильность» формульных напевов вместе с тем оказывается величиной переменной. Как указывает И. Земцовский, «…повторность даже формульных напевов никогда не бывает буквальной <…> Поэтому на всех этапах аналитической работы этномузыковеда необходимой и актуальной остается теория „интонационного поля“ — того предела мобильности,

вне которого не реализуемо ни одно явление фольклора». Далее он продолжает, что «напевы-формулы обладают своим „интонационным полем“, в пределах которого они, постоянно варьируясь, легко узнаются»[10]. Тем самым определение музыкально-стилистического своеобразия формульных напевов рассматриваемой песенной традиции должно ориентироваться на выявление их «интонационного поля» или «вариантного потенциала», специфики соотношения в последних стабильных и мобильных компонентов.

В ходе экспедиционных работ было зафиксировано пять типовых напевов. Рассмотрим один из них — «Эзей буйларыннан җөрейләр торгач»*, реализованный в наибольшем количестве образцов:



Поэтическая строфа песни представляет собой 4 — 6 строчную структуру, стиховые элементы которой соотносятся между собой по типу A B C D C D. Композиция напева может представлена в виде схемы A B A B A B (табл. 1).

Таблица 1

Композиция напева «Эзей буйларыннан төрейләр торгач»

Композиционная структура поэтической строфы	Композиционная структура музыкальной строфы	Слогоритмическая схема
A	A	♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪| ♪ ♪ ♪ ♪ ♩|
B	B	♪ ♩ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♩|
C	A	♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪| ♪ ♪ ♪ ♪ ♩|
D	B	♪ ♩ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♩|
C	A	♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪| ♪ ♪ ♪ ♪ ♩|
D	B	♪ ♩ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♩|

* Для удобства рассмотрения была принята условная система обозначений формульных напевов, при которой они будут обозначаться по первой строке одного из представляющих его песенных образцов, выбранного нами в произвольном порядке. В данном случае мы следуем существующей практике обозначения типовых напевов по наиболее распространенному сюжету или фрагменту поэтического текста (См.: **Енговатова М.** Песенный тип «Горы» в протяжных песнях Ульяновского Заволжья // Традиционное и современное народное музыкальное искусство / сост. Б. Ефименкова. М., 1986. С. 137 — 181).

Анализ различных вариантов формульного напева выявил определенную устойчивость лежащих в их основе слогоритмических форм: большая часть напевов реализует приведенную выше схему. Однако ряд напевов содержит отклонения от «нормативной» слогоритмической схемы, многообразие которых может быть систематизировано и сведено в две группы: отступления, связанные с изменением стиховой структуры поэтического текста; нарушения, не обусловленные изменением стиховой структуры. При рассмотрении специфики ритмического устройства песенных образцов мы опирались на методику анализа различных форм ритмического варьирования, представленную в работе Е. Смирновой[11].

Отступления от нормативной слогоритмической схемы, связанные с адаптацией напева к увеличению или уменьшению количества слоговых единиц в стихе, представлены в зафиксированных песенных образцах в нескольких разновидностях:

а) дробление слогоритмических элементов:

«”И(й)ау” булсын әле лә, әй, “ау” булсын»*,
первая мелодическая строфа

«Атларны талларга безләр бәйләдек» [Камалова, № 50],
вторая мелодическая строфа

б) «включение» в метрическую структуру слогоноты, соответствующей «лишнему» стиховому элементу:

* Здесь и далее примеры приводятся по: **Камалова Э. Ф.** Песенная культура татар-кряшен Нижнекамского и Заинского районов Республики Татарстан : диплом. работа. Казань, 2011. Ч. II, № 40.

«Базарларга барсаң ла миңа дә эндәш» [Там же, № 41],
первая мелодическая строфа

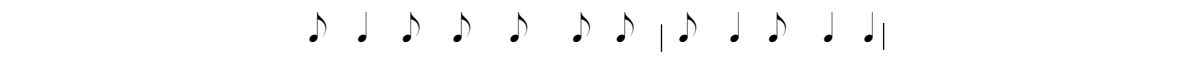
в) «изъятие лишней» слогоноты:

«”И(й)ау” булсын әле лә, әй, “ау” булсын» [Там же, № 40],
первая мелодическая строфа

Вторая группа отступлений, несвязанная с изменением стиховой структуры, может быть выражена в нарушении «пропорций времен при сохранении общей долготной величины» и «пропорций без сохранения долготной величины стоп»[12]. Среди проанализированных песенных образцов нами были зафиксированы примеры, относящиеся лишь ко второй форме нарушений:

«Чыңгырлар да чыңгыр, әйләр, чыңгырдый» [Камалова, № 42],
вторая мелодическая строфа

«Сезләрдә ашаганны, сездә эчкәнне» [Там же, № 44],
вторая мелодическая строфа



Подобные трансформации носят нестабильный характер и сконцентрированы в песенных образцах, записанных от одного исполнителя (О. Ф. Шадрина), что препятствует каким-либо обобщениям, связанным с определением степени укорененности и характерности данного явления для рассматриваемого формульного напева.

Ладовое строение напевов также отличается рядом устойчивых характеристик, изменения которых находятся в пределах «порога вариативности»[13]. Звукорядной основой формульного напева является ангемитонная пентатоника *d*, представленная в песенных образцах как в неизменном виде, так и в различных «усложненных» формах (табл. 2).

Таблица 2

Ладовое строение напевов

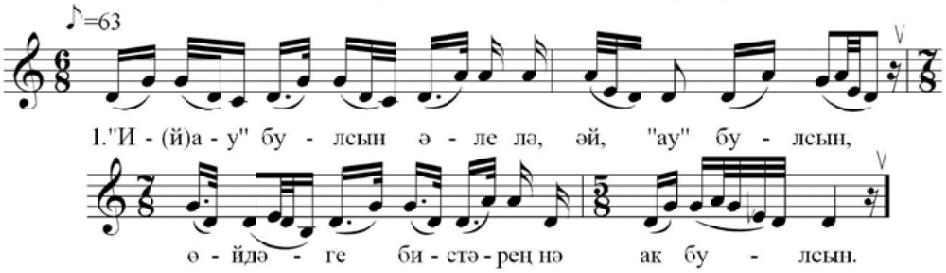
Название напева	Реальная высота звукоряда	Конвенциональный звукоряд*
«Биеккәй тауларның башларында» (№ 6)	*(e)* — ***g*** - *a* — *c* — *d*	*(h)* — ***d*** — *e* — *g* — *a*
«Әнекәем, җыуган на сәкеләргә» (№ 39)	*(fis)* - ***a*** — *h* — *d* — *e*	*(h)* — ***d*** — *e* — *g* — *a*
«Иау" булсын әле лә, әй, "ау" булсын» (№ 40)	*(fis)* - ***a*** — *h* — *d* — *e*	*(h)* — ***d*** — *e* — *g* — *a*
«Чыңгырлар да чыңгыр, әйләр, чыңгырдый» (№ 42)	***a*** — *h* — *(c)* - *d* — *e* — *fis*	***d*** — *e* –*(f)* - *g* — *a* — *h*
«Тәрәз төбендә, әйләр, гөлләрем» (№ 43)	*(gis)* — ***h*** - *cis* — *e* — *fis*	*(h)* — ***d*** — *e* — *g* — *a*
«Күпернең эчләре күк чәчәк» (№ 45)	***a*** — *h* — *d* — *e* — *fis*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Әй, наратлык инде, әйләр, наратлык» (№ 46)	***a*** — *h* — *d* — *e* — *fis*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Әтекәйләр безгә берләр ат бирде» (№ 47)	***b*** — *c* — *es* — *f* — *g*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Аллар күренәсең, айлар, күземә» (№ 48)	***b*** — *c* — *es* — *f* — *g*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Бүгеннәрдә күрдем миннәр дә сине» (№ 49)	***es*** — *f* — *as* — *b* — *c*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Атларны талларга безләр бәйләдек» (№ 50)	***f*** — *g* — *b* — *c* — *d*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Кара урманнарны, ай, үтәрләргә» (№ 51)	***h*** - *cis* — *e* — *fis* — *gis* — *(h^1)*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h* — *(d^1)*
«Эзей буйларыннан җөрей-җөрейләр торгач» (№ 97)	***f*** — *g* — *b* — *c* — *d*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *h*
«Җырлайлар да җырлый, җазалар җаны» (№ 98)	***h*** - *cis* — *e* — *fis* — *h1*	***d*** — *e* — *g* — *a* — *d^1*

Составлена по: **Камалова Э. Ф.** Песенная культура татар-кряшен Нижнекамского и Заинского районов Республики Татарстан.

* Все напевы, представленные в нотных примерах, приведены к единому конвенциональному звукоряду: *H – d – e – g – a – h – d^1 – e^1 – g^1 – a^1 – h^1*. Кроме того, при описании звукорядных разновидностей ангемитонной пентатоники мы пользовались буквенной системой, в основе которой лежит указанный звукоряд (См.: **Кондратьев М. Г.** Основные свойства чувашской пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: материалы межреспубликан. науч. конф. Казань, 1 — 2 ноября 1993 г. Казань, 1995. С. 86 — 91). Согласно данной системе звукорядные разновидности именуются по концевому опорному тону, расположенному, как правило, в нижней их части.

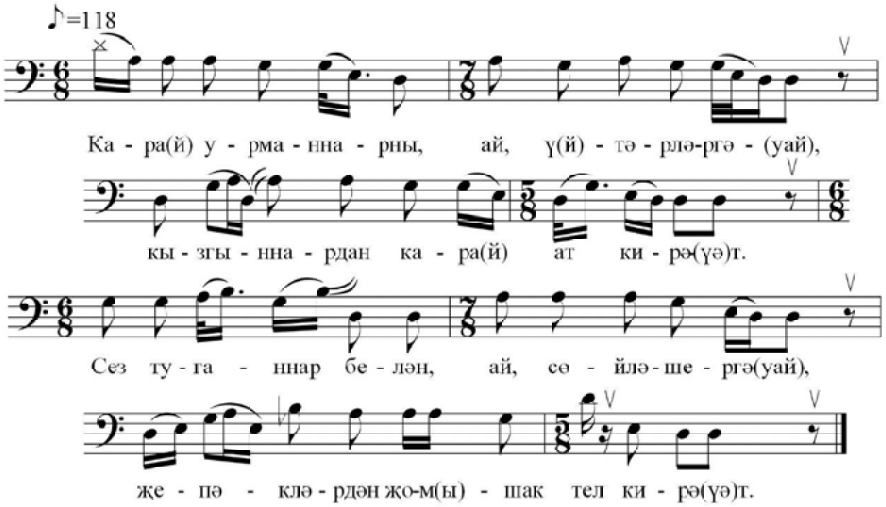
В ряде образцов, реализующих рассматриваемый формульный напев, встречаются различные формы «усложнения» звукоряда, возникающие за счет увеличения или «смещения» амбитуса звукоряда. Все формы усложнений могут быть сведены к нескольким определенным «приемам». Наиболее показательный из них связан с захватом верхнего или нижнего прилегающего звука, находящегося во внутрислоговом распеве:

"Иау" булсын әле лә, әй, "ау" булсын" [Камалова, № 40]



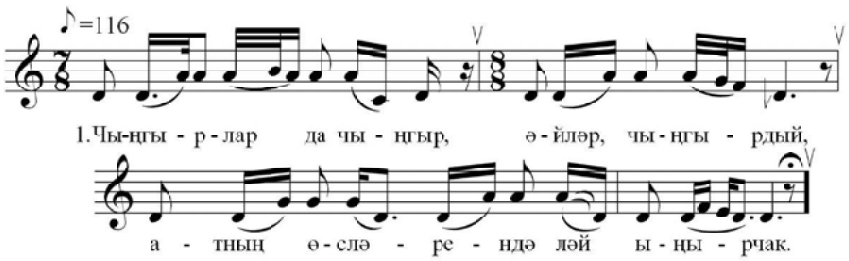
Менее распространенными оказываются звукорядные формы, связанные с заменой абсолютной высоты верхнего тона:

"Кара урманнарны, ай, үтәләргә " [Там же, № 51]



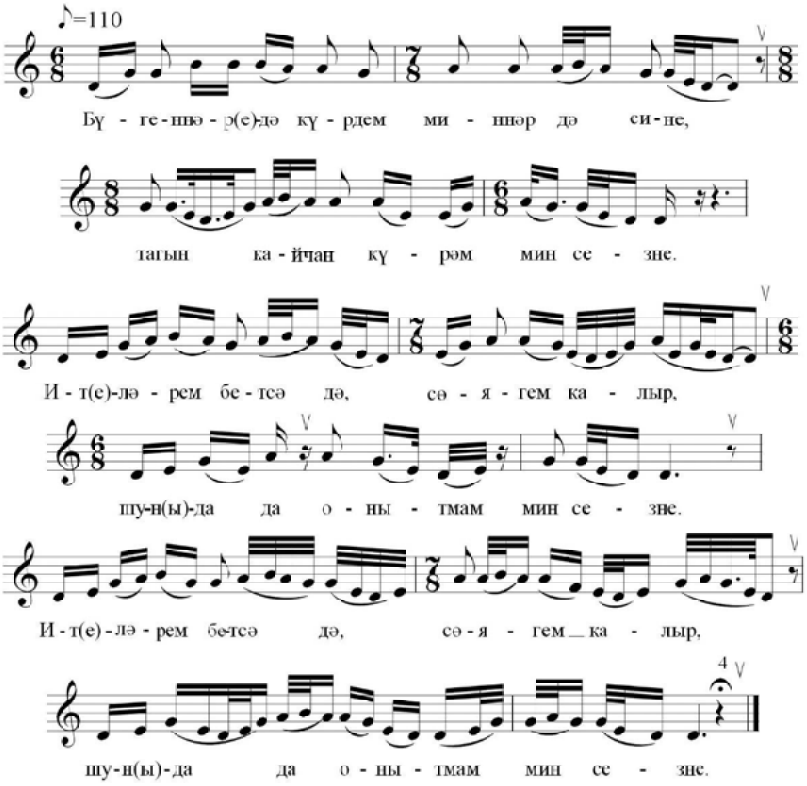
и усложнением ангемитонного звукоряда включением гемитонных сопряжений:

"Чыңгырлар да чыңгыр, әйләр, чыңгырдый" [Там же, № 42]



Для определения ладофункционального строения формульного напева рассмотрим следующий песенный образец:

"Бүгеннәрдә күрдем миннәр дә синс" [Там же, № 49]

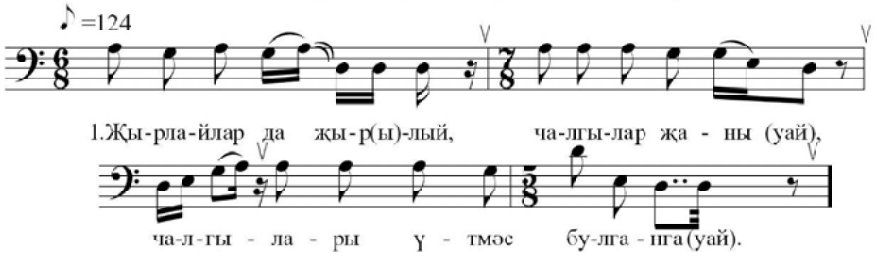


Мелодическое строение напева определяется противопоставлением двух уровней интонационного развития: верхнего, сконцентрированного вокруг двух опор *g* и *a*, и нижнего, тяготеющего к устою *d*. В первой мелострoке интонационное строение условно «переживает» три фазы становления: быстрое «восхождение», соответствующее двум слогонотам; достаточно длительное «пребывание» на верхнем уровне, равное семи или восьми слогоритмическим единицам и стремительный спуск к нижнему устою, длительность которого оказывается равной двум слогонотам. Воспользовавшись архитектурной терминологией, данную мелодико-интонационную структуру можно определить как арочную конструкцию. Во второй мелострoке первая фаза — фаза «восхождения» — нивелирована. Интонационное движение сразу же начинается на верхнем уровне звукоряда, его нижний уровень выявляется только в кадансовой зоне. Опорные тоны верхнего уровня *g* и *a* в силу ритмических и интонационных условий оказываются паритетными по отношению друг к другу. Более того, в силу более длительного пребывания на «верхнем» уровне опорные тоны оказываются паритетными по отношению к нижнему

устою. Таким образом, ладофункциональное устройство рассматриваемого формульного напева определяется взаимодействием трех опор — *d* — *g* — *a*, находящихся в равноправных отношениях, что, в свою очередь, выявляет координационную форму ладового устройства напева. Данный тип ладофункциональных отношений характерен, прежде всего, для архаичного интонирования. При анализе напева следует обратить внимание на сопоставление двух контрастных зон — «верха» и «низа». «Низ» высотно определен за опорным тоном *d*, функцию «верха» выполняют опорные тоны *g* и *a*, находящиеся в паритетных отношениях. Все мелодическое движение основано на сопоставлении этих двух зон, их выявлении и постоянном утверждении. Подчеркнем, что ни один из этих тонов в ладофункциональном отношении не является приоритетным, поскольку интонационное движение попеременно выделяет каждую из опор, их взаимодействие образует своего рода ладофункциональные «качели». При этом обращает на себя внимание значительное «превосходство» звуков, закрепленных за опорными зонами; тон *e* — выполняющий функцию неопорного — появляется эпизодически и то лишь во внутрислоговых распевах. Сходное ладофункциональное строение обнаруживают все песенные образцы, реализующие рассматриваемый формульный напев.

Отдельный круг проблем связан с определением специфики мелодико-интонационного строения песенных образцов, характеризующихся весьма неопределенным, неустойчивым характером. Мобильность ладоинтонационного устройства песенных образцов ведет к эффекту «размывания» их формульной основы; «типовой каркас» напевов обнаруживается нередко только после проведения целого ряда аналитических процедур — вычленение слогоритмической основы, определения звукоряда и функционального строения. Для подтверждения высказанного предположения сравним попевочное строение первых двух строк образцов «Бугеннәрдә күрдем миннәр дә сине» и «Жырлыйлар да җырлый, чалгылар җаны», реализующих рассматриваемый формульный напев:

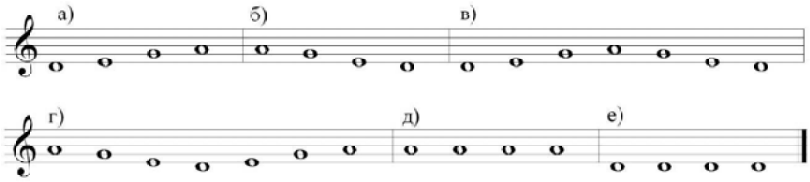
"Җырлайлар да җырлый, чалгылар җаны "[Там же, № 98]



В образце «Жырлыйлар да җырлый, чалгылар җаны» мелодическое движение первой строки определяется двукратным повтором одной попевки, основанной на «спуске» от верхней опоры к нижней. Вторая строка организована взаимодействием двух различных мелодико-интонационных структур, одна из которых представляет собой интонационное «восхождение», другая основана на обратном — «нисходящем» движении. В напеве «Бугеннәрдә күрдем миннәр дә сине» освоение мелодического пространства происходит несколько иным образом.

В частности, ладоинтонационная структура, «открывающая» первую мелодическую строку, основана на восходящей попевке, связывающей нижнюю и верхнюю опоры. Отличие попевочного устройства данного напева от предыдущего образца обнаруживается также и в организации второй строки, начальная ладоинтонационная структура которой представляет собой «утверждение» верхней опорной зоны с захватом нижних прилегающих звуков. Таким образом, мелодико-интонационное устройство вариантов формульного напева оказывается в достаточной степени индивидуализированным. Суть отмеченного ладоинтонационного своеобразия песенных образцов заключается в выборе конкретных попевочных структур, формирующих индивидуальный облик каждого из напевов. При рассмотрении ладоинтонационного устройства песенных образцов мы опирались на предложенную Е. Смирновой методику анализа устойчивых ладоинтонационных структур[14]. Разнообразие интонационных форм вместе с тем не безгранично и определяется спецификой ладовой организации формульного напева, а именно его звукорядом и ладофункциональным устройством, характеризующихся, как было показано выше, высокой степенью стабильности. На основе проведенного анализа нами было выявлено шесть форм ладоинтонационного развертывания:

— (попевка 1) восходящее движение от нижней опоры к верхней (пример **а**);
— (попевка 2) нисходящее движение от верхней опоры к нижней (пример **б**);
— (попевка 3) восходящее движение с возвращением (арка) (пример **в**);
— (попевка 4) нисходящее движение (перевернутая арка) (пример **г**);
— (попевка 5) утверждение верхнего опорного тона (пример **д**);
— (попевка 6) утверждение нижнего опорного тона (пример **е**).



Попевочный «состав» в различных песенных образцах оказывается достаточно произвольным. Однако ограничительным фактором при выборе попевок в песенных образцах, реализующих рассматриваемый формульный напев, оказываются ладофункциональные закономерности последнего. Так, высотное положение устоя, завершающего обе мелостроки напева, закреплено за тоном *d*; соответственно, в качестве завершающих мелостроку попевок могут использоваться только № 2, 3 или 6.

Проиллюстрируем последний тезис в виде схем, в которых представлено ладоинтонационное устройство песенных образцов:

«Жырлыйлар да жырлый, жазалар жаны» [Камалова, № 98],
первая мелодическая строфа

Первая мелострока	2	2
Вторая мелострока	1	2

«Чыңгырлар да чыңгыр, әйләр, чыңгырдый» [Там же, № 42],
вторая мелодическая строфа

Первая мелострока	3	3
Вторая мелострока	3	6

«Эзей буйларыннан җөрей-җөрейләр торгач» [Там же, №97],
третья мелодическая строфа

Первая мелострока	1	2
Вторая мелострока	5	2

Таким образом, реализация формульного напева «Эзей буйларыннан җөрейләр торгач» отмечена взаимодействием стабильных и мобильных компонентов мелодической структуры образцов. Неизменным, наиболее стабильным параметром организации формульного напева оказывается его композиционная структура. Высокой степенью устойчивости отмечены ритмическое строение, ладозвукорядные и ладофункциональные характеристики. В наименьшей степени стабилизировано мелодико-интонационное устройство напевов, формирующее индивидуальный облик каждого из песенных образцов. Существование формульных напевов, характеризующихся высоким уровнем «структурной кристаллизации», свидетельствует о сохранности этнически характерного, диалектного слоя песенной культуры кряшен. Вместе с тем отметим, что формульные напевы активно функционируют сегодня в репертуаре только старшего поколения. Молодое поколение обращается преимущественно к «разнонапевным» песенным образцам, привнесенным в местную культуру, что не может не свидетельствовать о «разрушении» этнического слоя кряшенской этнокультурной системы.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Альмеева Н. Ю.** Песенная традиция молькеевских кряшен // Молькеевские кряшены : сб. ст. Казань, 1993. С. 98 — 116 ; **Ее же.** Традиционное пение кряшен как фактор этнокультурной самоидентификации // Современное кряшеноведение: состояние, перспективы. Казань, 2005. С. 103 — 110 ; **Ее же.** Песни татар-кряшен. Вып. 1 : Пестречинская (примешинская) группа. СПб. Казань, 2007 ; **Ее же.** Песни татар-кряшен. Вып. 2 : Молькеевская группа. СПб. Казань, 2012 ; **Макаров Г. М.** Заметки о песенной традиции татар-нагайбаков: (по следам экспедиций) // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья: вопросы теории и истории. Казань, 1989. С. 90 — 101.

[2] См.: **Альмеева Н. Ю.** Песенная культура татар-кряшен : Жанровая система и многоголосие : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. Л., 1986. 18 с.

[3] См.: **Эвальд З. В.** О социальном переосмыслении жнивных песен Белорусского Полесья // Песни Белорусского Полесья / под ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979. С. 15 — 41.

[4] См.: **Земцовский И. И.** О мелодической формульности в русском фольклоре // Русский фольклор. Т. 24 : Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. С. 117 — 128 ; **Герасимов О. М.** Элнет кундемын поянлыкше = Сокровища стороны элнет. Музыкальный фольклор елабужских мари. Йошкар-ола, 1997.

[5] **Бояркина Л. Б.** Эрзя-мордовское народное песенное искусство среднего Заволжья и его взаимосвязи с традиционной русской песней : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. Л., 1985.

[6] См.: **Эвальд З. В.** Указ. соч.
[7] См.: **Мухаринская Л. С.** Некоторые вопросы типологии народных напевов // Традиционное и современное народное музыкальное искусство / сост. Б. Ефименкова. М., 1986. С. 57 — 97.
[8] **Асафьев Б.** Музыкальная форма как процесс. М., 1971. 376 с.
[9] **Эвальд З. В.** Указ. соч. С. 31.
[10] См.: **Земцовский И. И.** О мелодической формульности в русском фольклоре. С. 127.
[11] См.: **Смирнова Е. М.** Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья. Казань, 2008. С. 308 — 340.
[12] Там же. С. 327 — 328.
[13] См.: **Земцовский И. И.** Проблема варианта в свете музыкальной типологии : Опыт этномузыковедческой постановки вопроса // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. С. 36 — 50.
[14] См.: **Смирнова Е. М.** О ладомелодических особенностях татарских напевов устно-профессиональных жанров // Музыка устной традиции : материалы междунар. науч. конф. памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 322 — 326 ; **Ее же.** Ритмический строй музыкально-поэтического фольклора татар-мусульман Волго-Уралья. Казань, 2008.

Поступила 16.12.2013 г.

УДК 027.8:371.111

О. А. Баршова
O. A. Barshova

УЧИТЕЛЬСКИЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ФОРМА ПОВЫШЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ МОРДОВСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в.

TEACHERS LIBRARIES AS A FORM OF IMPROVEMENT OF TEACHING STAFF EDUCATIONAL LEVEL IN THE MORDOVIAN LAND IN THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: библиотека, учительская библиотека, библиотека для служащих, учитель, читательский спрос.

В статье дается оценка эффективности деятельности библиотек в период 1902 — 1910 гг.; рассматривается влияние, оказываемое ими на повышение образовательного уровня учительских кадров мордовского края.

Keywords: library, teachers library, library for employees, teacher, readers demand.

The article assesses the effectiveness of the libraries in the period of 1902 — 1910 and the effect on improvement of educational level of teacher training in the Mordovian land is considered.

В XIX в. учителя мордовского края нуждались в библиотеках, которые удовлетворяли бы их духовные и профессиональные потребности. Процесс организации отдельных библиотек для учительских кадров и земских служащих был нерациональным[1]. Создание или соединение уже имеющихся библиотек в одну

© Баршова О. А., 2014

общую, на наш взгляд, имело преимущество перед библиотеками для отдельных групп служащих.

Возможности учительских библиотек были ограничены из-за недостаточного финансирования, хотя губернские и уездные земства участвовали в их содержании. Книжные фонды библиотек были скудны. В связи с этим они не могли в полной мере удовлетворить запросы читателей. Следует указать и тот факт, что имевшаяся литература не всегда доходила до учителя. В 1902 г. положение библиотек несколько улучшилось[2] (табл. 1).

Таблица 1

Деятельность учительских библиотек в Пензенской губернии в 1902 г.

Уезд	Число учителей, чел.			Число пользователей, чел.		Число выданных книг, экз.			
	муж-чин	жен-щин	всего	муж-чин	жен-щин	пед. лит-ры	худож. лит-ры	период. изд.	всего
Инсарский	28	21	49	19	12	12	219	71	302
Краснослободский	17	28	45	7	10	9	136	47	192
Наровчатский	17	19	36	8	7	36	140	59	235
Саранский	18	30	48	1	2	13	23	4	40
Всего по 4 уездам	80	98	178	35	31	70	518	181	769
По губернии	211	256	465	92	96	296	1 253	823	2 372

Составлена по: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1902 г. Пенза, 1903. С. 459.

Таким образом, в Инсарском уезде из 49 учителей услугами учительской библиотеки пользовались 63,3 %, Краснослободском — 37,7, Наровчатском — 40,5, в Саранском — 6,2 %.

Большей популярностью у учителей пользовалась художественная литература. Наиболее востребованными авторами были Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Г. П. Данилевский и др. В среднем на каждого читателя в год приходилось 6 книг беллетристического содержания, 2 — педагогического, а также 4 экземпляра периодических изданий. К основным причинам таких низких данных можно отнести недостаток книг: книги подолгу задерживались на руках, а новые, поступали редко. Проблемы деятельности библиотек для учителей и земских служащих всегда находились в поле зрения Пензенского губернского земства. Данные вопросы ежегодно выносились на обсуждение.

Анализ деятельности учительских библиотек в 1905 г. (табл. 2) показал, что только 47,5 % учительского состава уездов являлись читателями данных библиотек. В этом отношении средний показатель по губернии был несколько выше (52,1 %). Однако в разрезе уездов эти показатели не сопоставимы. Если в Краснослободском уезде более 71,0 % учителей пользовались фондами учительской библиотеки, то в Наровчатском — 44,4, Саранском — 37,5 и в Инсарском — 34,5 %.

В 1907 г. деятельность учительских библиотек несколько снизилась (табл. 3).

Таким образом, в Инсарском уезде услугами учительской библиотеки пользовались 40,0 % всех учителей уезда. Ими было взято 129 экз. книг, по 6 на каждого: 22,5 % — педагогической литературы, 31,0 — художественной, 38,7 — научной

Таблица 2

Деятельность учительских библиотек в Пензенской губернии в 1905 г.

Уезд	Число учителей, чел.	Число пользователей, чел.		Число выданных книг, экз.				Число выданных книг на 1 читателя, экз.
		мужчин	женщин	пед. лит-ра	худож. лит-ра	науч. лит-ра	период. изд.	
Инсарский	55	2	17	14	64	46	10	7
Краснослободский	56	30	10	41	120	34	80	6
Наровчатский	45	10	10	24	110	46	40	11
Саранский	48	6	12	9	79	28	28	8
Всего по 4 уездам	204	48	49	51	373	154	158	7
По губернии	499	138	122	467	1 520	498	808	12

Составлена по: Журналы Пензенского губернского собрания 1905 г. Пенза, 1906. С. 229.

Таблица 3

Деятельность учительских библиотек в Пензенской губернии в 1907 г.

Уезд	Число учителей, чел.	Число пользователей, чел.			Число выданных книг, экз.				Число выданных книг на 1 читателя, экз.
		мужчин	женщин	всего	пед. лит-ра	худож. лит-ра	науч. лит-ра	период. изд.	
Инсарский	55	19	3	22	29	40	50	10	6
Краснослободский	71	8	28	36	22	83	54	39	6
Наровчатский	44	8	9	17	16	48	34	54	9
Саранский	61	11	9	20	12	86	42	20	8
Всего по 4 уездам	231	46	49	95	79	257	180	123	6
По губернии	682	123	160	295	280	875	369	377	9

Составлена по: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1907 г. Пенза, 1908. С. 391.

и 7,7 % — периодических изданий. В Краснослободском уезде услугами библиотеки пользовались 57,7 % учителей. Ими было взято 198 экз. книг, по 6 на каждого: 11,0 % — педагогической литературы, 42,0 — художественной, 27,3 — научной и 19,7 % — периодических изданий. В Наровчатском уезде число пользователей составило 38,6 %. Ими было взято 152 экз. книг, по 9 на каждого: в том числе 10,5 % — педагогической литературы, 31,5 % — художественной, 22,4 % — научной, 35,6 % — периодических изданий. В Саранском уезде библиотекой пользовались 32,7 % учителей. Ими было взято 160 экз. книг, по 8 на каждого: в том числе 7,5 %, — педагогической литературы, 53,7 — художественной, 26,3 — научной, 12,5 % — периодических изданий.

Следует отметить, что число учителей, пользующихся услугами библиотек, в Краснослободском и Саранском уездах увеличилось, а в Инсарском и Наровчатском уездах уменьшилось. В целом более 50,0 % учителей не пользовались услугами библиотек.

По числу педагогической литературы, затребованной учителями, на первом месте была Инсарская учительская библиотека. По сравнению с 1905 г. спрос на педагогическую литературу в ней увеличился в 2 раза. В Краснослободском уезде произошло снижение на 3,8 %, Наровчатском — на 0,4, в Саранском произошел рост на 0,8 %. В целом по Пензенской губернии затребованная учителями педагогическая литература составила 8,6 % от общего числа выданной литературы.

Ежегодно на пополнение книжного фонда учительских библиотек земством должно было выделяться по 100 руб. на каждую. Однако в 1905 г. на приобретение книг для учительских библиотек губернии было израсходовано 390 руб. и на вознаграждение заведующим 250 руб. В 1906 г. земское собрание «из-за недостаточности средств» отказалось от пополнения книжного фонда учительских библиотек: в смету 1907 г. было внесено только 250 руб. на вознаграждение заведующих[3]. На очередном собрании 1908 г. на библиотеки было ассигновано 850 руб. На пополнение их книгами — 500 руб., по 50 руб. на каждую, по 25 руб. за заведование и по 10 руб. на переплеты[4].

Начиная с 1908 г. на пополнение библиотек книгами ежегодно выделялось по 50 руб. на каждую[5]. Учительские библиотеки содержались за счет губернских земств, а заведующими библиотеками, как правило, назначался кто-либо из служащих канцелярии уездной управы. В 1909 г. заведующим Инсарской библиотекой был В. Тумольский, Краснослободской — Рогожина, Наровчатской — А. Остромецкая и Саранской — Сильнов[6].

В 1909 г. в деятельности учительских библиотек произошли позитивные изменения (табл. 4).

Таблица 4

Деятельность учительских библиотекв Пензенской губернии в 1909 г.

Уезд	Число учителей, чел.	Число пользователей, чел.			Число выданных книг, экз.				Число выданных книг на 1 читателя, экз.
		мужчин	женщин	всего	пед. лит-ры	худож. лит-ры	науч. лит-ры	период. изд.	
Инсарский	62	22	8	30	18	277	22	65	17
Краснослободский	80	6	28	34	17	116	10	41	5
Наровчатский	41	16	19	35	23	222	24	118	11
Саранский	57	10	11	21	19	88	8	22	5
Всего по 4 уездам	240	54	66	120	77	703	64	246	9
По губернии	668	140	160	300	144	1 852	155	921	10

Составлена по: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1909 г. Пенза, 1910. С. 239.

Следует отметить, что увеличение числа учителей, пользующихся библиотечной книгой, составило 50,0 % от общего числа учителей. Кроме того, педагогическая литература в пользовании учителей составила 7,1 %, художественная — 64,5, научная — 5,9, периодические издания — 22,5 %. В среднем на одного читателя-учителя приходилось по 9 книг[7]. Большей популярностью

Таблица 5

Деятельность учительских библиотек в Пензенской губернии в 1910 г.

Уезд	Число учителей, чел.	Число пользователей, чел.			Земские служащие, чел.	Число книг, экз.	Число выданных книг, экз.				Число выданных книг на 1 читателя, экз.
		мужчин	женщин	всего			пед. лит-ра	худож. лит-ра	науч. лит-ра	период. изд.	
Инсарский	81	16	7	23	27	638	44	528	7	124	14
Краснослободский	102	9*	23	32	—	634	6	88	13	33	4
Наровчатский	55	21	17	38	17	606	15	255	30	106	7
Саранский	86	13	14	27	13	457	17	273	12	85	9
Всего по 4 уездам	324	59	61	120	57	2 335	82	1 079	62	348	13,7
По губернии	947	146*	174	320*	69	5 832	181	2 243	216	1 146	8

Составлена по: Журналы Пензенского губернского земского собрания 1910 г. Пенза, 1911. С. 477 — 478.
* В источнике в подсчетах допущена ошибка: вместо 9 — указано 79, вместо 146 — 164, вместо 320 — 233.

среди учителей пользовалась беллетристика и периодические издания, затем научная и педагогическая литература.

Существенные изменения в деятельности учительских библиотек произошли в 1910 г. (табл. 5). Сократилось число учителей, пользующихся книжными фондами учительских библиотек как в отдельности по уездам, так и в целом по губернии. Это снижение по губернии составило 11,1 %, по 4 уездам —13 %, в частности в Инсарском уезде снижение составило 20,0 %, Краснослободском — 11,1, Наровчатском — 16,4 и в Саранском — 5,4 %.

В 1910 г. по требованию губернской управы на каждую библиотеку было ассигновано по 100 руб. Кроме того, 100 руб. на ремонт ветхих книг и 600 руб. на вознаграждение библиотекарям[8].

Наибольшее число учителей, пользующихся услугами библиотек, было из Наровчатского уезда — 69,0 %, наименьшее (28,4 %) — Инсарского, тогда как в целом по губернии этот показатель составил 33,8 %.

Объяснить сравнительно низкий показатель числа учителей, пользующихся учительскими библиотеками, можно тем, что большинство земских училищ находилось довольно на большом расстоянии от уездного центра[9]. С другой стороны, как уже отмечалось выше, многие библиотеки страдали от недостатка соответствующей литературы, особенно педагогической. Однако, за небольшой срок своей деятельности учительские библиотеки оказали неоценимую помощь педагогам в совершенствовании профессионального мастерства, благотворно влияющего на обучение и воспитание учащихся и просветительскую деятельность среди народа. К сожалению, начатая реорганизация не была завершена: в годы советской власти учительские библиотеки как отдельные институты прекратили свое существование.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Житаев В. Л.**, **Филатов Д. Г.** Благочиннические, приходские и монастырские библиотеки мордовского края // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. 2014. № 1. С. 169.

[2] См.: **Жаркова Л. М.**, **Житаев В. Л.** Отношение населения мордовского края к вопросу об устройстве народных библиотек // Там же. 2013. № 2. С. 86.

[3] См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания за 1906 г. Пенза, 1907. С. 230.

[4] См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания за 1908 г. Пенза, 1909. С. 207.

[5] Там же. С. 392.

[6] См.: Журналы Пензенского губернского земского собрания за 1909 г. Пенза, 1910. С. 240.

[7] Там же. С. 238.

[8] Там же. С. 150.

[9] См.: **Баршова О. А.** Учительские кадры в школах мордовского края в XIX в. // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 1 (21). С. 53.

Поступила 12.05.2014 г.

УДК 316.77:008(470.345)

Г. А. Куршева, И. Н. Минеева
G. A. Kursheva, I. N. Mineeva

НАУКА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ МОРДОВИИ В 1991 — 2010 гг.

SCIENCE AS A FACTOR OF SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF MORDOVIA IN 1991 — 2010

Ключевые слова: наука, научная школа, социокультурное развитие, Мордовия, государственная политика в области науки.

В статье рассматривается развитие науки в Республике Мордовия в 1991 — 2010 гг.; анализируются основные направления и научные школы.

Key words: science, scientific school, social and cultural development, Mordovia, the state policy in the field of science.

The development of science in the Republic of Mordovia in the 1991 — 2010 period is considered in the article, the main trends and scientific schools are analyzed as well.

В начале 1990-х гг. руководство России взяло курс на осуществление радикальных реформ во всех сферах общественной жизни. Крупномасштабные преобразования, проистекавшие из смены модели общественного развития, не могли обойти и научную сферу[1]. В изменившихся условиях, которые с конца 1991 г. находились в тесной зависимости от социально-экономической нестабильности, наука была вынуждена приспосабливаться к рыночным отношениям, в связи с чем меняется тематика исследований, трансформируется роль науки в обществе, идет

© Куршева Г. А., Минеева И. Н., 2014

поиск новых источников финансирования. Все эти процессы существенным образом повлияли на развитие науки в Мордовии в 1990-е гг. В это время появляются новые направления развития гуманитарной и технической научной мысли, новые научно-исследовательские центры.

В эти годы наука была освобождена от идеологического прессинга, но в то же время ученые стали испытывать значительный недостаток финансирования научно-исследовательских проектов. Несмотря на значительные проблемы, с которыми столкнулась наука в 1990-е гг., именно в это сложное десятилетие были заложены основы, предопределившие развитие научно-исследовательской мысли в последующие годы[2].

В 1990 — 2000-х гг. развитие науки в республике осуществлялось на базе Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, НИИЯЛИЭ (с 2001 — НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия)[3], ОАО «Электровыпрямитель», ФГУП Научно-исследовательского института силовой электроники, Всероссийского научно-исследовательского проектно-конструкторского и технологического института источников света им. А. Н. Лодыгина (с 1994 — ОАО «Лисма — ВНИИИС»), Саранского завода электровакуумных приборов (с 2001 — НПЦ «Детектор»). В 1990-е гг. были созданы несколько научно-исследовательских институтов при Мордовском государственном университете: регионологии (1991), «Человек и свет» (1991), «Агрокомплекс» (1991), экологии (1994), строительства (1996), математики (1998), экономики (1998); 13 проблемных научно-исследовательских лабораторий, 15 научных и 4 инженерных центра, технопарк «Светоцентр». При университете открыт межвузовский центр трансфера технологий и создано структурное подразделение РАН — представительство Отделения Общественных наук РАН (2005)[4]. В области информатизации работали ОАО «Научно-технологический парк Мордовии», Мордовский центр научно-технической информации и Мордовский республиканский межотраслевой центр науки и образования (1991), Приволжский институт мониторинга земель и экосистем (ВолгоИМЗ, 1991). Действовали региональные отделения Академии социальных наук (с 2001 — Академия социальных и гуманитарных наук), РАЕН, Академии педагогических и социальных наук, Академии политических наук, Мордовское региональное отделение общероссийской общественной организации «Академия наук высшей школы России» (2000); негосударственное научно-образовательное учреждение «Саранский Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных организаций» (1986)[5].

С 2008 г. деятельность научных учреждений и организаций Мордовии координировало Министерство науки, информатизации и новых технологий, Консультативный совет по науке и образованию при Главе Республики Мордовия и Научно-технический совет при Правительстве Республики Мордовия. Научные и образовательные учреждения республики работали по грантам Министерства образования РФ, Федеральной целевой программы «Интеграция» и различных фондов: РФФИ, РГНФ, Сороса, «Евразия», Международного научного фонда[6].

Проведение республиканских конкурсов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ способствуют развитию научного потенциала Республики Мордовия. В Мордовском государственном университете в 1996 — 2001 гг. объем

финансирования научных исследований составил 31,7 млн руб., количество грантов увеличилось с 12 (1996) до 53 (2001). В 2005 г. Мордовский государственный университет выиграл 25 грантов на сумму в размере 2,6 млн руб.[7] НИИГН в период с 2000 по 2011 г. также неоднократно являлся исполнителем грантовских проектов РГНФ. Значительное развитие получила система издания научных трудов[8].

В 1990 — 2000-х гг. появились и получили дальнейшее развитие такие научно-издательские центры, как Издательство Мордовского университета, редакционно-издательские отделы НИИГН, МГПИ и Саранского кооперативного института. Выпускается целый ряд научных и научно-публицистических изданий: серии научных трудов НИИГН, журналы («Од Вий», «Регионология», «Вестник Мордовского университета», «Интеграция образования»), альманахи «Феникс», «Гуманитарий», «Центр и периферия». Еще одним важным показателем развития современной науки в Республике Мордовия является значительное количество ежегодных конференций, имеющих международный, всероссийский и региональный статус: Бахтинские (с 1989 г.) и Эрьзинские (с 1996 г.), Сафаргалиевские (с 1996 г.), Меркушкинские (с 1997 г.), Степановские (с 1998 г.), Рузавинские (с 1998 г.), Воронинские (с 2000 г.) чтения. Новый импульс получили традиционные Огаревские и Евсевьевские (с 1972 г.) чтения[9].

Реализация республиканской политики в области науки и технологий в рамках выбранных приоритетов позволяла решить целый комплекс задач. Прежде всего обеспечить сохранение существующих научных школ, кадрового научно-исследовательского потенциала, научной инфраструктуры, развитие приборной базы для научных исследований. Все это означало сохранение среды для расширенного воспроизводства знаний.

С начала 2000-х гг. в Мордовии развитие науки стало в значительной степени определяться приоритетами государственной политики в области науки и технологий. Приоритетными стали исследования в области информационных технологий, электроники, производства высокотехнологических материалов, энергосберегающих технологий и др. Данные направления были достаточно детально разработаны на совместном заседании Совета безопасности Российской Федерации, Президиума Госсовета Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по науке и высоким технологиям в марте 2002 г. Основное их содержание было изложено в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». В этом документе была сформулирована основная цель государственной политики в области науки и технологий — «Переход к инновационному пути развития страны на основе выбранных приоритетов» и определен перечень, обязательный для дальнейшего внедрения технологий федерального уровня. Из этого перечня развития науки, технологий и техники для Мордовии вполне применим ряд следующих направлений: информационно-телекоммуникационные технологии и электроника; новые материалы и химические технологии; производственные технологии; технологии живых систем; экология и рациональное природопользование; энергосберегающие технологии[10].

С учетом данных направлений в республике были разработаны и приняты «Программа научно-инновационного развития на 2002 — 2006 годы», «Исследование научно-инновационной деятельности в Республике Мордовия» и ряд дру-

гих программ. В качестве основы для разработки приоритетных направлений был положен принцип необходимости концентрации бюджетных средств на тех направлениях, где РМ может обеспечить конкурентоспособные результаты научных исследований и экспериментальных разработок, ускоренное их использование в интересах развития экономики и поддержания необходимого уровня своей экономической безопасности[11].

В 1990 — 2000-е гг. в республике был накоплен обширный опыт научных исследований. В подготовке многих научно-исследовательских проектов принимали участие коллективы ВУЗов Мордовии. Так, на факультете электронной техники МГУ им. Н. П. Огарева проводились комплексные физико-технические исследования по созданию ресурсосберегающих источников света, световых приборов, осветительных и облучающих установок с повышенной экологичностью (руководители А. С. Федоренко, А. В. Харитонов); велись исследования по автоматизации и электронизации технологических процессов и оборудования (руководители И. Г. Учайкин, С. А. Нестеров)[12]. В указанные годы были произведены фундаментальные исследования в области математики, физики и химии (В. А. и Вл. А. Маргулис, В. К. Свешников, Ю. Б. Малыханов, О. Б. Томилин, В. Н. Дудоров, И. И. Чучаев, А. М. Зюзин и др.)[13]

Основным научным направлением кафедр физического отделения являлось исследование физических свойств и структуры конденсированных сред с целью получения материалов с заданными свойствами. В рамках этого направления проводились теоретические и экспериментальные исследования структуры, магнитных и оптических свойств твердых тел, физических свойств металлов и сплавов со специальными свойствами, теоретические исследования в области физики наноструктур и высокотемпературной проводимости. Исследованиями в области высокочистых материалов и элементов волоконной оптики и лазерной техники, а также физикой волоконных световодов, лазерных кристаллов и стекол занимались академики РАН Е. М. Дианов и В. В. Осико, доценты К. Н. Нищев и П. А. Рябочкина. Исследованиями в области электронных свойств твердотельных наноструктур занимался В. А. Маргулис. Экспериментальными исследованиями нелинейной динамики доменов и доменных границ в гармоническом магнитном поле руководил М. В. Логунов[14]. В настоящее время ведется исследование физических свойств, структуры твердых тел и создание на их основе материалов с заданными свойствами под руководством В. А. Горюнова. Разрабатываются новые методы синтеза органических и неорганических соединений, моделируются экологически чистые технологические процессы (руководитель Б. С. Танасейчук)[15].

Широкое научное признание получили работы по химии стабильных карбо- и гетероцепных радикалов, физико-химическому анализу неорганических солевых систем и расплавов, химии элементоорганических соединений непереходных металлов, синтезу исследования неорганических сорбентов. Международный научный фонд и РФФИ признали значимость результатов синтеза и изучения магнитных полимеров на основе диацетиленов, содержащих свободные радикалы. К разработкам прикладного характера относится создание композиционных материалов на основе местного сырья: доломита, отходов деревообрабатывающей промышленности, стекла для ИС[16].

На базе Института физики и химии проходила ежегодная Всероссийская молодежная научная школа «Материалы нано- , микро- , оптоэлектроники и волоконной оптики: физические свойства и применение». Ее организаторами являлись: МГУ им. Н. П. Огарева, научный центр лазерных материалов и технологий Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН, Научный центр волоконной оптики РАН, ОАО «Концерн РТИ Системы», Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского[17].

В области инженерных наук проводились комплексные физико-технические исследования по созданию ресурсосберегающих источников света с повышенной экологичностью (А. С. Федоренко, А. В. Харитонов), проектированию энергетических фильтров автономных преобразовательных систем (Б. Ф. Белов), автоматизации и электронизации технологических процессов и оборудования (И. Г. Учайкин, П. Ф. Дьяков, С. А. Нестеров), системе управления морских подвижных объектов (В. А. Нечаев), совершенствованию технологий механизированных сельскохозяйственных работ, конструкций машин и оборудования, систем их обслуживания и ремонта (П. П. Лезин), разработке энергоресурсосберегающих систем и технологий (Ю. А. Вантюсов), повышению эффективности функционирования машинно-тракторных агрегатов (А. П. Савельев), по проектированию и расчету металлорежущих станков (С. П. Кудаев, В. И. Калинкина)[18]. Велись исследования в сфере энергоресурсосберегающих систем и технологий (руководитель Ю. А. Вантюсов)[19]. К важным научным достижениям института механики и энергетики следует отнести публикацию индивидуальных трудов ученых, внесших существенный вклад в развитие научных исследований в области совершенствования эксплуатации, восстановления и ремонта сельскохозяйственной техники. Работы таких ученых, как П. П. Лезин, П. В. Сенин, А. В. Котин, А. П. Савельев, заслуживают особого внимания в подходах к исследованию и совершенствованию технологии восстановления, ремонта и эксплуатации техники. Они являются законодателями и основоположниками научных исследований актуальных проблем[20].

Учеными медицинского института заложены основы изучения механизмов патогенеза атеросклероза и ишемической болезни сердца (В. В. Тявокин), оперативной эндокринологии, квантовой и гравитационной хирургии, эфферентных методов лечения (И. Н. Пиксин), нейроморфологии (Н. М. Иванов и А. А. Сосунов), изучения фармакологических эффектов новых противоаритмических средств и их производных (Э. И. Генденштейн и Я. В. Костин); экологической и клинической иммунологии (Е. А. Олейникова). Под руководством профессора Н. И. Атясова открыта новая эра в комбустиологии, реаниматологии и медицине катастроф. Гордостью института стали известные во всей стране и за ее пределами научные школы, ведущие разработки в области нейроморфологии (Н. М. Иванов); эфферентной и квантовой гемотерапии в хирургии (И. Н. Пиксин); оперативной комбустиологии и реаниматологии (А. Н. Беляев); фармакологии (В. И. Инчина), а также научно-педагогические коллективы в сфере экспериментальной фармакологии (В. П. Балашов), иммунологии (Л. В. Новикова), гастроэнтерологии (Е. Ю. Еремина), гомеостаза в хирургии (А. П. Власов), лазерных технологий в гинекологии и онкологии (Л. П. Пешев, М. Т. Кулаев), психофармакологии (В. Г. Подсеваткин), цитопротекции (А. В. Зорькина), педиатрии (Л. А. Балыкова)[21].

В медицине и естествознании продолжались исследования проблем оперативной комбустиологии и экстремальной реаниматологии (Н. И. Атясов). Велись исследования по разработке новых методов реанимации и интенсивной терапии при комбинированной травме. Новые хирургические методы лечения разрабатывали Н. И. Атясов, И. Н. Пиксин, А. П. Власов. Иммунитет в норме и при различных патологических состояниях, коррекция и иммуномониторинг исследовались Л. В. Новиковой. Исследованием нервной системы в норме и патологии занимались коллективы под руководством Н. М. Иванова, А. А. Сосунова. Работы в сфере фармакологии противоаритмических и антистрессорных средств велись Я. В. Костиным, В. И. Инчиным. Фармакологической коррекцией стрессорных и ишемических повреждений организма занимался В. П. Балашов. Патологию сердечно-сосудистой системы разрабатывали Я. В. Костин, Л. К. Федоткина, А. А. Александровский[22].

Параллельно с достижениями в медицинской науке бурно развивались биология и биохимия. Исследования биологических мембран и регуляции ионного транспорта возглавил В. В. Ревин, механизмов регуляции жизнедеятельности растений — А. С. Лукаткин. Вопросы сельскохозяйственной биологии исследовал Л. П. Тельцов, мониторингом агроценозов занимался Ш. И. Ахметов. Влияние средств химизации на продуктивность оптимизации питания сельскохозяйственных животных изучали В. И. Матяев, А. С. Федин, А. М. Гурьянов, В. А. Кокорев, В. Г. Матюшкин, А. И. Андреев, А. Ф. Крисанов[23].

Значительную роль в развитии современной науки в республике играют инновационные технологии. Республика Мордовия относится к числу регионов Российской Федерации с повышенной инновационной активностью. Это обусловлено высокой наукоемкостью продукции электронной и электротехнической отраслей промышленности. Развитие инновационной деятельности в современных условиях становится решающим фактором подъема экономики и повышения жизненного уровня населения.

Мордовия стала центром развития инновационных технологий и внедрения их в производство. Успешно реализованы Федеральная программа экономического и социального развития, а также ряд разработанных учеными Мордовии республиканских программ: Республиканская целевая программа развития РМ на 2001 — 2005 гг., Программа развития кооперационных связей в народном хозяйстве РМ на период до 2005 г., Программа «Энергосбережение в Республике Мордовия на 2001 — 2005 гг.», Программа улучшения демографической ситуации в РМ на 2001 — 2005 гг., Комплексная программа экономического и социального развития Республики Мордовия на 2006 — 2010 гг., Программа повышения качества и конкурентоспособности продукции и услуг на 2007 — 2011 гг. и др.[24]

Значителен вклад в развитие НТП ученых-математиков МГУ, которые на основе топологического отображения разработали новую классификацию дифференциальных уравнений. Дальнейшее развитие получили методы Ляпунова, создана теория асимптотической эквивалентности дифференциальных уравнений, используемая в математической теории управления. Изучены многие спектральные и технологические свойства операторов Шредингера с магнитным полем. Получены результаты в области применения методов устойчивости движения в теории экстремума и конструктивные методы нахождения оптимального решения для

древовидных и ромбовидных систем управления. Решен ряд проблем получения многоскоростной модели дисперсной среды и изучения гидродинамического взаимодействия сферических задач в суспензии. Вероятностный анализ качества и долговечности источников света (ИС), распределение электрических параметров высокочастотных кабелей связи, исследование надежности и точности линейных систем автоматического управления использованы при разработке рекомендаций по внедрению методов ускоренных испытаний на надежность[25]. Весьма интересны метод сравнения в нелинейном анализе и математическая теория управления, разработанные под руководством Е. В. Воскресенского и В. Н. Щенникова[26].

Научные исследования в области изучения строительных материалов, разработки новых строительных технологий и их внедрения осуществлялись на базе строительного факультета МГУ им. Н. П. Огарева. В сфере строительных технологий плодотворно работали: В. П. Селяев (теория расчета долговечности строительных материалов и конструкций, получение экологически чистых строительных материалов), В. Т. Ерофеев (биологическое сопротивление и долговечность каркасных строительных композитов), В. Д. Черкасов (вибропоглощающие материалы и биотехнологические процессы в производстве строительных материалов), Б. М. Люпаев (теоретические основы оптимизации строительных конструкций), В. Ф. Вавилин (сельское строительство), В. Б. Махаев (особенности развития отечественной культуры и архитектуры XVI — XXI вв.)[27]

Географами проводился целый комплекс разнообразных исследований: С. П. Евдокимов — исследования по территориальным проблемам палеогеографии и эколого-географическому моделированию городской экосистемы, М. М. Голубчик — эффективности использования природного агропотенциала, А. А. Ямашкин — историко-геоэкологического анализа освоения территории Мордовии, его пространственно-временных закономерностей, А. Г. Жильцов — исследования в области минералогии, А. В. Каверин — экологических аспектов использования агроресурсного потенциала, А. М. Носонов — моделирования взаимодействия природных и хозяйственных систем[28].

В последнее десятилетие республиканскими учеными осваивалось производство современной сельскохозяйственной техники, разрабатывались новые технологии для растениеводства, животноводства. Для реализации этих научно-исследовательских проектов в 2001 г. было создано ГУП РМ «Центр испытания и внедрения сельскохозяйственной техники и машинных технологий».

В новых экономических условиях 1990 — 2000-х гг. научно-исследовательская работа МНИИСХ была нацелена на выполнение программ РАСХН по разработке ресурсосберегающих природоохранных технологий производства сельскохозяйственной продукции высокого качества при условии дефицита материальных средств и трудовых ресурсов, а также «Федеральной программы научно-технического прогресса Республики Мордовия» и гранта Главы Республики Мордовия. Создаваемые технологии были ориентированы прежде всего на мобилизацию имеющихся материально-технических средств для устойчивого производства качественной сельскохозяйственной продукции[29].

С 2001 г. МНИИСХ стал принимать участие и в программе исследований Россельхозакадемии, направленной на повышение энерго- и ресурсоэкономичности производства продовольственного сырья и кормов; изучение адаптивного по-

тенциала растений, разработку и внедрение ресурсосберегающих экологически безопасных технологий возделывания зерновых и картофеля; разработку адаптивных систем оптимизации условий среды обитания растений за счет техногенных факторов; экологическое испытание новых перспективных сортов сельскохозяйственных культур, а также разработку способов повышения продуктивной ценности кормов. В рамках этой программы началось создание экологически сбалансированных, экономически эффективных технологий возделывания зерновых культур, обеспечивающих повышение урожая и качества зерна. Под руководством М. И. Кудашкина сотрудники отдела агротехники разрабатывали научно обоснованные севообороты и приемы обработки почв, исследовали эффективность применения удобрений и пестицидов, изучали технологии производства сельскохозяйственных культур на основе биологизации земледелия[30].

На основе использования биологического азота А. А. Моисеев разрабатывал ресурсосберегающую систему удобрения, изучал влияние клевера на потенциальное плодородие почвы при его использовании в качестве сидеральной культуры. В технологиях на основе использования сбалансированного минерального питания и экологически безопасных защитных мероприятий В. Н. Власкин исследовал приемы управления формированием качества зерна яровой и озимой пшеницы. Ю. Г. Ларькин разрабатывал безгербицидные технологии возделывания сои. В. П. Костькин продолжал работу по первичному семеноводству картофеля, а В. И. Рузаев — зерновых, зернобобовых, крупяных культур и многолетних трав[31]. МНИИСХ по-прежнему являлся единственным научным учреждением в республике, на базе которого велось первичное семеноводство — наиболее актуальное, востребованное и экономически эффективное направление его деятельности.

Кроме того, большое развитие в 1990 — 2000-е гг. в Мордовии получил традиционно сильный в республике блок гуманитарных наук — это прикладные научные исследования и разработки в области экономики, регионоведения, истории, политологии, филологии, культурологии, права, педагогики и т. д.

Блок гуманитарных исследований в республике по праву возглавил Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Вопросы истории, археологии и этнографии мордовского края, социальная и политическая обстановка общества — эти и другие вопросы находили постоянное отражение в работе института[32].

В 1990-е гг. влияние на научную деятельность института оказали неблагоприятные процессы, связанные с переустройством общественно-политической, экономической жизни региона. В этот период происходит размывание методологической основы в форме марксизма, институт претерпевает кадровые изменения, что отражается на тематике плановых работ учреждения. В 2001 г. на базе НИИЯЛИЭ был создан НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ под руководством В. А. Юрчёнкова. В течение последующих нескольких лет в институте осуществлялась реорганизация отделов и кадровые перестановки с целью оптимизации работы учреждения. В результате этого был сформирован ряд отделов: истории, общественно-политических исследований (с 2010 г. отдел современного регионального развития); археологии и этнографии, теории и истории культуры, языкознания, литературы и фольклора, социально-экономических исследований,

редакционно-издательский, отдел информационно-аналитического обеспечения исследований. На базе отделов НИИ гуманитарных наук проводятся фундаментальные исследования во многих сферах общественной жизни региона. В 2002 г. министр промышленности, науки и технологий Российской Федерации И. И. Клебанов подписал свидетельство о государственной аккредитации института в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». В 2002 г. институт получил лицензию на образовательную деятельность в сфере послевузовского образования, что позволило осуществлять подготовку аспирантов по специальностям «Отечественная история», «Археология», «Этнография», «Литература народов России (мордовская литература)», «Фольклористика», «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)», «Экономика и управление народным хозяйством», «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии». На базе каждого отдела велась работа с аспирантами, устанавливались тесные научные связи с кафедрами образовательных учреждений высшего профессионального образования, научными и образовательными учреждениями, общественными организациями, фондами и архивами республики и за ее пределами, соответствующими профилю деятельности отдела. Практически сотрудники каждого отдела были задействованы в проектах по грантам РГНФ в соответствии с профилем деятельности отдела[33].

Отдел истории под руководством Е. Н. Бикейкина с ведущими научными сотрудниками Л. Г. Филатовым, Н. В. Заварюхиным и др. занимался осуществлением фундаментальных и прикладных научных исследований актуальных проблем социально-экономического и политического развития региона в новое и новейшее время, выявлением, сбором и научной обработкой документальных и статистических материалов архивов и библиотек страны, данных по истории сел и городов Мордовии, отдельных регионов России.

Отдел археологии и этнографии под руководством Л. И. Никоновой исследовал проблемы культурно-бытового развития села, этнокультурных процессов мордовской диаспоры в России, культуры как конкретных народов (русских, татар, мордвы и др.), так и в их взаимосвязи; изучение этногенеза и ранней истории народов мордовского края на основе материалов раскопок древних стоянок, городищ, селищ, могильников и воссоздание объективной научно-исторической картины бытия и развития мордовского народа в едином общероссийском и мировом процессе, охрана его национального археологического наследия.

Отдел современного регионального развития под руководством Ю. И. Сальникова совместно с Д. В. Доленко занимался разработкой актуальных проблем развития региональной политической элиты XX в., проведением мониторинга динамики общественно-политического развития Мордовии в современных условиях: составлением рейтинга политической, экономической, интеллектуально-культурной элит республики; изучением механизмов взаимодействия центральных и местных органов власти, развития местного самоуправления и становления гражданского общества.

Отдел языкознания под руководством А. Н. Келиной занимался исследованием проблем языкового строительства, становления и развития национальных

языков и литератур, изучением диалектов, духовных и эстетических ценностей устно-поэтического творчества мордовского народа.

Отдел теории и истории культуры под руководством Т. И. Гусевой при участии Н. Г. Юрчёнковой и др., занимался изучением исторической динамики культурного пространства провинции, исследованием современного состояния культуры Мордовии[34].

Серьезным шагом, связанным с укреплением научной школы института, явилось в 2004 г. открытие диссертационного совета по специальности «Теория и история культуры». Его функционирование позволило более тесно связать чисто исторические исследования с работами фольклористов, литературоведов, культурологов и философов[35]. В конце 2007 г. по причине общефедеральной реорганизации диссертационных советов, деятельность совета при НИИ была приостановлена. Ныне решается вопрос по ее возобновлению.

В 1990 — 2000-х гг. В. А. Юрчёнковым была сформирована научная школа в области социальной истории и историографии. Именно институт возглавил и успешно завершил работу по подготовке и изданию двухтомной энциклопедии «Мордовия». Сотрудниками «была кардинально переработана историческая часть энциклопедии „Мордовия“. При этом была фактически выработана принципиально новая концепция региональной истории, которая учитывала не только результаты, достигнутые на основе формационной теории, но и цивилизационного подхода. С учетом наработок в этом направлении была разработана программа исследований „Мордовия. XX век“. В 2005 г. в рамках этого проекта была завершена работа над двухтомником „Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг.“, который носит характер академического издания. Это первое комплексное исследование республики в годы войны, охватывающее практически все стороны жизни того времени»[36].

В начале 2000-х гг. в рамках восстановления деятельности исторической школы были возрождены периодически издаваемые труды института. «Было принято решение о тематической направленности трудов. В частности, одной из приоритетных тем стала тема „Власть и общество. XX век“. С целью развития аспирантуры и поддержания преемственности стал выходить сборник аспирантских работ „Од вий“ („Новые силы“), тематически носящий разноплановый характер»[37].

В 2002 — 2007 гг. институтом «был взят курс на проведение ряда региональных и всероссийских научных и научно-практических конференций, перед которыми ставилась задача определения приоритетных направлений в исследованиях. За четыре года были проведены всероссийские конференции „Социальные конфликты в России XVII — XVIII вв.“, „Патриарх Никон и его роль в истории и культуре России“, межрегиональная научно-практическая конференция „Крестьянство и власть Среднего Поволжья“, региональная конференция, посвященная 70-летию М.Ф. Жиганова, и т. д.»[38]. На базе института в 2007 г. прошел VII международный конгресс этнографов и антропологов России. На этих мероприятиях были подведены итоги, отмечены достижения и недостатки, выделены узловые проблемы региональной истории и их взаимосвязь с общероссийским историческим процессом[39].

Другим центром развития исторической науки в середине 1990-х гг. в Мордовии становится Историко-социологический институт МГУ им. Н. П. Огарева,

созданный в 1995 г. За годы существования ИСИ внес существенный вклад в развитие исторической мысли региона. В нем четко оформилось несколько научно-исследовательских направлений. Лидирующее направление занимают клиометрические исследования, возглавляемые Н. М. Арсентьевым. В процессе складывания школ в ИСИ сложилась ориентация на лидеров региональной исторической науки. Ярким примером может служить процесс формирования школ профессоров Л. Г. Филатова, А. В. Клеянкина, Н. Ф. Мокшина.

В целом же историческая наука в республике в 1990-е — 2000-е гг. достигла значительных успехов в своем развитии. Так, в исторической науке были пересмотрены идеологизированные концепции общественного развития, базировавшиеся на марксистско-ленинской парадигме развития общества (В. А. Юрчёнков, Д. В. Доленко). Эти достижения легли в основу теоретико-методологических положений по региональной истории, которые были положены в основу трехтомного издания «История Мордовии с древнейших времен до настоящего времени». Исследования этнической культуры и этнической истории представлены работами В. А. Балашова, Н. Ф. Мокшина, истории мордовского края периода феодализма — Н. В. Заварюхина, истории промыслов мордвы — А. С. Лузгина.

В 1991 г. на базе университетской проблемной лаборатории был образован НИИ регионологии под руководством А. И. Сухарева. В НИИ разрабатывались теоретические, методологические и прикладные проблемы социологии. А. И. Сухаревым была разработана доктрина о гармонизации общественных отношений в регионе как социальной необходимости, которая существенным образом повлияла на теоретические основы многих региональных исследований. В 1994, 1996 и 1999 гг. институтом были проведены социологические опросы населения республики, их основной целью стало выявление социального статуса, ценностных ориентаций, отношения к межнациональным проблемам и национальной самоидентификации, оценки личных перспектив на ближайшие годы и перспектив общества. По итогам опроса были изданы сборники[40]. Значительный вклад в развитие социологии был внесен П. Н. Киричком, который исследовал структурно-функциональные процессы развития региональных СМИ на теоретическом и прикладном уровнях. С. В. Полутин исследовал социологию молодежи. В. П. Миничкина изучала управление развитием межотраслевых комплексов в регионе. Вопросы этносоциологии исследовала О. А. Богатова[41].

Значительный вклад в развитие культурологии в 1990 — 2000-е гг. внесен факультетом национальной культуры Мордовского государственного университета, созданным в 1991 г. и реорганизованным в 2006 г. в Институт национальной культуры. Сотрудники института исследовали довольно обширный круг вопросов. Так, Н. И. Воронина исследовала феномен взаимодействия науки и искусства, философию музыки, культурное развитие российской провинции, Н. И. Бояркин — жанровые и стилевые особенности мордовской народной вокальной и инструментальной музыки, ее генетические связи с культурой финно-угорских народов, И. В. Клюева — творчество С. Д. Эрьзи в контексте идей серебряного века, А. Г. Бурнаев — пластику мордовского танца, Н. Г. Юрчёнкова провела компаративное исследование фольклора восточных финно-угорских народов. Исследованию проблем генезиса театрального искусства посвящены работы В. С. Брыжинского[42]. В целом деятельность ИНК направлена на возрождение,

сохранение и развитие в современном обществе духовных традиций народов России, самобытных явлений полиэтнической культуры Мордовии, установление тесного международного сотрудничества в области искусства и образования.

В 2006 г. по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина в Мордовии создан Поволжский Центр финно-угорских культур. Его структурным подразделением стал Межрегиональный научный центр финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарева, в котором на базе ИНК стал функционировать сектор культуры. Здесь разрабатывались и реализовывались проекты научного и творческого характера: изучение и осмысление социального, национального и конфессионального многообразия финно-угорской диаспоры в культурном пространстве регионов; подготовка монографий по различным проблемам финно-угорской культуры; издание научной и учебно-методической литературы; внедрение теоретических знаний и профессиональных навыков в практику живого исполнительства (постановка хореографических и драматических спектаклей, открытие выставок декоративно-прикладного творчества и изобразительного искусства, показ сольных и ансамблевых музыкальных концертных программ, применение художественных технологий при создании изделий народно-художественного творчества) и многое другое[43].

Министерство науки и новых технологий делает ставку на развитие наиболее перспективных научно-исследовательских направлений современной науки, результаты которых востребованы не только на региональном и федеральном уровнях, но и на мировом. Министерством осуществляется долговременный глобальный проект по строительству Научно-технологического парка Мордовии, с которым связывается масса перспективных проектов развития технических наук современности. Согласно аб. 3 раздела VI государственной программы «Создание в РФ технопарков в сфере высоких технологий», одобренной распоряжением Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р: «Технопарки в сфере высоких технологий в 2006 — 2012 гг. планируется создавать на территории Московской, Новосибирской, Нижегородской, Калужской, Тюменской, Кемеровской областей, Республики Мордовия, Республики Татарстан и г. Санкт-Петербурга»[44].

Научно-технологический парк Мордовии должен стать базовым элементом в инновационной инфраструктуре РМ в развитии малого наукоемкого бизнеса, испытании продукции, производимой в народном хозяйстве республики, развитии международных связей с научными, технологическими парками и другими инновационными структурами за рубежом[45].

Технопарк в РМ специализируется на разработку оптических (оптические и оптико-электирические приборы, приемники оптического излучения, волоконная, нано и интеграционная оптика, лазерные приборы, оптоволоконное оборудование, светотехника) и электрических технологий (оптоэлектронные и лазерные технологии, энергосберегающие технологии, электротехника, компоненты со сверх характеристиками, АСУ), а также на создание приборов нового поколения на их основе. Помимо названных направлений развития, в технопарке будут вестись разработки, относящиеся к другим секторам экономики, имеющим в республике инновационный потенциал: новые материалы (в том числе строительные), биотехнология и аграрный сектор, информационные технологии[46].

Основными инновационными услугами, предоставляемыми в технопарке резидентам стали: 1) бизнес-инкубатор — его основная цель — отбор и выращивание

инновационных бизнесов из наиболее перспективных start-up проектов; 2) центр коллективного пользования оборудованием — позволит разработчикам быстро и с наименьшими затратами производить испытания и создавать опытные разработки; 3) учебный центр — будет ориентирован как на формирование полноценных учебных программ по отраслевой специализации технопарка, так и на организацию различных бизнес семинаров и тренингов; 4) выставочный центр — позволит резидентам технопарка проводить различные представительские мероприятия: конференции, выставки, road show и прочее[47].

Таким образом, основные направления развития науки в Республике Мордовия отражают наиболее важные тенденции, которые соответствуют современным запросам общества не только на региональном, но и на российском уровнях. В республике развиваются традиционные гуманитарные науки, создаются условия для успешного развития наукоемких технологий. Мордовия является одним из научных центров, который, с одной стороны, поддерживает связь с крупнейшими федеральными научными центрами, а с другой — обеспечивает интенсивные научные контакты с другими научными центрами национальных регионов Российской Федерации и зарубежья. Из проблем, связанных с развитием науки в Республике Мордовия, следует отметить низкий уровень зарплат в этой сфере, имеющий место параллельно с вполне достаточным финансированием глобальных проектов.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Минеева И. Н.** Образование в Республике Мордовия как фактор социокультурного развития региона: пятнадцатилетний опыт (1990 — 2005) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. 2013. № 4. С. 215 — 223.

[2] См.: **Арсентьев Н. М., Шапкарин К. И.** Гуманитарные науки Мордовии: плюрализация научно-гуманитарного сознания в условиях структурного кризиса постсоветского общества // Мордовия в период реформ : материалы II Меркушкин. науч. чтений. Саранск, 2001. С. 33.

[3] См.: **Нечаев В. А.** Основные направления развития научно-инновационной деятельности в Республике Мордовия // Наука и инновации в Республике Мордовия : материалы V респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2006. С. 5.

[4] См.: Летопись Мордовского университета : ежегодник. 2005. Саранск, 2006. С. 5.

[5] См.: **Киричек П. Н., Шапкарин К. И., Учайкин И. Г.** Наука // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 59.

[6] Там же. С. 59.

[7] См.: Летопись Мордовского университета. С. 20.

[8] См.: **Юрчёнков В. А.** Центр гуманитарных наук: история и современность // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2004. № 1. С. 18.

[9] См.: **Киричек П. Н., Шапкарин К. И., Учайкин И. Г.** Указ. соч. С. 64.

[10] См.: **Нечаев В. А.** Научно-инновационная деятельность как основа развития экономики Республики Мордовия // Роль науки и инноваций в развитии хозяйственного комплекса региона : материалы III респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2004. С. 4 — 6.

[11] Там же.

[12] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева — Университет — Структура — Факультет электронной техники [Электронный ресурс]. URL: http://www.mrsu.ru (дата обращения: 03.03.2014 г.).

[13] См.: **Киричек П. Н., Шапкарин К. И., Учайкин И. Г.** Указ. соч. С. 65.

[14] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева — Университет — Структура — Институт физики и химии [Электронный ресурс]. URL: http://www.mrsu.ru (дата обращения: 03.03.2014 г.).

[15] Там же.
[16] Все о Мордовии : энцикл. справ. Саранск, 2005. С. 589.
[17] Там же. С. 602.
[18] Аналитические записки // Арх. Морд. гос. ун-та.
[19] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева — Университет — Структура — Институт механики и энергетики [Электронный ресурс]. URL: http://www.mrsu.ru (дата обращения: 03.03.2014 г.).
[20] Там же.
[21] Аналитические записки // Арх. Морд. гос. ун-та..
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] Аналитические справки // Арх. Морд. гос. ун-та.
[26] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева — Университет — Структура — Институт физики и химии [Электронный ресурс]. URL: http://www.mrsu.ru (дата обращения: 03.03.2014 г.).
[27] Аналитические справки // Арх. Морд. гос. ун-та.
[28] Там же.
[29] Мордовский НИИСХ — 75 лет: история и современность : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 1. С. 200.
[30] Там же. С. 201.
[31] Там же. С. 202.
[32] **Нечаев В. А.** Научно-инновационная деятельность… С. 13.
[33] Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008. С. 335 — 336.
[34] Аналитические отчеты // НА НИИГН. Оп. 1.
[35] Там же.
[36] **Юрчёнков В. А.** Школы в исторической науке: региональный аспект // Материалы междунар. научно-практ. конф., посвящ. 75-летию Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук. Чебоксары, 2006. С. 93.
[37] Аналитические отчеты // НА НИИГН. Оп. 1.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] См.: **Арсентьев Н. М., Шапкарин К. И**. Указ. соч. С. 49.
[41] Аналитические справки // Арх. Морд. гос. ун-та.
[42] Там же.
[43] Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева — Университет — Структура — Факультет национальной культуры [Электронный ресурс]. URL: http://www.mrsu.ru (дата обращения: 03.03.2014 г.).
[44] СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1226.
[45] См.: **Макаркин Н. П.** Роль университета в развитии инновационной деятельности в Республике Мордовия // Роль науки и инноваций в развитии хозяйственного комплекса региона : материалы III респ. науч.-практ. конф. Саранск, 2004. С. 22 — 23.
[46] Технопарк в Мордовии: инновационное будущее республики. Чебоксары, 2010. С. 8.
[47] Там же.

Поступила 01.04.2014 г.

УДК 7.071.1(470.344)

Б. Н. Ерофеев
B. N. Erofeev

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТВОРЧЕСКИХ СОЮЗОВ КОМПОЗИТОРОВ И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ В 1990 — 2000-е гг.

FORMATION AND ACTIVITIES OF THE CREATIVE UNIONS OF COMPOSERS AND PERFORMERS OF CHUVASHIA IN 1990s — 2000s.

Ключевые слова: регион, история Чувашии XX — XXI вв., перестройка, культура, художественная интеллигенция, творческие союзы композиторов и исполнителей.

В статье рассматриваются творческие союзы в Чувашии на рубеже XX — XXI вв.; на основе ранее неопубликованных источников раскрываются вопросы формирования и деятельности общественных объединений композиторов и исполнителей республики в постсоветский период, а также их функционирование на современном этапе.

Key words: region, the history of Chuvashia in the XX — XXI centuries, perestroika, culture, artistic intelligentsia, creative unions of composers and performers.

The creative unions in Chuvashia at the turn of the XX — XXI centuries are considered in the article; based on previously unpublished sources the problem of formation and activities of public associations of composers and performers of the republic in the post-Soviet era, as well as of their functioning at the present stage is revealed.

С конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. общественно-политическая жизнь в Чувашии в условиях либерализации общества претерпела позитивные демократические изменения, создавшие предпосылки для сохранения и развития языка, самобытной культуры, консолидации и отстаивания национальных интересов коренного народа. Активное участие в культурном строительстве республики стали принимать ранее действовавшие и созданные в рамках новой обстановки творческие союзы, объединявшие литераторов, журналистов, артистов, художников, композиторов и др.

В современных условиях проблема исследования общественных объединений как структурного элемента гражданского общества и средства формирования культуры приобретает особую актуальность. Создание и деятельность творческих союзов и объединений в национальных регионах, каким является Чувашия, представляет интерес для изучения общественной жизни и социальной политики России в постсоветский период. Изучение исторического опыта имеет большое значение для понимания современных отношений между властью и обществом.

Появление творческих союзов в России имеет почти вековую историю. С созданием Союза писателей в начале 1930-х гг. формируется система творческих объединений, основной идеологической функцией которых являлись контроль

© Ерофеев Б. Н., 2014

и организация деятельности со стороны коммунистической партии. Однако достижение полного контроля оказалось не возможным, в результате чего возникли самиздат, черный рынок книг и музыкальных записей. В советский период творческие союзы в основном являлись частью государства, а их руководители — важными государственными лицами. Они находились в подчинении центральных органов власти, что исключало возможность самостоятельного творческого процесса.

К началу 90-х гг. XX в. творческие объединения активно участвовали в политической жизни России. Основными выдвигавшимися ими требованиями были: отмена и свертывание государственного регулирования деятельности в сфере просвещения, превращение организаций культуры в самостоятельные хозяйствующие субъекты и др. Период «перестройки» проявился в ослаблении административного контроля творческой деятельности. Именно с началом 1990-х гг. вновь возрос интерес к указанным проблемам.

Представители творческих объединений — это мастера, создающие произведения высокого идейного и профессионального уровня, имеющие самостоятельное культурное значение, получившие общественное признание и внесшие существенный вклад в развитие искусства. Членство в таком союзе было и остается престижным само по себе и наделяет его обладателя определенным статусом. Привлекательными также были льготы и предоставляемые возможности по улучшению материально-бытовых условий жизни и труда. В период перестройки и после распада СССР творческие объединения претерпели реорганизацию.

Значительный вклад в развитие постсоветской Чувашии внесли различные творческие объединения музыкантов, композиторов и исполнителей, среди которых Союз композиторов, Ассоциация композиторов, Музыкальное общество и Союз артистов эстрады Чувашской Республики.

Союз композиторов Чувашии — творческая организация, объединяющая профессиональных композиторов и музыковедов. Она была создана Постановлением Совета народных комиссаров Чувашской АССР от 4 апреля 1940 г. № 427. С мая 1948 г. названная организация республики была переименована в «Союз композиторов Чувашской АССР» с непосредственным подчинением Союзу композиторов СССР, а с 13 февраля 1992 г. — в «Союз композиторов Чувашской Республики». Основными задачами объединения являлось развитие музыки чувашского народа и ее традиций, пропаганда и распространение произведений в республике и за ее пределами. Руководителями сообщества в разное время были такие известные деятели культуры, как Г. Г. Лисков, В. П. Воробьев, Ф. М. Лукин, Ф. С. Васильев, А. Г. Васильев (1982 — 1998 гг.), Ю. П. Григорьев (1998 — 2003 гг.), Н. Н. Казаков (с 2003 г.)[1].

Организационно-творческая работа союза имеет разнообразные формы: конкурсы, семинары, тематические конференции и встречи. Большое внимание уделяется обмену опытом с деятелями культуры смежных регионов, проводятся общественно-значимые мероприятия по популяризации произведений местных авторов. Так, Союз композиторов участвовал в проведении X фестиваля музыки композиторов Поволжья и Приуралья (с 27 ноября по 1 декабря 1991 г., Йошкар-Ола). Произведения композиторов Чувашии были прослушаны,

отобраны и рекомендованы для участия в XI и XIII фестивалях музыки, проходивших в Удмуртии (ноябрь 1992 г. по январь 1993 г.) и в Казани (2 — 4 декабрь 1994 г.)[2] Кроме того, в 1990-е гг. были организованы и проведены юбилейные вечера, посвященные 80-летию Г. Я. Хирбю (11 декабрь 1991 г.), Ф. М. Лукина (24 сентябрь 1993 г.); 70-летию А. В. Асламаса (1994 г.). 13 — 16 ноября 1992 г. в Москве при непосредственном участии Союза композиторов Чувашии был проведен международный музыкальный фестиваль «Московская осень», в программе которого была задействована Чувашская государственная хоровая капелла под управлением Т. В. Давыдовой. В 1997 г. творческим обществом в столице были проведены Дни чувашской культуры.

По инициативе Союза композиторов и его непосредственной организации с 1 по 3 марта 1993 г. в г. Чебоксары прошел VIII съезд Союза композиторов республики по вопросам сотрудничества и расширения связей между творческими организациями Российской Федерации, в рамках которого состоялись концерты симфонической и камерной музыки. Оркестром Чувашского музыкального театра были исполнены произведения А. Васильева, Ю. Григорьева, Г. Анчикова, Т. Фандеева и др.; Государственным камерным оркестром старинной и современной музыки — сочинения Л. Быренковой, А. Михайлова, Ф. Лукина, А. Орлова-Шузьма, А. Асламаса[3].

В 2000-е гг. работа Союза композиторов ознаменовалась успехами в области музыкально-театральных жанров. С большим успехом состоялись премьеры балета «Свет вечерней зари» А. Лоцевой (2007), оперы «Иван Яковлев» А. Васильева (2008), первой чувашской рок-оперы «Нарспи» Н. Казакова и Б. Чиндыкова (2008). В декабре 2005 г. не без участия творческого объединения прошел фестиваль музыки композиторов Поволжья и Приуралья, где в шести концертах прозвучали новые произведения чувашских композиторов.

Безусловно, исходя из специфики и задач, которые определяли деятельность Союза композиторов Чувашской Республики, итоги работы объединения имели положительные результаты. Весь спектр указанных мероприятий способствовал совершенствованию профессионального мастерства, взаимодействию с аналогичными творческими организациями регионов России и укреплению международных связей. Благодаря активной деятельности творческого союза в период с 1990 по 2000 гг. достижения композиторов республики были не раз представлены на вечерах и днях Чувашской культуры в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Минске, Нижнем Новгороде, Саратове, Ульяновске, Татарстане, Башкортостане, Карелии, Дагестане и т.д. Их произведения вошли в репертуар крупных хоровых и симфонических коллективов страны и ближнего зарубежья. Изданы хоровые, симфонические и балетные партитуры, авторские сборники песен и романсов. Десятки и сотни произведений записаны в фонд Всероссийского радио. Произведения композиторов Чувашии исполнялись и публиковались за рубежом: в Германии, Италии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Польше, Югославии и Японии. Музыковедческие труды были отправлены по требованию в США[4].

Не менее плодотворной стала творческая деятельность созданной 27 июля 1990 г. Ассоциации композиторов Чувашской Республики (АК ЧР) — профессиональной творческой общественной организации композиторов и музыкантов, объе-

динившей в своих рядах 128 деятелей искусства (из них композиторским трудом занималось 79 человек). Ее членами являлись такие известные чувашские композиторы, как А. Я. Эшпай, В. С. Дашкевич, Т. И. Фандеев, А. М. Токарев, А. Г. Орлов-Шузьм; певцы: Т. И. Чумакова, М. И. Денисов, А. А. Александров; виолончелист П. Ф. Филиппов. Первым президентом АК ЧР стал А. М. Михайлов[5].

В начале 1990-х гг. АК ЧР проведены следующие мероприятия: серия вечеров, посвященных 100-летию со дня рождения основоположников чувашской профессиональной музыки С. М. Максимова и Ф. П. Павлова, республиканский праздник песен «Юрлар таван», вечера и концерты памяти народного поэта Чувашии П. Хузангая, авторские вечера видных деятелей чувашской музыкальной культуры А. Михайлова, В. Ходяшева, И. Аршинова, Ю. Кудакова, П. Филиппова, О. Агаковой и др.[6] Помимо организации, подготовки и проведения общественно-культурных мероприятий членами ассоциации большое внимание уделялось научно-просветительской работе. Обсуждение идейно-творческих проблем в рамках различных семинаров-практикумов по эстрадному и джазовому ритму, чувашскому национальному и бальному танцам (1995), конференций по актуальным вопросам музыкальной жизни республики (1994)[7] способствовало вовлечению в культурную деятельность молодежи. АК ЧР ведет целенаправленную и широкомасштабную деятельность по пропаганде традиций и лучших образцов чувашской музыки среди населения. В 1990 — 1995 гг. было проведено более 500 творческих встреч композиторов с сельскими тружениками и работниками промышленных предприятий, студентами ВУЗов, учащимися школ и ПТУ.

Организация и проведение концертов по отдельным музыкальным жанрам (вокально-хоровому, симфоническому, инструментальному, фольклорному) являлись дополнительным стимулом для работы композиторов — членов АК ЧР. Возможность быть услышанными подталкивала мастеров к активной работе во всех формах музыкального искусства. Широко известны имена представителей ассоциации Ю. Кудакова, Г. Моклакова, В. Алексеева, Н. Эриванова, И. Степанова, Н. Каркина, Ю. Жукова, С. Асамат, В. Адюкова, А. Никитина, чьи произведения отличаются насыщенной национальной окрашенностью и мелодичностью — они прочно вошли в сознание и быт чувашей и являются неотъемлемой частью современной культуры республики.

В 1994 г. в Москве состоялись Дни ассоциации композиторов Чувашской Республики. Основные мероприятия, состоявшиеся 5 — 6 апреля 1994 г. на сцене Центрального дома композиторов России, познакомили москвичей и гостей столицы с музыкальным искусством национальной республики[8]. С начала 1994 г. свою деятельность АК ЧР осуществляет под эгидой Международной ассоциации композиторских организаций. Факт ее вступления в данную организацию свидетельствует не только о высокой оценке работы объединения, но и о высоком уровне творческо-организационной деятельности ее штатных сотрудников.

Признание на международном и всероссийском уровне способствовало плодотворной работе АК ЧР в части укрепления межнациональных связей. Творческие бригады и отдельные коллективы выезжали в регионы компактного проживания чувашей и знакомили население с современным состоянием национальной

музыки. Концерты-встречи с участием местных композиторов состоялись в Ульяновске, республиках Татарстан, Башкортостан и Марий-Эл, Самарской и Тюменской областях, в Эстонии и т. д. АК ЧР неоднократно выступала организатором проведения в республике фестивалей творчества зарубежных музыкальных коллективов. Примером могут служить состоявшиеся в 1994 г. в Чувашии выступления Питсбургского хора (США), концерты детского хора г. Сент Луис штата Миссури США (1 июля 1995 г.) и фестиваль американских песен и танцев (1 июля 1996 г.)[9]. На сегодняшний день ассоциация активно содействует сохранению и приумножению музыкальных традиций народа, продолжает дело, начатое основоположниками чувашской национальной музыки.

Помимо названных творческих союзов музыкантов, композиторов и исполнителей республики существовали и другие. Так, в 1987 г. свою работу начало основанное на базе Хорового общества Чувашской АССР — Музыкальное общество Чувашской АССР (с 1991 г. — Музыкальное общество Чувашской Республики (МО ЧР)), являющееся подразделением Всероссийского музыкального общества. Основной деятельностью МО ЧР является проведение конкурсов на лучшую песню о родном крае, творческих конференций, благотворительных концертов, а также издание сборников песен и пьес членов общества[10].

В начале XXI столетия продолжают появляться творческие союзы. В мае 2007 г. была создана Чувашская республиканская общественная организация «Союз артистов эстрады», основной задачей которой стало развитие национальной эстрады. Ее руководителем является А. Федорова, которая отмечает: «Мы сплотились и создали Союз потому, что ситуация, когда каждый артист работает сам по себе, заставляет всех решать сходные задачи, ограничивает возможности»[11]. В состав организации входят 16 человек, среди которых В. Кузнецова, К. Петрова, А. Московский, Г. Вакку, П. Ермолаев, В. Александров и др.[12]

Поводя итоги, отметим, что в начале 90-х гг. XX в. наша страна находилась в глубоком кризисе. Этот период ознаменован спадом покупательской способности населения и, рассматривая культурную составляющую, заполнением рынка художественными объектами массового производства. Бюджетные ассигнования на культуру и искусство практически не выделялись, снижение жизненного уровня населения привело к уменьшению расходов на культурные нужды, в связи с чем творческие работники оказались одним из наименее обеспеченных слоев населения страны[13]. Так, если к началу 1995 г. в республике насчитывалось 16 творческих союзов[14], то по состоянию на 2004 г. их осталось 12 с численностью представителей в 1 365 чел.[15]. Несмотря на это история свидетельствует, что творческие объединения необходимы в современных условиях, их деятельность позволяет развивать национальную культуру регионов, они способствуют формированию творческой духовно-нравственной интеллигенции.

В современном мире творческие союзы призваны решать многочисленные задачи, главной из которых является создание произведений высокого художественного уровня. Важное место в деятельности объединений занимает пропаганда творчества. Она ведется путем организации выставок, конференций, семинаров, конкурсов, дискуссий и др. В настоящее время в этой работе широко

используются массовая печать, кино, радио и телевидение. Учитывая, что большинство творческих союзов имеют многолетнюю историю и гигантские достижения, то, выражаясь экономическим языком, их уже давно следует рассматривать как самодостаточные бренды. Если не останавливаться на теоретической составляющей, а рассматривать лишь практическую сторону, то в работе творческих объединений можно увидеть стандартные бизнес-процедуры, связанные с продвижением проектов, редакторской и издательской деятельностью, торговлей в том числе через средства массовой информации, а также взаимодействие с государственными и общественными организациями по указанному спектру вопросов.

XX в. в качестве одной из глобальных проблем человечества сформировал две неотъемлемые, зависящие друг от друга объективные тенденции национальных отношений: с одной стороны, стремление народов к единению и синкретизму для решения вопросов общемирового масштаба, с другой — проявление сепаратизма в целях развития культуры этносов. Обе тенденции накладывают отпечаток на взаимоотношения между странами на международной арене, они сказываются и внутри полиэтнических государств[16]. Рассматривая правовое регулирование деятельности творческих организаций, следует отметить, что еще в 1980 г. ЮНЕСКО разработало рекомендации о положении работников культуры, в которых отмечалось, что государства должны повышать и защищать статус данной категории людей, рассматривая их деятельность как служение обществу[17]. 9 октября 1992 г. Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным были утверждены «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»[18]. Необходимо выделить и принятый 27 мая 1993 г. членами Верховного Совета Чувашской Республики Закон Чувашской Республики «О культуре»[19]. Задачами данных нормативных правовых актов стали обеспечение и защита конституционного права граждан на культурную деятельность, создание правовых гарантий для свободной реализации художественных замыслов и т.д. Однако до настоящего времени дискуссионным остается вопрос законодательного регулирования деятельности творческих объединений в России. Конечно, (в общем смысле) их правовые отношения определяются законами «Об общественных объединениях»[20] и «О некоммерческих организациях»[21], а специфические связи (присущие лишь творческим союзам) не имеют законодательной оценки в полном объеме. В 1997 г. в Санкт-Петербурге на X пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ был принят модельный закон «О творческих работниках и творческих союзах»[22]. В настоящее время указанный нормативный акт не является постулатом и носит рекомендательный характер.

В начале XXI в. Российское государство стало более заинтересованно относиться к культурному наследию общества, к национальным идеям и к самобытному творчеству граждан страны. Особое внимание уделяется формированию талантливой молодежи и ее духовности. В 2000-е гг. возник новый импульс развития культуры как в России в целом, так и в ее национальных окраинах. Неслучайно 2014 г. объявлен в Российской Федерации Годом культуры, что доказывает пристальное внимание и большой интерес к достоянию человечества не только ценителей, но и руководителей государства.

Библиографические ссылки

[1] Чувашская энцикл. Чебоксары, 2011. Т. 4. С. 89.
[2] ГАСИ ЧР. Ф. Р. — 2707/2223. Оп. 1. Д. 230. Л. 12.
[3] Там же. Д. 237. Л. 7, 11.
[4] Там же. Д. 261. Л. 12.
[5] Чувашская энцикл. 2006. Т. 1. С. 147.
[6] ГАСИ ЧР. Ф. Р. — 2912. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.
[7] Там же. Д. 44. Л. 39 ; Д. 35. Л. 18.
[8] Там же. Д. 35. Л. 33.
[9] Там же. Д. 46. Л. 8.
[10] Там же. Ф. Р. — 2097. Оп. 1. Д. 169. Л. 1 — 2 ; Чувашская энцикл. 2009. Т. 3. С. 407.
[11] Союз артистов эстрады Чувашской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://ilemle.ru/yur/sa.html (дата обращения: 10.02.2014).
[12] Там же.
[13] См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: (опыт многолетних социологических замеров). М., 2011. С. 243 — 245.
[14] См.: Справочник общественных организаций ЧР // Комитет Чувашской Республики по статистике. Чебоксары, 1995. С. 15 — 24.
[15] ГАСИ ЧР. Ф. Р. — 2969. Оп. 1. Д. 322. Л. 50.
[16] **Минеева Е. К.** Национально-территориальные образования и историческая обусловленность межэтнических отношений в Российской Федерации на современном этапе // Вестн. Чуваш. ун-та. 2013. № 4. С. 43 — 44.
[17] Профессиональное искусство и художественное образование // Министерство культуры Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.mkso.ru/professional/arhiv/sudba_ts (дата обращения: 20.02.2014).
[18] Основы законодательства Российской Федерации о культуре // Правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi (дата обращения: 20.02.2014).
[19] Закон Чувашской Республики «О культуре» // Правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/regbase (дата обращения: 20.02.2014).
[20] Закон РФ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/obob (дата обращения: 20.02.2014).
[21] Закон РФ «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekome (дата обращения: 20.02.2014).
[22] Модельный закон РФ «О творческих работниках и творческих союзах» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online (дата обращения: 20.02.2014).

Поступила 23.04.2014 г.

УДК 008(479.25)

А. А. Минасян
A. A. Minasyan

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕДАЧИ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ARMENIAN DIASPORA IN RUSSIA: SOME MECHANISMS OF SHARING TRADITIONAL CULTURAL VALUES

Ключевые слова: колония, ассимиляция, генезис, Армянская апостольская церковь, функция государства, письменность, книга, консолидация, церковный иерарх, диаспора, патриотическая деятельность.

В статье описываются причины миграций армян в Россию; анализируется роль Армянской апостольской церкви в сохранении и передаче армянской традиционной культуры; определяется значение армянской письменности, просвещения и образования в деле сохранения национальной самобытности.

Keywords: colony, assimilation, genesis, the Armenian Apostolic Church, function of the state, alphabet, book, consolidation, church hierarchy, the diaspora, patriotic activity.

The reasons for the migration of the Armenians to Russia are described in the article, the role of the Armenian Apostolic Church in preserving and passing on traditional Armenian culture is analyzed, as well as significance of the Armenian alphabet, teaching and education in the preservation of national identity is determined.

Постоянная борьба за независимость и захватническая политика соседних государств вынуждали часть армянского населения эмигрировать, покидать свою историческую родину в поисках новых мест обитания ради спасения своих семей.

Изучению проблем вынужденной миграции армянского народа, процесса этнокультурной адаптации армян в новой социокультурной среде, их интеграции с народами Российской Федерации сегодня посвящено немало научных разработок. Интересны и содержательны публикации об армянских общинах в российских регионах[1].

Появление армян в Киевской Руси фиксируется уже в XI в. Однако массовый приток армянского населения происходил в основном на Северный Кавказ. Он датируется XI — XIII вв., а к XIV в. здесь насчитывалось более 10 армянских поселений[2].

В XVI в. захватчики (тюркские племена, Персия, Османская империя) окончательно разрушили армянское государство. Вследствие чего большое число армян покинули родину и рассеялись на обширных пространствах от Китая до Европы. Многие армяне переехали в Россию, где основали колонии — поселения. В XVII в. эмиграция армян в Россию продолжилась. Десятки тысяч переселенцев

© Минасян А. А., 2014

из Восточной Армении обосновались на южных российских окраинах и создали свои колонии близ Кизляра, Ставрополя, Моздока, а также основали город Святого Креста (Сурб Хач)[3].

Император Петр I (нач. XVIII в.), осознавая важность присутствия христианских народов на Кавказе и в Закавказье, всемерно поощрял желание армян переселиться в южные пределы Российской империи и поддерживал уже существующие колонии. Преследуя политические и торгово-экономические цели, Петр I после окончания войны со Швецией предпринял персидский поход (1722 — 1723 гг.). Эти петровские инициативы затрагивали интересы огромного числа армянского населения и в конечном счете могли бы привести к освобождению их от персидского ига. Однако сильно измотанная в Северной войне (1700 — 1721 гг.) Россия не смогла закрепить первоначально одержанные победы. Планам армянского народа по обретению свободы также не суждено было сбыться.

Вместе с тем в эпоху Петра I было многое сделано для армянских переселенцев непосредственно в России. Армяне на новых местах расселения получили возможность развивать торгово-промышленную и социальную деятельность. Интересные иллюстрации данных фактов находятся в объемном сочинении французского исследователя востока Г. Дюлорье «Нынешние армяне». По его свидетельству, армяне, потерявшие свою независимость и проживающие большей частью рассеянно несколько столетий, обнаруживают способность к необыкновенной деятельности и умеют стяжать к себе уважение и силу: военными заслугами, талантом в промышленности и искусством приводить в обращение большие капиталы[4]. Далее автор констатирует, что такие важные операции, как производство пороха и чеканка монет, российскими властями были поручены армянским промышленникам[5].

Особый статус армян в России во многом связан с приверженность их к христианской вере. Христианское учение в Армении появилось более 1700 лет назад. Армения приняла христианство в качестве государственной религии в 301 г. н. э. (по некоторым данным в 314 г.). Вместе с принятием новой религии произошла регенерация армян, давшая колоссальный по мощности толчок к воспроизводству жизненных сил народа[6].

Постепенно роль христианства и церкви становится центральной в сохранении армянского этноса, его традиций и обычаев, развития культуры, науки и образования. Исторически сложилось так, что Армения на протяжении всей своей многовековой истории географически находилась во враждебном окружении. Господствующими религиями в этом регионе были зороастризм и ислам. Это обстоятельство предопределило сложную и трагичную судьбу армянского народа и его государственности. Как пишет известный российский писатель, языковед XIX в. А. Худобашев: «Армения, по своему положению, неоднократно принуждена была уступать силе оружия великих завоевателей Востока и признавать власть великих монархий — Сирийской и Персидской, но, с потерею независимости, она никогда не теряла, ни своей веры, ни богослужения»[7].

Христианская вера была едва ли не единственным инструментом, который на протяжении многих веков позволял армянскому народу не сломиться и не исчезнуть с исторической карты мира. Армяне находили в своей вере надежное

укрытие от сокрушительного воздействия соседних народов. Несложно предположить, что если бы армянский народ под смертоносным натиском и давлением принял зороастризм или ислам (после XVI в.), то армян как этноса и армянского государства как самостоятельного субъекта сегодня не существовало бы.

Можно ли предположить, что армянский народ избежал бы кровопролитных войн за независимость, за существование, если принял бы в свое время ислам, а не христианство. Мы считаем, что при таком варианте развития событий с большой вероятностью армянский народ потерял бы свою самостоятельность безвозвратно. Крупные и могущественные соседние государства с легкостью ассимилировали и поглотили бы не имеющий уникальной идентичности народ. Очевидно, что этому в первую очередь способствовали бы смешанные династические браки между отпрысками персидской (иранской), парфянской и армянской знати, не говоря уже о браках среди простого народа, потому как отсутствовал бы конфессиональный сдерживающий фактор. Вследствие этого естественная ассимиляция растворила бы армянскую нацию.

Для понимания генезиса армянского народа особенно примечательным является середина V в. В это время насильственно разделенный армянский народ целенаправленно и осознанно искал пути спасения от вполне реально грозившей ему ассимиляции, и выбрал, пожалуй, наиболее трудный, но и единственно правильный выход, заключавшийся в духовном, религиозном и этническом противопоставлении себя могучим и агрессивным соседям-завоевателям[8].

Армянская нация выстояла в борьбе за независимость, за выживание во многом благодаря христианской вере, прежде всего просветительской и политической, объединительной политике армянской церкви и ее служителей. На протяжении веков, в периоды утраты государственности, единого управления страной, Армянская апостольская церковь брала на себя функции государства, централизованного управления политическими и иными процессами, направленными на выживание и сохранение нации. Просветительская роль христианства и ее выдающихся служителей была значительной. Еще более ощутимым был переворот, произведенный христианством в нравственной жизни армянского народа. «С тех пор, как вера христианская озарила умы армянского народа, — писал Худобашев, — невежество начало мало по малу рассеиваться в Армении. Любовь к наукам и склонность к ученым трудам положили начало училищам и произвели литературу»[9].

Одним из важных факторов сохранения армянского этноса является изобретение Месропом Маштоцем национальной письменности в 405 — 406 гг. н. э. Важность этого факта была столь велика и неоспорима, что Армянская церковь канонизировала Маштоца, а армянская народная традиция возвела национальное письмо в ранг общенационального достояния[10]. Национальная письменность стала катализатором развития письменной культуры, что, безусловно, способствовало консолидации армянского народа.

В народе прекрасно осознавали значение армянской письменности в деле сохранения национальной самобытности. Книги в Армении считались истинными сокровищами и во время войн первым делом вывозились и прятались. Поэтому в Армении есть термин «книга в плену». Это связано с тем, что тюркские завоеватели, зная цену книги, во время набегов, первым делом брали письменные

источники, особенно из церквей, а затем продавали их. Так, из хроник прошлого узнаем, что наряду с плененными людьми, враги захватили и столько-то рукописей. Для примера приведем несколько свидетельств: «...каллиграф был зарублен иноземцами. И один я, мирянин, спас эту книгу»; «...Я, Симон Вардапет, за тридцать серебряных таньга освободил рукопись из рук захватчиков»[11]. Следует отметить, что армяне выкупали книги из плена, как людей, отдавая для этого, нередко, последнее имущество.

Армяне прикрывались от внешней экспансии удивительно крепкими щитами: национальным языком, отличным от всех других языков мира, национальной письменностью и консервативной национальной версией христианской религии.

Пришедшая в Армению наднациональная христианская церковь превратилась здесь в типично национальную: с одной стороны, подавляющее большинство армян является приверженцами Армянской апостольской церкви, с другой — прихожанами армянской церкви являются только армяне. Кроме того, церковь, ожесточенно борясь против попеременно возникающих еретических движений, всемерно способствовала процессу национализации христианства армянским народом. Возможно, именно это стало причиной того, что церковь в армянской действительности выполняла гораздо более значимую роль, чем это «предписано» собственно религии.

Повсеместно, включая и Россию, жизнь армянской общины начиналась со строительства церкви. Это были как крупные города, так и маленькие поселения. Основную часть расходов по строительству церквей брали на себя меценаты. Причем следует отметить, что если армян, занимающихся торговлей, можно было, в общем, характеризовать как прижимистых людей, считающих каждую копейку, то в благотворительности они проявляли невероятную щедрость. Подтверждение этому находим в Санкт-Петербургском живописном альбоме «Народы России», где приводятся свидетельства скупости армян в домашней жизни и личных отношениях с другими. Однако здесь же отмечается, что, несмотря на это обстоятельство, богатый и бедный армянин одинаково охотно жертвуют на поддержание своей национальной самобытности и престарелых соотечественников. Армянские училища, госпитали и многие другие общественные заведения содержались в то время исключительно на счет добровольных пожертвований[12]. Сходное мнение встречаем в вышеуказанном сочинении Дюлорье, где он пишет о том, что армяне, будучи скупы в повседневной жизни, щедры, когда идет речь об учреждениях общеполезных и религиозных. Дюлорье описывает учреждение и содержание нескольких госпиталей, училищ за счет добровольных приношений[13].

Значительное количество армянской диаспоры Российской империи исторически образовалось в Астрахани, Нахичевани, Тифлисе (Тбилиси). Например, в столице Грузии Тифлисе к концу XVIII в. проживало около 25 тыс. чел., среди которых армян было почти 19 тыс. Показательна статистика по количеству церквей различных народов на тот период в Тифлисе: русских — 4 (в том числе 1 собор), грузинских — 12, греческих — 2, армянских — 23, католических — 1, татарская мечеть — 1[14].

Рост армянского населения в России вызвал необходимость назначения епархиального начальника для российских армян. Первым предводителем епархии стал архиепископ Степанос Галатаци, направленный в 1717 г. в Астрахань Католико-

сом Аствацатуром I[15], стремившимся наладить тесные контакты с российскими политическими кругами. Полноценная епархия Армянской апостольской церкви была учреждена в эпоху правления императрицы Екатерины II (1773 г.) Католикосом Симеоном I Ереванци[16].

В России того времени были города, где проживали всего несколько армянских семей, но армяне и там открывали церкви. Например, в Нижнем Новгороде вообще на постоянной основе армян не было, а армянская церковь успешно функционировала. Это связано с тем, что XIX в. сюда на Макарьевскую ярмарку съезжалось много армянских купцов из разных уголков Российской империи и из-за рубежа. В «Собрании актов…» есть данные по количеству прибывающих ежегодно на ярмарку армянских купцов: «Приезд армян из разных стран и городов — полагают ежегодно от 1000 до 1500 человек, — одни для сбыта, другие для покупок произведений, иные же для получения платежей»[17].

Макарьевская ярмарка была крупнейшей в России XVII — XIX вв. Естественно, ее проведение растягивалось практически на месяц. Поэтому армяне обратились с просьбой о строительстве там церкви. В 1811 г. такое разрешение было получено. В 1824 г. армянская церковь на территории Макарьевской ярмарки была построена и освящена при большом скоплении народа[18].

Будучи единственной общенациональной организацией в условиях отсутствия государственности, церковь стала символом единства нации и представляла собой ведущую и генеративную силу в постановке и разрешении национальных задач. Церковные иерархи органично трансформировались в полномочных представителей армянского народа на переговорах с представителями иностранных государств, церковные служители часто выполняли роль мирового судьи во внутринациональных спорах. Эта роль церкви в армянкой диаспоре закрепилась и в России. Результатом подобной светской и патриотической деятельности церкви стало полное единство между нацией и духовенством: армянская церковь в сознании народа отождествлялась с руководством армянского народа, а церковные служители с самим народом[19].

Роль армяно-грегорианской церкви в Российской империи ограничивалась национальными (армянскими) интересами и носила относительно изолированный характер по отношению к православию. «Уединяясь таким образом исключительно в пределах народности Гайканской, церковь Армянская тем крепче с нею соединилась. Она сделалась главною опорою народа Армянского»[20]. Под Гайканской народностью в то время подразумевался армянский народ («Гайканский» — один из вариантов самоназвания армян).

Следовательно, армянская церковь выполняла некоторые государствообразующие функции, а церковные служители являлись своеобразными государственными чиновниками. Священнослужители «отождествляя в своих понятиях интересы церкви с интересами Армении, они, при уничтожении политической самобытности армян, тем ревностнее и усиленнее старались поддерживать их духовную самобытность. С этой целью, они всячески содействовали развитию и успехам народного просвещения»[21].

В подтверждение сказанному остановимся на кратком освещении деятельности двух выдающихся священнослужителей Армянской апостольской церкви, которые внесли неоценимый вклад в дело служения армянскому народу. В 1800 г.

российским императором Павлом I Верховным Патриархом-Католикосом всех армян назначается видный религиозный и общественный деятель, князь Иосиф Аргутинский. Одновременно он становится епархиальным архиепископом российских армян[22]. Являясь одним из самых просвещенных людей своего времени, Иосиф Аргутинский активно способствовал развитию в России армянского типографского дела, изданию газет, книг и переводов армянской духовной литературы.

Другим выдающимся религиозным деятелем своего времени был тифлисский епископ Нерсес Аштаракеци, который впоследствии стал Верховным Патриархом-Католикосом Нерсесом V. С началом русско-персидской войны он способствовал созданию армянских добровольческих отрядов, внесших немалый вклад в победы русских войск в Закавказье. Результатом чего стало вхождение Восточной Армении в состав Российской империи в 1828 г. по Туркманчайскому договору.

Правдивые воспоминания об архиепископе Нерсесе V оставил шотландский миссионер Эбенезер Хендорсон в сборнике «Библейские исследования и путешествия по России». Он повествует о многих благих делах Нерсеса, в частности, о строительстве за его счет жилых домов для соотечественников, развитии религии и науки среди армян, проживающих на юге России и др[23]. А. М. Худобашев также останавливается на деятельности Нерсеса V. Исследователь отмечает его намерение не ограничивать открытые учебные заведения целью чисто духовного училища, а ввести полное преподавание высших наук и, таким образом, положить начало учреждению настоящей армянской академии. С этой целью он создал при училище армянскую типографию[24].

Можно с уверенностью констатировать, что Верховный Патриарх Нерсес V играл значительную роль в формировании и сохранении духовной, просветительской и социальной культуры и армянского народа. Это подтверждала и русская администрация. Так, в письме генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа к Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом, генералу И. Ф. Паскевичу (1828 г.) отмечается: «Известно из многих обстоятельств, равно и доводов, что Верховный Патриарх всея Армении по сану и влиянию есть глава армянской нации»[25].

В данном контексте нельзя не упомянуть Ивана Ивановича Агабабова, одного из первых армянских меценатов, который на свои личные средства открыл в 1810 г. в Астрахани армяно-русское училище. Первоначально в нем обучалось 12 бедных армянских детей[26].

Особую роль в деле просвещения армянской молодежи в XIX в. сыграла семья Лазаревых, которая также из личных средств финансировала строительство школ и церквей. При их непосредственном содействии в Москве в 1815 г. был основан знаменитый Институт восточных языков, впоследствии названный Лазаревским. Это были поистине выдающиеся сыны своего народа, которые бескорыстно и самозабвенно отдавали свои знания, духовные и физические силы и средства делу развития армянского общества и сохранению национальных традиций и обычаев.

Подводя итоги, отметим, что армяне на протяжении веков были проводниками интересов России на Кавказе. Становление армянской диаспоры в России

тесным образом связано с Армянской апостольской церковью. Она явилась своеобразным механизмом сохранения и передачи традиционных культурных ценностей армянского народа. В России армянская церковь играла важную общественную, культурную, и политическую роль в жизни армянских колоний и армянской диаспоры. В армянских поселениях действовали различного рода организации, целью которых было поддержание национальной культуры, языка и религии: благотворительные общества, союзы, комитеты, попечительства, а центром национальной культуры считалась церковь. Особое внимание в колониях уделялось обучению армянскому языку и национальной культуре. Однако параллельно с этим наблюдался также процесс влияния российской культуры (образование и др.) на все сферы жизнедеятельности армян диаспоры, в результате чего образовалась особая образовательная и культурная модель российских армян. Несмотря на положительную динамику адаптации армян в России, а в некоторых случаях и глубокой ассимиляции, армянская церковь стала оплотом, тем естественным щитом, позволяющим сохранять и обогащать духовную культуру армянского народа, письменность и литературу.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Фирсов Е. Ю.** Российские армяне и их исследователи // Этногр. обозрение. 2006. №1. С. 72 — 91; **Кртян Л. А.** Отношения армянской диаспоры и Республики Армения: проблемы и перспективы // Наири : альманах. Н. Новгород. 2010. Вып. 5. С. 62 — 66 ; **Мхитарян А. А.** «Кавказец» — стереотип, порождающий ксенофобию в современном российском обществе // Там же. С. 162 — 166 ; **Никонова Л. И., Шевцова А. А.** Народы Закавказья в Республике Мордовия: социокультурный аспект // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. №1. С. 133 — 142 ; **Никонова Л. И. , Шевцова А. А.** Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / НИИ гуманитар. Наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2011. С. 224 ; **Щербинина О. А.** Армянская диаспора в России : модели интеграции в принимающее общество // Регион. исслед. 2010. №1. С. 73 — 80.

[2] См.: **Акопян В. З.** Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005. С. 4.

[3] См.: Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. М., 1833. Ч. 1. С. 33.

[4] См.: **Дюлорье Г**. Нынешние армяне : сочинение. Тифлис, 1856. С. 9.

[5] Там же. С. 93.

[6] См.: **Мелик-Шахназарян Л. Г.** Характер армянского народа. Ереван, 1999. С. 37.

[7] **Худобашев А**. **М**. Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях. СПб., 1859. С. 87.

[8] См.: **Мелик-Шахназарян Л**. **Г.** Указ. соч. С. 41.

[9] **Худобашев А**. **М**. Указ. соч. С. 87.

[10] См.: **Мирумян К. А.** Изобретение армянских письмен как фактор борьбы за национальную самобытность и национальный суверенитет // Вест. РАУ. 2006. № 3. С. 93.

[11] См.: Вокруг Света. 1971. № 5.

[12] Народы России: Живописный альбом. СПб., 1879. Вып. 5. С. 417.

[13] См.: **Дюлорье Г.** Указ. соч. С. 36.

[14] См.: **Евецкий О. С.** Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи, политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним : в 2 ч. СПб., 1835. Ч. 1. С. 142 — 144.

[15] См.: **Тунян В. Г.** Формирование армяно-русских отношений в церковной сфере. XVIII — пер. трети XIX вв. : сб. науч. тр. Ереван, 2012. С. 4.

[16] Там же. С. 7.

[17] См.: Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. С. 258.
[18] Там же. С. 266.
[19] См.: **Мелик-Шахназарян Л. Г.** Указ. соч. С. 29.
[20] Об армяно-грегорианской церкви в Российской империи. СПб., 1856. С. 15.
[21] Там же. С. 17**.**
[22] См.: Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. С. 46.
[23] См.: **Henderson E.** Biblical Researches and Travels in Russia. London, 1826. P. 512 — 513.
[24] См.: **Худобашев А. М.** Указ. соч. С. 169.
[25] Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. С. 283.
[26] См.: **Ермаков Н. А.** Астрахань и Астраханская губерния. Москва, 1852. С. 47.

Поступила 28.01.2014 г.

УДК 008:316.7

В. А. Сахроков
V. A. Sakhrokov

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

INTERCULTURAL AND INTERRELIGIOUS DIALOGUE FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION

Ключевые слова: диалог, ислам, христианство, взаимопонимание, противостояние, сообщество, цивилизация, сопереживание, глобализация.

Статья посвящена одной из актуальных проблем современного мира, а именно межрелигиозному диалогу как основе для устойчивого развития мировой цивилизации.

Key words: dialogue, Islam, Christianity, mutual understanding, confrontation, community, civilization, empathy, globalization.

The article is devoted to as one of the most actual problems of the modern world, that is interreligious dialogue as a basis for sustainable development of the world civilization.

При всем внимании, которое в научной литературе уделяется судьбам религий в связи с процессами их адаптации к современности, проблема диалога религий остается практически не исследованной. В частности, христианско-исламский диалог является тем вопросом, который сегодня интересует многих религиоведов, особенно исламоведов.

Почему этому вопросу в системе религиоведения сейчас уделяется повышенное внимание? Это объясняется, во-первых, ростом религиозного сознания большой части населения как европейских, так и ближневосточных государств. Во-вторых, на проблему диалога накладывают отпечаток разные направления и суждения в обеих религиях по отношению к реальной действительности. В-третьих, данный вопрос просто не может оставаться в стороне в странах с неоднородным обществом.

© Сахроков В. А., 2014

Межрелигиозный диалог превращается в национальную проблему в странах с конфессионально неоднородными обществами, он превращается в международную проблему в мире, в котором неуклонно расширяются межнациональные и межкультурные связи. Естественно, что подобный диалог может быть понят только в контексте социокультурного развития современного мира[1].

Социокультурное развитие предопределяет развитие самой культуры, поскольку она является частью социума, работает на него и существует ради него. Одновременно, как отмечает профессор И. М. Меликов, «культура всегда имеет духовное происхождение… Культура, произрастающая из недр духовного мира и определяющая причастность к нему, наделяет человека соответственно и свободой. Через культуру и в культуре человек приближается к трансцендентному миру, к духовному первоначалу. В культуре человек реализует свое подобие Богу. В культуре человек как бы преодолевает себя, свою ограниченную естественность и приобщается к абсолютности духовного мира»[2].

Исламо-христианский диалог по вопросам взаимосвязи людей различных вероисповеданий и этнических групп общества в целом пока не получил определенного развития. Тем не менее существуют предпосылки для вовлечения широкого круга представителей этих двух религий в дело социокультурной проблематики. Этому должны способствовать многие факторы. С одной стороны, развитие науки обогатило и во многом преобразило интеллектуальный арсенал человечества, способствовало становлению нового типа мышления и новых способов мироздания. В этих условиях в мироощущении людей происходит фундаментальный сдвиг — переход к картине мира, в основе которой находится принцип единства всемирной истории и культурного развития человечества.

На определенной стадии духовной эволюции человечество начинает осознавать себя как единое целое, и на определенном уровне социально-экономического развития это единство становится реальностью. Идея единства человеческого рода, поступательного развития человечества впервые осмысливается христианством в религиозно-мифологической форме. Однако, возникнув как религия вселенская и универсальная, христианство в ходе истории неизбежно должно было отождествлять себя с различными народами, с их культурным и социальным опытом и наследием. Именно так и произошло в VII в., когда появилось новое религиозное направление, получившее известность как ислам. В широком смысле исламо-христианский диалог можно понимать как историю взаимоотношений между мусульманами и христианами на протяжении четырнадцати веков существования, т. е. как историю их экономических, социальных, политических и культурных связей и конфликтов, как историю представлений и знаний друг о друге.

В настоящее время складывается иное понятие диалога — как сознательной установки, как императива, требующего концептуальной разработки и институциональной поддержки. Подобный диалог имеет место всего лишь несколько десятилетий, в связи с чем трудно оценить это новое явление однозначно. Изначально трудно охватить крайне сложную и неоднозначную проблематику исламо-христианского диалога. Наиболее верным подходом к освещению данной проблемы может быть историко-культурологический. В силу большого разнообразия в палитре культур мусульманства и христианства можно прослеживать динамичные

процессы, проходящие в них и отражающие как глубинное тождество их человеческого содержания, так и различие в их внутренних основаниях.

Так называемая дихотомия Восток — Запад создана историей. В этой связи нельзя не вспомнить слова В. Соловьева: «Через всю жизнь человечества проходит великий спор Востока и Запада. Еще Геродот относит его начало ко временам историческим: первые проявления всемирной борьбы между Европой и Азией он указывает в событиях баснословных — в похищении финикиянами женщин из Аргоса и в похищении Елены из Лакедемона сыном троянского Приама. От такой древности этот спор достиг до наших дней, и доселе он глубоко разделяет человечество и мешает его правильной жизни»[3].

Даже сегодня мы являемся свидетелями разногласий между культурами. Примером может служить трагический опыт двух мировых войн XX в., который показал, какую опасность таит в себе любая идея национальной исключительности. Этот опыт убеждает нас в универсальной важности проблемы взаимопонимания между людьми в их многоедином бытии. К глубокому сожалению и XXI в. не в лучшую сторону отличился своими известными событиями, последовавшими в результате глобальной геополитической катастрофы, которой оказался распад Советского Союза.

Что произошло после распада Советского Союза известно многим. Однако не всем могут быть известны мотивы, подтолкнувшие и продолжающие подталкивать все мировое сообщество к неверному, а порой навязанному восприятию современной действительности во многих сферах политического и социально-экономического развития стран, например, в мусульманском мире. Свидетельством этому являются многочисленные примеры неразумных действий Запада, в большей степени подстрекаемого политикой США захватить своими безжалостными цепями гегемонии весь мир. Именно поэтому разразился социально-политический кризис во многих странах мусульманского мира, кульминация которого стала проявляться в 2012 г. и продолжает иметь место по настоящее время.

Сегодня можно наблюдать беспрецедентное отсутствие взаимопонимания между двумя великими культурами христианства и ислама, виной чему отнюдь не должны рассматриваться коранические догматы ислама, а скорее политика одной сверхдержавы для укрепления своего ненасытного влияния и попирания национальных прав народов третьего мира.

В этом смысле всеми внешними помыслами и способами подрывается сама национальная культура ислама, которую, наряду со всеми другими культурами мира, следует воспринимать как культуру, прежде всего, диалога, а не раскола и полного развала, как культуру, имеющую свою национальную идентичность, целостность и веками установленную непоколебимую самобытность.

Вот почему необходимо рассматривать национальную культуру как культуру диалогическую, которая возможна лишь в границах особого понимания диалога. «Это понимание в полной мере согласуется со множеством определений диалога, представленных в современной научной и философской литературе, начиная с трактовки этого понятия как формы речевого общения, где взаимопонимание является итогом обмена смыслосодержащими репликами, и до категории „диалог культур", имеющей в большей степени метафорическое значение»[4]. Диалог в традиционном понимании — это логический диалог, характери-

зующийся прежде всего тем, «что связь в нем осуществляется через сферу общезначимого, через речь (логос), а гарантом понимания становится полнота перевоплощения в речевого субъекта, неизменным следствием имеющая репрессию индивидуального»[5].

Несмотря на многообразие подходов к пониманию диалога, сегодня в исследованиях доминируют два его значения, где акцентируется или его информационный аспект, связанный с коммуникационным взаимодействием, или феноменологический, предполагающий обмен между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности, происходящий в процессе понимания одного человека другим, «вживания», «вчувствования» и «сопереживания». Однако если субъектами диалога выступают не личности, а культуры, тогда это понятие утрачивает часть своих значений, присущих ему как строго научной категории, и приобретает черты и характер философской идеи, наполняемой интенциональными и побуждающими смыслами, и отражающей предмет в аспекте идеала, что, в частности, и отражает идея «диалога культур», предложенная М. Бахтиным, видевшим в диалогическом сосуществовании залог бесконфликтного культурного развития. Своеобразным теоретическим посылом к разработке этой теории для Бахтина стала концепция О. Шпенглера, отстаивавшего возможность воспринимать культуры как личности. Бахтин преодолел тезис немецкого ученого о непознаваемости и «вненаходимости» одной культуры другой и смог доказать их способность вести диалог во времени и в пространстве, когда смысл одной культуры раскрывается в границах другой и включается в культурный оборот, причем часто помимо сознательного волеизлияния. В этот же диалог, согласно теории Бахтина, должны быть включены и современные культуры, обладающие весьма существенной спецификой и функциональными особенностями.

В этом контексте понятие «диалог» означает такую социокультурную коммуникацию, которая направлена на установление понимания, на признание многообразия как факта культурно-исторического развития (от субкультур до цивилизаций) и права на подобное многообразие, которая ориентируется на отказ от логики конфронтации и утверждение логики компромисса и сотрудничества, и которая основана на толерантности идеологий и культур и своей целью имеет предотвращение социальных катаклизмов как локальных, так и глобальных. Одним из механизмов осуществления таким образом понимаемого диалога и является национальная культура. В собственных границах она организует информационный обмен между этническими культурами, в границах глобального сообщества она обеспечивает связь как с иными национальными культурами, так и с цивилизациями.

В ситуации интенсивных контактов между народами, которые характерны для современного этапа развития, ведущим становится принцип их равенства, причем равенства не декларативного, а реального. Однако превратное толкование этнического равноправия приводит к провозглашению тезиса об устаревании государства-нации и большем соответствии реальному историческому развитию иных принципов гражданственности, основанных на возможности самоопределения (в том числе государственного) каждого крупного этнического образования. Притягательность этой идеи во многом обусловлена тем, что «свое,

близкое (родная Башкирия или Дагестан и даже Россия) известны лучше на предмет своих частностей и сложностей»[6], а такие далекие для каждого человека, живущего в ином культурном пространстве, миры, как Индия или Китай, представляются гомогенными с точки зрения их этнического состава и воспринимаются как государства, сформированные на основе единой этнонации (индийцев или китайцев). Однако даже в достаточно толерантной Индии наиболее острой проблемой на сегодняшний день являются проявления этнически-религиозного сепаратизма. «Эти процессы происходят в штате Кашмир, сильны сикхские вооруженные выступления в Пенджабе, набирают силу движения мизо и нага на северо-востоке Индии, к формированию сильной и влиятельной организации привел ассамский этнический сепаратизм, представленный Объединенным Фронтом Освобождения Ассама (ОФОА), выступающий за выделение Ассама из состава Индии и получение им независимости»[7]. Все это свидетельствует о тех значительных различиях между народами, населяющими Индию, и сушествовании между ними тех спорных вопросов, которые они считают возможным решать языком военных действий.

Сама идея о праве народов на самоопределение, безусловно, является прогрессивной, опирающейся на принципы гуманизма и требующей всевозможной поддержки. Между тем сегодня необходимо осознавать, что есть объективные факторы, которые необходимо учитывать при декларации подобных тезисов. В частности, наряду с теми народами, которые проживают компактно, существуют и те, что разбросаны в пространстве и функционируют как символические общности. У каждой народности есть представители, которые живут или изолированно в иной этнической среде, или в составе диаспор, и объединить эти этнонациональные общности в реальном пространстве, а не в идеальном проекте, в большей части оказывается невозможным. Этому, прежде всего, будут препятствовать сами люди, установившие связи (в том числе родственные) с представителями иных народов. Достаточно вспомнить, что после развала Советского Союза за пределами России оказалось около 25 млн русских, у которых есть семьи, друзья и работа, которые, считая своей родиной Россию, одновременно воспринимают себя гражданами иного государства. Такова же ситуация с армянами, сенегальцами и арабами во Франции, турками и африканцами в Германии, которые считают себя принадлежащими к французской или германской нации, прекрасно осознавая и свою этническую принадлежность и помня о родине своих предков. Таким образом, тезис о равных правах всех народностей на самоопределение необходимо применять с большой долей политической осмотрительности.

Если попытаться объективно осмыслить идею государства-этноса, получающую все большую популярность, то становится очевидным, что данная концепция достаточно репрессивна. Этносы — это исторические образования. Их конфигурация обусловлена множеством условий развития — ландшафтом, климатом, качеством почвы, характером трудовой деятельности, отношениями с соседними этносами и торговыми связями. Все эти обстоятельства влияют на численность этноса, а соответственно, на специфику восприятия иных народов, степень его открытости, способность к творческим контактам, наконец, на готовность к межэтническим связям и взаимообмену культурным потенциалом с иными наро-

дами. В ситуации подобного равенства отнюдь не равноправными окажутся крупные и малые этносы, насчитывающие 80 — 150 тыс. чел. — такие как балкарцы или карачаевцы.

Фактически принцип государства-этноса воплощается в ставшем сегодня популярном лозунге «государство — для этноса», «Эстония — для эстонцев», «Украина — для украинцев», становясь в реальности одним из средств пропаганды насилия, шовинизма и ксенофобии. Очевидно, что не может быть ни Бурятии для бурят, ни Мордовии для мордвы, ни Татарстана для татар, ни России для русских уже потому, что исторически все эти народы сосуществуют на протяжении веков друг с другом и со многими другими, поэтому провести четкую этническую границу между ними не представляется возможным. При этом вовсе не эвфемизмом является крылатая фраза о том, «что поскребешь русского — обнаружишь татарина», а подтверждением реального состояния соотношения народов, находящихся не только в ситуации торгового, военного и хозяйственного взаимодействия, но и в ситуации разнообразных родственных связей.

Именно это обстоятельство и учитывается в концепции государства-нации, формирующегося не по этническому принципу, а на основе законов, правовых норм, гражданственности и государственности. В этом смысле понятие, например, «россияне» представляется не только вполне легитимным, но и верно отражающим суть полиэтнической нации. Россияне — это все граждане России, вне зависимости от их конкретного этнического происхождения. Россияне — это нация, сложившаяся естественным путем посредством длительного взаимодействия разных народов друг с другом и закрепленная конституционно. Подобную ситуацию можно наблюдать в США, которые объединяют различные этнонациональные группы людей, т. е. людей в свое время приехавших в эту страну со всех точек земного шара. При этом они горды тем, что называют себя американцами. Поэтому все граждане России должны осознаваться и существовать как национальная общность, и отрицание этого факта является не только ошибочной позицией, влекущей за собой негативные последствия, но и несущей в себе огромный разрушительный потенциал.

Сегодня становится очевидным, что тезис о содержании терминов «национальная культура» и «этническая культура», «этничность» и «национальность» перестает существовать как теоретический, он получает существенное практическое наполнение, влияя на развитие реальных социальных, политических и культурных процессов. Это проявляется в том, что национальную культуру необходимо различать с этнической, иначе российская национальная культура будет восприниматься только как совокупность многочисленных этнических культур населяющих ее народов, между которыми нет общности. Однако такая общность есть — это гражданская государственная общность, и культурная общность являет собой российскую национальную культуру. Иными словами, как во многих странах мира, культура национальна по содержанию, но государственна по форме.

Если перевести проблему соотношения национальной и этнической культуры из теоретической в практическую плоскость, окажется, что она является одной из наиболее острых и активно обсуждаемых проблем. Например, в конце XIX — начале XX в. в татарском обществе получили яркое выражение два направления

общественного развития — кадимизм (идеология старого) и джадидизм (идеология нового). В это время идеологи кадимизма пытались сохранить этнорелигиозную идентичность татар в условиях буржуазной эпохи через ее консервацию, через укрепление стратегии замкнутости мусульманской общины. Джадидисты уповали на развитие светских наук, творческий подход к изучению ислама, введение русского языка, который, наряду с татарским языком обучения, должен был, по их замыслу, преодолеть инертность сельского менталитета и способствовать формированию урбанизированной личности, адаптированной к быстро развивающейся социальной реальности на основе национальной «высокой культуры».

Эта тема не утратила актуальности и в современном Татарстане, где позиции кадимистов представляют Милли Меджлис, партия «Иттифак» и часть мусульманского духовенства. Сторонниками идей джадидизма являются ТОЦ и большинство национальной интеллигенции. Некоторые из представителей интеллигенции по-прежнему видят спасение нации в изоляции татар от влияния Запада и России и в возврате к кадимизму, а надежды на сохранение татарского общества связывают с крестьянством.

Подобную ситуацию можно наблюдать и в ряде арабских стран (Египет, Иордания, Йемен, Сирия), где поборники старых укладов ведут непримиримую борьбу с любыми проявлениями модернизма, без которых, как признано международным сообществом, вряд ли можно обойтись и в грядущем будущем.

Принципиально иную позицию отстаивает татарский писатель А. Еники, который, как отмечает Л. В. Сагитова, видит «в участии татар в модернизационных процессах залог полноценного развития нации в соответствии с требованиями времени»[8]. Писатель считает джадидистов прогрессивными реформаторами и говорит о пользе овладения русской культурой и языком: «Невозможно жить, отгородившись от русского общества. В том, что татары сегодня образованы — есть влияние и русского прогресса»[9]. Именно благодаря знакомству с европейской культурой через русский язык татары, отмечает А. Еники, вышли на первое место среди других тюркских народов.

В этих двух позициях заключается отношение к этнической и национальной культуре, первая из которых в общественном сознании связана с собственной историей и традициями, вторая — с возможностью модернизации и вхождения в международное сообщество. Этническая культура позволяет поддерживать собственное своеобразие, а национальная — выступает в качестве посредника, помогая каждому народу занять достойное место в мировой культуре.

Конечно, принципы, выработанные национальным государством в отношении входящих в него этнических культур, в условиях глобализации испытывают огромное давление со стороны межгосударственных объединений — экономических, политических и информационных. Между тем необходимо иметь в виду, что на сегодняшний день в мировом сообществе пока не выработаны принципы государственного устройства, альтернативные государству-нации, но опирающиеся на два основополагающих понятия данной системы — личность и диалог. Сегодня ученые, философы и политики говорят о необходимости создания интегративной культуры, преодолевающей социальный хаос, о грядущей культуре диалога.

В рамках диалога возникает новый тип рефлексии, основывающийся на признании субъективности, принципиально противоположной безличности и ориентирующейся на межличностное общение, где смысл возникает единственно в той области, которая находится «между» субъектами. Подобное взаимодействие происходит в процессе понимания одного субъекта коммуникации другим, «вживания», «вчувствования» и на этой основе сопереживания и предполагает обмен между персональными целостностями, мирами, сохраняющими свои особенности. Причем, если субъектами диалога выступают не личности, а культуры, тогда это понятие приобретает черты и характер философской идеи, наполняемой интенциональными смыслами и отражающей предмет в аспекте идеала.

Однако диалог возможен только в рамках той системы, где отсутствует иерархия, прежде всего иерархия знаний, но также и иерархия положений и авторитетов. Если подобное неравенство будет присутствовать, диалог неизбежно превратится не только в монолог, но и, вероятно, в планомерное и жесткое проведение определенной политики, рассчитанной на интересы доминирующего субъекта коммуникации (что можно без каких-либо колебаний наблюдать в политике, например, США по отношению к другим странам). «США, выступающие волею судьбы якобы основным полюсом всего мирового развития, постоянно стремятся проявлять свою гегемонию в мире. Это наглядно показывают события в Косово, Афганистане, Грузии, Южной Осетии, теперь в Украине. В результате во многих странах в последние годы недовольство политикой США в значительной степени стало проявляться в форме террористических акций»[10].

Подобные события не могут не подвергать сомнению целесообразность проведения экстремальной линии в границах различных культур, тем более в эпоху так называемого глобализирующегося мира.

Действительно, в границах современной культуры и изменившегося под влиянием глобализационных процессов мира проблема диалога приобретает новое звучание в связи с тем, что принципы взаимодействия, выработанные культурой «модерна», перестают выступать как непреложные и универсальные. После последних мировых войн стало очевидно, что необходимый запас прочности общественного и культурного развития связан в большей степени с разнообразием культур, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент как способный противостоять разрушительным тенденциям, что диалог культур и религий — это единственная приемлемая основа современного и цивилизованного равновесия.

Подобная необходимость понимания воплотилась в отказе от логоцентризма, монокаузальности и линейности культуры модерна и утверждении таких принципов ее функционирования, как диалогичность и плюрализм. В рамках глобализационной парадигмы это привело к формированию новых философских методов осмысления действительности, в частности, нелинейной диалектики, и повышенному вниманию к синергетики как такой области науки, которая имеет принципиально междисциплинарный характер и исследует явления в неравновесных, нелинейных, нестационарных системах. В этом контексте понятие «диалог» означает такую социокультурную коммуникацию, которая направлена на установление понимания, на признание многообразия как факта культурно-исторического развития (от этносов до цивилизаций) и права на такое многообразие.

Таким образом, исламо-христианский диалог означает ориентацию в действиях на идею толерантности как доктрину, основанную не только на признании основных свобод и универсальных прав человека, но и на уважение тех или иных конфессиональных вероисповеданий. Достоинство диалога в том и состоит, что он способен любое противоречие разрешить посредством обсуждения и через понимание, а не через противостояние. Именно этой способностью к диалогу, к установлению тех общих смысловых пространств через которые может осуществляться понимание и определяется ценность национальной культуры в исламо-христианском мире. Способность национальной культуры отказаться от логики вражды и утверждать логику компромисса и сотрудничества, основанную на толерантности идеологий, культур и религий, своей целью имеет предотвращение различных противостояний между народами и многообразных социальных катаклизмов как локальных, так и глобальных (в том числе и на религиозной почве). Поэтому она соотносится с таким понятием, как «новая культура мира», содействующая более цивилизованному развитию всего мирового сообщества.

Библиографические ссылки

[1] См.: **Шилов Н. В.** Русская православная церковь и мусульманская умма в Республике Мордовия начала 2000-х гг.: основные тенденции развития // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1. С.190 — 198.

[2] **Меликов И. М.** Культура как олицетворение содержания общественной жизни // Уч. записки РГСУ. М., 2010. № 3. С. 17 — 25.

[3] **Соловьев В. С.** Собрание сочинений. М., 1988. Т. 4. С. 3.

[4] **Померанц Г. С.** Диалог // Культурология. XX век : энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. С. 171 — 172.

[5] **Майборода Д. В.** Диалог // Новейший философский словарь. Минск, 1999. С. 215.

[6] **Тишков В. А.** Культурный смысл пространства : (Доклад на пленарном заседании V Конгресса этнологов и антропологов России. Омск, 9 июня 2003 г.) // [Электронный ресурс]. URL: http: // journal @iea.ras.ru. С. 7. (дата обращения: 16.06.2014 г.).

[7] **Пешакова Е.** Многонациональная Индия: этнический сепаратизм // [Электронный ресурс]. URL: http: // journal @iea.ras.ru. С. 1. (дата обращения: 16.06.2014 г.).

[8] **Сагитова Л. В.** Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ // [Электронный ресурс]. URL: http: //journal@iea.ras.ru. С. 19. (дата обращения: 16.06.2014 г.).

[9] Там же.

[10] **Сахроков В. А.** Философское обоснование кризиса современной цивилизации // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4. С. 214 — 221.

Поступила 17.06.2014 г.

УДК 070:005.591.6

Н. С. Азизбекова
N. S. Azizbekova

ГЕНДЕРНЫЕ ДЕВИАЦИИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ СМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

GENDER DEVIATIONS OF THE MEDIA POTENTIAL AUDIENCE UNDER CONDITIONS OF THE PRESENT-DAY INTEGRATION

Ключевые слова: аудитория, гендер, гендерная идеология, гендерный стереотип, глянец, женская пресса, красота, мода, модная фотография, право женщины, женская психология, типология.

В статье на фоне общей систематизации средств массовой коммуникации выделяется специфическая подсистема СМИ; определяется смысловая и содержательная сущность гендерных периодических изданий; рассматриваются международные глянцевые издания «Elle» и «Vogue»; детерминируются типологические параметры журнальной прессы, цели и задачи издающих организаций; акцентируется внимание на структурно-содержательном репертуаре глянцевых журналов, полиграфических характеристиках.

Key words: audience, gender, gender ideology, gender stereotype, gloss, women's press, beauty, fashion, fashion photography, women's rights, women's psychology, typology.

A specific subsystem of the media is distinguished in the article on the background of the general systematization of the mass media; semantic and substantive nature of gender periodicals is determined; international glossy magazines «Elle» and «Vogue» are considered; typological parameters of the magazine press, as well as goals and objectives of publishing organizations are determined; attention is focused on the structural and substantive repertoire of glossy magazines, their printing characteristics.

Осмысление типологии журнальной периодики происходит в журналистской науке с момента ее зарождения. На сегодняшний день можно утверждать, что вся история журналистики — это поиск типологических свойств изданий, жанров и других категорий печатной продукции. Возникновение любого периодического органа начинается с анализа типологических характеристик: читательской аудитории, назначения, содержания, внутренней и внешней структуры и издательских параметров. Типология периодики всегда осознавалась издателями как важная профессиональная проблема.

Существенную роль в типологической сфере модификаций средств массовой информации сыграла женская периодика, которая одна из первых испытала на себе результаты снятия «железного занавеса» с российских информационных границ, стремительное развитие которой способствовало образованию динамичных и характерно разносторонних сегментов журнального рынка. Гендерные журнальные издания являющиеся сегментом женской прессы — одна из обширных по своим характеристикам группа периодических СМИ. Понятие «гендерный» в словаре трактуется как [<англ. gender — род] — связанный либо с мужской, либо с женской проблематикой (например, исследования, касающиеся положения женщин

© Азизбекова Н. С., 2014

в обществе)[1]. Они рассчитаны на разные читательские категории (гендерные аудитории), призванные стимулировать и удовлетворять различные интересы и потребности: профессиональные, образовательные, развлекательные и информационные.

Среди разнообразного потока подсистемы женских изданий в особом ряду стоят глянцевые журналы. «Глянец» охватывает различные стороны читательской аудитории. Он рассчитан на широкий спектр потребительских вкусов, на разную социальную градацию и ориентирован практически на все существующие социальные группы, хотя фактической, реальной и потенциальной аудиторией является женское население страны.

Яркими и успешными представителями гендерных изданий являются международные глянцевые издания «Elle» и «Vogue». Прежде чем приступить к исследованию наиболее характерных специфических особенностей гендерного типа журналов, необходимо совершить небольшой экскурс в этимологию и вспомнить историю создания двух сверхпопулярных мировых изданий; выявить их место и роль во всей системе средств массовых коммуникаций России.

Первым для рассмотрения стал всемирно известный журнал «Elle», тематика которого сосредоточена на женской моде, красоте, здоровье и развлечениях. Журнал был основан Пьером Лазареффом и его женой Элен Гордон в 1945 г. Название на французском языке означает «Она» или «Ее». Долгое время его создатели были по совместительству и журналистами, и главными редакторами. Ими была разработана концепция уникального женского журнала, которая работает и сегодня. В первом номере от 21 ноября 1945 г. женщины прошлого столетия могли прочитать о том, как приготовить крок-месье из творожков и черной редьки, узнать, как из старых платьев прошлых лет сделать новые, перекроив и укоротив их, как оставаться привлекательной, свободной и современной, несмотря на недостаток элементарных вещей и талонов на питание. Кроме того, редакторам «Elle» важно было рассказать своим читательницам о социальных переменах, статистике по разводам и условиях жизни женщин в других странах.

Издание быстро приобрело популярность во Франции. Уже к концу 1960-х г. у журнала было 800 000 читателей, он становится настоящим мифом — законодателем французской моды. С журналом начинает сотрудничать французский кутюрье и крупная фигура в истории моды XX столетия Габриель Шанель, а сама Элен Гордон выпускает линию одежды «Elle» и открывает миру на страницах своего издания талант и красоту актрисы Брижит Бардо.

В 1981 г. французские предприниматели Дэниел Филипакки и Жан-Люк Лагардере купили журналы издательского дома Hachette, включавшие тогда и «Elle». После этого события журнал ждал колоссальный успех: его стали выпускать в США, а затем и в 25 странах мира. На современном информационном рынке журнал является самым многочисленным в мире моды журналом, с выпусками в более чем в 60 странах. Ежемесячно журнал читают более 20 миллионов женщин. Более того, под торговой маркой «Elle» продаются одежда, обувь, аксессуары и ювелирные украшения в 80 странах мира.

В России журнал выпускает Издательский Дом «Hachette Filipacchi Shkulev» (HFS). Он был основан в 1995 г. в рамках одного из крупных в мире издательских холдингов — «Hachette Filipacchi Medias», а первый выход в свет номера из-

дания произошел в апреле 1996 г. «Elle» является первым международным журналом мод, вышедшим в России. Сегодня его тираж насчитывает 330 тыс. экз., а постоянная аудитория издания превышает 560 тыс. читательниц каждый месяц. В соответствии с недавними данными National Readership Survey, анонсированными «TNS Gallup», «Elle» в сегменте премиальных журналов о моде по объему читательской аудитории лидирует как в целом по стране, так и в Москве. По подсчетам экспертов в 2010 г. ежемесячная аудитория журнала составила 700 000 чел. Помимо «Elle» издательский дом «HFS» выпускает такие популярные в России журналы, как «Elle Girl», «Maxim», «Psychologies» и «Marie Claire».

За время существования «Elle» медиатексты становятся насыщеннее и содержательнее, аналитичнее и масштабнее. Некоторые рубрики «выросли» до формата самостоятельных изданий. Так, в семействе «Elle» появились журналы «Elle Girl» (создан специально для подростковой аудитории) и «Elle Décor» (специализируется на современном интерьере). Журналы пользуются огромной популярностью во всем мире, о чем можно судить по цифрам. Совокупная аудитория всех изданий «Elle» — 20 541 200 чел.; совокупный тираж всех изданий — 10 795 319 экз.; аудитория журнала «Elle Girl» — 286 100 чел., его тираж — 210 000 экз.; аудитория «Elle Décor» — 271 100 чел., его тираж — 75 000 экз.

Редакция издания свою аудиторию представляет как женщину 25 — 35 лет. Она молода, активна и женственна, прекрасно выглядит и следит за собой, любит тратить на себя деньги и время. Кроме того, может себе это позволить. Читательница разбирается в моде, интересуется новинками индустрии, но в вопросах выбора руководствуется собственным чувством стиля. Она следит за последними тенденциями в культуре и искусстве, умеет получать от жизни эмоциональное и интеллектуальное удовольствие. «Наша читательница достаточно молода для того, чтобы поверить, что жизнь — это приключение, и уже достаточно созрела для того, чтобы на это приключение заработать», — характеризует свою аудиторию Робби Майерс, главный редактор журнала «Elle» на страницах интернет-ресурсов.

Роскошный цветной глянцевый журнал «Elle» предоставляет читателю качественную эксклюзивную информацию о значимых коллекциях сезона, новых косметических средствах, парфюмерии, модных тенденциях, красоте, здоровье, стиле и обо всем великолепии мира в целом. Модное издание многосторонне подходит к освещению основной тематики. Наряду с классическими женскими рубриками о моде и красоте, сегодня в журнале привлекательно представлены разные аспекты карьеры и личных финансов, новые идеи для домашнего интерьера, захватывающие репортажи о путешествиях, лучшие советы по самочувствию и отдыху, все самое интересное из мира звезд. В журнале представлены эксклюзивные фотографии, сделанные лучшими фотографами мира. В превосходной форме преподносится и профессиональная реклама. Помимо прочего, редакция поддерживает тесную связь со своими читательницами. Специально для этого создан раздел «Почта Elle», где каждый желающий может поделиться не только отзывами о материалах издания или историй о жизни, но и выиграть модные призы. Лучшие письма публикуются на страницах журнала, и читатели получают комментарий специалиста или редакционного коллектива. Кроме того, существует

официальный сайт (www.elle.ru), являющийся лидером в сегменте премиум интернет-ресурсов о моде и красоте в России. Он существует с 2005 г. и является качественным самостоятельным продуктом, отражающим и активно поддерживающим концепцию и ценности бренда «Elle». В целях повышения удобства пользования сайтом, улучшения структуры и содержания руководством бренда было принято решение о перезапуске сайта на новой платформе, позволяющей существенно расширить возможности для пользователей, с большим количеством новых рубрик и сервисов.

Современная эпоха высокотехнологичных инновационных изобретений не могла не коснуться одного из ведущих мировых изданий, поэтому с 2010 г. журнал «Elle» стал доступен своим читателям не только в печатной версии и на официальном сайте. Сегодня свежие новости моды и светской жизни можно узнать, запустив приложение «Elle» на современных интернет-планшетах и смартфонах (iPad и iPhone). Удобное приложение позволяет просматривать подборки фотографий самых последних событий мира моды и делиться ими с друзьями в различных социальных сетях.

Вторым не менее креативным женским изданием является журнал «Vogue». Первый номер общественного еженедельника, созданного для состоятельных ньюйоркцев, вышел в свет в 1892 г. Журнал в переводе с французского означает «модный». Изначально еженедельник состоял из 16 страниц ин-кварто (от лат. quarta — четверть) — формат в издательстве в четверть печатного листа (примерно 45 × 30 см), широко распространенный в ранний период книгопечатания[2]. Обложку украшала одна из изысканных картинок, которые стали популярны благодаря журналу «Life», размещавшему под ними юмористические диалоги. Цена одного экземпляра — десять центов — позволяла человеку со средним достатком приобрести журнал и узнать, что происходит в обществе.

Еженедельник позиционировался как заслуживающий внимания журнал, рассказывающий о жизни общества, моде, театрах, концертах, художественных выставках и о некоторых книжных новинках. При этом он был хорошо иллюстрирован, на его страницах можно было найти эскизы костюмов. С первого выпуска стало понятно, что это не просто очередной журнал о женской моде, а сдержанное и респектабельное издание о модном Нью-Йорке. Его респектабельность выделялась на фоне таких сенсационных изданий для светского общества, как «Town Topics».

Настоящая история перемен в издании началась в 1913 г., когда владелец «Vogue» Кондэ Нэст привлек к работе европейского фотографа барона Адольфа де Мейера. Барон смог придать изданию новый статус и стал первым профессиональным фотографом, снимающим манекенщиц для глянцевого журнала. «Де Мейер превратил фотографию моды из побочной деятельности для фотографов в основное профессиональное занятие и модный образ жизни. Он умел создать ощущение тесной связи между собой и женщинами»[3]. Целое десятилетие работы де Мейера определяли стиль в изображении моды, но фотографии в журнале напоминали живопись импрессионистов, на которых модель чуть туманилась, что было красиво, но не отвечало целям журнала. Все изменилось в 1923 г. с приходом в «Vogue» фотографа Эдварда Стейкена, которому Нэст говорил: «На снимках Мейера каждая женщина выглядит, как модель. На ваших — в каждой мо-

дели видна женщина»[4]. Представительницы прекрасного пола на фото Стейкена отражали социальное величие 1920-х гг. Их элегантность была лишена романтизма, а женственность — сентиментальности.

В конце 1930-х гг. произошла еще одна перемена: фотограф Фриссель с помощью новой техники создал ошеломившие всех снимки моделей в движении, с разлетающимися юбками, рукавами и волосами. Затем до 1960-х гг. изображаемой моделью «Vogue» была женщина 30 — 35 лет, потому что в то время считалось, что только к этому возрасту вырабатывается чувство стиля. В 1970-е гг. журнал стал выходить один раз в месяц. Изменилась и целевая аудитория журнала — теперь не домохозяйки, мечтающие на кухне о лучшей жизни, а деловые женщины, каждое утро спешащие на работу. Таким образом, большинство статей журнала сменило тематику.

В настоящее время главным редактором является Анна Винтур, которая с начала своей деятельности (1988) работает на поддержание репутации «Vogue» как журнала мод «номер один» в мире. Винтур попыталась максимально расширить аудиторию журнала, делая акцент на том, что высокая мода доступна для всех, а не только для избранных. Так, на обложке первого номера журнала, выпущенного под ее руководством, была размещена фотография модели в полный рост в достаточно демократичном образе. До Анны Винтур редакторы, как правило, помещали на обложку лишь лицо модели.

За годы своего существования «Vogue» прошел путь от «издания для богатых» до неоспоримого арбитра вкусов большинства, от журнала для нью-йоркской элиты до гиганта мировых масштабов. Сегодня «Vogue» выходит в 19 странах. В настоящее время издательство Condé Nast Publications выпускает также журналы «Men's Vogue» (о моде для мужчин), «Teen Vogue» (для подростков), «Vogue Living» и «Vogue Entertaining + Travel» (выходящий только в Австралии). Данные журналы очень быстро подтвердили, что достойны принадлежать к такому раскрученному бренду, завоевав рекордное количество аудиторий и рекламодателей.

Сегодня «Vogue» — самый влиятельный журнал в мире моды, символ стиля и красоты, эталон хорошего вкуса и профессионализма. Он совмещает в себе модные тенденции и современную историю, вписывая моду в культурные рамки эпохи. Сам факт того, сколько книг посвящено модному журналу, уже не оставляет сомнений в его культовости. Последняя книга принадлежит перу Н. Ангелетти и А. Оливы — «Vogue: иллюстрированная история самого известного в мире журнала мод». П. Девлин написала блестящую историю фотографического искусства журнала «Vogue». Есть книга об иллюстрациях «Vogue'а» и даже отдельная работа только о его обложках. Кэролайн Сибом написала одну из лучших биографий журнальных издателей под названием «Человек, который был Vogue'ом» — о Кондэ Нэсте, владельце журнала с 1909 по 1942 г. Именно Нэст сформулировал суть журнала — как «неоспоримого арбитра вкуса и как ту общую почву, на которой встречаются и создают свой стиль люди удачливые и блестящие». Обо всех главных фотографиях Vogue'а , включая Стэйкена, Пенна и Аведона, было написано, по крайней мере, по одной книге. Две книги написаны о художественном директоре журнала — Алексе Либермане. Грэйс Коддингтон, бывшая модель, а затем художественный директор Vogue'а, в своих мемуарах вспоминает жизнь в журнале: «Ты или шикуешь на обеде на триста персон, или часами ползаешь по полу

студии с десятком булавок во рту»[5]. Наконец, обаятельная, но всеми забытая книга «Всегда в Vogue'е» — автобиография Эдны Чейз, женщины из квакерской семьи, проработавшей главным редактором «Vogue'а» с 1895 по 1951 г. В 2009 г. вышел документальный фильм «Сентябрьский номер», который был посвящен самому толстому выпуску «Vogue» за всю историю журнала.

В России «Vogue» издается с 1998 г., обложку первого номера снимал знаменитый фотограф с мировым именем Марио Тестино. Бессменным главным редактором до 2010 г. являлась Алена Долецкая, с 29 июля 2010 г. — Виктория Давыдова. Журнал выходит ежемесячно тиражом 150 — 200 тыс. экз., объемом — более 500 полос. Исследования выявили аудиторию журнала, оказалось его читают 715 600 чел., из них 24 % мужчин и 76 % женщин в возрасте 16 — 19 лет (15 %), 20 — 24 года (19 %), 25 — 34 года (29 %), 35 — 44 года (23 %). Маркетологи также выявили, что доходы у 23 % читателей журнала выше среднего, у 24 % зарегистрирован средний доход. Руководители, специалисты, служащие составляют 57 % аудитории «Vogue»[6].

За пятнадцать лет российский «Vogue» встал на один уровень с западными аналогами, его мнение сегодня в мире моды и культуры имеет большое значение. Издатели журнала имеют точное понимание российского рынка и культуры, а также отражение российской действительности. Журнал всегда молод и интересен для чтения, он дает наиболее полное представление о происходящем в модном мире, является проводником новых тенденций и явлений в моде. Образу журнала присущи такие черты, как высокий статус, авторитетность, престиж. Сейчас о «Vogue» не принято говорить иначе, как о вечном и культовом журнале, определенной «эстетике бытия», журнале всех времен и народов и раскрученном брэнде — его именем названы сигареты и московское кафе.

Подиум, новости моды и красоты, новые тенденции, интервью с дизайнерами и моделями, фоторепортажи со светских вечеринок и многое другое каждый читатель сможет найти на страницах этого журнала. Кроме того, русский «Vogue» отнюдь не адаптированный перевод общемирового издания. Русская редакция делает журнал полностью. Из интернациональных изданий ничего не перепечатывается, используются только авторские материалы. «Во Франции и в России „Vogue“ не дублируют друг друга по содержанию. Но при этом „Vogue“ — это брэнд, это единый стиль по всему миру, единая манера подачи информации и рекламы, единые стандарты качества фотографий и полиграфического исполнения журналов»[7].

У данного культового журнала, помимо печатной версии, существует также официальный сайт (Vogue.ru). Он обозревает тенденции моды, красоты, аксессуаров и ювелирных украшений; публикует эксклюзивные интервью со звездами, дизайнерами и парфюмерами, репортажи с главных красных дорожек мира и выбор самых примечательных новинок и моделей сезона.

Международная глянцевая пресса за время своего существования прочно вошла в жизнь современной женщины. Несмотря на свою развлекательную сущность, современные глянцевые издания нельзя назвать «пустыми» журналами. Сегодня женские журналы имеют различную тематику, их разнообразие способно удовлетворить любой, даже самый взыскательный вкус. В большей степени это касается таких качественных издательских продуктов для женщин, как журналы «Elle» и «Vogue». У женщин появилась возможность узнавать о мод-

ных новинках и последних тенденциях в мире моды, получать кулинарные советы и рекомендации по уходу за собой, детьми и т. д. Следует отметить, что в XXI в. женщины получили возможность выбирать и читать то, что им действительно нравиться.

Билиографические ссылки

[1] См.: **Комлев Н. Г.** Словарь иностранных слов. М., 2006. 672 с.
[2] См.: Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 46.
[3] **Devlin P.** Vogue Book of Fashion Pfotography, 1919 — 1979. Thames and Hudson. London, 1976. P. 144
[4] Цит. по : **Angeletti N., Oliva A.** In Vogue. The illustrated History of the World‘s Most Famous Fashion Magazine. New York, 2006. P. 65.
[5] **Коддингтон Г.** Грейс: тридцать лет моды в Vogue. М., 2002. С. 73.
[6] Атлас СМИ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediageo.ru/fedpressa/ezhemes/vogue.html (дата обращения: 10.02.2013 г.).
[7] **Черниговская Ю. Ю.** Пресса: по следам успеха. М., 2002. С. 23.

Поступила 11.02.2014 г.

УДК 061.236.6

Игумен Спиридон (Баландин)
Hegumen Spiridon (Balandin)

МАСОНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ТВОРЧЕСТВА В. И. ИВАНОВА

MASONIC IMPACT ON RUSSIAN SYMBOLISM: THE PROBLEM OF SOURCES OF V. I. IVANOV'S WORK

Ключевые слова: «Мусагет», масон, розенкрейцер, ложа «Люцифер», ложа «Космос», софиология.

В статье рассматривается вопрос о членстве поэта и философа В. И. Иванова в масонских ложах.

Key words: “Musaget”, a Freemason, a Rosicrucian, lodge “Lucifer”, lodge “Cosmos”, sophiology.

The article deals with the problem of membership of a poet and philosopher V. I. Ivanov in masonic lodges.

Вячеслав Иванович Иванов (1866 — 1949) — выдающийся поэт, философ, ученый-антиковед и теоретик символизма, оказавший значительное влияние на русскую культуру XX в. Интерес мыслителя к мистике, эзотерическая направленность

© Игумен Спиридон (Баландин), 2014

многих его произведений, причастность поэта к традиции христианского герметизма очевидны для любого, кто всерьез изучал его наследие. Нас интересует вопрос: состоял ли Вячеслав Иванов в какой-либо масонской ложе или же его изыскания носили характер свободного и любительского исследования? Следует отметить, что документальных свидетельств о членстве Вячеслава Ивановича в конкретной ложе исследователям найти до сих пор не удалось, но материала для размышлений существует достаточно.

В России в XX в. первая масонская ложа («Возрождение») была создана 15 ноября 1906 г. В мае 1908 г. в Москве она была инсталлирована, т. е. получила статус в системе Великого Востока Франции, а в феврале 1910 г. прекратила свое существование вследствие внутренних разногласий*. С точки зрения оппозиционного Великому Востоку англо-саксонского масонства** в России легальных лож вообще не существовало[1]. Таким образом, российское масонство начала XX в. вне указанных временных рамок 1906 — 1910 гг. с точки зрения материнских Орденов было нелегитимно. Пик посвящений в масонские степени пришелся на 1907 — 1908 гг.

Одним из учредителей ложи «Возрождение» значился М. М. Ковалевский (1851 — 1916), известный В. Иванову по работе в Русской высшей школе общественных наук в Париже. Масоны М. М. Ковалевский и близкий друг Вячеслава Ивановича Е. В. Аничков (1866 — 1937) были в числе отцов-основателей этого учебного заведения, оба получили посвящение во французской ложе «Космос» (основана 25 июня 1887 г., работала по Шотландскому уставу). Кадры для планируемой в Россию масонской экспансии отбирались из преподавательского состава Русской высшей школы. Например, одним из известных вольных каменщиков, получивших также посвящение в ложе «Космос», был А. В. Амфитеатров (1862 — 1938), читавший в учебном заведении курс античной истории[2]. Таким образом, ложа «Космос» оказалась у истоков мощного масонского возрождения в России в начале XX в. Вячеслав Иванов читал в 1903 г. в Высшей школе с большим успехом курс лекций о дионисийстве и даже был приглашен на профессорскую должность[3].

По свидетельству из письма А. Р. Минцловой[4] от 27 января 1908 г., Иванов получил приглашение вступить в ложу Шотландского устава («rite ecossais») от упоминаемого выше М. М. Ковалевского[5], которого с поэтом связывала «глубокая приязнь»[6]. Вопрос о присоединении был оставлен А. Р. Минцловой на усмотрение Вячеслава Ивановича — в то время Анна Рудольфовна имела ог-

---

* Параллельно в Петербурге была создана и инсталлирована ложа «Полярная Звезда», которая была затем «усыплена» вместе с «Возрождением».

** Легальная ложа Мордовии — «Федор Ушаков» (инсталлирована 12 марта 2011 г. Великой Ложей России под номером 36) принадлежит к англо-саксонскому направлению масонства и придерживается Шотландского Устава (об этом подробнее см.: [Электронный ресурс]. URL. https:// http://lodge-ushakov.ru.) Интересно, что в 1908 г. Вячеслав Иванов получил приглашение от масонов работать именно в рамках этого Устава, так как в нем делался упор на внутреннее совершенствование, на проблемы искусства и культуры, в то время как ложи Великого Востока Франции были социально и политически ориентированы, что в случае Вячеслава Иванова не столь актуально.

ромное влияние на мыслителя и по сути являлась для него духовной матерью. Очевидно, что до 1908 г. поэт в каких-либо ложах не состоял, что подтверждается его отсутствием в списках «Возрождения» и «Полярной Звезды» на момент инсталляции[7].

Вместе с тем весь январь 1908 г. А. Р. Минцлова, находясь в Москве, многочисленными письмами наставляла поэта и готовила его к посвящению в некую тайную общину розенкрейцеров[8]. В начале февраля 1908 г. поэт сообщил М. М. Замятниной (домоправительница семейства Ивановых) и падчерице В. К. Шварсалон, что назван учеником и просил молиться за него[9]. Таким образом, некое посвящение самочинного характера от А. Р. Минцловой состоялось. Отметим, что Вячеслав Иванович вслед за своей наставницей разделял масонство на экзотерическое и эзотерическое. К первому (легальные ложи) его отношение было весьма прохладным в силу присущего мыслителю адогматизма, а второе он понимал, как розенкрейцерство, т. е. своеобразный интимный путь к Богу, и скорее сам пытался создать ложу, чем вступить в уже существующую. К тому же аутентичное движение розенкрейцеров имело столь близкие Вячеславу Ивановичу немецкие корни в плане мистицизма. Следует отметить, важный момент, что А. Р. Минцлова была адептом учения Р. Штейнера* и его представителем в России (хотя осенью 1909 г., кажется, в угоду Иванову отреклась от своего учителя и теософии в пользу неких собственных интерпретаций) и потому, если и могла посвящать, то лишь в эту эзотерическую традицию; такая инициация, конечно, в глазах вольных каменщиков легальной быть не могла.

Из записки масона Л. Д. Кандаурова (1880 — 1936) следует, что Вячеслав Иванов был членом Московской ложи «Люцифер», возникшей около 1910 г. В ее состав входили деятели искусства, некоторые поэты-символисты, например, Андрей Белый (Б. Н. Бугаев, 1880 — 1934). Перед Первой мировой войной ложу закрыли, хотя, как пишет Л. Д. Кандауров, «характер их работ был возвышенный»[10]. А. И. Серков добавляет к этим данным, что ложа была открыта, возможно, розенкрейцерским капитулом «Астрея», а закрыта за связь с антропософами[11]; также упоминает Вячеслава Ивановича среди «вольных каменщиков, ставших таковыми уже в начале века»[12]. Соответственно в энциклопедическом словаре А. И. Серкова Вячеслав Иванов присутствует[13]. Действительно, в письмах Б. В. Астромова-Кириченко, руководителя «Великой ложи Астрея», упоминается факт знакомства с Вячеславом Ивановичем[14].

Отметим, что 1909 — 1910 гг. — время создания двух глобальных проектов, в которых принимал участие Иванов: журнал «Аполлон»** и Московское издательство «Мусагет», работники которого стараниями А. Р. Минцловой

---

* Р. Штейнер — генеральный секретарь немецкого отделения Теософского общества с 1902 г., с 1913 г. — руководитель основанного им Антропософского общества с центром в Дорнахе (Швейцария). Был одно время легальным членом розенкрейцеровской ложи под управлением некоего Yarker в Германии (См.: ***Богомолов Н. А.*** Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 461).

** Иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы; издавался в 1909 — 1917 в Санкт-Петербурге.

составили основу мистического Ордена «князей европейской культуры». Внутри издательства был сформирован эзотерический триумвират «Орфей» (Иванов — Минцлова — Белый)[15], который, впрочем, быстро распался вследствие внутренних противоречий. Под маркой «Орфей» увидели свет в 1910 — 1914 гг. многие переводы произведений мистической направленности, например, «Увеселения Премудрости о любви супружественной» Э. Сведенборга, «Аврора» Я. Беме, «Серафита» О. Бальзака и пр. Куратором данной линии в издательстве был Вячеслав Иванов.

В общем и целом издательство пропагандировало германскую культуру, что может быть указанием на розенкрейцеровские идейные корни. Кроме того, внутри «Мусагета» произошел глубокий раскол по линии антропософии как раз накануне Первой мировой войны, в результате чего штейнерианцы А. Белый и А. С. Петровский (1881 — 1958) издательство покинули. Как итог можно предположить, что упоминаемая ложа «Люцифер» действительно некоторое время существовала в недрах издательства «Мусагет», а Иванов являлся ее членом и одним из учредителей.

Относительно эпатажного названия ложи «Люцифер»: известный обет Фауста из одноименного произведения Гете о неутомимом стремлении к высшему и подлинному бытию понимался Вячеславом Ивановичем как девиз восходящего движения человеческого духа, что есть, по мнению мыслителя, парадоксальное действие энергии Люцифера[16].

Известный поэт и художественный критик С. К. Маковский (1877 — 1962) также свидетельствовал о принадлежности поэта к вольным каменщикам: «Вячеслав Иванов несомненно принадлежал к одному из тайных обществ, когда сблизила нас общая работа в „Аполлоне“»[17]. Высокопоставленный масон и близкий друг Вячеслава Иванова Е. В. Аничков в разговоре с М. А. Кузминым 12 февраля 1912 г. однозначно засвидетельствовал членство мыслителя в масонской ложе[18]. Следует отметить, ношение поэтом в то время необычных перстней: огромной пентаграммы — знаменитого масонского символа[19]; также черного кольца с головой Адама[20], характерных для движения розенкрейцеров*.

В творчестве поэта часто встречается характерная символика, отметим, например, наполненную масонскими импликациями речь Профессора из диалога «Скучный разговор»[21], одним из составителей текста был Вячеслав Иванов[22]. Отметим запись в дневнике М. А. Кузмина от 21 апреля 1908 г.: «Вячеслав имел со мною объяснение. Читал нам торжественно о тамплиерах, розе (пентаграмма), муч<енике> Хираме** (тело от костей, белая акация)»[23]. В дневнике В. К. Шварсалон от 29 июня 1909 г. имеется следующая запись о полемике с Вячеславом Ивановым: «Есть великое дело — строение храма, для него я готов

---

* Великий Адам в гробнице, аллюзия к мифу об обретении гробницы Х. Розенкрейцера (См.: **Арнольд П.** История розенкрейцеров и истоки франкмасонства. М., 2011. С. 260).

** Во франкмасонстве легенда о Хираме (достоверно восходящая ко времени XVIII в.), убитого рабочими и найденного мастерами, всегда сопутствует обряду инициации мастера ложи (См.: **Арнольд П.** Указ. соч. С. 234.).

всегда, конечно, и желаю выше всего работать»[24]. В речи поэта здесь мы встречаем символику вольных каменщиков, заимствованную масонами у гильдий строителей и камнерезов[25]. В статье «Кризис индивидуализма» (1905) Вячеслав Иванович писал: «Над полем братской тризны сошлись бы в облаке неоплаканные тени Мукдена и Цусимы с героями Крыма... И если бы зодчие и ремесленники духа, отложив свои циркули и молоты, собрались на годовщину духа, — какие нимбы поднялись бы пред ними, какие лики!»[26] Здесь «зодчие и ремесленники духа», «циркули и молоты» — также характерная масонская терминология и символика.

Следует отметить, идентичность софиологической доктрины Вячеслава Иванова и учения российских масонов розенкрейцерского круга конца XVIII — начала XIX в.* Сходство заключается в следующем: София есть откровение трансцендентной Троицы и раскрытие Ее тайны миру (здесь же заложена идея посредничества и органической связи между единством и множеством); София однократно воплотилась в Богородице; София есть женское начало в Боге; материальный аспект Софии — одушевленная природа, т. е. Мировая Душа; для масонов, как и для Вячеслава Иванова, характерно осмысление в брачных категориях отношений между Софией и Логосом[27].

Таким образом, приведенные нами данные свидетельствуют о самочинном посвящении Вячеслава Иванова А. Р. Минцловой в некое создаваемое ей же тайное общество (вполне возможно, что мыслитель был его первым и последним членом) зимой 1908 г. В период 1909 — 1910 гг. Вячеслав Иванович, на наш взгляд, вполне мог быть одним из учредителей легальной масонской ложи розенкрейцеровского круга, действовавшей в течение нескольких лет в недрах издательства «Мусагет».

Библиографические ссылки

[1] См.: **Карпачев С. П.** Масонство и масоны России XVIII — XXI веков. Ступени масонского мастерства (древний и принятый шотландский ритуал). М., 2007. С. 63, 79 — 80, 104, 123 — 125.

[2] Там же. С. 63.

[3] См.: **Богомолов Н. А.** Вячеслав Иванов в 1903 — 1907 годах : док. хроники. М., 2009. С. 57 — 89.

[4] См.: **Богомолов Н. А.** Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 23 — 110.

[5] Там же. С. 63.

[6] См.: **Венгеров С. А.** Русская литература XX века. 1890 — 1910. М., 2004. С. 460.

[7] См.: **Карпачев С. П.** Указ. соч. С. 104.

[8] См.: **Обатнин Г.** Иванов — мистик: (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907 — 1919)). М., 2000. С. 37 — 44.

[9] См.: **Богомолов Н. А**. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 55.

[10] Цит. по: **Берберова Н. Н.** Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 41.

---

* Софиологическую доктрину московских розенкрейцеров впервые исследовал доцент кафедры философии и биоэтики МГМСУ кандидат философских наук Ю. Л. Халтурин при работе с архивами НИОР РГБ им. Ленина.

[11] Москва. Ложа Люцифер // Русское масонство (авторский сайт Андрея Серкова) [Электронный ресурс].URL: http://www.samisdat.com/5/23/523r-luc.htm (дата обращения: 22.02.2014).

[12] Цит. по: **Кузмин М. А**. Дневник 1934 года. СПб., 2007. С. 307.

[13] См.: **Серков А. И.** Русское масонство. 1731 — 2000 гг. : энцикл. слов. М., 2001. С. 353.

[14] См.: **Никитин А. Л.** Эзотерическое масонство в советской России. Документы 1923 — 1941 гг. М., 2005. С. 204.

[15] См.: **Богомолов Н. А.** Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 92 — 93.

[16] См.: **Иванов В. И.** Родное и Вселенское. М., 1994. С. 316.

[17] См.: **Маковский С. К.** Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 277.

[18] См.: **Кузмин М. А.** Дневник 1934 года. С. 110.

[19] См.: **Андреэ, Иоганн Валентин**. Химическая Свадьба Христиана Розенкрейцера в году 1459. М., 2011. С. 95.

[20] См.: **Кузмин М. А.** Дневник 1934 года. С. 110.

[21] См.: Скучный разговор /Иванов В. И. [и др.] // Аполлон. 1909. №1. С. 79 — 84.

[22] См.: **Кузмин М. А.** Дневник 1934 года. С. 110.

[23] См.: **Кузмин М. А.** Дневник 1908 — 1915. СПб., 2009. С. 32.

[24] См.: **Богомолов Н. А.** Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 322.

[25] См.: **Арнольд П.** Указ. соч. М., 2011. С. 247.

[26] См.: **Иванов В. И.** По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. СПб., 1909. С. 88.

[27] См.: **Халтурин Ю. Л.** Софиология московских розенкрейцеров конца 18 — начала 19 веков: метафизика, символика, практики [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/1468343/Sophiology_of_Russian_Rosicrucians_18_-_19 (дата обращения: 22.02.2014).

Поступила 04.06.2014г.

В рубрике «**Памяти ученого**» журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (2014 г.; № 1; стр. 241) в одной из основных работ Л. Г. Филатова допущена ошибка в названии и в выходных сведениях. Правильно следует читать: О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Мордовии // История СССР. 1968. № 6. С. 113 — 126.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азизбекова Нелли Сарадбековна — соискатель кафедры журналистики Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: nellia117@-rambler.ru

Балашова Елена Сергеевна — соискатель кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: balashovalena85@mail.ru

Баляскников Александр Сергеевич — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Баршова Оксана Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Средне-Волжского филиала Российской правовой академии министерства юстиции Российской Федерации, e-mail: oxanabarshova@ yandex.ru

Гришаков Валерий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: vvg815@yandex.ru

Гудов Андрей Михайлович — аспирант кафедры менеджмента Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: karpovaolya86@-mail.ru

Гусева Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Давыдов Сергей Дмитриевич — аспирант отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: ser.d88@yandex.ru

Дмитриев Андрей Евгеньевич — аспирант кафедры отечественной истории имени А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета, e-mail: andrey.d.meat@mail.ru

Ерофеев Борис Николаевич — аспирант кафедры отечественной истории имени А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета, e-mail: guniign@list.ru

Игонов Эдуард Иванович — аспирант кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: fas-phyl@adm.-mrsu.ru

Игумен Спиридон (Баландин) — проректор по информатизации Саранского Духовного училища, e-mail: makarovka1@yandex.ru

Камалова Эльвира Фатавиевна — аспирант кафедры татарской музыки и этномузыкологии Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова, младший научный сотрудник Республиканского центра развития традиционной культуры (г. Казань), e-mail: kamalova.el@yandex.ru

Королева Елена Владимировна — кандидат экономических наук, заведующий отделом организации НИР и мониторинга использования результатов интеллектуальной деятельности Федерального института промышленной собственности, г. Москва, e-mail: ev_koroleva@rupto.ru

Корякова Ирина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: korykova@-yandex.ru

Кочетова Юлия Михайловна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Кристалинский Леонид Борисович — кандидат политических наук, доцент, докторант Национального института бизнеса (г. Москва), e-mail: kris-leon@hotmail.com

Кулакова Надежда Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail:fas-phyl@adm.mrsu.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Минасян Арсен Аркадьевич — помощник ректора по общим вопросам, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Поволжского государственного университета сервиса, e-mail: minasyan@tolgas.ru

Минеева Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, e-mail: guniign@list.ru

Мытарев Михаил Владимирович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, e-mail: shapa52@yandex.ru

Овчинников Владимир Дмитриевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, капитан 1-го ранга, e-mail: ushak_ pasha@mail.ru

Осипов Владимир Иванович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: vios.ds@mail.ru

Поляков Осип Егорович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail:fas-phyl@adm.mrsu.ru

Рябов Николай Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры традиционной мордовской культуры и современного искусства Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: opryabova@mail.ru

Саков Игорь Александрович — аспирант кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, e-mail: igor.sakov@yahoo.com

Сафронов Павел Игоревич — аспирант кафедры всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного университета, e-mail: pash.s@mail.ru

Сахроков Владимир Асланукович — кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии Российского государственного социального университета (г. Москва), e-mail: sakhrokov@mail.ru

Седышев Олег Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева, e-mail: sov323@yandex.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Стеняева Тамара Ивановна — магистрант кафедры мокшанского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, e-mail: fas-phyl@-adm.mrsu.ru

Учватов Павел Сергеевич — аспирант отдела истории и археологии НИИГН, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Цыплякова Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

Шапошников Евгений Львович — кандидат юридических наук; доцент кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, e-mail: shapa52@-yandex.ru

Щербаков Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, e-mail: as19792004@mail.ru

Юрчёнков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, e-mail: guniign@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Azizbekova Nelly Saradbekovna — Competitor of Department of Journalism, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: nellia117@rambler.ru

Balashova Elena Sergeyevna — Competitor of Department of the English Language for Professional Communication, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: balashovalena85@mail.ru

Balyasnikov Alexandr Sergeyevich — Postgraduate Student of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Barshova Oksana Anatolyevna — Candidate of History, Senior Teacher of Department of State and Law Disciplines, Middle Volga Branch of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, e-mail: oxanabarshova@yandex.ru

Grishakov Valery Vasilyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of General History, M. E. Evsevyev Mordovia State Pedagogical Institute, e-mail: vvg815@yandex.ru

Gudov Andrey Mikhaylovich — Postgraduate Student of Department of Management, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: karpovaolya86@-mail.ru

Guseva Tatyana Mikhaylovna — Doctor of History, Principal Researcher — Head of Department of Theory and History of Culture, NIIGN, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Davydov Sergey Dmitrievich — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: ser.d88@ yandex.ru

Dmitriev Andrey Evgenyevich — Postgraduate Student of Department of Russian History named after A. V. Arsentyeva, Chuvashia State University, e-mail: andrey.d.meat@mail.ru

Erofeev Boris Nikolayevich — Postgraduate Student of Department of Russian History named after A. V. Arsentyeva, Chuvashia State University, e-mail: e-mail: guniign@list.ru

Igonov Eduard Ivanovich — Postgraduate Student of Department of the Moksha Language, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: fas-phyl@adm.mrsu.ru

Hegumen Spiridon (Balandin) — Vice-Rector for Informatization, Saransk Religious School, e-mail: makarovka1@yandex.ru

Kamalova Elvira Fatavievna — Postgraduate Student of Department of Tatar Music and Ethnomusicology, Kazan State Conservatory named after N. G. Zhiganov, Junior Researcher, National Centre for Traditional Culture Development (Kazan), e-mail: kamalova.el@yandex.ru

Koroleva Elena Vladimirovna — Candidate of Economics, Head of Department of R&D Organization and Monitoring of the Use of Intellectual Property, Federal Institute of Industrial Property (Moscow), e-mail: ev_koroleva@rupto.ru

Koryakova Irina Konstantinova — Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor of Department of World History and World Political Process, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: korykova@ yandex.ru

Kochetova Yulia Mikhaylovna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Kristalinskiy Leonid Borisovich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Doctoral Student, National Business Institute (Moscow), e-mail: kris-leon@hotmail.com

Kulakova Nadezhda Andreyevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of the Moksha Language, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: fas-phyl@adm.mrsu.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Minasyan Arsen Arkadyevich — Rector Assistant for General Affairs, Senior Teacher of Department of Russian and Foreign Languages, Volga Region State University of Service, e-mail: minasyan@tolgas.ru

Mineeva Irina Nikolaevna – Candidate of History, Senior Teacher of Department of Civil and Law Disciplines, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation, e-mail: guniign@list.ru

Mytarev Mikhail Vladimirovich — Candidate of Law, Senior Teacher of Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: shapa52@yandex.ru

Ovchinnikov Vladimir Dmitrievich — Candidate of History, Leading Researcher of Research Institute (of Military History), Military Academy of General Staff of Armed Forces of the Russian Federation, Captain of the1-st rank, e-mail: ushak_ pasha@mail.ru

Osipov Vladimir Ivanovich — Doctor of Economics, Professor, Professor of Department of Accounting, Analysis and Audit, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: vios.ds@mail.ru

Polyakov Osip Egorovich — Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Moksha Language, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: fas-phyl@adm.mrsu.ru

Ryabov Nikolay Vladimirovich – Candidate of History, Assistant Professor of Department of Traditional Mordovian Culture and Modern Arts, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: opryabova@mail.ru

Sakov Igor Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of Economics of Cooperation and Business, Saransk Cooperative Institute of Russian University of Cooperation, e-mail: igor.sakov@yahoo.com

Safronov Pavel Igorevich — Postgraduate Student of Department of General History, Historiography and Archaeology, Penza State University, e-mail: pash.s@mail.ru

Sakhrokov Vladimir Aslanukovich — Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of English Philology, Russian State Social University (Moscow), e-mail: sakhrokov@mail.ru

Sedyshev Oleg Vladimirovich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of General History, M. E. Evsevyev Mordovia State Pedagogical Institute, e-mail: sov323@yandex.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Stenyaeva Tamara Ivanovna — Master Student of Department of the Moksha Language, N. P. Ogarev Mordovia State University, e-mail: fas-phyl@adm.mrsu.ru

Uchvatov Pavel Sergeyevich — Postgraduate Student of Department of History and Archaeology, NIIGN, e-mail: uchvatov.pavel@yandex.ru

Tsyplyakova Olga Yuryevna — Candidate of Philology, Senior Researcher of Department of Linguistics, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

Shaposhnikov Evgeny Lvovich — Candidate of Law, Assistant Professor of Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: shapa52@yandex.ru

Shcherbakov Aleksandr Sergeyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of History and Political Studies, North-West Institute of Management — Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, e-mail: as19792004@mail.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, e-mail: guniign@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА НИИГН — Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

СПбАРАН — Санкт-Петербургский архив Российской академии наук

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.

2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;

2) название статьи на русском и английском языках;

3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации*:

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка;

иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля;

обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы* и *буквенные обозначения* по тексту:

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы*:

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки*:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию;

оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например:

ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:

П е р в и ч н а я

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

П о в т о р н а я

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

П е р в и ч н а я

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

П о в т о р н а я

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

П е р в и ч н а я

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

П о в т о р н а я

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

П е р в и ч н а я

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

П о в т о р н а я

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

П е р в и ч н а я

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

П о в т о р н а я

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

П е р в и ч н а я

[5] **Келина А. Н**. Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я
[6] Там же. или [6] Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я
[3] **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Socirtr Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.
П о в т о р н а я
[4] Ibid. or [4] Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):
П е р в и ч н а я
[1] **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 2. С. 86.
П о в т о р н а я
[5] **Чернов А. В.** Указ. соч. или [5] Чернов А. В. Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я
[2] **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd 2. S. 590.
П о в т о р н а я
[6] **Paasonen H.** Op. cit. or [6] **Paasonen H.** Op. cit. Bd 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:
В т е к с т е
В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»[142].
В с с ы л к е
[142] Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:
[20] Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти

(1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

П е р в и ч н а я

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm (дата обращения 23.08.2007).

П о в т о р н а я

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

П е р в и ч н а я

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: http://www.audisium.ru/looks/473 (дата обращения 20.09.2010).

П о в т о р н а я

Жизнь прекрасна...

П е р в и ч н а я

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

П о в т о р н а я

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах*:

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья непринята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 3 (31) 2014

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Т. В. Шугаева*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 05.09.2014. Формат 70 х 100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430000 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а.